

№ 3 (61). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.

Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2024 № 3(61)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: июнь 2024 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 3383.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Александр Чумиков. Записки Профессии. Окончание. Начало в № 6-2023.....	5
Юрий Серб. Я больше не сирота. <i>Быль</i>	27
Дмитрий Горох. Шумило. <i>Рассказ</i>	38
Валерий Старжинский. Жизнь и война. <i>Повесть</i>	41
Наталья Менендес. Выбор. <i>Рассказ</i>	60
Галина Капецкая. Суета сует. <i>Зарисовки</i>	66
Наталья Баранова. Свет в доме напротив. Культ личности. <i>Рассказы</i>	73

Поэзия

Владимир Тыцких. «Судьба моя не балует меня...». <i>Стихи. К 75-летию поэта</i>	79
Лидия Довыденко. «Растворимся в великом народе...» <i>О сборнике стихов В. Тыцких «Прямая речь»</i>	82
Елена Крюкова. Последний вагон. <i>Стихи</i>	86
Валентина Коростелёва. Богатство. <i>Стихи</i>	90
Сергей Пахомов. К Аспазии. <i>Стихи</i>	93
Олег Мошников. Зёмина звезда. <i>Стихи</i>	95
Александр Лизунов. Часы судного дня. <i>Стихи</i>	98
Татьяна Ланина. За полчаса до ласковой весны. <i>Стихи</i>	100
Павел Кузовлев. Золотой рассвет. <i>Стихи</i>	103

Берега юбилеев

Светлана Савицкая. А.С. Пушкин и государственные ценности. <i>Отрывок из книги «Символ как социально-культурный феномен управления». Из главы «Мастера слова, символа, шифра». К 225-летию поэта</i>	105
---	-----

Поэтическая седмица

Юрий Пронин. То, что рождается, не умирает... <i>Стихи. Вступительное слово Е. Крюковой</i>	109
---	-----

Берега истории

Григорий Блехман. Берия, оболганный и истинный (<i>Факты, воспоминания современников, ложь Хрущёва</i>)	113
Борис Попов. Маркиз о русском народе. <i>Отрывок из книги «История происхождения многонационального народа российского»</i>	131
Лидия Довыденко. Реальное и сакральное в книге Бориса Попова «История происхождения многонационального народа российского»	135
Роксолана Жигон. Массонство русского зарубежья	137

Берега Новороссии

Юрий Хоба. Серая зона. <i>Рассказ</i>	144
Кий Славянский. С фронта без преград. <i>Путешествие по ЛНР. Часть 1</i>	153

Берега памяти

Григорий Некрашевич. Дети Отечества. <i>Глава 3-я из книги «Служить Отечеству»</i>	155
Лидия Довыденко. О книге Григория Некрашевича-Поклада «Служить Отечеству» – Калининград, 2024	167
Беседа Ирины Масловой с Еленой Дергачевой. Подвигу жить в веках.	169
Валерий Громак. Сто шагов к Кайсыну	177

Берега прочтения

- Лидия Довыденко.** «Духовное опознание действительности». *О книге С.В. Корнилова «Русская философия: идеи, имена, концепции». – Калининград, 2023*..... 181
- Василий Киляков.** Достойный путь поэта. Александр Нестругин: от «Реки» – к «Упрямой речи» 185
- Валентин Баюканский.** Иметь духовные очи и чистую совесть. *О Михаиле Позднякове, его прозе и поэзии* 200
- Никола Р. Казански.** Григорий Николаевич Вырубов (1843–1913) – забытый русский гений 203

Берега Польши

- «Польша не хочет войны с Россией». Открытое письмо Полонии польским властям 206

Берега Германии

- Ольга Олгерт.** Мой голос из Сибири... *Стихи. Вступительное слово А. Герасимова* 207
- Александр Барсуков.** Мойма по-тевтонски, или Грустная повесть 210

Бережок

- Маргарита Водько.** «...Нам просто достался другой путь...». *Участник Международного детско-юношеского литературного конкурса имени И. С. Шмелёва «Лето Господне»* ... 218
- Даниил Поничев.** Отец Никодим. *Участник Международного детско-юношеского литературного конкурса имени И. С. Шмелёва «Лето Господне»* 220

Наши друзья

- О приобретении и подписке на журнал 224

ЖК Адрес счастья в Калининграде
«РУССКАЯ ЕВРОПА»

Калининград. Адрес счастья. Офис продаж эко-квартала «Русская Европа»
Адрес: ул. Молодой гвардии, 36, Калининград, Калининградская обл., 236038
Телефон: 8 (401) 220-10-23. Подробности на сайте <https://r-eu.ru/>

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб». Доктор политических наук, автор более 40 учебников и монографий по проблематике коммуникационных технологий.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессии (1991–2007)». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е»; в 2020-м – роман «Непал». Эти произведения вышли затем отдельными книгами в издательствах «Питер» и «АСТ». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛА 2008–2024

Окончание. Начало в № 6-2023, № 1 и 2-2024

Часть IV

*Заблуждаются не потому, что не знают.
А потому что думают, что знают.*

*Жан-Жак Руссо.
Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми, 1754 г.*

2020

Иняз: в круге третьем. Революция

Нашу жизнь сопровождает фраза: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». Она давно стала мемом и глубокомысленно произносится в дело и не в дело. Но если эту мысль, принадлежащую древнегреческому философу Гераклиту Эфесскому, прочитать до конца, то смысл проявится ровно противоположный: можно войти в одну реку и дважды, и трижды, и сколько угодно раз. Потому что, с одной стороны, и река, и вообще всё вокруг течёт и меняется; а с другой, по Гераклиту, – «быстрота и скорость обмена рассеивает и снова собирает».

В 2020-м я в третий раз вошёл в Иняз имени Мориса Тореза (это по-старому), политика и лидера французских коммунистов в XX веке. Ныне вуз носит имя Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Он широко известен как ведущее в стране высшее учебное заведение с изучением иностранных языков, готовящий специалистов, и просто знающих два-три языка, и профессиональных переводчиков. МГЛУ гораздо менее известен как вуз, где преподавателями работали и продолжают трудиться люди определённого статуса. Например, немецкий язык здесь преподавал в 30-е годы прошлого века швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен. Это тот самый человек, который весной 1917-го добился пропуска «пломбированного поезда» с В. И. Лениным из Швейцарии через немецкую территорию в Россию; а в 1918-м, при первом покушении на вождя революции, ехал с ним в одной машине и прикрыл от пули. Ну а дипломатов в ранге послов и даже прежних разведчиков-нелегалов здесь перебивало довольно много. Эта страница пока не раскрыта подробно.

Мой первый вход в Иняз случился в 1983-м, когда я поступил сюда на вечерний двухгодичный факультет языковой подготовки специалистов неязыкового профиля. Второй – уже в начале 2010-х: МГЛУ по поручению компетентных государственных структур объявил тендер на организацию всероссийского конкурса «Журналисты против террора», а мой Международный пресс-клуб его выиграл и проводил. «Третье пришествие» произошло в 2020-м и вроде бы случайно. Но если исходить из «рассеивает и снова собирает», то совсем нет.

За несколько лет до судьбоносного свершения я познакомился с Эдуардом Шульцем. Выпускник истфака МГУ, политтехнолог, государственный служащий, преподаватель, он ходил примерно по тем же «коридорам жизни», что и я. На каком-то этапе получил предложение возглавить кафедру в МГЛУ, начал формировать группу единомышленников и пригласил меня на должность профессора. Такие предложения, включая и заведование PR-кафедрами престижных университетов, я регулярно получал последние четверть века, но неизменно отказывался. Даже на факультете госуправления МГУ, о котором упоминал, я работал только на полставки. И тут вдруг согласился на полную. Почему?

Потому что созрел. Занятие бизнесом, требующее немалых не столько творческих, сколько менеджерских затрат, стало надоедать, захотелось перейти к чему-то более глубокому и предсказуемому. К тому же кафедра непростая. В ней соединились функции двух прежних кафедр – связей с общественностью и журналистики, в результате чего образовалась одна общая кафедра коммуникационных технологий. Я ведь всю жизнь метался между пиаром и журналистикой. И вот оно, соединилось! Важным, а может, и главным фактором стало отсутствие – не в Инязе вообще, а для меня – иерархической системы «начальник – подчинённый». Формально она, разумеется, существовала в виде ректора, проректора, декана, да и того же завкафедрой. А по факту – нет: руководители МГЛУ верхнего уровня, преимущественно языковые специалисты, в наши творческие дела не влезали, а Э. Шульц был не начальником, а скорее партнёром. И мы начали... революцию. Применительно к вузам она обычно предполагает кадровые перестановки, они имели место и здесь. Но в принципе сосредоточились мы на другом: замахнулись, как в культовом фильме «Берегись автомобиля», на «Вильяма нашего, так сказать, Шекспира», то есть на переосмысление термина и сути PR как таковых.

В конце концов, и книга-то наша про PR, но что это такое в теоретическом значении, подробно в ней до сего момента не анализировалось. Вот и пришло время разобраться – сейчас в книге, а тогда, в 2020-м и позже – в жизни. Ну и давайте. Последующие умствования будут, возможно, не такими занимательными и весёлыми, как раньше, но уж потерпите.

В XX–XXI веках в различных странах мира, включая Россию, изданы многие сотни научных монографий, учебников, публицистических опусов на тему истории, определения и сущности PR («public relations» – связей с общественностью). Диапазон подобных исследований простирается от поиска персоны, впервые употребившей искомый термин, до времени возникновения самого явления, его трактовки и, наконец, сознательного и комплексного использования PR-технологий. «Папой» пиара сегодня иногда называют, в шутку и всерьёз, и меня самого. Помните «Кавказскую пленницу»?

– А что, церковь разрушил тоже я?

– Нет, это до вас, в XV веке...

Так и в нашем случае. Например, мой товарищ и соавтор, профессор Михаил Бочаров, определил «отцом PR» Иисуса Христа. Но я больше склонен именовать этим титулом американского исследователя и практика XX века Эдварда Бернейса. Он первым сделал подробный обзор существовавших к началу его деятельности наработок по связанной с PR проблематике, отследил возникновение и развитие образовательных PR-программ и задал тон обсуждению их содержательной концепции.

При этом Э. Бернейс вовсе не изобретал пиар, а также не настаивал на употреблении двухбуквенного термина. Он воспринимал «public relations» как некоторое условное наименование и занимался поисками его актуального эквивалента. Действительно: люди тысячелетиями общались между собой без всяких специальных трактовок данного процесса. Зачем же выдумывать их теперь? Но выдумать всё же надо. Для порядка.

В книге «Propaganda» Э. Бернейс называет PR «новой пропагандой», понимая её как активную и позитивную деятельность, необходимую для одобрения общественностью любого значимого начинания. Как именует исследователь пропагандиста? Очень любопытно – «независимым кукловодом»!

– «Завеса таинственности окружает суть и функции профессии консультанта по связям с общественностью», – пишет Э. Бернейс. И добавляет, что термины и названия должностей, которые этим занимаются, зачастую бывают весьма размытыми. Поиск одинаково понимаемого всеми значения очень труден.

И вот в начале 1990-х слово PR «прибыло» в новую Россию. За него ухватились как за мифологическую технологию, способную «решать вопросы» буквально во всех сферах. Через тридцать лет пришло время от этого мифа избавиться, чем мы и занялись. Однако «зачеркнуть» – одно дело. Другое – чем заменить. Построение гармоничных отношений? Имиджмейкинг? Пиарология? Производство информационного повода? Бесплатное размещение материалов? Вроде всё это уже проходили...

Но появился и увеличивался набор определений не то чтобы новых, но в чём-то похожих друг на друга, всё шире применяемых в мире и выводящих на общий эквивалент: коммуникационный менеджмент, интегрированные коммуникации, коммуникационное сообщество, коммуникационное образование, коммуникационная профессия, коммуникационный сектор. Думается, объединяющее слово угадывается без пояснений – *коммуникации*.

Важно учесть и такой зафиксированный на государственном уровне тренд, как сближение и переплетение PR и журналистики: в последние годы для вузов утверждены федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) «Медиакоммуникации» и «Медиакоммуникации и журналистика».

Но есть коммуникации спонтанные, а есть организованные. Вот и «тост родился сам собой»: вместо мифических букв PR просится конкретное словосочетание «управление коммуникациями» («communications management»).

Идём дальше. Какими содержательными компонентами насытить это понятие? Они, в общем-то, существуют, но сильно бюрократически «размазаны» по этим самым ФГОС. Структурируем оптимально и получаем контентный блок «универсальные профессиональные компетенции», состоящий из шести тематических предметных групп: 1. Исследования и аналитика. 2. Планирование коммуникаций. 3. Коммуникационные каналы. 4. Производство контента. 5. Продвижение коммуникационных продуктов. 6. Структуры и специалисты.

Обсуждаем, корректируем и сознаём, что сообщество такую классификацию вроде бы понимает и принимает. Однако поднимается и новый вопрос: разве эти компетенции действуют всегда одинаково? Конечно, нет! И вслед за *универсальным контентом* прописываем *ситуативные контексты*.

Вновь обратившись к наследию Э. Бернейса, мы увидим его внимание и к этой теме вместе с резюме о том, что «место связей с общественностью в учебных программах колледжей и университетов по-прежнему остаётся под вопросом. Иногда PR делают частью журналистики, иногда – бизнеса, экономики, политики или государственного управления». «Мозаика» описанных Э. Бернейсом предназначений PR-консультанта завершается тем, что он ещё и «продажник». Причём продавать, по Э. Бернейсу и в реальности, можно не только предметы потребления, но и образ жизни.

Этот поток рассуждений можно «заковать» в структурированную систему. Известно, что в каждой стране глобальные коммуникационные контексты заключаются в особенностях взаимодействия ключевых субъектов социума: государства (G – government), бизнеса (B – business) и неправительственных организаций, включая отдельных граждан (C – citizen).

Простая арифметическая операция позволяет понять, что их минимальная сумма контекстов включает в себя девять вариаций такого взаимодействия: государственные коммуникации (G2C, G2B, G2G), бизнес-коммуникации (B2C, B2G, B2B), социальные коммуникации (C2G, C2B, C2C), где каждый из контекстов классифицируется по характерным проявлениям. Приняв предложенную типологию за основу, преподаватели и практики смогут расширять её и дальше – как в отраслевом разрезе, так и в функциональном.

Вот вам и теоретический «революционный скелет», требующий наполнения «прикладным мясом». И мы начинаем это «мясо» производить. В виде толстого учебника Александра Чумикова и Михаила Бочарова «Управление коммуникациями». В форме ежегодно проводимых в Инязе совместно с Эдуардом Шульцем международных конференций «Управление коммуникациями» («Communication management – Com-M»), а также «довеска» к ним – всероссийского симпозиума «Коммуникационный вектор – 2021/22/23/24» и так далее. Как пелось в старой песне, «есть у революции начало – нет у революции конца».

2021

Я уколов не боюсь, или Кое-что о конспирологии

В 2020–2021 годах страны мира охватила пандемия коронавируса, унёсшая многие миллионы жизней. В борьбе с ней очень серьёзная роль принадлежала пиарщикам, а коль скоро мы некоторое время назад термин «PR» развенчали, то назовём их специалистами по коммуникациям. Казалось бы, что за роль и зачем она? Действительно: давно выяснено, что, при всём разнообразии старых и уникальности новых вирусов, алгоритм борьбы с ними всегда одинаков. Он предусматривает разработку и применение вакцины в виде внедрения в организм «антигена» – возбудителя инфекции в иммунной системе в безопасной форме, когда препарат не способен вызвать инфекционное заболевание. Введённая вакцина формирует у человека иммунитет против инфекции, в том числе COVID-19. Известно, что прививки в нашей стране и в мире делают с XVIII века. Принято считать, что первую в российской истории прививку, против оспы, получила в 1768 году императрица Екатерина II. То есть к сегодняшнему дню возраст практики вакцинирования составляет два с половиной века.

Однако ровно столько же времени существует и антипрививочное движение, которое в полной мере проявило себя и в 2020-х. Передо мной как аналитиком стояла задача разобраться, за счёт чего такое происходит и почему не работают рациональные аргументы. И я разобрался, а потом доводил собранную информацию до спикеров, ведущих работу с целевыми аудиториями. В любой сложной ситуации, причины которой неизвестны или неочевидны – а это и происходило в случае с COVID-19, общество ждёт восстановления понятной картины окружающего мира. Начинают цениться любые подсказки, ведущие к возникновению поля конспирологии – концепции злонамеренного умысла и действий определённых групп людей. Как писал мой коллега профессор Георгий Почепцов, непонятный мир пугает всех, поскольку теряет предсказуемость, а конспирологическая версия находит «виновника» и упорядочивает хаос для обывателя.

Вспомним 90-е, когда, после развала СССР и снятия системы идеологического контроля, информационное пространство сразу заполнили астрологи, целители и знахари. Мозги советского человека, привыкшего к исключительно рациональной информации, поступающей к нему из немногочисленных и управляемых СМИ, попали под «обстрел» «магов». Например, Алан Чумак в прайм-тайм центрального телевидения «заряжал» воду чудодейственными свойствами, и страна садилась у экрана, обставившись склянками с водой из-под крана, а потом эту воду истоиво пила. Анатолий Кашпировский демонстрировал «чудеса оздоровления» путём шевеления губами и руками. И вместе с этими «волшебниками» в массовое сознание текло всё таинственное и непознанное. Оно не становилось от этого менее туманным, но заполняло информационные пустоты.

Думать, что спустя три десятилетия Россия, да и весь мир стали более «умными» – иллюзия. Так, несколько лет назад в американских медиа появился материал под названием «20 конспирологических теорий». Среди них присутствовали имевшие широкое хождение в обществе версии событий общечеловеческого и странового значения, например:

- Когда-то на Земле жили сверхлюди-гиганты.
- Затерянное государство Атлантида действительно существовало.
- Правительство США замалчивает информацию о контактах президентов Америки с инопланетянами.
- Власти следят за вами через вашу веб-камеру.
- Усама бен Ладен убил Джона Ф. Кеннеди-младшего.
- 11 сентября произошёл контролируемый снос Всемирного торгового центра и др.

Не отстаёт и отечественная конспирология. Исследование компании «Медиаialogия» 2011–2017 годов показало, что упоминание в СМИ отобранных для анализа популярных среди журналистов и населения теорий заговора выросло за семь лет мониторинга в среднем в 6–9 раз. По сути, эти теории стали легитимной моделью объяснения аудитории всего непонятного и враждебного – от СПИДа до антироссийских санкций. Приведём десять самых рейтинговых тем в порядке их убывания:

- История России сфальсифицирована.
- Существует тайное мировое правительство.
- ВИЧ / СПИД выдуман.
- ГМО-продукты вредны.
- Планетой правят пришельцы / рептилоиды.

- Американцы не были на Луне.
- Прививки крайне опасны.
- Голубое лобби разрушает духовные скрепы России.
- Земля плоская.
- В мире имеет место масонский заговор.

Общественная тревога значительно усилилась с приходом коронавируса. Пандемия в очередной раз продемонстрировала важность моделей определённости для выживания в условиях расцвета глобальных конспирологических версий происхождения COVID-19. «Американцы против китайцев», «Китайцы против американцев», «Билл Гейтс против человечества», «Сионистское оружие Израиля», «Вредоносная технология 5G» – лишь самые распространённые из них.

Но гораздо более опасной являлась так называемая «бытовая» конспирологическая триада: коронавирус не является угрозой, вакцины опасны, защитникам вакцинации нельзя доверять.

Следующая конспирологическая зона – средства борьбы с пандемией. Эту тему продвигали уже не только «кухонные» конспирологи, но и медики; если точнее, то представители альтернативной медицины. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила конспирологические версии «инфодемией», когда реклама рецептов против вируса распространяется широко и бесконтрольно, так же как и сам COVID-19. ВОЗ предупредила о появлении нового вида мошенничества: преступники называют себя представителями этой организации, запрашивают у жертв персональные данные, выдают фейковые рекомендации или вымогают деньги.

В 2020 году интернет-магазин Amazon удалил из своего каталога более миллиона продуктов, характеризующихся как способ вылечить или защитить от коронавируса, а также десятки тысяч медицинских препаратов с завышенной ценой.

В такой обстановке чрезвычайно актуальными стали мягкие просветительские и даже, если хотите, жёсткие пропагандистские действия по налаживанию регулярного и синхронизированного информирования целевых аудиторий о механизмах возникновения опасных ситуаций и возможных мерах по их профилактике. С нейтрализацией попыток оппозиционных групп и псевдоэкспертов подвергнуть эти усилия сомнению. Но поставим и такой вопрос: может ли самая лучшая работа в данном направлении побороть конспирологию? Откровенно ответим, что нет, не может. Но пытаться надо.

На уровне государства присутствовало понимание приоритетных действий: меры экономической поддержки наиболее пострадавших от коронавируса людей и отраслей, контроль актуального поведения в общественных местах, умеренно устрашающие примеры последствий уклонения от прививок вместе с демонстрацией позитивного опыта. На федеральном уровне стартовала акция # Мы вместе, в ходе которой сотни юристов проводили консультации по использованию объявленных правительством мер поддержки. Вышел специальный номер газеты «Комсомольская правда» под шапкой «Дело чести – одолеем вирус вместе!» с рубрикой «Государство поддерживает». Телеканал РБК проводил цикл еженедельных тематических онлайн-трансляций «Виртуальный совет директоров» с предпринимателями и экспертами, где обсуждались действенные меры спасения бизнеса.

Отдельная информационная кампания понадобилась и для разъяснения сути конспирологических версий в виде «простых решений», то есть популистских предложений, не учитывающих экономических последствий их реализации. Так, оппозиция распространила документ «Пять шагов для России», где предложила оказать прямую финансовую помощь гражданам и бизнесу, используя средства Фонда национального благосостояния: выплатить каждому гражданину 20 тыс. рублей и 10 тыс. рублей в месяц на ребёнка, отменить оплату ЖКХ на период карантина, предоставить 2 трлн рублей малому и среднему бизнесу и отменить на год все налоги для малого бизнеса.

В ответ председатель Банка России Эльвира Набиуллина заявила, что это приведёт к резкому росту инфляции: «Представим, что мы как Центральный банк напечатаем деньги и раздадим их по нулевой ставке. К чему это приведёт? Я напому 1990-е годы. Это приведёт к взрыву инфляции, и людям тяжело будет что-то купить на полученные денежные знаки». Против раздачи денег населению выступил и председатель правления Сбербанка Герман Греф. По его мнению, у российских властей нет такой возможности и поддержку нужно оказывать наиболее пострадавшим гражданам и компаниям.

На нескольких ТВ и интернет-каналах («Воскресный вечер» Владимира Соловьёва, «Вести недели» Дмитрия Киселёва и др.) эксперты оценивали предложение о выплате всем равных сумм как неприемлемое. Говорилось о том, что не нужно платить состоятельным гражданам и тем, кто не

лишился дохода, например бюджетникам. Предлагались адресные выплаты по обоснованным онлайн-заявлениям, где человек мог бы указать свой доход и потерянную сумму. В дальнейшем правительство включило эти предложения в пакет мер при обострении пандемии.

Проблема реализации собственных адекватных антикризисных мероприятий, а не только «пробивания» государственной помощи остро встала и перед коммерческими структурами: думая больше о выживании, нежели о развитии, компании порой забывали о важности сохранения репутации и теряли доверие потребителей, что только усугубляло финансовые последствия кризиса. И наоборот – те, кто продолжал «держаться за руку на пульсе доверия» и сохранял «человеческое лицо» бизнеса, оказывались в выигрыше.

Я собрал и описал в учебнике «Антикризисные коммуникации» целую коллекцию позитивных кейсов. Скажем, «разрыв шаблонов» продемонстрировала авиакомпания S7 Airlines. В обычный период перевозчик поощряет путешественников за частые передвижения: чем больше летаешь, тем больше бесплатных миль получаешь. Но теперь S7 запустила акцию «Летайте дома». Вот что говорилось на сайте компании:

– Лучшее, что каждый из нас может сделать в борьбе с пандемией сегодня, – это ограничить свои перемещения и оставаться дома. Мы верим, что путешествия снова вернуться в нашу жизнь. Возможно, не сейчас, но позже – обязательно. Мы поддерживаем всех, кто соблюдает карантин, и начисляем мили за каждый день, проведённый дома. Подтверждайте своё присутствие дома нажатием кнопки «Я дома» на этой странице. И каждый день получайте по 100 миль – они пригодятся вам для будущих путешествий...

Если авиакомпании свернули свою деятельность частично, то массовые культурно-зрелищные площадки вынуждены были прекратить её полностью. Например, театры, привыкшие к прямому общению со зрителем через спектакли. Важно было продолжить выполнение своей культурной миссии и помочь людям хотя бы на время забыть о негативе с помощью искусства. Для этого многие театры решили активно включить свои онлайн-ресурсы, выполняющие в обычное время главным образом информационно-рекламную функцию.

Один из моих магистров в РУДН, Северьян Цагарейшвили, проанализировал в выпускной диссертации деятельность шести крупнейших мировых театров. Оказалось, что в период ограничений наиболее активно в Сети проявила себя «Метрополитен-Опера» (Нью-Йорк), каждый день публикующая новый контент. Свои проекты реализовали Большой театр (Москва) и «Ковент Гарден» (Лондон). Для трансляций спектаклей использовались веб-сайты театров, социальные сети и видеохостинги, а также специализированные ресурсы. Например, у Венской оперы работали мобильные приложения в AppStore и GooglePlay, где представлялся полноценный оперный контент.

Спускаясь с театральных высот на землю, зафиксируем опыт антикризисных коммуникаций и другого плана. По мере снятия карантинных ограничений к работе возвращались предприятия сферы обслуживания. При этом многие их владельцы столкнулись с серьёзным уменьшением числа клиентов по сравнению с докризисным периодом: люди стали внимательнее относиться к условиям гигиенической безопасности в ресторане, кафе, салоне красоты. В такой ситуации наиболее дальновидные бизнесмены сосредоточились не столько на продвижении перечня услуг, сколько на «доверительной» рекламе, демонстрирующей и гарантирующей безопасность предоставляемого сервиса.

Любой кризис – это, конечно, беда: экономический ущерб, потери человеческих жизней, плохое психологическое самочувствие. Сколько вокруг полегло народу – друзей, коллег, знакомых... Но столь же ясно, что чрезвычайная ситуация стимулирует инновационные и быстрые решения и в конечном счёте способствует ускоренному развитию. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что университеты в кратчайшие сроки освоили и наладили методы дистанционного образования, повысили компьютерную грамотность преподавателей. С другой стороны, этот двухлетний «дистант» порядком надоел. Сначала мы с энтузиазмом и даже облегчением (а что, на работу идти не надо) осваивали новые форматы. Потом началась халтура: подключился студент к онлайн-занятию, а сам слушает лишь краем уха и занимается другими делами. А как вам приём вступительных тестов в удалённом режиме? Или текущих экзаменов? А-а-а, то-то и оно.

В общем, преподады и студенты были по-человечески рады, когда карантинные ограничения сняли и мы смогли вернуться к нормальному учебному процессу с «живыми» лекциями и семинарами.

Он сказал: «Поехали!»

Пиарщики бывают разного профиля. Одни работают в государственных структурах, другие – в коммерческих. Одни создают «домашнее агентство», чтобы обслуживать одну организацию, другие – окучивают целую отрасль. Отдельную категорию составляют политтехнологи. Но есть специалисты «всеядные», изъясняющие себя во многих сферах. Сам я, конечно, отношусь к последним, к универсалам, то есть и к политтехнологам тоже. Вспомним, как ярко рассказывалось о политических кампаниях 1990-х – начала 2000-х в первой части «Записок»!

Что же случилось дальше, куда они исчезли? А произошло следующее. В революционный, переходный период жизни любой страны наблюдается «апофеоз демократии», когда деньги и креатив действительно способны, как говаривал незабвенный Владимир Вольфович, «страуса сделать президентом Австралии». На выборах 90-х пиарщики сколачивали капиталы. Да-да, избиратель нищал, а политтехнологи богатели. Не скрою, что и меня эти бюджеты, во многом «левые», не обошли стороной.

В дальнейшем, как это и должно быть, ситуация упорядочилась. Появились партии и кандидаты, поддерживаемые государством, а остальные, оппозиционные, хоть и боролись с административным ресурсом, но тратились на эту борьбу очень умеренно. В воздухе витала фраза: «Вот, бывало... А теперь на политкампаниях особо не зарабатываешь». Тем не менее выборные марафоны проводились с положенной регулярностью, но с иной спецификой. Я, честно говоря, к участию в них не стремился, а скорее уклонялся. Но как-то раз... В этом месте приготовьтесь послушать, надеюсь, занимательную историю «космического масштаба».

Мои предки по линии матери, Раисы Николаевны Чумиковой, жили в селе Казеевка Наровчатского района Пензенской области. Мать окончила в нём семилетку, потом – педучилище в Нижнем Ломове той же области, ну а дальше вышла замуж и уехала в Москву, где получила высшее образование и работала учителем русского языка и литературы. Однако деревню мы не бросили. Некоторое время там продолжала жить бабушка (дед мой, Николай Сергеевич Ухаботин, погиб на войне), а потом мы всей семьёй наезжали сюда для летнего отдыха. Не бросил я деревню и тогда, когда её основные хранители умерли или сильно состарились, посещал накоротке, поддерживал хозяйство, а в 2000-е и вовсе снёс старый дом и построил новый, совсем простой деревянный пятистенник. К тому времени Казеевка, насчитывающая в XIX веке пять больших улиц и около тысячи жителей, сильно уменьшилась – здесь теперь проживало всего несколько десятков людей.

Тем не менее в районе и даже области меня знали, а в Москве причисляли даже к пензенскому землячеству. Земляками-«пензюками» оказались коллеги, с которыми я долго работал в Институте социологии РАН: член-корреспондент РАН Анатолий Дмитриев, профессора Юрий Красин и Владимир Маркин. Время от времени возникали какие-то «земляческие» вопросы, и мы помогали друг другу их решать.

В 2021-м на меня вышел ещё один земляк, адвокат и уроженец Наровчатского района Евгений Балелин, и предложил... поучаствовать в избирательной кампании. Поначалу я отнёсся к предложению скептически и даже немного посмеялся, мол, ну какие нынче кампании... Но потом, когда выяснилась личность нашего кандидата, заинтересовался и дал согласие. Кандидатом в депутаты Государственной Думы был лётчик-космонавт, Герой России, полковник ВВС Александр Самокутяев. Его, военного лётчика и уроженца Пензы, в 2003 году зачислили в отряд космонавтов. В 2011 и 2014 годах он совершил два многодневных полёта с выходом в открытый космос, затем работал заместителем командира отряда космонавтов. В 2017-м возглавил правление «Пензенского землячества», а в 2020-м на довыборах в Государственную Думу VII созыва избран депутатом по Лермонтовскому одномандатному избирательному округу Пензенской области от партии «Справедливая Россия». Теперь, в 2021-м, Александр Михайлович шёл на выборы во второй раз и уже от «Единой России».

Приоткрою немножко политическую кухню современных выборов в Госдуму. На личном и глубоко неофициальном уровне. Известно, что на протяжении нескольких созывов, до выборов 2016 года включительно, в Думе существовал стойкий «квартет» их четырёх фракций-партий: «Единая Россия» (ЕР), КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» (СР). Депутаты внепартийных списков («одномандатники») от некоторых других партий получили всего несколько мест и какого-либо существенного влияния на думскую деятельность оказывать не могли. Каждая из думских партий имела государ-

ственное финансирование и утверждала списки кандидатов, которых намеревалась поддержать. Часть представителей партии шли как одномандатники-самовыдвиженцы и партией также поддерживались.

И вот представьте себе, что приходит «неутверждённый» уважаемый человек и просит поддержать и его тоже. Либо в определённом регионе у одной из партий кандидат слабый, а у другой – сильный. Тогда начинают работать «договорённости»: например, сторонник ЕР может «по раскладу» пойти по спискам КППРФ и наоборот. Таким образом, иные депутаты Думы побывали поочередно в двух и даже трёх партиях. Кандидаты, не вошедшие с списки, а также попавшие лишь в партийный «лонг-лист», имеют минимальные шансы на победу.

Ситуация вокруг партийного «квартета» в Думе к выборам 2021 года сложилась иная и не совсем понятная навскидку. Во-первых, СР объединилась с двумя другими партиями и получила название «Справедливая Россия – За правду». Во-вторых, муссировался слух, что в этом году в Думу «пропустят» пятую партию – скорее всего, ей станет партия «Новые люди», как впоследствии и случилось.

Наш космонавт задумался, посоветовался и получил «благословение» баллотироваться одномандатником, но при поддержке «ЕР». В случае с этой теоретически и практически государственной партией из такого расклада вытекают вот какие последствия. За тобой закрепляют команду, ответственную за продвижение кандидатов от партии по региону. Команда обеспечивается централизованным бюджетом. Если претендент на депутатское место хочет добавить в кампанию что-то «со своего стола», то это пожалуйста и только приветствуется.

Первым шагом нашей «самостийной» группы поддержки, поскольку привлекались мы на личной, «земляческой» основе, стало знакомство с областью. «Поехали!» – сказал кандидат, как и положено настоящему космонавту. И мы тронулись в путь. Парадокс, но, бывая с детства в Наровчатском районе и «родовом имении» в Казеевке, региона в целом я не знал. Мы – Александр Самокутяев, его помощник Евгений Балелин, руководитель Центра изучения регионов Института социологии РАН Валерий Маркин и я – начали политический тур с отдалённого Бековского района.

Ну, ничего особо интересного, рабочий посёлок с населением около шести тысяч человек. Обычные малоэтажные здания и деревенские дома. Обычный кабинет главы района. На столе – чай, конфетки-мармеладки. «Угощайтесь», – говорит глава. Спасибо, конечно, мы этого всего как будто не видели. Но, вежливо откусав, я, сластёна по природе, почувствовал: а ведь вкусно. Откуда это у вас? Так мы познакомились с глубоко несекретной информацией о том, что в посёлке расположен большой пищекомбинат «Бековские сладости», выпускающий более двух миллионов упаковок зефира, лукума, мармелада, конфет, ириса, щербета каждый месяц. Местные пиарщики придумали для продукции отличный слоган – «Простые сладости для всей семьи». Так что политика политикой, а бековские сласти я и сейчас высматриваю везде; покупал их в Пензе, Самаре и даже в Москве. Ай да Беково, ай да рабочий посёлок!

Пообедать заехали в другой район, Каменский, на базу отдыха «Белая гора». Шикарное место с домиками, купанием, рыбалкой, маленьким зоопарком и прекрасной кухней. Никаких тебе заборов и смежных объектов – природа до горизонта.

В этом же районе посещаем культурно-исторический центр источника «Кувака» и «Музей воды». Обширная и очень интересная природно-технологическая зона, где находится собственно производство знаменитой воды, а также затейливые акции вокруг неё: дегустация просто воды, дегустация воды из разных источников, дегустация лимонадов из этой воды. Здесь же музей воды «Кувака» с прекрасной экспозицией, Кувакская изба с чаем из чудо-воды; купель, куда можно окунуться. Есть кувакская пасека с мёдом, кувакские веники для парной, кувакские зверобой и душица, не говоря уже о кепках, кружках и футболках – всё это можно купить. Кувакский пруд с рыбалкой и готовкой пойманного улова, а нет – там и без рыбы хорошо посидеть на прибрежной лавочке. Смотровые площадки, специальные места для памятной съёмки. На таких объектах можно искренне писать «Сделано для людей».

Следующий заезд – в Белинский район, в знаменитый лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». И здесь... впечатления другого рода, можно сказать и про культурный шок. От чего? Оказалось, что на культурном объекте федерального значения отсутствуют современные музейные технологии, новации от Интернета и даже аудиогиды. Здесь нет надписей под экспонатами, а также возле знаковых помещений, где они расположены. Нет стенда или даже плаката с жизнеописанием самого М. Ю. Лермонтова. Нет оборудованных мест для съёмки в узнаваемом «лермонтовском» интерьере.

Что тут имеется: огромная заповедная и, надо признать, ухоженная территория. Но вот на ней...: скромненькая столовая с убогим ассортиментом, один киоск с мороженым и один очень маленький и скудный киоск сувениров. Деньги потратить, простите, не на что.

В Тарханах работают отдельные и весьма своеобразные музеи типа «дом мельника», «дом ключника», «людская». Зачем они здесь? Лермонтова мало?! Впору задать сакральный вопрос: куда смотрит Министерство культуры?! Получается, что федеральный бюджетный музей-заповедник абсолютно неконкурентоспособен в сравнении с частным объектом «Кувака», созданным предпринимателем и владельцем водяного производства Камилем Девликамовым. Были ли здесь руководители музея в Тарханах?! Переполненный противоположными впечатлениями, я выложил их на своей странице «ВКонтакте». И там же получил ответ от областного Министерства культуры. Вот он: «Здравствуйте! Спасибо за комментарий. В Государственном музее-заповеднике “Тарханы” реализуют концепцию “живого музея”. Материальные и нематериальные объекты заповедника представлены в своей естественной исторической и природной среде, их функции поддержаны. Усадьба живёт по законам позапрошлого столетия: сады плодоносят, пруды зарыблены, теплицы выращивают цветы лермонтовского времени...»

Хочется добавить: ну да, вот прошло лето, потом осень, наступила зима, за ней весна – всё естественно, натуральная природная среда.

В своём Наровчатском районе я и сам мог выступить экскурсоводом по местным уникальностям. А их сколько хотите. Вряд ли средний россиянин предполагает, что в Наровчате останавливались дочери Натальи Гончаровой-Пушкиной, во втором браке Ланской. Одна из дочерей была замужем за генералом Иваном Араповым, государственным деятелем и строителем железной дороги в этом регионе. Станция так и называлась – «Арапово». Позже она переименована в «Ковылкино», в честь пламенного одноимённого революционера. А в путевом дворце генерала Арапова сейчас Пушкинский центр имени Натальи Пушкиной-Ланской.

Любопытен и Тюремный замок – аутентичный комплекс зданий без реставрации и реконструкции, так что впечатления посетители получают острые и гнетущие. В камерах замка сидели идущие по этапу декабристы, а во дворе тюрьмы в 1930-е расстреливали священников и других «врагов народа». Агитировать за посещение памятника родившемуся в Наровчате Александру Куприну нет смысла – масштабная композиция со скульптурными образами писателя и его героев достойна украсить любое место не только в сельском райцентре, но и в российской столице. А в пяти километрах от Наровчата расположен восстановленный после разрушений в годы советской власти, а ныне красивый, представительный и действующий Троице-Сканов женский монастырь. В двух километрах отсюда находится Пещерный мужской монастырь.

Это и вправду трехъярусные пещеры с кельями и подземным храмом. Происхождение пещер известно только в виде легенд. Последний монах был убит в них в начале XX века, с тех пор монахи живут в наземных постройках. Монастырь исследовали, частично расчищали и даже водили туда экскурсии. Я и сам приобщился к хождению по тёмным таинственным лабиринтам. Однако к нашему приезду, да и сегодня пещеры закрыты из-за опасности обрушений. Будем надеяться, что когда-нибудь дойдут руки и сюда.

Однако стоп с краеведением! Где же наш космонавт и его избирательная кампания? Да видите ли, какая штука... Как я писал, А. Самокутяева в ЕР утвердили, приставили к нему команду и выделили ей 20-миллионный бюджет. Борьба команде было в принципе не за что, поскольку космонавт для сельского края – это величина, и рейтинг у Александра Михайловича был высоким без всяких кампаний. Но данная констатация отнюдь не отменяет задачу обоснованного «распила» бюджета. Увидев «распильную» смету, мы с Валерием Маркиным, будучи не только политтехнологами, но и профессиональными социологами, долго смеялись. Например, команда планировала провести 34 (тридцать четыре) фокус-группы стоимостью 16 тысяч каждая. Итого 544 тысячи. Но зачем? Фокус-группы вообще-то предназначены главным образом для рассмотрения и корректировки выборных текстов, картинок и других задумок. Но чего их рассматривать, когда и тексты, и макеты спускались сверху? А креатив – пожалуйста, за собственные деньги кандидата.

О прикрепленной команде. Я, конечно, знаю этих ребят поименно, но называть не буду. Слава богу, в наших политтехнологических «тусовках» сохранилось железное правило: ты можешь критиковать оппонентов своего кандидата, но команду не тронь! Кандидат попадёт в Думу, сменит вид деятельности, уедет, а мы-то останемся и будем продолжать свою работу. Так что ребята как ребята,

не лучше, но и не хуже других, рассказывающих после выборов о своих беспримерных достижениях. Ни одной копеечкой бюджета они с нами не поделились.

Мы, конечно, очень хотели, чтобы всё было не казённо, а красиво. Придумали, например, автомобильный и одновременно культурно-развлекательный пробег по сёлам области в июньский День Святой Троицы, поскольку именно в этот праздник земляки-пензенцы, и местные, и разбросанные по России, собираются вместе на Родине. Космонавт Александр Михайлович идею одобрил, но денег не дал. В декабре его избрали депутатом Госдумы. Удачи космонавту. И нам приятно.

А я поехал в свои Наровчат и Казеевку, где ждали друзья – Александр и Ольга Харитошкины. С самоваром, вареньями, соленьями, картошкой со своего огорода и яичками из-под своих курочек.

Как там поёт Юрий Шевчук?

– Еду я на Родину,

А она мне нравится!

2022

СВО: была ли война неизбежной и когда она закончится

Теперь уже навечно будет высечено в камне и отлито в бронзе: 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция (СВО) России на Украине. Будет неправильно проигнорировать её в «Записках». Тогда получится, что события в стране и в мире происходят сами по себе, а профессор Чумиков живёт сам по себе. Но это не так. Я и в СССР, и сегодня остаюсь гражданином своей страны и участвую в её жизни. Другое дело в том, что я могу внести нового или оригинального своим рассказом-откликом на СВО? Однако попытаюсь.

Давайте начнём с системы информационных координат. Кто обладает наиболее полными данными об операции? Это максимум (именно так) один человек – президент России. Да и то с некоторой поправкой: В. Путин получает сведения из *разных* источников, и какой из них оказывает на него наибольшее влияние и затем транслируется лидером государства, мы не знаем. Далее – министр обороны РФ С. Шойгу и начальник Генерального штаба В. Герасимов. И опять поправки: в СВО участвует далеко не только Минобороны. Наконец, любая информация об СВО засекречена, и в отрытое пространство выдаются дозированные блоки *актуальной* информации.

Так кого же мы слушаем / читаем ежедневно и ежечасно на ТВ-экранах, сайтах и в социальных сетях? Это в большинстве своём компетентные и уважаемые люди, выполняющие PR-функцию поддержки действий своей страны и её правительства. Но оперативного «экслюзива» у них нет, отсюда их называют «диванными аналитиками». Под этот термин вполне подхожу и я сам. С другой стороны, эксперты обладают в ряде случаев стратегической, глубинной компетентностью, позволяющей взглянуть на многие вещи с нестандартной и перспективной стороны.

Есть ещё «окопная правда», разделяемая на «правду солдата», правду «младшего и старшего офицера», «правду генерала», «правду раненого и пленного» и так далее. Ну и конечно, «правда косметичек и водителей такси», которым «ребята всё рассказали».

В чём же моя правда? В конфликтологической компетентности, которую в общем-то на протяжении последних тридцати лет никто не оспаривает. По теме анализа и управления конфликтами мной написаны кандидатская и докторская диссертации и сотня статей. С помощью этого бэкграунда, обогащённого, само собой, доступными современными данными, я и попробую, в публицистическом стиле, ответить на два сакральных вопроса: была ли СВО неизбежной и когда она закончится.

Американский политолог Ханс Моргентау, основатель школы прагматизма и политического реализма, описал в 60–80-е годы прошлого века два подхода к оценке международной политики. Первый подход предполагает существование политического порядка, основанного на общепризнанных абстрактных «общечеловеческих ценностях». Данный подход учёный называл «идеализмом», основу которого составляет формула «легализма-морализма» (англ. *legalism-moralism*), где требования законности и положения морали существенно влияют на политику.

Другой подход исходит из того, что несовершенный с рациональной точки зрения мир является результатом столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил. Конфликт интересов неизбежен, а моральные принципы никогда не могут быть реализованы полностью. Они играют роль в международной политике, но не являются её главным фокусом. В лучшем случае к этим принципам

можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений.

Представляется, что современная практика демонстрирует приоритет как раз «другого подхода», то есть нежизнеспособность «морализма» внутри рыночного общества. Декларирование демократических принципов сосуществования становится всё более лицемерным и прикрывающим действия во имя материальной выгоды, включая любые способы устранения или ослабления конкурентов. Но параллельно деградирует и поле «легализма». В политике XXI века это проявилось, например, в том, что на основе «демократической целесообразности», не согласованной с законностью, произошли «цветные революции» в Европе, «арабская весна» на Ближнем Востоке, свержение власти в Ираке и Ливии.

«Исчезновение права», как мы называем данный феномен, наблюдается и в экономической сфере. Так, в третьем десятилетии XXI века «священное право» частной собственности игнорируется при блокировании золотовалютных резервов России, изъятии активов государства и частных лиц в США и других странах Запада. В ответ Россией принимаются ответные меры в виде внедрения рублёвых платежей в международных сделках, параллельного импорта и разрыва лизинговых контрактов.

Вот вам прелюдия к ответу на первый вопрос. Мы так живём, так устроен мир. Столкновения, в том числе военные, неизбежны. Вопрос только в местах и сроках их фиксации.

Разумеется, что военный конфликт при этом наступает не сразу. Во-первых, как считает Куинси Райт, тоже американский исследователь, конфликт в принципе является особенностью отношений между государствами. Во-вторых, эти особенности могут получать различную степень напряжённости, а их динамика проходит через четыре этапа: 1) осознание несоответствий; 2) рост напряжённости; 3) давление без применения военной силы для устранения несоответствий и 4) военное вмешательство или война, имеющие целью продиктовать требуемое решение.

Сначала конфликт пытаются разрешить с помощью *правового*, или *нормативного*, подхода. В качестве примера обратимся к правовому закреплению статуса Украины и России как самостоятельных государств. Напомним, что распад Союза ССР завершился подписанием условно относимых к правовому полю Беловежских соглашений в декабре 1991-го, когда Россия, Беларусь и Украина учредили новый конфедеративный союз бывших советских республик – Содружество Независимых Государств (СНГ). Ещё раньше, в августе 1991-го, Верховный Совет Украинской ССР провозгласил независимость Украины. Аналогичное решение было принято на всеукраинском референдуме в декабре того же года.

Казалось бы, закон торжествует. Однако нет! В 2004-м происходит «оранжевая революция» и «первый майдан», реализованные с отступлением от правовых методов. Под давлением многодневных митингов под оранжевыми флагами Виктор Янукович, формальный победитель президентских выборов и якобы пророссийский политик, вынужден уступить пост своему сопернику Виктору Ющенко. Майдан 2004 года серьёзно расколол население страны, и тогда Украине удалось остановиться лишь в шаге от гражданской войны.

Однако в 2006-м В. Янукович стал премьер-министром Украины, а в 2010-м был избран её президентом. Но к 2013 году назрел очередной конфликт, завершившийся уже не пересмотром итогов выборов, а свержением действующего президента, вынужденного покинуть страну из-за угрозы судебных преследований или даже собственной жизни.

Хотя перечисленные события квалифицировались как внутривнутриполитические конфликты, они происходили при активной и усиливающейся поддержке США. Соблюдая достигнутые договорённости о правовом статусе государств, Россия прямо не вмешивалась в эти события, однако пренебрежение правовыми методами и смена ориентации Украины с дружеской или хотя бы партнёрской по отношению к России на проамериканскую настораживало. Распространение националистической идеологии, ущемление русскоязычного населения в правах вызывало серьёзные опасения и закладывало потенциал для эскалации межгосударственного конфликта.

Россия, равно как и большинство граждан, проживающих на юго-востоке Украины и в Крыму, отказала в признании легитимности нового украинского правительства, пришедшего к власти в результате государственного переворота, констатировала сложившийся на Украине правовой вакуум и поддержала массовые протесты, названные в российских СМИ «Русской весной».

Тем не менее, на наш взгляд, 1991–2014 годы можно обозначить как период использования сторонами преимущественно нормативного подхода к разрешению конфликтов. Однако далее возник целый перечень проблемных ситуаций, прямо затрагивающих интересы России и её сторонников. Начиная с 2014 года в российско-украинских отношениях всё более доминировал такой распространённый способ управления конфликтом, как *метод торга*. Поистине судьбоносный торг разразился вокруг статуса Черноморского флота (ЧФ), имевшего для России стратегическое значение.

В 2010 году президенты России и Украины продлили существовавшие ранее соглашения об аренде базы для ЧФ в Севастополе: первоначально они должны были завершиться в 2017 году, а теперь – в 2042-м, с ежегодной оплатой Россией \$ 100 млн. После майдана и свержения В. Януковича в 2014 году новые власти заявили о намерении денонсировать соглашения по ЧФ. Понятно, что его место предполагалось отдать военно-морским силам США.

Здесь мы подошли ко второй прелюдии к ответу на вопрос, была ли неизбежной СВО. Неизбежным стало присоединение Крыма, но ни больше ни меньше. Отсюда Россия инициировала в марте 2014 года референдум о присоединении Крыма к РФ и прекратила действие всех соглашений о базировании флота на Украине.

Таким образом, внутриукраинский конфликт трансформировался в межгосударственный, а присоединение Крыма и прекращение действия соглашений по ЧФ знаменовали собой как отказ от нормативного (правового) решения конфликтных вопросов, так и невозможность реалистического метода (торга) для разрешения конфликтных ситуаций. С этого момента государствами взят курс на использование *силового* метода разрешения конфликтов. Обычно он используется в ситуациях, когда, при неравенстве сторон, более сильная из них стремится подавить слабую и навязать ей свою волю. Однако ни Россия, ни Украина с поддержкой США и других западных партнёров не считали себя слабыми сторонами и стремились проводить собственную политику.

Развитие конфликта в направлении его силового регулирования лишь подстегнуло дальнейшие события на Украине – провозглашение в апреле 2014 года Донецкой и Луганской народных республик. Украинской стороной эти прецеденты трактовались как восстание против законной власти, а инициаторами независимости – как противодействие «майданному» Киеву, государственному перевороту и ущемлению прав русскоязычного населения.

Другими словами, перспектива открытых военных столкновений между государствами – участниками конфликта становилась в 2014 году всё более очевидной и являлась лишь вопросом времени. Россией оно использовалось для закрепления статус-кво, а Украиной, при поддержке США, – в целях накопления потенциала для силового решения территориальных и других политических проблем.

В конфликтологической науке известна «осевая» модель К. Томаса и Р. Килмана, демонстрирующая пять линий поведения в конфликте: соревнование-конкуренция, избегание-уклонение, приспособление, компромисс и сотрудничество. В период с 2014 по 2022 год Россия пыталась задействовать все перечисленные варианты. Рассмотрим наиболее показательный из них – компромисс, достигнутый между сторонами путём заключения Минских соглашений. В основу Минского протокола («Минск-1»), подписанного в сентябре 2014 года представителями России, Украины, ОБСЕ, ДНР и ЛНР, лёг мирный план президента Украины Петра Порошенко, предусматривающий прекращение огня между Украиной и ДНР и ЛНР, проведение административной реформы, предоставление особого статуса русскому языку и всеобщую амнистию.

Положения минского протокола были документально оформлены в принятом Верховной Радой Украины в сентябре 2014-го законе «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей». Такой порядок предполагалось ввести только в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, при этом ни о какой федерализации Украины, а тем более самостоятельности республик речь не шла. Однако вооружённые силы Украины (ВСУ) по-прежнему обстреливали позиции ополченцев. Договорённости «Минска-1» не выполнялись и по другим пунктам.

В феврале 2015 года лидеры России, Германии, Франции и Украины достигли нового соглашения по вопросу Донбасса («Минск-2»), ставшего правовой основой для мирного урегулирования на Украине. Россия вновь не настаивала на статусе ДНР и ЛНР как самостоятельных республик, а тем более не поднимала вопрос об их признании. Украина, в свою очередь, соглашалась на предоставление этим территориям широкой автономии.

Тем не менее компромиссные Минские соглашения закончились провалом, поскольку Украина затягивала выполнение, не выполняла, а далее напрямую отказывалась от реализации соглашений. Россия прогнозировала подобные действия и, заявляя о приверженности Минским соглашениям, фактически поддерживала ДНР и ЛНР в их стремлении стать самостоятельными государствами.

Компромисс в российско-украинском конфликте означал лишь неустойчивую приостановку острого противоборства. Результатом Минских соглашений стали избегание и приспособление как факторы временного снижения остроты конфликта. Перечисленные способы управления конфликтом не означали стремления к его конструктивному регулированию, а ориентировались на получение времени для подготовки потенциала к последующему военному столкновению.

Таким образом, начиная с 2015 года «военные часы» начали отсчитывать уже не отдалённую перспективу боевых действий, а месяцы и дни. Ответ на первый вопрос, о неизбежности войны, однозначен: да, она была неизбежной. И если уж существует сопряжённый вопрос, на который хотелось бы получить внятный ответ, то это «почему не ударили раньше»?

* * *

Теперь к вопросу «когда закончится». Анализ вариантов развития (эскалации) или смягчения (деэскалации) военного конфликта может приобретать форму уравнений с получением конкретных количественных показателей. Эти уравнения в одном случае представляют собой математический расчёт, в другом – носят более гибкий, примерно-ориентировочный характер. Так, модель К. Райта, знаменитого исследователя войн, который «просчитал» десятки военных конфликтов до 60-х годов XX века включительно, предусматривает следующие позиции для анализа:

«N» – национальные интересы, вовлечённые в конфликт; «F» – силы, задействованные в конфликте; «C» – стоимость подготовки и ведения военных действий; «W» – давление мирового общественно-го мнения в пользу мирного решения конфликта; «P» – потенциальные ресурсы сторон; «V» – степень уязвимости в результате прогнозируемых потерь.

Как видно, К. Райт оперирует показателями от близких к безусловным (C, P) до вероятностных (V), не поддающихся чётким количественным оценкам (W), и вовсе субъективных (N). В связи с этим исследователь указывал на существенную условность «математической» ценности своей формулы. Так, к показателю «F» К. Райт относит вооружённые силы, фактически вовлечённые в конфликт или потенциально доступные для сторон. Поскольку такие силы включают военнослужащих всех видов ВС, оборудование и боеприпасы, моральный дух и эффективность использования ресурсов, то, как считает учёный, точное статистическое измерение затруднено или невозможно. Сам же он делает подсчёты на основе вторичных данных и открытой статистики. Показатель «W» К. Райт анализирует на основе результатов опросов общественного мнения, материалов прессы, мнений экспертов. Сходным образом просчитываются и другие позиции.

Однако гуманитарное значение модели К. Райта по оценке возможностей эскалации и деэскалации конфликта имеет смысл рассмотреть подробнее. Наиболее интересным представляется показатель «N» – национальные интересы. Несмотря на виртуальность данного понятия, именно убеждение в том, что национальные интересы ущемлены или поставлены под угрозу, становится в большинстве случаев, по К. Райту, главным поводом для обострения международного конфликта. Значение этих интересов может оцениваться по заявлениям правительства, его поведению при принятии или отклонении компромиссов, политике в отношении других суверенных государств.

Что представляет собой финальная стадия военного конфликта, которая в нашем случае ещё не завершилась? По мнению К. Райта, каждая из сторон подведёт итог потерям, которые они получили в результате столкновения, и сопоставит их с потерями противника. Одна из сторон может остановить открытый конфликт, удовлетворившись уровнем ущерба, нанесённом врагу, и посчитать его достаточной компенсацией за собственные потери. В другом случае понёсшее наибольший ущерб государство сдастся под угрозой собственного уничтожения, что равносильно самоубийству. Однако исследователь допускает вариант и взаимного самоубийства, которое может показаться сторонам конфликта предпочтительнее капитуляции.

Перспективу завершения российско-украинской войны попытался сформулировать, накануне своего столетия, ветеран американской и международной политики Генри Киссинджер. Он говорил о трёх возможных вариантах:

1. Если российские военные останутся на текущих позициях, то они получат 20 процентов Украины и большую часть Донбасса, основные промышленные и сельскохозяйственные районы и полосу земли вдоль Чёрного моря. Это означает победу России, несмотря на все неудачи, которые она потерпела вначале, а роль НАТО не будет столь решающей, как раньше.

2. Если Россию попытаются «выгнать» с территории, которую она получила до начала военной операции, в том числе из Крыма, то встанет вопрос о войне с самой Россией.

3. Если Украина сможет удержать Россию от каких-либо военных завоеваний, а линию фронта отодвинут к государственным границам по состоянию на 24 февраля, это означает проигрыш РФ. В этом случае Украина будет перевооружена и тесно связана с НАТО либо даже станет частью альянса, а все остальные вопросы решаются посредством переговоров.

Взгляд социолога на ситуацию представил генеральный директор ВЦИОМ Валерий Фёдоров. Исследователи, по его заявлению, фиксируют, что парадигма восприятия мира, характерная для последних нескольких десятилетий – прогресс, обогащение, развитие, уверенность в завтрашнем дне, сменилась на другую, во многом противоположную: неуверенность, хрупкость, опасность, непредсказуемость.

Таким образом, перед нами мировой кризис, который углубляется и займёт, вероятно, не годы, а десятилетия. Мы живём внутри большого переходного процесса, который будет долгим и мучительным. Как Первая мировая война не была трагической случайностью, так и войны XXI века органичны и неизбежны в рамках кризиса устаревшей и агонизирующей мировой системы. Это надолго – вне зависимости от доброй / злой воли сторон и хода боевых действий на Украине.

Ну, ответ на второй сакральный вопрос, надеюсь, понятен. Про время завершения СВО не говорил по завершении 2023 года *никто*, включая президента России В. Путина и президента США Д. Байдена. Военный конфликт Россия – Украина вышел за пределы интересов отдельных личностей и не демонстрировал признаки ослабления. С диалектической точки зрения он не мог быть и в принципе элиминирован в обозримой перспективе нескольких месяцев или даже лет. Как писал тот же К. Райт, ни один из методов противостояния не обязательно его завершает. Даже полное поражение в войне не гарантирует устранение причин конфликта, и через некоторое время побеждённые могут возродить и возобновить активное противоборство. В физических конфликтах, когда все стороны, кроме одной, полностью уничтожены, победа может быть абсолютной. Но если конфликт касается идей, политики, претензий, слова «окончательный», «принятие» и «все» нужно воспринимать относительно. Отклонённые идеи, политика или претензии могут быть представлены повторно.

По-настоящему конфликт разрешается путём принятия решения всеми участниками. Заинтересованными сторонами являются не только непосредственные субъекты спора. В современной ситуации широко распространённой взаимозависимости и общей уязвимости к военным и пропагандистским атакам решения могут не сработать, если не будут приняты многими государствами и группами в дополнение к формальным сторонам конфликта.

В принципе же события двадцатых годов третьего тысячелетия человеческой истории могут трактоваться как революция и цивилизационный лифт для перехода к новым социальным и политическим условиям для продолжения развития. Эти условия будут заключаться в трансформации общества по таким ключевым направлениям, как изменение мирового баланса сил, создание многополярного межгосударственного устройства, развитие новых принципов международной этики.

2023

Как жить и во что верить?

1.

ПРОФЕССОР МЕДИНСКИЙ, ПИСАТЕЛЬ ГРИБОЕДОВ И «ТЕНЬ НАПОЛЕОНА»

Вспомним современный народный фольклор, исполняемый как профессиональными артистами на сцене, так и самодеятельными бардами в электричках. «Историческая песня» повествует о правителях России, СССР, потом опять России в диапазоне от Николая Второго до Владимира Путина. У каждого куплета оптимистическое начало и пессимистичный конец. Ну, примерно, так:

Царь Николашка, самодержец всей Руси,
Хотя на морду он не очень был красив,
При нём водились караси,
При нём плодились пороси,
И, в общем, было чего выпить-закусить.
Но в феврале его маненечко того,
И тут всю правду мы узнали про него:
Что он рабочих не любил,
Что он евреев изводил
И что не видел дальше носа своего...

Потом «Иосиф был народный наш отец», потом «Хрущёв Никита, хоть и ростом был с аршин, но дел великих он немало совершил» и так далее. В каждом случае наступало «маненечко того», после чего «всю правду узнавали про него». Что, не так, что ли? Так! Дурят нашего брата! Я же писал в предыдущих главах про главный конспирологический миф о том, что *настоящую* историю от нас скрывают. И как теперь жить дальше, во что верить? Где настоящая правда?

1 сентября 2023 года в школах появились новые учебники истории в четырёх томах: «История России» и «Всеобщая история» для 10-х и 11-х классов. Их редакторами выступили академики РАН Александр Чубарьян и Анатолий Торкунов, а также помощник президента России доктор исторических наук, профессор Владимир Мединский. Поскольку последний отвечал за историческую политику в стране в целом и являлся главой Российского военно-исторического общества, то застрельщиком и двигателем проекта был именно он. На учебники и лично на Владимира Ростиславовича обрушилась волна критики, связанная со следующим. После распада Советского Союза в школах «гуляло» множество разномастных учебников истории. Исповедующие разные взгляды учителя могли выбирать, какие события сложного прошлого России осветить, а какие пропустить, каким уделить большее внимание, а каким – меньше. И что же теперь? Власти хотят опять причесать всех под одну гребёнку? А может, намереваются создать новый вариант сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»?

В. Мединского я знаю с 1992 года, когда случилось знаковое для нашей сферы событие – первый в стране PR-выпуск факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России. Многие годы мы общались довольно тесно, я даже был «вице» Владимира в период его президентства в Российской ассоциации по связям с общественностью в 2000-х. Моя супруга Светлана работала у В. Мединского пресс-секретарём во время депутатства в Госдуме, и вместе с ней мы были глубоко в курсе работы ещё над первым книжным «сериалом» историка – «Мифы о России». Тогда же выслушивали и реагировали на первую критику, защищая автора. Хотя защищать было, во-первых, не от чего; во-вторых – бессмысленно; в-третьих – он в этом не нуждался. Почему? Потому что у него «всё правда»? Нет, дело совсем не в этом. А в чём, я отвечу ближе к концу главы. Теперь же давайте по порядку.

Переместимся в Золотой литературный век и обратимся к Александру Грибоедову и его столь же «золотому» «Горю от ума». В светском обществе обсуждают поведение вольнодумца Чацкого. Почему нормальный ранее молодой человек с вроде бы приличной *историей* («Татьяна Юрьевна рассказывала что-то, из Петербурга воротясь, с министрами про вашу связь») сбивается с правильного пути?

В поисках ответа на занятный вопрос рождается *история*, объясняющая:

... Хлэстова:

– На свете дивные бывают приключения!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай пил не по летам.

Княгиня:

– О! верно...

Графиня внучка:

– Без сомненья.

Хлэстова:

– Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна:

– Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий (с жаром):

– Нет-с, бочками сороковыми...

История про пьянство как причину вольнодумия почти сложилась, но не всем подошла. Её конструирование прерывает влиятельный Фамусов своей поистине исторической фразой:

– Ну вот! Великая беда, что выпьет лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, учёность – вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений...

В итоге обществом принимается история «безумия» не от пьянства, а от «учёности».

Приступим к обобщениям. Где тут правда, а где ложь? Так нет ни правды, ни лжи! *Мнение* не может быть ни правдивым, ни ложным; оно лишь основывается на правдоподобных или лживых *фактах*. Но факты в данном случае никто из героев не приводит. Таким образом, возникает основанный на мнениях *миф*, который никто и не называет правдой или ложью. Сказка – она и есть сказка.

Но метод конструирования *смыслов* обнаруживается весьма интересный и сверхпопулярный. Перейдём на сто с лишним лет вперёд и вспомним нашего, так сказать, нобелевского лауреата, «открывшего глаза», резавшего «правду-матку» и проч. Я про Александра Солженицына. И так.

Историю Александр Исаевич написал страшную. На чём основывался? На источниках! Каких? Личных: «один врач», «один офицер», «полуграмотный печник», «мужик с шестью детьми», «молодой узбек». А также безличных: «вот говорят», «есть молва», «если верить рассказам». О чём же? Да об этом об самом: «был глухой слух, что 150 человек сожгли», или «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили», или «один чувашенок болтал, что 900 человек расстреляли». Или как питерские чекисты имели обыкновение осуждённых не расстреливать, а живьём скармливать зверям в зоопарках.

Стоит ли разбираться в том, есть ли здесь правда? Зачем? Ведь с Грибоедовым разбираться не приходит в голову. Тем более что и сам нобелевский лауреат оговаривался: «Я не знаю, правда это или навет».

Хотя с «бочками сороковыми» в «Горе от ума» при желании можно было бы и разобраться, поскольку многовато будет для одного человека. Но Александр Сергеевич со своими бочками и пре-большими стаканами на историческую правду не претендовал. Но Александр Исаевич претендует! И попадает в коварную цифровую ловушку, когда в художественно-историческом исследовании «Архипелаг Гулаг» приводит число жертв большевистского режима с 1917 по 1959 год: 66,7 миллиона человек. И это «без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости» (без учёта «дефицита» – 55 миллионов).

Откуда сия цифра? Как и прежде, «ребята сказывали», а в данном случае «сказатель» был всего один – учёный-эмигрант Иван Курганов (первоначально Кошкин) со своей статьёй 1964 года в журнале «Новое русское слово», издающемся за рубежом. И надо же – Солженицын опять делает оговорку: «Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных».

А каково число жертв режима с военными потерями во Второй мировой войне? По Курганову-Кошкину, это ещё 44 миллиона... Всего получается 110 миллионов, то есть больше половины населения СССР по состоянию на 1959 год. Про эти запредельно огромные миллионы «народ не знал». Но Александр Исаевич «открыл правду» и описал её в своём «Архипелаге».

Хочу ли я здесь разоблачить уважаемого многими писателя? Нет, не хочу. Моя цель заключается в том, чтобы показать, как в принципе пишется *история*. А пишется она всегда субъективно, в интересах некоторых влиятельных групп. В чьих интересах писал историю нашей страны Солженицын, читатель, я думаю, разберётся самостоятельно.

Вернёмся к коварным цифрам. В ряде случаев они носят почти безусловный характер. И при этом очень невыгодный для одной из заинтересованных сторон. В преддверии грядущего 80-летия Победы проиллюстрируем данную проблему на примере оценки некоторых событий той войны.

Жили-были... хочется сказать «три друга», но не получается: советские асы и трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин были врагами немецкого коллеги по воздушным боям Эриха Хартмана по кличке «Буби», любимчика Гитлера.

Но вот ведь незадача: brave Ваня и Саша сбили, соответственно, по официально зафиксированному данным, 59 и 62 самолёта противника, а Буби... 352. Какую ж историю написать – чтобы в *нашу*

пользу? Проблема есть – и серьёзная. За её решение берётся тогдашний (в момент написания книги «Война. Мифы СССР. 1939–1945») депутат Государственной Думы России, а далее министр культуры страны Владимир Мединский.

Сначала автор проходит, что называется, по поверхности: у нас так считали, а у них эдак; тут недоучли, а там приплюсовали и т. д. Но всё равно результаты не сходятся, тем более что «хартманов»-то в непривлекательной для нас истории значилось изрядно. Тогда Мединский начинает «копать» глубже, по стратегическим направлениям. И появляются выводы:

«...Для немцев главным была расчистка неба перед бомбардировщиками и свободная одиночная охота. Оба направления в тактике люфтваффе делали из лётчиков настоящих хищников: нападать на слабых, отставших, раненых, – и, по возможности, уклоняться от сильного соперника. Создавались элитные подразделения, лётчиков для которых подбирали по всей Германии. Они специально готовились к свободной воздушной охоте. Немецкие асы сами решали, стоит ли им нападать – или противник слишком силён. Решив, заходили со стороны солнца, совершали стремительную атаку и скрывались, не ввязываясь в бой. В этом не было трусости. Просто таковы были правила...»

А какие правила войны в воздухе существовали у нас?

«...Советские истребители были привязаны к наземным объектам или воздушным соединениям, которые они охраняли... Перед нашими истребителями командование всегда ставило две главные задачи – прикрытие войск на земле и ударных авиагрупп в небе...»

Таким образом, вопрос о том, чьё боевое мастерство «круче» – Ивана Кожедуба, Александра Покрышкина или Эриха Хартмана, – получал не математическую, а скорее гуманитарную оценку: наши как минимум не слабее.

Книжный проект В. Мединского «Мифы о России» был в принципе ориентирован на опровержение устоявшихся исторических штампов о нашей стране. Что это за мифы? Они обозначаются прямо в названиях книг: «О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках», «О русском рабстве, грязи и “тюрьме народов”» и других.

В очередной раз зададим сакральный вопрос: «откуда дровишки» (информация) у доктора исторических наук Мединского? Как всегда – из достоверных источников. По возможности доступа к ним Александр Исаевич «отдыхает» по сравнению с Владимиром Ростиславовичем. Ещё бы: наступило время Интернета, открылись информационные мегамассивы в никогда доселе невиданных масштабах. Необходимость прямого обмана отпала полностью, поскольку для обоснования любого тезиса, до противоположного включительно, сегодня легко подбирается достоверный источник. Объективен ли В. Мединский? А это как посмотреть. В чьих интересах он пишет? В интересах нашей страны.

Обозначу и ещё один нюанс. «Живая память поколений» (их в подавляющем большинстве слушаев три – отец, дед, прадед) естественным порядком исчезает и заменяется мифами. Вспомним очередной исторический эпизод. Российская империя отмечала 100-летие Отечественной войны 1812 года. Накануне царь дал губернаторам команду искать по всей стране свидетелей войны, чтобы пригласить их потом на юбилейные торжества. И они, естественно – приказ-то отдан, нашлись! К августу 1912 года выявили 25 очевидцев нашествия Наполеона, в том числе 14 участников боевых действий. Пятерых должностных ко дню торжеств доставили на Бородинское поле, запечатлели на фотографиях и даже киноплёнке.

Московский губернатор Владимир Джунковский вспоминал об одном из ветеранов (ему приписывалось, по разным источникам, то ли 122, то ли 133 года): «Аким Бентенюк... был самым разговорчивым, он рассказывал про своё участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его “шарахнуло”. Когда он это рассказывал Государю, тот не мог сдержать улыбки». Царь и вправду умилился и позже записал в дневник: «Подумай только, говорить с человеком, который всё помнит и рассказывает великие подробности боя!»

Откликом на эти события стал фельетон Александра Куприна «Тень Наполеона» с «замечательным стариком» и его рассказом о встрече с французским императором: «Какой он был, Наполеон-тот? А вот какой он был: ростом вот с эту берёзу, а бородища – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший... Одно слово – ампирач!»

А вдруг ветераны кампании 1812 года на торжествах к её столетию настоящие? Всё может быть, да вот незадача: число лет, прожитых любым из них, превосходило возраст документально известных к тому времени мужчин-долгожителей.

Но случай этот я привёл так, для разрядки перед серьёзными обобщениями. Перейдём к ним.

2.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ФАКТЫ И СМЫСЛЫ

«История» в качестве научного понятия трактуется нейтрально, как процесс развития природы и человечества. Столь же нейтральна и неконфликтна в своём определении «историческая наука», понимаемая как отрасль, система познания и источниковедение. Однако в случае с понятием «историческая память», или «коммеморация» (от фр. *Commemorative* – памятный, мемориальный и англ. *commemoration* – ознаменование, в память), имеет место другая трактовка. Коммеморация – это постоянно обновляемая «памятная» реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов, столь же подлинная и значимая, как реальность событийная. Но речь идёт об актуализации лишь тех сторон прошлого, что имеют ценность в сегодняшней действительности.

Получается, что если историческая наука – это сфера исследования и накопления знаний о человеке и его деятельности, то *коммеморация* – практика выборочного изложения исторических знаний в определённых интересах, то есть даже не столько историческая память, сколько политика памяти.

Формирование исторической памяти – непрерывный процесс, в котором всякое общество или его группа формируют свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Оно не просто фиксируется настоящим, а открывается им заново, моделируется в зависимости от обстоятельств современности. Иными словами, «история памяти» принципиально отличается от «истории фактов», поскольку анализирует не собственно явления прошлой жизни, а их значения в текущий период.

Таким образом, феномен коммеморации заключается в том, что история в своём нейтральном значении присутствует лишь в виде абстрактного понятия; а в конкретной действительности она интерпретируется через историческую политику памяти. Происходит постоянная конкуренция между сообществами и государствами за доминирующее позиционирование «своей» памяти, влияющей на сознание и поведение целевых групп. Каждый субъект данного процесса продвигает смысловую историческую модель, отличную от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов. И конструирует для потребителей желаемую историческую реальность в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого и прогнозирования будущего.

Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в медийном поле. Скажем, для большинства граждан США очевидно, что именно их страна победила во Второй мировой войне; для современной Украины – её «первородство» в становлении древнего российского государства. Объекты, мешающие «правильному» восприятию, – памятники, книги, названия улиц, городов и даже потребительских продуктов – удаляются из физического и информационного поля.

Подведём итог. «Настоящей» истории никогда не было, нет и не будет. Или по-другому: она настоящая всегда. И всегда её «скрывают».

А теперь о фактах. С этим ещё сложнее. В конце XIX века Эмиль Дюркгейм, французский учёный и один из основоположников современной социологии, в труде «Метод социологии» писал: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своём поведении. Но так как эти смысловые понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы склонны заменять ими последние». Наука о реальности, по мнению исследователя, подменяется анализом понятий, а к фактам обращаются для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы. «Факты в этом случае являются чем-то второстепенным; они служат примерами или подтверждающими доказательствами, а не предметом науки», – констатирует Э. Дюркгейм.

В условиях интернетизации и медиатизации общества в XXI веке данные явления, существовавшие всегда, приобрели глобальный характер и закрепились терминологически в виде понятий «пост-правда», «постреальность» и «постфактуальная информационная политика». Кратко это выглядит так: «Факты – ничто, смыслы – всё».

Но как же быть с объективной и независимой журналистикой? Она что, больше не существует? Разве корреспондент СМИ не может приехать на пожар, или на художественную выставку, или на избирательный участок, или в зону боевых действий и просто описать то, что он увидел? В частности, может, но вообще...

Во-первых, и сам корреспондент, и представляемое им медиа могут быть и являются субъектами, заинтересованными в подаче информации тем или иным образом. Во-вторых, построение фактов в определённой последовательности само по себе приводит к программируемым смыслам. В-третьих, положения о допустимости интерпретации фактов можно найти и в самих медийных правилах.

Например, в редакционном стандарте «Reuters», одного из самых известных и уважаемых информационных агентств мира, зафиксировано, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния или лидер маргинальной политической группы, возможно, заслуживают меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы». При этом критерии, по которым некоторый субъект будет отнесён к «злодеям» или «лидерам», остаются за рамками стандарта.

Но оставим на время эти изыски и согласимся: да, есть масса случаев, когда медиа транслируют «всю правду». Но тут включается другая ловушка – механизм восприятия этой правды. О нём ещё в 1922 году рассказал в книге «Общественное мнение» Уолтер Липпман, американский журналист и учёный. Наше восприятие определяет *стереотип* – заранее сформированная мыслительная оценка чего-либо, через которую человек воспринимает мир и далее совершает поступки; социальная установка с недостатком интеллектуального компонента, базирующаяся на нехватке знаний, ложной информации или неполных данных. «Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим, – писал У. Липпман. – Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними... Вымышленные символы накладываются на реальность».

Другими словами, человек пропускает даже самые очевидные факты через «сито» сложившихся в его сознании стереотипов и может сделать выводы, противоположные первоначальному авторскому замыслу.

И опять к примерам из личного опыта. В 2023 году мне пришлось много работать с китайскими студентами и бизнесменами. Я значительно прирастил свои знания о Китае и, кроме того, получил отличный кейс на тему о том, что текущие факты вообще не обязательны для демонстрации требуемого смысла. Поскольку можно «притянуть за уши» любые другие из подходящего исторического периода.

Так, осенью 2023 года в Китае проводились XIX Азиатские игры – комплексные спортивные соревнования среди спортсменов Азиатского континента. В числе тысяч репортажных фотографий с игр на китайских ресурсах появилось фото двух обнимающихся спортсменов, победивших в забеге на дорожках под номерами «6» и «4», – такие номера присутствовали и на спортивной форме. Вскоре некоторые ресурсы КНР удалили эту фотографию или опубликовали её без номеров; другие порталы оставили фото без изменений.

Этого прецедента стало достаточно, чтобы раскрутить информационную кампанию вокруг китайской цензуры в частности и против преследующего инакомыслие режима в целом. Вышел сюжет американского телеканала CNN со сравнительно безобидным названием «China censored this photo of two athletes». Однако в материале описываются не Азиатские игры – 2023, а события 4 июня 1989 года на пекинской площади Тяньаньмэнь, связанные с выступлением оппозиции и её подавлением: цифра «64» служит в Китае символом этих событий. Действия китайских властей характеризовались как «резня» («massacre») и «кровавый разгон» («bloody crackdown») китайскими танками протеста за демократию. Оппозиция же именовалась «студенческой акцией с проявлениями инакомыслия». Более глубокого анализа, где могли бы использоваться документально зафиксированные факты массовых экстремистских действий оппозиции, не приводилось.

Акцию CNN по представлению Китая как жестокого тоталитарного государства, терроризирующего собственных граждан, продолжили появившиеся в тот же период и аналогично выстроенные с помощью связки «Игры – фото с цифрой 64 – площадь Тяньаньмэнь» публикации ведущих американских и британских СМИ: «The Morning News», «BBC», «The Guardian», «The Asian affairs» и др.

Почему так? Да потому, что Китай в условиях мирового противостояния третьего десятилетия XXI века – враг США и коллективного Запада («плохой», «авторитарный», «тоталитарный» и пр.), и КНР нужно показывать именно в таком качестве, и никак иначе.

Ну и что делать в так сложно описанной ситуации – не с Китаем, а в информационном поле в целом? Уточним вопрос: кому «что делать»? Обычному гражданину? Да в общем-то ничего, поскольку гражданин «попал»...

А вот поле деятельности PR-специалиста более понятно. От абстрактных, очень привлекательных в теории, но лицемерных и неработающих в действительности установок типа «истина посередине», «следует выслушать все стороны», «следует придерживаться общечеловеческих ценностей» нужно переходить к более конкретному. Разумеется, к объективному и фактически подкреплённому:

– мы отстаиваем благородное дело и не желаем войны, а полную ответственность за её развязывание несёт противник («враг»);

– враг сознательно зверствует и применяет несанкционированное оружие, а мы если и ошибаемся, то невольно;

– наше дело и лидеры святы, сомневающиеся в этом – предатели, главари противоположного лагеря – дьяволы и т. д.

Я говорю что-то новенькое? Да нет, это старо как мир.

«Пора вам решить вопрос: с кем вы, “мастера культуры”?» – написал Максим Горький в 1932 году, обращаясь к коллегам. И сегодня то же самое: надо определяться с собственной позицией, и тогда все теоретические дебри сразу станут понятнее: и «мастеру», и его поклонникам.

* * *

С Владимиром Мединским я встречался и в 2023-м. Мы говорили о политике, литературе и, конечно, об истории. Помощник президента сказал, что выступает за объективную историю, а что такое «коммеморация» – не знает. Потом поделился ощущениями от процесса создания новых учебников:

– Вот пишем о депортации народов Кавказа в период Великой Отечественной войны. Раньше было как: народы виноваты. Потом по-другому: народы не виноваты, они – жертвы сталинских репрессий. Отсюда родилась наша версия: да, народы не виноваты, но отдельные их представители сотрудничали с фашистами. И тут появляются возмущённые общественники: «Как это понимать? Значит, мы фашисты? Надо снять эту позицию!» Вот вам и объективность...

Damavand

Первая часть «Записок» заканчивается тем, что я еду на слоне. В поисках тигра. Но смысл там не в том, чтобы ехать, а чтобы идти. Вверх. Через семнадцать лет я опять иду. Вернее, опять лезу. В Иране, на спящий вулкан Damavand (Демавенд) – самый высокий в Азии, 5610 метров. Он расположен в горном массиве с названием так похожим на «Эльбрус», что их даже путают. Но оно другое – «Эльбурс».

* * *

Персия, Персия, Персия, Персия!
Здравствуй сегодня, здравствуй всегда!
Здравствуй, кто угодно, подходи сюда!

Эта песня со старой пластинки российских бардов «Али-баба и 40 разбойников» сопровождала меня всё путешествие.

Персидские шали, расписные ковры!
Здесь нету трали-вали, здесь женщин не видали,
Потому что чёрные чадры!

Про знаменитые ковры правда, про женщин – нет. Чадры обязательны только в мечети, но платки – везде.

У нас с Анатолием Рябовым нет задачи глубоко знакомиться с Тегераном, а есть цель восхождения на Демавенд. Но раз уж мы здесь... вот кое-что.

В Тегеране, огромном, почти 10-миллионном городе нет того, что мы привыкли называть – будь то Россия или страны Европы – «прогулочным центром». Город вообще труден для ориентирования. Навигатор запутывает. Но ведь можно спросить или заказать маршрут таксисту, так? Если бы! На каком языке вы будете спрашивать? На фарси, в котором нет узнаваемых для нас слов? На английском или русском? Но этими языками в Иране практически никто не владеет.

Звоню в Москву, в компанию «7 вершин», занимавшуюся нашей поездкой: «Ребята, дайте человечка!» И – о чудо! – человек не замедлил появиться: «Разрешите представиться. Меня зовут Марьям Шафаги. Я доцент кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи». Мир, как всегда, оказался тесен. Милая и владеющая русским языком дама Марьям бывала в моём московском Инязе и даже переводила на фарси произведения К. Чуковского, В. Распутина, А. Вампилова, Л. Улицкой. Она буквально «спасла» нас от тегеранской территориальной и языковой путаницы.

Но «гуляльные зоны» в городе, конечно, есть, например авангардный мост Табиан вместе с соединяемыми им двумя большими парками. Дворцовый комплекс Голестан – многовековая резиденция иранских шахов; место, где не побывать никак нельзя. Искусственное озеро Читгар, в котором... нельзя купаться. Но вообще прикиньте: на дворе июль, температура «за бортом» отельского номера – плюс сорок. То есть особо не нагуляешься.

Можно использовать нестандартный вариант охлаждения – спуститься в «подземку». Тегеранское метро очень интересно и гораздо симпатичнее, чем в Европе. Вот станция Tajrish – самая глубокая: 51 метр под землю, четыре каскада эскалаторов и лестниц. Внутри – торговля, туалеты и даже мечети. На платформе посмотрел направо – почти одни мужчины, налево – только женщины. Дело в том, что последние два вагона предназначены для женщин. Однако женщина, особенно если она вместе с мужчиной, может сесть и в другие вагоны.

А после метро можно и на знаменитый персидский базар. Да, зрелище величественное. Базары огромны и колоритны. Но купить там москвичу особо нечего, поскольку подавляющая часть товаров – местный, китайский и другой азиатский ширпотреб. За тем, что называется «аутентичными сувенирами», нужно идти в другие места и магазины.

Телебашня *Boṭje Milad* (Рождение) достигает высоты 435 метров, она шестая в мире по высотности. Здесь прохладно и занимательно. На 303-м метре – огромное круговое панно *Phoenix's nest* – гнездо Феникса, созданное по мотивам древнеиранского эпоса. В музее восковых фигур – деятели иранской политики и культуры. Среди давних знакомых оказался поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.

Но самое интересное, конечно, – не достопримечательности, а настроения людей. Первое. Это нам санкции в новинку. А Иран десятилетиями живёт в условиях санкций. И что? Такое ощущение, что люди просто «забили» на это дело. Никаких сожалений, живут своей жизнью, и всё.

Второе. Отношение к России. Вроде бы мы теперь друзья, да? Но не так всё просто. Я хотел было посетить место проведения Тегеранской конференции 1943 года (а это территория советского, теперь российского посольства) – как-никак исполнялось 80 лет событию, но ни доступа к «артефактам», ни упоминания о юбилее нет. И понятно почему: в ходе операции «Согласие» 1941 года советские войска вместе с британскими оккупировали «нейтральный» Иран. А в 2000-е Россия и к западным санкциями присоединилась. Так что путь к дружбе предстоит не слишком короткий. Хотя и враждебного отношения к нам не наблюдается: ну, люди и люди, не американцы же, в конце концов.

* * *

Но я увлёкся. Мы приехали сюда ради покорения Демавенда. «Любит Аллах в белых чалмах все вершины в горах...» В Иране восхождения популярны, в Тегеране есть даже памятник альпинисту. Переезжаем на простенькую базу Национальной федерации альпинизма в посёлке Полур и с гидом, симпатичной и англоговорящей девушкой по имени Вауан, начинаем изучать маршрут на гору.

8 июля пошли. Точнее, поехали, по крутому горному серпантину, до высоты 3050 метров. Выжженное солнцем пространство, жуткая пылица пробивается в каждую щель старенького джипа. Покрытые этой пылью, мы прибываем в лагерь Гусфанд Сара. Здесь последняя мечеть на пути к вершине. Упаковываем тяжёлые рюкзаки в полиэтиленовые мешки и грузим их на мулов, а сами, с лёгкими рюкзаками, идём вверх пешком. Надо набрать около 1200 метров высоты. Но подъём нетрудный и очень живописный. Вокруг нас цветущие маки. Они распускаются с мая, а сейчас, говорят, последняя неделя цветения. Где-то после 3500 метров маков уже нет.

Приют Баргах Севом (4200 м) – это каменный дом, построенный Федерацией альпинизма Ирана на спонсорские деньги одного из банков. Рядом – палаточный лагерь. Сюда доходят мулы с рюкзаками. Выше идёт только самое стойкое животное – человек. Пара слов о быте. А что, нормальный быт! Комнатка на четыре человека с двухъярусными кроватями. VIP! Я не шучу. Поскольку есть на приюте «казармы» и на 40 восходителей. Кухня с газом, столы и стулья для трапезы, оборудованный туалет в 50 метрах от здания. Годится!

Вот ещё какая интересная штукавина. Присутствие в обычной городской или сельской среде Ирана двух мужчин и двух незамужних женщин (у нас это гид и повар) в одной комнате – вещь абсолютно невозможная. А здесь, на приюте, – да сколько хотите. И никаких скрывающих волосы платков на головах немногочисленных горвосходительниц. Если же кто-то надумает сделать намаз, то расстилает свой коврик прямо в «казарме». А коли другой в это время заводит газовую горелку – ничего страшного. Горная демократия, одним словом.

Девушки. Надо особо сказать о наших девушках, вернее, молодых женщинах (не подумайте, любимые жёны, чего такого – только спорт). «Жили у бабуся два весёлых гуся: один Вауан (гид), другой Marjon (шеф-повар) – два весёлых гуся». Вауан сопровождала нас на горе, а Marjon откармливала вкусной едой.

9 июля проводим акклиматизационное восхождение метров на 300–400 вверх. Тяжеловато, одышка. Возвращаемся, без аппетита, с неохотой запикиваем в себя какую-то еду и ложимся на койки.

* * *

10 июля стартуем на восхождение в четыре утра. Светает, температура около нуля. Шесть часов подъёма через осыпи, скальные гребни, снежники. И вот выходим на дымящийся купол жёлтого цвета (серный холм Дуд Кух) – вулкан «дышит», выпускает фумарольные дымы с запахом сероводорода. Вдыхать его нежелательно. Мы сдвигаем свои бафы (универсальный тканевый шарф-труба) на лица, стремимся быстрее преодолеть вредные участки, потом садимся отдыхать прямо на серное покрытие. Кстати сказать, мои «боевые» штаны после этого не приняла в работу ни одна химчистка.

После 5000 метров дыхательный процесс имеет свои особенности: гипоксия, понимаешь. Но мы уже где-то на 5300–5400, вершина видна. Остается пройти 200–300 метров по высоте.

Но есть такое там, и этим путь хорош,
Чего в других местах не купишь, не найдёшь...

Около часа дня. Вершина 5610 метров. Нас трое: я, Толя Рябов и наша отважная гидесса Вауан Nayab. Выше – уже ничего и никого. Разворачиваем полотнище Международного пресс-клуба. В предыдущие годы флаг побывал и на других вершинах России и мира: Эльбрус (Европа, Россия); Монблан (Европа, Италия – Франция); Арарат (Азия, Турция); Килиманджаро (Африка, Танзания), ну и вершины Непала, само собой.

Мы с Толей вообще-то ребята возрастные, и рядом на вершине других таких нет и близко. Местные восходители (иностранцев в Иране вообще мало) удивлённо спрашивают у Вауан: мол, что это за мужики? Та отвечает: «Русские». Удивление меняется на понимающую улыбку: «А-а-а!» Слова «русские» и «Россия» в Иране произносят без всяких иных транскрипций, никаких тебе «рашен» и «раша».

Обнимаемся, фоткаемся, спускаемся. В Тегеране прощание и победная ягодка на торте с горой, маками, красивой и вкусной надписью Damavand.

Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить и не гасить костры.
До послевосхождения, до будущей горы!

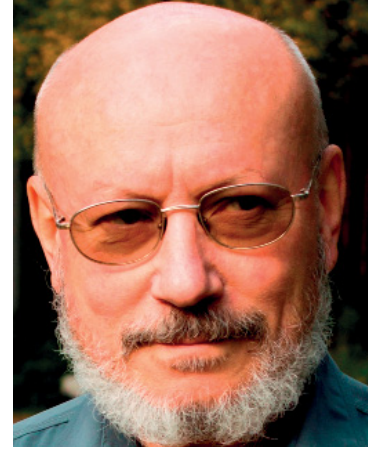
Обязательно.

Проза

Юрий Серб

Юрий Серб (Георгий Александрович Лебедев) – родился в 1944 году в Ровенской области. В 1970 году окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), после чего работал учителем английского языка, диспетчером флота, директором морского агентства, редактором издательства, преподавателем вузов, методистом дополнительного образования в доме детского творчества. Прозаик, член Союза писателей России с 1996 года, публикуется с 1989 года. Прозаические произведения печатались в журналах «Литературная учёба», «Северная Аврора», «Аврора», публиковались в сетевых изданиях «Русский переплёт», «Топос», «МолОко», «Филград». Публицистика, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Автор книг: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), повести и рассказы.

Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Редактор созданного в 2011 году литературно-общественного интернет-журнала «Русский часословъ». Член Рабочей группы Александро-Невского Братства по вопросам сохранения и защиты русского языка.

Я БОЛЬШЕ НЕ СИРОТА

Быль

1

Въ молодости Алексѣй быль скорѣе молчунъ, чѣмъ остѣръ, а къ старости сталъ разговорчивъ. Человѣкъ, живущій одиноко, находить собесѣдниковъ въ своёмъ вещномъ, вещевомъ окруженіи – не потому что впадаетъ, какъ считаютъ нѣкоторые, мало-помалу въ маразмъ, а потому что мало-помалу сдруживается съ вещами, которыхъ знаетъ какъ облупленныхъ и выходки которыхъ научается терпѣть.

Иная вещь долго любитъ на то, какъ её разыскиваетъ Алексѣй, и приходитъ въ восторгъ отъ его миролюбиво-изумлённаго «Ахъ вотъ ты гдѣ!», потому что радостью встрѣчи искупается изнурительность поиска.

Бываетъ, что поискъ можно облегчить и ускорить, если его прекратить. Такъ было съ отцовскимъ перочиннымъ ножичкомъ, гдѣ были и штопоръ, и шильце, и ножнички. Сначала на поиски ножичка была потрачена недѣля, но Алексѣй рѣшительно хотѣлъ откупорить вино отцовской реликвией, – и праздникъ (онъ уже забылъ, какой) отложился самъ собой, потому что праздничная бутылка, какъ говорили въ далёкихъ мѣстахъ его дѣтства, тоже «накивала пятками».

Помогъ её найти переѣздъ. Дочка и зять мечтали построить домъ въ деревенской тиши, среди деревенскаго воздуха, гдѣ бы можно растить здоровыхъ дѣтей. И Алексѣй предложилъ дочкѣ продать ихъ трѣхкомнатную квартиру, чтобы самъ онъ посѣлился гдѣ-нибудь въ «студіи», а они бы стали строить свой домъ на вырученныя деньги.

Перетряхивая вещи и пакуя, увязывая ихъ къ переѣзду, онъ повстрѣчалъ и стреканувшую бутылку вина, и отцовский ножикъ.

А студійку подыскалъ ему зять Николаша, мастеръ на всѣ руки, стало быть – и автослесарь, но не «сапожникъ безъ сапогъ», а самъ на колѣсахъ – ему удобно было колесить по области, по адресамъ объявленій, хотя дороговато. Брать съ собою тестя въ эти рысканья онъ отказался и честно объяснил почему:

– Это затянет процесс. Придётся за вами всякий раз заезжать, а цѣны на бензинъ – сами знаете! Вы же мнѣ доверяете, такъ? Выборъ студій – онъ огромный, а главный критерій одинъ: чтобы окнами не на югъ и не на востокъ... Я зналъ мужика, который проклялъ всё, живя окнами на юго-востокъ: полная Сахара! Если понадобится въ студіи ремонтъ, – добавилъ Николай, – то мы работы не боимся!

Самъ Алексѣй тоже рыскал, только въ Интернетѣ, кружа по картѣ области. Душѣ его мечталось поселиться то на озерѣ подь монастырѣмъ, то на берегу знаменитаго Волхова, то на возвышенности у карстовыхъ пещеръ. Такія объявленія тоже были, но Николаша всё ихъ отвергъ:

– Это даль несусвѣтная: какъ мы съ Нюсей будемъ васъ навѣщать? Это разъ! А во вторыхъ, я знаю тѣ мѣста: до магазина, до врача вы не доберётесь!

Тогда Алексѣй сосредоточился на посѣлкахъ вблизи Рябова, гдѣ на участкѣ Николаши съ Нюсей намѣчался ихъ будущій домъ.

Николаша былъ старше Нюси лѣтъ на восемь, а по опыту и по умѣніямъ – неизмѣримо больше. Онъ многому жену научилъ: пока жили въ городской квартирѣ, Нюся отдѣлала на свой вкусъ прихожую съ туалетомъ – всё гости ахали.

Въ итогѣ общій выборъ палъ на Градошу – ѣзды отъ Рябова полчаса, магазины, поликлиника, Сбербанкъ, а мѣсто хорошо извѣстно Нюсѣ: тамъ дѣйствуютъ конкуренты ея работодателей.

Конечно, былъ нуженъ ремонтъ: владѣлица продаваемой площади въ ней не жила; инвестиція въ эту студію имѣла для неѣ страховочный смыслъ. И никто тамъ не жилъ съ момента сдачи дома шесть лѣтъ назадъ.

А зима слякотно тащилась черезъ пень колоду, пока они втроѣмъ занимались предпродажнымъ ремонтномъ своей квартиры. Участіе въ этомъ Алексѣя затруднялось его аллергіей, приобрѣтѣнной отъ врачей и фармакологовъ, сочиняющихъ лекарства съ красителями, эмульгаторами и, мерещилось ему, съ тротиломъ. Поэтому участіе его оставалось, по большей части, почти символическимъ. И всё равно – отъ старой и новой строительной пыли онъ почти накашлялъ себѣ грыжу, она ещё не вылупилась, но явно намѣтилась.

Въ мартѣ квартиру продали, Алексѣя приютила сватья, мама Николаши, въ славномъ Анниномъ-Сельцѣ, что за Краснымъ Селомъ, а Николаша принялся объѣзжать адреса въ избранной ими Градошѣ, со вниманіемъ къ направленности оконъ, къ состоянію трубъ, электропроводки и прочаго.

Такъ онъ и вышелъ на студію съ возвышеннымъ видомъ на рѣчку въ глубокой извилистой долинѣ и на прекрасныя всегда облака.

За рѣчкой бѣжала изъ края въ край автодорога, способная увлечь созерцателя. Потомъ выяснилось, что она представляла самый зрѣлищный вариантъ въѣзда въ Градошу для пассажировъ маршрутокъ.

2

«Мама дорогая! Я будто изъ кавказской башни смотрю на горы! – восклицалъ Алексѣй, на Кавказѣ башенъ не выдавшей, но читавшій о нихъ. – Рѣчка почти недвижно течётъ въ своёмъ ущельѣ, красующемся спусками, подъѣмами и острыми гранями.

А облака – какъ ещё одинъ горный пейзажъ, только выше онъ и дороги, и горизонта. Облаковъ отраженье въ рѣкѣ – это ещё одинъ, таинственно потусторонній...»

Онъ всегда любилъ города съ неровнымъ рельефомъ и теперь предвкушалъ много интереснаго... Только отдышка мститъ его радости. Зато желанный вѣтерокъ – онъ вездѣсущъ.

Когда Алексѣй усталъ жить у сватьи ожиданіемъ конца ремонта въ студіи (тамъ трудились только дочка и зять, а его строго «не приглашали»), то послалъ дочкѣ фразу извѣстнаго юмориста: «ремонтъ нельзя закончить – его можно прекратить».

Дочка въ отвѣтъ написала: «Мы уже скоро».

Хотя Николаша обезпечилъ Алексѣя въ аннинской квартирѣ Интернетомъ и была возможность переживать войну Запада съ Россіей на Украинѣ, писать и получать письма, да и видъ изъ окна былъ лучше некуда (дѣтская площадка, качели, стадионъ, корты и полигонъ съ трамплинами для головоломныхъ самокатчиковъ), Алексѣя утомили провалившійся въ пружинную сѣтку матрасъ и угрожающе буксовавшая стратегія политиковъ.

Миновалъ 77-й День Побѣды надъ Германіей, плюсъ ещё одинъ день – и Николаша извѣстилъ, что назавтра Алексѣя перевезутъ съ самымъ необходимымъ скарбомъ на новое мѣсто жительства.

Но весь его скарбъ хранился въ гаражѣ Николаши въ заклеенныхъ коробкахъ – и поди-ка вспомни, гдѣ самое необходимое.

Временное пристанище Алексѣя у сватьяшки тоже ожидало ремонта, въ видахъ продажи ради вложеній въ будущій домъ. И главной бѣдой аннинскаго жительства было отсутствіе ванны. Совсѣмъ недавно Алексѣй узналъ въ Интернетѣ народный способъ подавленія экземы съ аллергіей – солевая горячія ванны съ йодомъ. Въ его будущей кельѣ ванна уже была въ рабочемъ состояніи и опробована дочкой, такъ что были всѣ резоны поторопиться.

Но въ первыя сутки на новомъ мѣстѣ онъ былъ ещё безъ соли и безъ йода, а ночной приступъ аллергіи его безжалостно заставилъ вскочить. Онъ отыскалъ выходъ на лѣстницу, чтобы ходьбой вверхъ-внизъ разогнать кровотокъ и прогнать зудящій синдромъ. А когда вернулся, готовый снова уснуть, то вышелъ въ лоджію и выглянулъ въ окно, а увидѣнное заставило встать на стремянку: рѣчка и вся долина была заполнена молочнымъ туманомъ, медленно плывшимъ по теченію.

Неугомонные автомобили всё такъ же бѣжали по дорогѣ, но прежде чѣмъ вѣхаться въ низинѣ на мостъ исчезали подъ плотнымъ покрываломъ, достигавшимъ четвертаго-пятаго этажей ближнихъ высотокъ. Зелёный архипелагъ на рѣчкѣ подъ окнами былъ тоже не видѣнъ.

«Поплыли туманы надъ рѣкой» – строка знаменитой пѣсни зазвучала въ памяти, и Алексѣй усмѣхнулся: дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а ещё не видалъ тумановъ надъ рѣкой!

Онъ рухнулъ въ постель почти счастливымъ. На высокой берегъ, на крутой, выходила Катюша – заводила пѣсню про степного сизаго орла. . . Котораго любила, чьи письма берегла.

Туманы были потомъ разными во всякій другой вечерній часъ, но всегда были на зависть любому импрессионисту прошлаго, бросая вызовъ: нѣтъ, съ этимъ пейзажемъ, съ этимъ небомъ – ты меня не напишешь!

. . . Жена Алексѣя, мать Нюси и павшаго на Сѣверномъ Кавказѣ Павлика, пропала безъ вѣсти въ 90-е годы, извѣстные въ народѣ подъ прозвищемъ «лихихъ» и подъ именемъ «святыхъ» въ семействѣ Горбельциныхъ. Но къ тому времени была уже бывшей женой Алексѣя, повязанная другими привязанностями и сомнительными склонностями.

Ты всё видишь, мама, не разъ говорилъ Алексѣй посреди любого дѣла и занятія, теперь ты знаешь всё про меня.

Ты слишкомъ хорошо обо мнѣ всегда думала, а я – другой: недостойный, окаянный, многогрѣшный. Ты меня такимъ не знала. Теперь зато знаешь, страдалица моя.

Алексѣю всегда было проще съ матерью, чѣмъ съ отцомъ. Отецъ, директоръ школы, а потомъ начальникъ наробразованія въ районѣ, казался сыну сызмала далѣкимъ и малодоступнымъ, и эта дистанція сокращалась очень медленно, хотя оба родителя любили сына въ равной степени. Когда сынъ доложилъ имъ телеграммой объ успѣшной сдачѣ вступительныхъ экзаменовъ въ институтъ – и послѣ этого замолчалъ: ни слова ни о зачисленіи, ни о возвращеніи домой, то родители встревожились не на шутку, и отецъ расплакался на улицѣ, дѣлясь тревогой со знакомыми.

Да и съ фронта отецъ, насмотрѣвшийся на раны, смерти и кровь, слалъ женѣ полевой почтой медицинскіе учебники, чтобы годовалый сынъ стал потомъ врачомъ, а не танкистомъ.

А мать, скромная лаборантка, была при дѣтяхъ каждый день, и съ подросткомъ первенцемъ Алексѣемъ дѣлилась повседневными мыслями и впечатлѣніями. Если отцу сынъ впервые сказалъ «ты», только перейдя на второй курсъ, и выдавилъ онъ это изъ себя съ трудомъ, то съ матерью ему было всегда легко и просто.

Положеніе отца ко многому обязывало членовъ его семьи – и мать не посѣщала церковь ихъ городка, а ѣздила за сорокъ километровъ въ сосѣдній районъ. Для отца это не было секретомъ, какъ не было и поводомъ для конфликта. Сына же, комсомольца, время колебало на подступахъ къ вѣрѣ; впрочемъ, интуитивно онъ уже вѣровалъ.

Свои дѣтскія открытія Алексѣй бѣжалъ сообщить мамѣ; сначала дѣлился планами (стать лѣтчикомъ, а не врачомъ), рекордами («я такъ быстро бѣжалъ, что вѣтеръ свистѣлъ!»), потомъ новостями науки и техники («мама, ты представляешь, что дѣлаетъ фотофильтръ съ облаками? – они выпуклые и пушистые!»).

А мать не утаивала отъ сына те похвалы въ его адресъ, что слышала отъ учителей. Съ ея стороны это было не совсѣмъ педагогично, какъ сказали бы учёные методисты, но мать Алексѣя поступала такъ безъ малѣйшей опаски. Чутьё говорило ей, что ея сына похвала не испортитъ.

Вот только страсть къ чтенію сказалась на его зрѣніи, и онъ сталъ не лѣтчикомъ, а инженеромъ телеметрическихъ системъ.

«Ты моя радость!» – говорила мать не разъ въ теченіе жизни своему первенцу. При этомъ могла подѣлиться сомнѣніями и тревогами по поводу замужества дочки или чудачествъ младшего послѣдыша.

Когда же узнала о прерванной беременности жены Алексѣя, то изъ материнской груди вырвался сдавленный не то всхлипъ, не то стонъ... И не дай Богъ ей узнать объ этомъ сейчасъ побольше!

Теперь-то мама всё знаетъ. Тамъ усопшіе всё знаютъ о насъ и о себѣ. Кто не упокоенъ, тотъ терзается въ скрежетъ зубовъ, а кто упокоенъ, тотъ тихо взираетъ на Землю и благодаритъ Создателя.

Алексѣй хватаетъ куртку (на улицѣ не жарко!) и выходитъ обозрѣть ту землю, что ему досталась.

3

Возвращаясь изъ ближайшаго центра искусствъ и ремѣселъ подъ вывѣской «Строймаркетъ», онъ медленно приближается къ своему дому (длинное зданіе въ 15 этажей на самомъ берегу рѣчки) и замѣчаетъ, что облака чуть-чуть не достаютъ до карнизовъ и крыши. «Потому что на высококомъ мѣстѣ домъ стоитъ, облака любятъ на высокиихъ горкахъ собираться!»

У насъ высотные дома – небоскрѣбы (переводъ съ американскаго sky-scrapers), и, если бы укрепили тековъ предупредили, что это съ американскаго, они могли бы оставить себѣ нѣбоскрѣбы, не стали бы изобрѣтать хмарочёсы... Это не сдѣлало бы ихъ новую мову хуже, да и пѣсня не пострадала бы: въ малоросскихъ пѣсняхъ нѣбоскрѣбовъ нѣма.

И остатокъ пути до дома Алексѣй размышляетъ о родинѣ и о государствѣ. Не далѣе чѣмъ вчера онъ въ записи смотрѣлъ концертъ Михаила Задорнова, и тамъ сатирикъ обмолвился, что родина и государство – не одно и то же. Это мы понимаемъ! – говоритъ Алексѣй. Но когда государство призываетъ насъ на защиту Отечества, то родина и государство (какимъ бы оно ни было) сливаются въ Отецествѣ, которое – Родина. И тогда уже Побѣда можетъ помочь измѣнить къ лучшему и государство.

Государство всюду по-современному безбожно, его «папахень» – чемпионъ безотвѣтственности Троцкій, богоданнымъ отчимомъ сталъ ему Сталинъ, а мама Ленинъ умерла при родахъ. Теперь у насъ повсюду правнуки Троцкаго (понаѣхали) – въ центрахъ принятія рѣшеній. И не только у насъ. И не только въ центрахъ: въ исполнителяхъ рѣшеній тоже кишмя кишатъ.

Но великій экономистъ-политологъ-предсказатель, который тоже правнукъ, обѣщаетъ, что вотъ-вотъ верховный главнокомандующій сдѣлаетъ *лѣвый поворотъ* къ справедливости и помѣняетъ верхушку гоцудайства... Только справедливость лѣвой не бываетъ, и лѣвый патріотъ – это немислимая чепуха. Какъ говорила бабушка Ленинъ, не пережившая родовъ нашего новаго міра, это учёный песокъ въ глаза рабочимъ и крестьянамъ.

Ну вотъ онъ и дома. Прогнозъ погоды обѣщаетъ завтра дождь. Завтра Алексѣй ѣдетъ къ стоматологу въ Питеръ, а у него ни плаща, ни зонта: ещё не всѣ его вещи въ коробахъ доставлены по новому адресу.

Когда-то мать рассказывала, какъ въ юности её поставили читать псалтирь надъ покойницей.

«Боже! Какъ это я, такая грѣшница, и буду читать псалмы надъ уважаемой усопшей?! Боже, дай мнѣ знакъ, можно ли мнѣ на такое отважиться...»

И, по словамъ матери, словно кто-то трижды ударилъ мѣшкомъ сѣна въ ея дверь.

«И тогда я поняла, повѣрила, что это знакъ разрѣшающій. И читала псалмы всю ночь...»

4

На рѣчкѣ, надъ долиной – всегда вѣтеръ, вѣтрище. А у торца дома, между зданіями – аэродинамическая труба.

Зато вся рѣчная долина – въ пышной зелени: склоны усѣяны купама шарообразныхъ кущей. Въ пору цвѣтенія черёмухи, одинъ такой шаръ свѣтился среди ночи какъ жемчугъ.

А синоптикъ, грозившій затяжнымъ дождѣмъ, обманулъ. Дождикъ едва побрызгалъ, и путешествіе къ стоматологу въ Питеръ прошло безъ замѣчаній. Теперь стоитъ жара, двадцать восемь градусовъ, и Алексѣй впадаетъ въ солнечное дѣтство. Въ его памяти дѣтство навсегда связано съ ослѣпительнымъ свѣтомъ, отражѣннымъ отъ утрамбованной босыми ногами, выбѣленной зноемъ земли. И всегда на этой землѣ что-то сверкаетъ: стекло, монетка или сказочный ключикъ неизвѣстно отъ чего, чтобы

потомъ вспоминаться всю долгую жизнь. Монета запомнилась своимъ блескомъ и надписью Drei Mark, а была ли эта потеря значительной для оккупанта, ни тогда, ни сейчасъ Алексѣю не интересно.

Зной теперешнему Алексѣю уже никакъ не брать. Но Алексѣй бросаетъ ему вызовъ: идётъ совершать географическія открытія, вѣдь онъ ещё мало знаетъ городишко, который долженъ стать ему роднымъ уже до послѣдняго вздоха.

Только несправедливо назвалъ онъ Градошу городишкомъ: городокъ живописенъ, можетъ похвалиться собственнымъ «Пассажемъ», наличиемъ мебельнаго салона и строймаркета, променадомъ курортнаго вида, который называется Советскимъ проспектомъ и не только обсаженъ вязами, липами, берёзами, но и обставленъ деревянными диванами для отдыхающихъ... Многіе жители, посиживая на скамьяхъ съ телефонами и, пардонъ, съ гаджетами, выглядятъ вполне курортниками.

Ему уже нравится перспектива доживать свой вѣкъ въ градошинской кельѣ, глядя изъ лоджіи на закатъ, на звѣзды или на молочный туманъ надъ рѣкой.

А то съ балкона у общей лѣстницы глядѣтъ на дѣтскую площадку, вспоминая, какъ самъ онъ, старшекласникомъ, возился съ сосѣдской дѣтворой, катая ихъ на себѣ какъ на верблюду, крутя ихъ какъ на качеляхъ или катая на велосипедѣ...

Потомъ будетъ возвращаться къ себѣ и глядѣтъ на закатный горизонтъ: провожать ночные самолёты, уходящіе на востокъ большой страны, вызывающей зависть и ненависть недоброй половины міра.

Назавтра Алексѣй отправился открывать пока непознанную Градошу.

Изъ автобуса онъ видѣлъ большія буквы «РЫНОК» на возвышенности, гдѣ смотровая площадка съ памятной стелой о рубежѣ обороны въ прошлую Отечественную, а рядомъ съ новой высоткой строемъ стоятъ одноэтажки, построенныя явно нѣмецкими военноплѣнными семьдесятъ лѣтъ назадъ. Стелу Алексѣй уже оцѣнилъ, а на площадку подымается впервые.

О!.. Приятная неожиданность: журчитъ фонтанъ у входа въ рынокъ. Фонтанъ каскадный, по его ступенямъ сбѣгаетъ вода, сверкая на солнцѣ. «Сюрпризъ такъ сюрпризъ!» – довольно думаетъ Алексѣй. И конечно, идётъ знакомиться не съ рынкомъ, а съ фонтаномъ. Тотъ сложенъ изъ мѣстнаго плитняка, и это тоже отвѣчало его вкусу.

Взглядомъ онъ прослѣдилъ весь путь журчащей воды – и внизу, гдѣ былъ водопріёмный бассейнъ, Алексѣй будто споткнулся... Половина площади бассейна, у водоспуска, была спелѣнута грязно-бѣлой коркой пѣны съ палецъ толщиной.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Алексѣй стоялъ и не зналъ: онъ потрясѣнъ – или ещё нѣтъ. Это же тотъ самый водопроводъ, изъ котораго онъ тоже... такъ вотъ почему, когда онъ выпилъ въ Градошѣ полстакана воды, профильтровать её черезъ «Аквафоръ», ему обсыпало предплечья аллергическимъ зудомъ.

Совсѣмъ другая вода была въ Анниномъ – просто вкусная вода безъ послѣдствій!.. А тутъ?!.. Впервые тутъ пострадавшій, онъ тогда и понялъ не сразу: сталъ грѣшить на булочку «свердловскую» – то на фамилію, а то на глютенъ...

Вотъ теперь онъ уже потрясѣнъ. Какъ человекъ разсѣянный, онъ побрѣлъ туда, куда намѣревался – къ рынку, но уже не зналъ, зачѣмъ туда идѣть.

Въ полномъ согласіи съ мироощущеніемъ человека земля потемнѣла и начался дождь: состоялось отложенное исполненіе прогноза.

– Ну ты, братъ, попалъ! – говорилъ онъ себѣ, идя домой подъ крѣпчавшимъ дождѣмъ, переживая нечаянное открытіе, – будешь теперь золотушнымъ до конца своихъ дней!

И дождь пошѣлъ съ утроенной силой, но почему-то вѣтеръ не пересталъ. «Мѣсто высокое! – вспомнилъ онъ. – На юру!»

Пока ещё не всѣ его вещи переѣхали вслѣдъ за нимъ изъ Николашина гаража, это касалось и плаща съ зонтомъ.

Внезапно упавшая тьма и удары холоднаго дождя мигомъ превратили Алексѣя в мокрую ледышку, а когда онъ подходилъ къ дѣтской площадкѣ въ своёмъ дворѣ, на него посыпался градъ. И онъ воскликнулъ въ душѣ съ небывалой искренностью:

– Мамочка, посмотри на меня!

Послѣдніе метры къ своему подъѣзду онъ проскакалъ, не жалѣя захромавшей ноги. Мокрый, холодный и голодный, въ лифтѣ онъ силился вспомнить, что у него находится въ холодильнике. Ни о какомъ магазинѣ думать было нечего.

Обнаруживъ одну нераздѣланную селѣдку, онъ чертыхнулся, но съ хлѣбомъ, слава богу, былъ порядокъ.

Возясь съ рыбьей кожурой и внутренностями – то ещё занятіе! – онъ взглядомъ зацѣпилъ столешницу и, можно сказать, обомлѣлъ: съ мелкаго квадратика фотографической бумаги на него смотрѣла мать.

Неровно обрѣзанное фото для документовъ, необычно крохотное, два на полтора, показалось ему прежде незнакомымъ, невиданнымъ: красавица мать выглядѣла старше, черты ея казались крупнѣе и суровѣй. Но какъ оно могло оказаться у него подъ рукой и въ такомъ мѣстѣ? – не изъ рукава же... Да и былъ онъ уже переодѣвшись, въ безрукавкѣ.

И мелкій такой фотоформатъ для документовъ былъ ему неизвѣстенъ!

Это мама услышала меня! Какой другой можетъ быть ещё выводъ? Если Тихвинская икона могла прійти по водѣ, то мамино фото прилетѣло какъ по воздуху.

Когда онъ ѣздилъ на кладбище къ ея могилѣ, она всегда старалась сократить ему ожиданіе автобуса. Онъ это ощущалъ. Между матерью и сыномъ всегда была душевная связь. Узнавъ о какой-нибудь потребности сына, мать всегда предлагала свою помощь. Точно такъ же исполняла она пожеланія и прихоти мужа. Но нѣтъ, не точно такъ же. Мужу угождала мать по евангельской заповѣди, сыну она бросалась помочь по материнской любви. «Ты моя радость!» – говорила мама. А онъ, тупица, чурбанъ, ничего не говорилъ въ отвѣтъ. Почему онъ молчалъ? Принималъ это какъ должное – или то была наслѣдственная, материна черта? – отмалчиваться, какъ отмалчивалась смущѣнная мать, когда къ ней прибѣгала какая-нибудь кумушка со жгучей сплетней.

– А вотъ вы, Михайловна, развѣ только съ мужемъ живѣте?... Ну и скучная жизнь у васъ, вотъ что я вамъ скажу!

Мать передала этотъ выводъ кумушкѣ сыну, и онъ опять ничего не сказалъ: этого не требовалось ни ему, ни ей.

Отецъ былъ и на службѣ и дома – начальникомъ. Поучалъ, внушалъ, командовалъ. Мать убѣгала отъ его поученій, онъ шѣлъ за ней слѣдомъ. Она пряталась въ кухнѣ, но дверь была безъ замка: отецъ входилъ – и продолжалъ... Наконецъ, по просьбѣ матери, Алексѣй сдѣлалъ ей крючокъ на кухонной двери, чтобъ она могла запирается. Отецъ, надо отдать ему должное, буянномъ не былъ, дверь не вышибалъ, а, бормоча, уходилъ.

Какъ-то гостилъ у нихъ дядя отца, Алексѣй Петровичъ изъ Липецка. Пробылъ безъ малаго недѣлю, а увидѣлъ много. Почему-то провожала его мать, а не отецъ. И на прощанье Алексѣй Петровичъ матери сказалъ:

– Ты, дочь, слишкомъ много на себя берѣшь. Не надрывайся такъ, побереги себя.

А между матерью и сыномъ не было секретовъ. То, о чѣмъ говорилъ Алексѣй Петровичъ, сынъ видѣлъ и наблюдалъ много лѣтъ, если былъ не съ книгой и могъ замѣчать окружающее. Помогалъ матери изрѣдка; а слѣдовало чаще. Приносилъ воду отъ водоразборной колонки, доставлялъ керосинъ для керогаза – изъ лавки на другомъ концѣ городка, и, когда мать шла на картофельный участокъ, онъ шѣлъ съ нею. Сестра была ещё мала. Въ южныхъ городкахъ работникамъ организацій нарѣзали дѣлянки за городской чертой для овощей и картофеля.

Теперь онъ знаетъ, сколь мизерна была его помощь. Особенно теперь, перечитывая материны письма тридцатилѣтней давности.

На протяженіи его студенчества мать ежемѣсячно присылала сыну ещё одну стипендію. Сынъ, школьный медалистъ, долженъ былъ оставаться отличникомъ и въ дальнѣйшемъ. Гордость матери произрастала изъ прошлаго, надежда была неотдѣлима отъ сыновьяго будущаго – и не была обращена на собственное будущее матери, на ея старость. Это читалось легко между материныхъ строкъ.

Сыну, когда онъ сталъ отцомъ семейства, не приходило въ голову, что надо бы послать матери – тогда уже вдовѣ – и посылать хотя бы иногда, хоть половину той стипендіи, что поступала отъ матери. Но нѣтъ, онъ не удосуживался это сдѣлать. Единственное, чѣмъ отличился за всю жизнь, такъ это отправилъ ей ненужный подарокъ, хотя и купленный для неѣ: ожерелье индійскихъ самоцвѣтовъ, котораго на матери ни разу такъ и не увидѣлъ. Конечно, она отвезла его въ пожертвованье храму.

И черезъ сорокъ лѣтъ, когда сынъ взялъ мать къ себѣ, онъ ещё не сознавалъ этой своей ущербности. Осознаніе пришло, когда стало невозможно что-либо исправить.

Когда мать доживала послѣдніе годы, а лучше сказать – мѣсяцы, у сына и внуки, когда-то ею вынужденной, ихъ посѣтили гости – супруги Бязевы. Самъ Бязевъ былъ преуспѣвающимъ коллегой Алексѣя – какъ сталъ понимать чуть позднѣе Алексѣй, изъ племени орденосцевъ-проходимцевъ. Онъ всегда раздѣлялъ мнѣніе собесѣдника, съ которымъ на данный моментъ общался, чтобы перейти въ любой моментъ на сторону очередного собесѣдника.

Бязевы пріѣхали, потому что такъ захотѣла Свѣтлана, подбивавшая клинья къ Алексѣю... Но тугодумъ Алексѣй сообразилъ и это гораздо позднѣе.

А тогда мать удивила и гостей, и Алексѣя, назвавъ его «ангельскимъ сыномъ». Она ещё не заговаривалась тогда, но какъ-то вдругъ возвела Алексѣя въ несуществующій чинъ. Бязевъ угодливо хихикнулъ, а Бязева задержала на Алексѣѣ изучающій взглядъ.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ визитомъ Бязевъ себя скомпрометировалъ въ глазахъ Алексѣя, занявъ неприемлемую жизненную позицію, и знакомство ихъ прекратилось. Жить матери оставалось уже недолго, Бязевъ смѣнилъ свою національность по случаю получения Государственной премии, дочка Нюся поступила на платное отдѣленіе вуза, и Алексѣю предстояло зарабатывать всюду, гдѣ только можно себя не запятнать: преподаваніемъ въ колледжахъ и въ частныхъ «академіяхъ».

Къ тому времени онъ твёрдо зналъ уже, что мать его – святая.

5

О водѣ давно говорятъ и пишутъ, что будущія войны пойдутъ за эту драгоценность, – но что дѣлать Алексѣю съ градошинскимъ водопроводомъ?

И Алексѣй ловить себя на томъ, что градошинской водой не умывался уже два дня, моетъ только руки. Лицо онъ обтираетъ настойкой чистотѣла – средствомъ отъ аллергии.

Онъ теперь серьёзно рѣшаетъ свалившуюся на него проблему. Для жизни въ этомъ симпатичномъ, но опасномъ городѣ нужно выработать особый режимъ поведенія. О коварная Градоша, ты недаромъ женскаго пола, то бишь рода!.. (грамматическаго)

Особая печаль, что овощи и фрукты надо мыть. Понадобится много покупной воды. Придѣтся всё-таки мыть подъ краномъ, а потомъ вытирать плоды бумажными салфетками, удаляя ядовитую воду. Туалетной бумагой вытирать – такъ дешевле. Мелкія плоды, вроде сливъ, можно омыватъ во рту слюной – потомъ её тщательно сплёвывать.

А мытьѣ посуды? Чашки можно не мыть, если выдѣлить отдѣльную чашку на каждый напитокъ: чай, кофе, молоко, цикорій... Сушить ихъ въ опрокинутомъ положеніи – и всё. Мыть ихъ разъ въ недѣлю при необходимости. Ложки, ложечки – не мыть, а облизывать. Въ ожиданіи гостей всё нужно мыть – это да.

Чистить зубы – тоже покупной водой. Которая, къ сожалѣнію, дорожаетъ. Въ случаѣ полосканія щѣтки водопроводной водой – переполаскивать обязательно чистой. Въ случаѣ неомовенія лица трое сутокъ подрядъ – протирать его тампономъ съ настойкой чистотѣла или перца чили, не допуская попаданія въ глаза.

И въ этомъ ничего нѣтъ зазорнаго – вонъ даже великоумныя вожди Евросоюза призываютъ избирателей мыться порѣже, хотя причины у нихъ свои, особыя.

Но это всё походило на жизнь человѣка изъ подполья, по Достоевскому. Или на жизнь нелегала во враждебномъ государствѣ.

Алексѣй смотрѣлъ на молодыхъ родителей съ дѣтьми, гуляющихъ по бульвару, и спрашивалъ себя, знаютъ ли родители, въ какой средѣ растутъ ихъ дѣти? И сколько какихъ болячекъ будетъ у дѣтей ещё до того, какъ они проводятъ родителей въ міръ иной?

Онъ видѣлъ въ Градошѣ нѣкій процентъ заболѣваній суставовъ и подозрѣвалъ примѣрно столько же болѣзней обмѣна веществъ.

Въ очереди къ кассѣ универсама передъ нимъ стоялъ парень съ татуированной шеей и терзалъ себѣ красный локоть и предплечье: его мучилъ зудъ, Алексѣю хорошо знакомый. Ничего страннаго, если не то что воду не очищаютъ отъ ядовъ, но ещё добавлять яды въ булочки и колбаски.

Ужъ на что безобидными казались Алексѣю баранки съ макомъ: ничего страннаго въ нихъ не было, кромѣ ацетата кальція (ему припомнилась майка ацетатнаго шёлка, съ пріятностью носимая въ дѣтствѣ) – а вотъ поди жъ ты, чесался онъ послѣ этихъ баранокъ въ тотъ же вечеръ. Организмъ уже не тотъ, сказалъ онъ себѣ. Въ нёмъ уже столько медиковъ копались и чѣмъ только ни поливали мои грядки.

– Ты прежде сквернословомъ не былъ, – говорить ему мама.
Она не восклицаетъ, не упрекаетъ, просто говоритъ, констатируетъ.
– Мамочка, да какъ же въ старости прожить безъ чертыханія и сквернословія. У меня вещи отъ рукъ отбились, цѣпляются, валяются изъ рукъ или прячутся, гады: ищи-свищи!
Она же это знаетъ. Зачѣмъ онъ это ей рассказываетъ?
– Твой отецъ и въ старости не сквернословилъ.
– Ну, такъ при нёмъ была ты, и онъ – на всѣмъ готовомъ...
Мать не отвѣчаетъ, какъ молчала всегда на откровенія прибѣгавшихъ къ ней распираемыхъ новостью сплетницъ.
– Я буду исправляться! – обѣщаетъ онъ.
Она опять не отвѣчаетъ. Тамъ они всё знаютъ лучше насъ: не исправится онъ!
«Есть профессіи, гдѣ матомъ просто разговариваютъ!» – держитъ онъ на языкѣ слышанную цитату, но сказать этого не можетъ.
– Не обижай меня и Пресвятую Матерь Божию! – тихо произноситъ мать.
И словно вѣтеръ толкаетъ его въ грудь и бьётъ по щекамъ.
Онъ удивлёнъ: вѣдь тамъ, гдѣ мама, вѣтра не бываетъ! Но тутъ же понимаетъ, сколь неумѣстно его удивленіе.
– Ты давно живёшь на новомъ мѣстѣ, а въ церкви ещё не бывалъ! – помолчавъ, добавляетъ мать.
– Давно? – удивляется сынъ. – Но, если ты это говоришь – значить, давно.
Озабоченность Алексѣя проблемой воды сдѣлала его менѣе открытымъ для новыхъ впечатлѣній. И всё же къ вопросу воды прибавилось какое-то странное ощущеніе чего-то ещё... Такъ бываетъ, когда что-то хочется вспомнить, но никакъ не удаётся хотя бы понять, что это было – промелькнувшее и забытое. Это тяжело висѣло въ душе – уже, навѣрно, третій день.
День и ночь тоже сошли съ катушекъ и обрывочно перепутались, потому что обострилась аллергия и онъ вскакивалъ по ночамъ къ спасительнымъ снадобьямъ.
Въ такую минуту онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало ванной комнатки, затѣмъ рука его коснулась шеи – и въ прикосновеніи что-то было необычное. Не было натѣльнаго крестика!
Вотъ эта пустота подспудно ощущалась имъ какъ тяжесть, невозможность что-то понять или вспомнить. Такъ, вѣроятно, подумала мать во время ихъ бесѣды: креста на нёмъ нѣтъ. Молча подумала, безъ восклицанія, безъ движенія воздуха. Это наши здѣшнія чувства могутъ достигать упокоенныхъ душъ, но не тамошній покой абсолютнаго знанія способенъ пробить нашу скорлупу.
Не она ли тѣмъ самымъ и сняла съ него крестикъ? Но Алексѣй отогналъ эту эфемерную мысль и сталъ искать оторвавшійся крестикъ. Даже не оторвавшійся – онъ съ цѣпочкой пропалъ. Мистика, мистика, бормоталъ онъ упавшимъ голосомъ. Лихорадочно воссоздавалъ алгоритмы своихъ перемѣщений по дому: гдѣ, въ какой моментъ и въ какомъ положеніи собственнаго тѣла могъ онъ протискиваться, нагибаться и какъ могъ потерять крестикъ... Поминутно вскакивалъ и бѣжалъ въ какой-нибудь уголокъ, заглядывая въ щели и желая въ нихъ пролѣзть... Всё было напрасно. Изъ пакетовъ и коробокъ, ещё не распечатанныхъ, онъ извлѣкъ иконы и сталъ укрѣплять ихъ на восточной стѣнѣ, чтобы помолиться о возвращеніи крестика.
А не схожу ли я съ ума? – пугался онъ въ иную минуту, когда вмѣсто гвоздя ударялъ молоткомъ по пальцу.
Шѣль уже девятый или десятый день его поисковъ и терзаній. И онъ отрѣшѣнно отправился въ церковную лавку – купить алюминіевый крестикъ вмѣсто утраченнаго серебрянаго.

Вещи вообще отъ него сторонятся, исчезаютъ, издѣваются надъ нимъ. Но крестъ – развѣ это обычная вещь? Никакъ. Тогда за что?..
И его ожигаетъ стыдъ отъ этого вопроса: слишкомъ онъ похожъ на вопросъ изъ украинскаго анекдота... «Пишли быты москалів! – А якшо вони насъ побьють? – А насъ за шо?!»
Почти детективный сюжетъ случился, когда Алексѣй съ Николашей грузили коробки в машину зятя, высвобождая квартиру для предпродажнаго ремонта. Детективный?.. Алексѣю думается – всё же мистическій.

По ихъ съ Николашей недосмотру всё случилось – это детективная сторона: какъ, изъ-за кого и чего, кто виноватъ... А мистическая сторона обнаружится, когда ему будутъ доставлены всѣ коробки (кромѣ пропавшей), и тогда обнаружится смыслъ пропажи.

Алексѣй относилъ коробки к машинѣ, а Николаша, накануне потянувшій мышцы спины, въ этомъ не участвовалъ, но периодически спускался туда же и ставилъ коробки въ салонъ. Эти перемѣщенія Николаша чередовалъ съ погруженіемъ въ Интернетъ: что-то его тамъ интересовало. И вотъ Алексѣй отнёсъ коробку номеръ пять, поставилъ её подъ дверь «Лады» и поднялся на лифтѣ домой: Николаша сидѣлъ у монитора. Он отдавалъ себѣ отчётъ, что тестъ что-то ещё относилъ (такъ думалось Алексѣю), но убѣдиться въ томъ, что зять ещё спускался къ машинѣ, онъ не удосужился, да и кто бы сталъ воровать среди ночи коробку изъ-подъ дверцы автомобиля?

Наутро коробки на мѣсте не было, но не потому, что Николаша болѣе не отрывался от Интернета, а по какой-то другой причинѣ.

Что могло быть въ той коробкѣ, Алексѣю неизвѣстно по сей день. Коробки ему подвозятъ по частямъ – то зять, то Нюся. Вотъ когда всё привезутъ, тогда Алексѣй, возможно, сообразитъ, что было кѣмъ-то украдено, а можетъ – и не украдено, а изъято высшими силами... допустимъ, въ цѣляхъ сугубо воспитательныхъ.

Напримѣръ, золотая медаль «За відмінне навчання та зразкову поведінку»... какъ памятникъ мёртвой «мовѣ», на которой никто не говоритъ. И на которой писалъ интересный писатель Коцюбинскій, пріятель Максима Горького. Но первый былъ въ «трендѣ» тогдашней политической моды, недаром и сынъ его сталъ «краснымъ командиромъ». А про Горького всё понятно давно, по крайней мѣрѣ – Алексѣю.

Мама гордилась его медалью больше, чѣмъ сынъ.

Тамъ, гдѣ мама, на мовѣ не читаютъ, Тамъ даже не имѣетъ хожденія слово «сейчасъ». Тамъ – ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Чѣрная бревенчатая лавка была в углу церковнаго двора, а у крыльца бревенчатой церкви о чѣмъ-то судачили двѣ сѣдовласыя женщины. Алексѣй занёсъ ногу на приступку у входа въ лавку, и женщины направились къ нему.

– Здравствуйте! Хочу купить у васъ натѣльный крестикъ!

– Здравствуйте! Проходите, пожалуйста!

Женщины вошли вслѣдъ за нимъ.

– Вамъ какой?.. Серебряный?

– Я недостойнъ носить серебряный.

– Вонъ вы какъ мыслите!.. А что такъ?

– Потерялъ гдѣ-то дома крестикъ, никакъ не найду.

– Ну вотъ вамъ, смотрите... выбирайте.

Выбранный имъ крестикъ былъ слишкомъ лёгокъ, чтобы покупать цѣпочку; ему женщина предложила «верёвочку», и онъ сталъ вспоминать, но не вспомнилъ правильное слово...

– А кто въ церкви настоятель?

– Отецъ Александръ. Вотъ сегодня будетъ акафистъ въ семнадцать часовъ, приходите, увидите...

– Спасибо. Приду.

– Часикъ погуляете...

– У меня ещё дѣль минутъ на сорокъ...

– Ну вотъ и хорошо.

Тамъ же во дворѣ онъ сталъ въ тѣнь у стѣны и приложился губами къ кресту, перекрестился на купольный крестъ и надѣлъ новый крестикъ на шею. «Шнурокъ!» – вспомнилъ онъ забывшееся слово. Да, шнурокъ.

Отецъ Александръ оказался крупнымъ мужчиной примѣрно одного съ Алексѣемъ возраста и облика. Онъ читалъ акафистъ нараспѣвъ и достаточно внятно, ему вторилъ молодой диаконъ.

Нѣсколько женщинъ и Алексѣй дружно крестились въ надлежащіе моменты, а когда всѣ опустились на колѣни – это застало Алексѣя врасплохъ; онъ обнаружилъ, что проворства въ его членахъ какъ не бывало. Подымался тоже какъ отстающій.

И походка его, по пути домой, ему не нравилась. «Не похожъ ли я на пьянаго?»

Что съ нимъ происходитъ? – задумался онъ. – И почему? И наконецъ, хорошій ли я человекъ?

Въ советское время на профессиональных совещаниях эти два понятия всегда противопоставлялись: – Профессиональ из него никакой. – Зато человек хороший!

– Хороший человек – это не профессия!

Зато сестра Алексея, жалуясь брату на эгоизм единственного сына, ссылалась на авторитет их матери:

– ...Да и мама наша когда-то меня осторожно, робко спросила, а уж её пронительностью Богъ не обидѣль: «Какъ ты думаешь, Ритуля, нашъ Виталикъ – человекъ хороший?» А вѣдь наша мама зря не спросить!

Теперь Алексею маму не спросить. Она теперь-то всё о нёмъ знаетъ.

Какъ профессиональ, Алексѣй борозды не портилъ. А какъ человекъ, онъ былъ не склоненъ къ компромиссамъ. Недаромъ какъ-то Женя Лопухинъ ему сказалъ: «Суровъ ты, братъ, суровъ!» – хотя улыбался при этомъ. Алексея это никакъ не задѣло: суровъ такъ суровъ, ужъ какой есть. Онъ зналъ, что можетъ быть и мягокъ, да всё не было случая. И если онъ, въ постсоветское время, откликался на объявленія въ «Русскомъ вѣстникѣ» или въ «Русской веснѣ» и посылалъ какія-то деньги Донбассу или русской семьѣ въ Казахстанѣ, то отнюдь не ставилъ это себѣ въ заслугу, столь ужъ хорошимъ себя не ощущалъ.

Входитъ онъ однажды въ приёмную начальника управления, секретарша Наташа смѣется... Въ чёмъ дѣло? А это онъ поднялъ съ пола смятую бумажку.

– Я два часа уже наблюдаю: кто-нибудь её подниметъ?

Онъ смутился и не спросилъ тогда – не Наташа ли умышленно бумажку подкинула. И поднятіе сора – ещё не поводъ считать себя хорошимъ человекомъ.

Всё познаётся въ сравненіи, говорилъ онъ себѣ. Но познаётся – тоже не вполнѣ.

Въ школѣ онъ былъ хорошимъ ученикъ, даже отличникъ, мама слышала о нёмъ только хорошее – но былъ ли онъ хорошимъ сыномъ? А былъ ли я потомъ хорошимъ отцомъ? И былъ ли я хорошимъ человекомъ?

Не зна-а-аю!!! Помилуй, Господи, меня недостойнаго!

8

«Если я сопереживаю дѣтямъ и родителямъ Градоши и помалкиваю, то это не дѣлаетъ меня человекомъ хорошимъ. Потому что не иду къ губернатору... не дѣлаю иныхъ завѣдомо бесполезныхъ попытокъ... и даже родителямъ этихъ дѣтей ничего не совѣтую.

А просто иду въ Градошу дѣлать мелкія географическія открытія.

Поскольку надо получить бандероль изъ города Ижевска. Алексѣй ошибся съ индексомъ, когда сообщалъ свой новый адресъ. Почтовыхъ отдѣлений въ Градошѣ оказалось цѣлыхъ два. Надо итти на Первомайскую, 3. Безъ ошибокъ ничего не бываетъ.

По пути на правильную почту онъ обнаружилъ внушительное зданіе, отдаленно похожее на Большой театр, и рекламный щитъ оповѣщалъ, что ведутся работы по благоустройству территории передъ городскимъ Домомъ культуры. И работы дѣйствительно шли полнымъ ходомъ. Но поскольку онъ былъ озабоченъ поискомъ Первомайской улицы съ почтовымъ отдѣленіемъ, то больше не сдѣлалъ никакихъ открытій по пути туда, а вотъ на обратномъ пути онъ былъ свободенъ и не могъ не замѣчать естественныхъ красотъ. Тѣмъ болѣе что шѣлъ онъ теперь по кромкѣ проспекта, ближайшей къ рѣкѣ. Его остановило тѣмно-бурое деревянное зданіе съ буквами ТРАКТИРЪ по краю крыши, явно тосковавшее по клиентамъ. Зданіе буквально нависало надъ крутымъ склономъ, спадающимъ къ рѣкѣ, и видъ изнутри, изъ оконъ трактора, долженъ былъ впечатлять. Но и прямо со склона, глядя внизъ на рѣчку – это была его рѣчка! – Алексѣй стоялъ нѣсколько минутъ, не желая уходить. Ровная гравійная площадка для автомашинъ продолжалась надъ обрывомъ обширнымъ свайнымъ основаніемъ для другого зданія. Ему показалось: дерево, но вблизи онъ увидѣлъ, что это сталь – подъ жёлтой краской и ржавчиной.

Женщинѣ, вышедшей изъ трактора, онъ сказалъ:

– Здравствуйте! Вотъ, люблюсь вашимъ пейзажемъ!

– А вы художникъ? Рисуете?

– Нѣтъ. Просто люблюсь. (И далъ себѣ слово прійти сюда съ камерой.) А это будетъ расширение заведенія? – онъ указалъ на свайный фундаментъ.

– Мы не знаемъ, чѣ это, – неопредѣленно отвѣчала женщина.

Онъ не сразу усомнился въ честности ея отвѣта.

– Вообще ваше мѣсто перспективное, – сказалъ онъ ей. – Если бы не градошинскій водопроводъ. Вы же видѣли воду въ фонтанъ?

– Да, – сокрушѣнно подтвердила она.

– Надо ставить вопросъ объ очистныхъ сооруженіяхъ...

– Ой, – махнула та рукой, – всё распилять, распихаютъ по карманамъ...

– Но жить тогда какъ?

Видимо, ихъ разговоръ кому-то показался слишкомъ продолжительнымъ: из глубинъ помѣщенія вышелъ на крыльцо мужчина, котораго Алексѣй опредѣлили азербайджанцемъ.

– Здравствуйте, – привѣтствовалъ его Алексѣй. И, обернувшись къ женщинѣ, сталъ прощаться:

– Спасибо вамъ за бесѣду! До свиданья!

Шагая дальше, онъ бормоталъ, какъ двѣ поговорки: распихаютъ по карманамъ, а подъ лежащей камень... распихаютъ по карманамъ... а подъ лежащей камень вода не течётъ...

Загѣмъ, читая вывѣску «Выпечка ручной работы», онъ задалъ вопросъ въ никуда: «А ваша вода – откуда?»

Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Ужъ лучше массовое, привозное, но не ваше.

Назавтра было Семнадцатое Іюля, и въ храмъ царя-мученика Николая былъ престольный праздникъ.

А послѣ полудня позвонила дочка и привезла ему нѣсколько коробокъ.

– Очень радъ тебя видѣть, доча. Хорошо выглядишь, молодецъ. Въ прошлый твой пріѣздъ ты выглядела изможденной. Чѣмъ вы заняты сейчасъ?..

Это онъ намѣкаетъ, что пора бы закончить съ подсоединеніемъ кухонной раковины. Поскольку отецъ ихъ поторопилъ своимъ переѣздомъ, этого тогда не сдѣлали.

Дочка простодушно сообщаетъ, что заняты кой-какими работами на рябовскомъ участкѣ, готовятъ его къ строительству дома.

Значить, надо будетъ повторить вопросъ, или намѣкъ, по почтѣ.

– А у насъ былъ престольный праздникъ: 104 года со дня убіенія Царской Семьи.

– Какъ-то странно праздновать убіеніе...

– Это – память. Всѣ церковныя дагы, праздники – это память. Па-а-мять!

Ну, рано или поздно, они это сдѣлаютъ – раковину въ кухнѣ. Онъ не ропщетъ.

Онъ ждётъ очередного июльскаго ливня – и соберётъ немного дождевой воды. А пока что смотреть на долину, на высокій берегъ съ автодорогой – и знаетъ уже, что линія домиковъ, косо уходящая къ лѣсу, стоитъ не на другомъ берегу, а всё на томъ же – правомъ, на его, Алексѣя, берегу... Потому что рѣчка дѣлаетъ петлю сразу отъ моста и поворачиваетъ къ югу, огибая высокую зелёную гряду съ дорогой, а потомъ опять течётъ къ сѣверу – вдоль шеренги этихъ домиковъ. Міръ болѣе понятенъ теперь.

И Алексѣй почти счастливъ. Въ «новыхъ» вещахъ изъ коробокъ онъ нашёлъ старую записную книжку, а въ ней строку изъ Есенина: «... всё любя, ничего не желать». Самая русская строчка нашей поэзіи.

А съ полки уже смотреть на него книга: Н. Н. Страховъ. «Міръ какъ цѣлое». Онъ будетъ её читать, обязательно.

А ночью былъ сонъ, гдѣ будто хоронили Алексѣя. И одинъ неузнанный другъ другому говорить: «У него всё хорошо. Онъ умеръ».

И онъ смотритъ на высокую зелёную гряду... О міръ какъ цѣломъ ещё не читалъ, но кое-что знаетъ: всё любя – ничего не желать; украинцы, какъ хорваты, только тѣ – на Балканахъ; въ Градошѣ рано или поздно построятъ водоочистку; церковный праздникъ всегда какъ память, а родители Алексѣя общаются – и сообщаются въ нёмъ, здѣсь.

Ему хочется думать, что Тамъ они могутъ видѣться... Онъ оборачивается къ монитору за новостями и оторопѣло смотритъ на клавиатуру, изъ-за которой поблѣскиваетъ серебряная цѣпочка; подвинувъ клавиатуру – или потянувъ цѣпочку (онъ дѣйствій своихъ не сознаётъ) – онъ видитъ возвращѣнный ему крестикъ.

Представить себѣ обстоятельства, когда бы онъ положилъ сюда крестикъ, невозможно. Не-возмож-но. А онъ здѣсь.

Надо перекреститься, надо помолиться. Надо поблагодарить.

И за то, что міръ, или міры, есть цѣлое, цѣлое... Цѣлое...

Проза

Дмитрий Горох

Дмитрий Анатольевич Горох – родился в 1975 году в городе Сортавала Карельской АССР. Окончил Петрозаводский государственный университет. По профессии инженер-строитель. Живёт и работает в Петрозаводске. Автор книги стихов «Возвращение к морю», книги стихов и статей «Пыльца на ладони». Подборки стихов выходили в коллективных поэтических сборниках Петрозаводска. Неоднократно печатался в журнале «Север». Статьи публиковались в вепском альманахе «Verez Tullei» («Свежий ветер» – на вепском языке).

ШУМИЛО

Рассказ

Такой чёрной непроницаемой темени и такой звонкой ошеломляющей тишины не бывало нигде. Вышел на крыльцо и – пропал. Глаза открыты или закрыты – совершенно не важно: ладонь, поднесённая к переносице, кроме как запахом пчелиного воска ничем себя не выдаст. В тёмной – без просвета – кладовке, где я иногда валялся на старом топчане, прячась от всего мира, мир не казался так безнадежен, как здесь, под открытым, усыпанным звёздами небом. Будто звёзды не источали свет, а вбирали в себя его остатки. Млечный Путь тянулся нескончаемым обозом куда-то за горизонт, с ним частицы света покидали землю, двор, сочились из-под крепко зажмуренных век. И представилось, что в невероятной загадочной дали прокачивает свет сердце мира, и пылающие протоки капилляров и вен через присоски-звёзды, пульсируя, насыщают мой мир смыслом: день-ночь, день-ночь, день-ночь...

Безответное, манящее, неохватное звёздное небо! «Открылась бездна звёзд полна» – золотые буквицы на чёрном бархате безмолвно тянулись вереницей огоньков, ссыпались в горловину сырой безлунной августовской ночи. И мне, мальчишке, отчаянно хотелось отыскать надёжные слова, выразить ими стремительные чувства. Не находя нужных и точных звуков, я почти задохнулся. На утро такие же, беззащитно-отчаянные, выгибались на тёмно-зелёном болотном мху плотвицы и окуни, выуженные из густого чернильного Тарасенковского озера, серебряно-чёрные, с выпученными безумными глазами, хватающие ртами рассветный туман нового дня, не умея дышать, как люди, не умея по-человечьи говорить!

Однажды, ещё дошкольником, здесь же, в деревне, придумав себя отважным разведчиком, я полз по-пластунски и – впихнулся в подземную трубу. Труба была частично забита, но впереди, размером с блюдце, светилось выходное отверстие. Я полз, пока не застрял. Вперёд пути не было, тогда я попробовал обратный манёвр. Не тут-то было! Вот тогда на меня нахлынула паника такая, что не было голоса закричать. Грудь сдавило, и дыхание давалось с усилием, воздуха не хватало... С огромным трудом, не сразу, упираясь головой и локтями и толкая себя на крошку назад, я выбрался, отдышался. Но страх тесных и узких пространств остался во мне, упав в копилку к самому первому страху: изрядно уже потёртому и заметному лишь по лёгкому адреналиновому отклику древнему глубинному ужасу темноты.

Отсутствие звуков обескураживало, молоточки и наковальни садняще ныли. Ночная деревня умела сдерживать дыхание, притаиться, чтобы прыснуть вдруг лающим, стрекочущим, хлюпающим, кашляющим смехом. Старческое кряхтенье деревушки внезапно рушило своды идеального всепоглощающего безмолвия. В этом антураже брюлловского последнего дня Помпеи я вспоминаю себя пробирающимся к дощатой уборной мальцом, не видя ни зги, балансируя на глинистой скользкой тропинке двора, преодолевая в себе детские страхи темноты, кишашей мультяшными чудовищами моего воображения.

Ребёнком выходные и летние дни я часто проводил в Метсямикли. В половине простого деревянного дома совхозной постройки жили дед с бабушкой. И если отчего и ломился дом, так это от гостей. В иные дни и баня и сеновал становились местом ночлега. Зятя и невестки, шурины и золовки, свояки и свояченицы, дяди и тётки, братья и сёстры! Чтобы не крутились под ногами, нам, сорванцам, и вечному нашему компаньону дворовому псу Полкану позволялось многое: ходить на реку и в лес, играть в войнушку в каменных развалинах старой финской конюшни, рыбачить, купаться, жечь костры, водить корову на пастбище, просто кататься на великах, исследуя окрестности.

Дед Женья занимался пасекой. В этом новом для меня, опасном и волнующем мире дед был бесстрашным проводником и инструктором. Ульи стояли в яблоневом саду, за хозяйственными сараями, сеновалом и хлевом, перемежаясь кустами смородины и крыжовника. Сад спускался к обрыву, упираясь в густой малинник, ивняк, непроходимые заросли крапивы и дудника. Сразу за ними, в узкой скальной ложбине, внизу грохотала и пенилась порожистая изворотливая речушка. Вода в каменной ванне, куда отвесно с переката ссыпались широкие струи, бурлила и пенилась, брызгала в лицо мелкой влажной пылью, вспыхивала и гасла радужными сполохами. А ниже по течению, тягучими тёмно-русыми косами обогнув перекатные булыганы, поток умиротворённо разливался, чтобы, сонно потянувшись на пенных подушках, лениво развернуться и – ухнуть в новую стремнину. Местные называли эти пороги шумилом.

Ещё ниже, там, где на берегу срубили баню, находилось корыто – каменная чаша в реке, глубиной почти в рост человека, куда мы, взрослые и дети, разгорячённо-краснокожие после парения, с гиканьем и уханьем прыгали. Чтобы затем, визжа и охая, ещё быстрее нестись обратно – в самое пекло парилки, на чёрные от времени и жара полки.

Старая банька топилась по-чёрному. Бревенчатые стены и дощатый потолок тускло отливали бархатным графитом, почти не отражая свет маленького оконца. Дед кидал воду на раскалённые камни – и младших сдувало как ветром с верхних полков на нижние, с нижних на пол. Старшим, то есть мне с братом, десяти-одиннадцатилетним пацаньятам, полагалось терпеть на самом верху. Волна горячего пара ошпаривала один бок, тут же, ударившись в стену, ожигала другой. Дед берёзовым веником сгребал остатки жара на наши спины, жилистый, кашляющий, расплывчатый в горячем тумане. «Выдерни чепуху», – смилостивится наконец дед, и я двумя пальцами, чтобы не вымазаться в саже, тяну за шнурок-завязку из продуха в потолке закопчённую меховую шапку-ушанку. И – о долгожданное счастье! – туман рассеивался, свежело, хохоча мы выскакивали в предбанник, дрались за алюминиевый ковшик, чтобы, зачерпнув из бочки студёной колодезной воды, окатить в первую очередь проигравшего. Вода пахла железом, воздух – берёзовым листом, копотью, разнотравьем цветущего луга, а время юности текло так широко и щедро, что казалось неисчерпаемым.

На простую удочку с поплавком в быстрине ловилась форель, в излучине блеснилась щука. Однажды нам с братом на донку попался угорь. Донка-закидушка была самой примитивнейшей конструкции: made in Метсямикли, по сути, оборванная леска с крючком и грузилом. Насадив жирного навозного червяка, вечером мы забросили донку в корыто, привязали к коряге, а утром пришли проведать. Такого невиданного зверя ни разу ещё не видали даже такие опытные пацаньята, как мы. Были, конечно, подозрения, что змеи под водой не водятся, и внутренний голос, вскормленный надёжной советской системой образования, подсказывал: это какая-то рыба. Но снять невиданного зверя с крючка мы не решались. Сначала поспорили, что правильнее: вызов добровольца или выбор по старшинству. Добровольцев не оказалось, а мою отличную идею старшинства забраковал брат, назвав меня молокососом. Так и понесли змеюку-угря домой на леске, рассудив, что зверь не совсем может быть бесполезен и пригодится попугать. Бродячих актёров, возможно, ждал бы успех. Но странствующих рыцарей, а гуляли мы в то лето тяжело вооружившись мечами и луками, ждал незаслуженный чулан. Кто ж мог подумать, что девчонки могут быть такими впечатлительными... А угорь нашёл своё место на чердаке, где вялились и другие рыболовные трофеи, на видном месте – между пятнистой форелью и зубастой щукой.

Со двора на пасеку мы попадали через подсобное помещение – пасечную мастерскую. Волшебное место, где дед был жрецом и кудесником. Дед здесь наващивал рамки, распечатывал соты и откачивал мёд, хранил готовые рамки с вощиной и сушь, готовил сахарный сироп для прикормки

пчёл, чинил инвентарь. На столе стояла медогонка, ручку которой мы крутили по очереди, и мёд медленно и тонко струился, наполняя стеклянную банку. Тягучая струйка ложилась на мёд горкой, петляла, выводила вензеля и тайные знаки. Вечернее солнце, выглянув из-за тучи, золотило прозрачную банку, мёд вспыхивал изнутри янтарным светом, обнажая сотни маленьких пузырьков. Скрипела ручка, вращался ротор в медогонке, пахло сладко – до головокружения. У всего этого действия была потрясающая гипнотическая сила.

Надев шляпу с сеткой и перчатки, раскопегарив дымарь с гнилушками, мы выходим в сад. Дед говорит, что, ужалив, пчела погибнет. Жало у неё зазубрено, как рыболовный крючок, оно намертво застревает в коже, и, улетая, пчела рвёт своё брюшко. Пчела не нападёт от нечего делать, но, защищая семью от грубияна и бестолочи, она не пожалеет и жизни. Отсюда первое правило на пасеке: не ругаться, не суетиться, не махать руками. Стоический характер в ребёнке вырабатывается болезненно, но скоро. После двух-трёх укусов. Слабому характеру достаточно одной попытки, чтобы понять и принять: безопасный мёд бывает только в магазине. Когда пчёлы роятся, они вообще поражают покорностью и смирением. Дед наполнял роёвню голыми руками. И внукам-пионерам, добровольно пожелавшим, конечно, насыпал в протянутые ладони по пригоршне пчёл. Это тот самый случай, когда тело отказывается жить по законам разума. Мысленный эксперимент понятен и прост, опыт безжалостен. Так дед проверял нашу силу воли. Мы с братом экзамен сдали.

Тихоходный бумажный кораблик, влекомый плавным течением, плывёт всё быстрее, быстрее – и вдруг с уступа с валом речной воды ухает в стремнину, в пропасть, бьётся о камни, мелькает в радужных брызгах. В этих порогах и перекатах – на короткое время – кораблик теряется из вида, здесь он принадлежит только себе и стихии. Неизвестно – сгинет ли он или, преодолев кипящие котлы, преобразится... Я нахожу кораблик за последним порогом шумила в маленькой тихой гавани посреди взбитой пены, суводью прибитым к берегу. Он пострадал, конечно. Помятый, размокший, но не затонувший бумажный кораблик я прячу в расщелине скалы. Здесь будет его вечный причал. Храброму кораблику отдаю пионерский салют.

Схоронив деда и бабушку, одна большая семья лишилась центра притяжения, распалась на несколько больших и маленьких семей. Новые семьи также росли и также распались, последующие поколения заступали на вахту старейшин, а предыдущие поколения мирно и чинно, давно установленным и незыблемым порядком, эту вахту уступали. Старый дом никому оказался не нужен, распродали и раздали пасечное хозяйство, со временем без пригляда накренились и рухнули подсобные постройки. Сад зарос. Поле и луг, сбегавшие к реке, перегородили заборы новых хозяев.

Теперь и я даже не гость на этой земле, а чужой почти человек. Словно из другой жизни и другой вселенной приходят мне на память события и картинки. Та же река, те же камни, покрытые мхом и лишайником, так ярко и так смело живописные, что слезятся глаза. И всякий раз палитра разная: летом, весной, осенью, пасмурно или солнечно – всякий раз новая картина, и всякий раз неповторимо, до замирания сердца, красивая. Та же беспросветная тёмная ночь, хоть глаз выколи, и те же сосущие моё существование звёзды-присоски, но кроме тьмы теперь ещё пустота на душе и в сердце, прореха в том самом месте, где хранилось ощущение детского покоя, неисчерпаемости времени, обратимости всего и вся на нашей земле. В каком-то смысле эту пустоту можно назвать осознанием и принятием твоего индивидуального изгнания из рая, временем разрушения иллюзий, взросления, одним словом.

Истлел без остатка мой бумажный кораблик, но даже властный шум времени не в силах пока заглушить зыбкую мелодию памяти, незримыми швартовыми притороченную к этим замшелым камням.

Проза

Валерий Старжинский

Валерий Павлович Старжинский – родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, автором четырёх патентов на изобретения, двух стартапов. Работает на стыке научной и художественной культур. На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ, в ток-шоу «Выбор» и на СТБ в ток-шоу «Такова судьба» по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи. Печатался в журналах: «Берега», «Польмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Член редакционного совета журнала «Берега». Опубликовано 17 монографий и учебных пособий, свыше 600 публикаций, из них 3 повести, несколько рассказов, эссе, рецензий и метарецензий. В целом более 30 произведений на художественно-публицистическую тематику.

ЖИЗНЬ И ВОЙНА

Повесть

Посвящается 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед вами необычная и оригинальная книга. Она посвящена 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Война как бы разрывает сюжет на две неравные части. Но хотя война и выступает одной из центральных тем этой книги, её главным сюжетом является жизнь. Жизнь простой белорусской женщины! Судьба этой женщины весьма типична для нашей страны и того исторического времени, которое здесь охвачено. Если бы вы спросили практически каждую женщину того же возраста, что и героиня книги, вы услышали бы похожую историю, которых я сам слышал в своей жизни немало, так как много расспрашивал пожилых людей об их жизни, о тех, ещё совсем исторически недавних временах. Поэтому можно сказать, что автор в своей книге отразил в судьбе простой белорусской женщины судьбу целого поколения.

Жанр произведения неординарен. Автор выбрал в качестве повествования рассказы нашей соотечественницы, в которых представлены наиболее яркие моменты её жизни. В этой повести изложена история, можно сказать, отображена судьба уроженки Полесья Лидии Григорьевны Прокопович (Бакунович), начиная с её детских лет, когда воспоминания человека наиболее полны богатых эмоций и ярких переживаний и остаются в памяти навсегда, включая трудные и трагические годы войны и заканчивая послевоенным временем. Стиль книги живой, непосредственный, светлый, доверительный, точно отражающий чувства, мысли, переживания, саму жизнь героини.

Читая эти строки, видишь, как бывает сложна, полна неожиданностей, тяжких трудов и забот, но вместе с тем и простых радостей и утешений человеческая жизнь. Как тут не вспомнить слова Я. Коласа из его бессмертного произведения «Новая зямля»:

*Эх ты, жыццё, жыццё людское!
Няма табе, няма спокою:
Ты суматоха, вір бурлівы...*

Выбор автором героини своего произведения не случаен. Это обычная женщина, на долю которой выпали тяжкие испытания, через которые проходила наша страна на протяжении прошлого века.

Нелегка судьба Беларуси. Находясь на перекрёстке культур и цивилизаций, много вынесла она на своих плечах. Много пришлось ей пережить в уже ставшем историей XX веке. Это – потеря наших территорий, которая явилась результатом несправедливого Рижского договора, заключённого третьими, по отношению к нам, странами, к заключению которого даже не допустили белорусов. А это вылилось в жёсткую ассимиляцию, ополячивание белорусского населения, находившегося в составе Польши. Ведь даже сейчас подавляющее большинство небелорусских историков и политиков рассматривают период с 20-х по 39-й год вне контекста интересов белорусского народа, как будто бы его и не существовало вовсе. Это Вторая мировая война, во время которой Беларусь потерпела огромный ущерб, если сравнивать со всеми своими соседями, и при этом героически сражалась с немецко-фашистскими захватчиками. Тем не менее интересы нашего народа оказались ущемлены в процессе послевоенного мироустройства этой части Европы. Это тяжелейшие послевоенные годы восстановления страны, со второй половины 40-х и до начала 60-х лёгшие тяжким бременем на плечи белорусов. Это годы активного развития Беларуси во всех сферах общественной жизни: экономике, промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре, социальной жизни, вплоть до начала 80-х. Это годы экономической, социальной и духовной деградации, Чернобыльская катастрофа, «лихие» 90-е, последствия которых мы ощущаем до сих пор, особенно если говорить о духовной и культурной сферах жизни общества.

Столько эпох и столько переломов пережила наша страна, и все они выпали на долю того поколения, которое нам представляет в своей книге автор! Он, несомненно, сделал великое дело – в жизни конкретного человека, как в капле воды, отразил череду сменяющих друг друга столь разных, трудных, знаменательных исторических периодов. История зачастую неласково обходилась с белорусами, но пережитое ими сформировало их миролюбивый, рассудительный, осторожный характер. Может быть, именно поэтому так сильны в нас отвращение к насилию, любовь к справедливости, желание спокойной и радостной жизни.

Христофор Филалет, один из белорусско-украинских мыслителей, писал в своём «Апокрисисе», что цель его книги в желании предупредить ложные представления «в нынешнем, а тем более в будущих веках, которые будут беспристрастно судить о вещах». Так и эта, написанная профессором В. П. Старжинским, повесть даёт нам срез исторической реальности, через которую прошёл наш народ. Она объективно и глубоко отражает его судьбу и не оставляет пространства для искажений и фальсификаций нашей истории.

Значимость написанной В. П. Старжинским книги трудно переоценить. В ней и типичная история судьбы простого белоруса, его мечты и надежды, любовь и боль; и грани ушедших эпох, с их радостями, трагедиями, утратами и свершениями; и глубокое понимание и мудрость жизни. Книга подкупает своей искренностью, глубиной человеческих переживаний, простотой и открытостью человеческих чувств и отношений. Она поражает количеством выпавших на долю нашего соотечественника испытаний, которые он смог перенести и остаться человеком. Она исключительно ценна для каждого из нас и особенно для молодёжи, поскольку позволяет увидеть истинную жизнь старшего поколения, на их примере убедиться, насколько силен, глубок, благороден и верен долгу наш человек. Героиня книги является для каждого из нас примером стойкости, веры в добро и справедливость, способности вынести любые испытания, победить и построить свою жизнь на основе самых высоких человеческих ценностей: стремления к совершенствованию, любви, материнству, созиданию. Она способна укрепить дух каждого человека, направить его жизнь в конструктивное русло, помочь в трудную годину, найти путь выхода из самых сложных жизненных перипетий. Эту повесть надо читать всем, чтобы не забывать о судьбе нашего народа, наполняться верой в его силу и способность перенести любые испытания, укреплять фундамент своей души и направлять свой путь к великим свершениям.

*доктор экономических наук, профессор,
академик НАН Беларуси П. Г. Никитенко*

ВВЕДЕНИЕ

Про героиню повести. У меня спрашивают, зачем тебе писать повесть о незнакомой бабушке, которая всю жизнь прожила в деревне. Она никогда не была нигде дальше своего райцентра. У моей героини два класса образования, а «третий – коридор» (по её словам).

Про смысл настоящего человека. Дорогие критики, я написал повесть о настоящем Человеке (извините за совпадение с известной повестью Б. Полевого) – истинном представителе белорусского народа, преданном гражданине своего отечества, мудрой женщине, заботливой матери и супруге, равнодушной к проблемам других людей. Смысл «настоящести» заключается в том, что ничто таких людей не может сломать – ни физически, ни духовно. Большие испытания делают их более зрелыми, мудрыми и светлыми. Слова бессильны, чтобы выразить чувства, которые охватывают 11-летнюю девочку при встрече с волком на расстоянии вытянутой руки. И как жить дальше, когда на глазах у неё, фашисты – звери в человеческом обличье – убивают маму и сестру.

Про образование. Его нельзя оценивать по количеству учебных заведений, которые окончил. Это всё равно, что оценивать сытость (отсутствие голода) по количеству меню, с которыми ознакомился. Образование – это умение личности правильно и с достоинством решать возникающие проблемы.

Про войну. Главное, чтобы не было войны. Эти слова мы, послевоенные дети, воспринимали серьёзно и понимали их смысл. К сожалению, ситуация изменилась. И мне совсем недавно в качестве упрёка и с насмешкой повторяли это заклинание-молитву про войну. Так вот, чтобы понять смысл этой фразы, война – это самое большое горе для всех, предлагаю сомневающимся поступить так, как довелось моей героине. Ступайте в лес зимой без еды, жилья, воды, спичек и соли и переночуйте там хотя бы неделю. А ей довелось жить в лесу две зимы. При этом эта «жизнь» протекала под страхом быть обнаруженной и убитой, как мама, сестра, односельчане.

Про смысл повести. Перед вами маленький фрагмент жизни – подвига белорусов в прошлой войне. Но не надо забывать, что это повествование и про трагедию белорусского народа. Про огонь войны, который опалил и военных и гражданских, и мужчин и женщин, и стариков и детей. Страшное горе принесла война **всем** белорусам без исключения. И они хорошо понимали, что главная ценность – мирное небо над головой. **ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ.** Именно этому посвящена повесть.

Настоящая повесть написана по воспоминаниям удивительной белорусской женщины, **Прокопович (Бакунович) Лидии Григорьевны**, которая родилась на Полесье на границе двух братских республик – Беларуси и Украины. Первые девять лет прожила в панской Польше. Как известно, с 1921 по 1939 год Западная Беларусь была под польской оккупацией. Неполных два года удалось прожить мирной жизнью в Советской Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны Лидия Григорьевна пережила ужасы фашистской оккупации, насилия и зверств нацистских преступников и их приспешников, которые сожгли заживо её маму и убили старшую сестру. Тем не менее воспоминания нашей героини полны оптимизма и мудрости. Она прожила долгую и светлую жизнь. Лидия Григорьевна в браке родила шесть детей – пять дочерей и сына. Она помогала растить 12 внуков, 18 правнуков и 1 праправнука. Мы с ней обсуждали содержание и структуру этой повести. Очень жаль, что Лидия Григорьевна не успела с ней ознакомиться. Пусть её жизнь напоминает нам, какое горе несёт война, какой ценой досталась нам наша Победа и какие люди её ковали. На фронтах и в тылу.

Автор выражает благодарность за неоценимую помощь в работе над повестью дочери нашей героини – Вотяковой Нине Ивановне, внуку – Вотякову Александру Александровичу, а также правнучке – Славинской Дарье Валентиновне, ученице 3-го класса Микашевичской гимназии им. В. И. Недведского.

Краткая биография. **Прокопович (Бакунович) Лидия Григорьевна** (25.08.1930–06.03.2024). Место рождения – д. Тимошевичи, Житковичский р-н, Гомельская обл. Муж – Прокопович Иван Антонович (20.05.1926–13.01.2003). Отец – Бакунович Григорий Андреевич (06.01.1902 г. р.). Мать –

Бакунович (Минич) Акулина Борисовна (1902 г. р.), убита немцами в 1943 году, на 41-м году жизни. Брат – Бакунович Павел Григорьевич (1935 г. р.). Сестра – Бакунович Анна Григорьевна (1925 г. р.), убита немцами в 1943 году, на 18-м году жизни. Дедушка – Андрей Долматович. Бабушка – Пелагея Герасимовна. Прадед – Долмат, в молодом возрасте вместе с братом переехали из Вилейки на Полесье. Долмат купил земельный участок в д. Тимошевичи, брат – в д. Стеблевичи. Лидия Григорьевна окончила два класса польской школы и два класса вечерней школы при советской власти, так как в возрасте 16 лет пошла работать в лесничество и проработала там до 1951 года. Вышла замуж в 1951 году и переехала к мужу в д. Гричиновичи, где работала разнорабочей в колхозе. Муж, Иван Антонович, работал в колхозе водителем, стаж 43 года. Иван Антонович во время Великой Отечественной войны в 1944 году ушёл на фронт. В период с августа 1944 по ноябрь 1944 служил в 210-м полку связи. С ноября 1944 по июль 1945 – был пулемётчиком в 208-м стрелковом полку, получил осколочное ранение. С июля 1945 по март 1950 был водителем бронемашин. За время службы три раза принимал участие в параде войск ко Дню Победы в Киеве. Награждён боевыми орденами и медалями.

1. ИСТОКИ

Моя родословная

Мои мама и папа родились в одной деревне Тимошевичи. Они там выросли и подружились. Но жили в разных концах села. Она в Пасеровском конце деревни (мужицком посёлке), а батька в шляхетном конце, расположенном в направлении местечка Ленин¹. Именно поэтому моя бабка и не хотела, чтобы её сын брал в жёны мою маму – бедную мужичку. Она была из бедной семьи, её отец рано умер и оставил пять девок и сына. С ними жила бабка Солоха и прабабушка. По отношению к моей маме у неё была мать и бабушка.

Однако мой папа не послушал свою мать и всё равно женился, хоть на бедной, но по любви. Как потом жизнь показала, выбор был правильный. Жена оказалась увишная, рабочая и сильная. Когда они отделились от его родителей, то стали жить гораздо заможнее, чем в родительской семье. У них было всегда и сало, и молоко, и хлеб. Молодожёнам пошанцевало (повезло) – они удачно купили себе кобылку. Для этого заняли деньги у деда – соседа по имени Халимон (Филимон) под небольшой процент. Кобылка попалась справная (здоровая и сильная), тяговитая (хорошо переносила нагрузки) и справедливая (хорошего нрава), не натуралиста (не рвала, не носила, колёса не ломала, збрую не рвала). Но главное, была плодovitая и заботливая мама – каждый год приводила по жеребёнку. Хозяева год подгадуют, а на второй продают коника. Вот так, копейка к копейке, и появился в доме достаток. Мама также вдобавок к работе по дому и огороду ходила на заработки в лесничество. Не гнушалась никакой работы: косить, сено грести, полоть, саженцы садить, дрова заготавливать.

Мою маму звали Акулина. Сёстры мамины: Ганна, Хведора, Ева, Лизавета. Ганна пошла в Залючичи замуж за Минич Андрея. У них было шестеро детей. Кстати, моей мамы девичья фамилия Минич. А фамилия отца Бакунович. Был один брат у мамы – Михаилко. Бабка ему варила кашу в горшке, кормила и приговаривала:

– Вот как вырастет Михаилко, то у нас будет в доме достаток. Он и накосит, он и напашет, и всё сделает.

Как-то пошла тётка Хведора полоть огород. Да тут её в поле гроза и застала. Как стало греметь да сверкать. Дождь полил как из ведра. Настоящий ливень. А укрыться от дождя было нечем. И все побежали прятаться под дуб. А молния в тот дуб и ударила. Опалило Хведору так, что на костях мясо поотделялось. Ещё одну женщину насмерть убило, а дитя, что в колыске висело, осталось цело и невредимо. А тётку мою Хведору закопали в землю для лечения, только голова торчала. И выздоровела Хведора, земля молнию оттянула. Теперь же для лечения везут в больницу, капельницы ставят...

Хведора полностью излечилась, замуж пошла и детей шестеро родила. Да только две девки остались – Тася и Альфина. Про Альфину... на Великдень (Пасху) свадьбу наметили, а она взяла да и померла к Великодню. Тася пошла работать в местечко Ленин. Пришли большевики и выбрали её секретарем в комсомольскую организацию.

Теклина мать и моя мать-то сёстры. Йович Еву немцы убили и сожгли. У неё было четверо детей. А её мужа немцы забрали в обоз товар везти в Германию. После войны он вернулся домой.

¹ Первое упоминание о местечке встречается в Летописях 16-го века и к В. И. Ленину отношения не имеет.

Под Польшей

Как нам жилось при Польше? Детство – самое счастливое время жизни. Школа, учёба, друзья – всё это было незабываемо и освящено радостью и счастливой жизнью. Но было и то, что очень омрачало моё и особенно моих родителей существование. Речь идёт о системе панщины и экономического неравенства. За ягодами в панский лес пойти – квит бери (покупай разрешение на сбор ягод). Хочешь заготовить дрова, даже валежник, тоже без квита не обойдёшься. Чтобы получить право на выпас коровы – тоже надо заплатить. Лес, луг для выпаса скотины, лучшие пахотные земли – всё принадлежит панам. Можно пользоваться землёй бесплатно в случае сервитута (общего землепользования, установленного государством) или в болоте корову пасти, где растёт рыжая, жёсткая осока. Чтобы купить хорошее, выросшее не на болоте, а на грудку (высоком месте) сено на зиму для коровы, надо было ехать в Гричин. Чтобы купить делянку (часть луга для выпаса коровы), необходимо иметь деньги, равные стоимости коровы. Ну и как выжить в таких условиях простому человеку?! Правда, шляхтичам давали значительные послабления.

В школе не разрешали разговаривать на родной мове, а только на польской. В итоге получалась трясанка – дома на белорусском языке с примесью украинского, а в школе – на польском... Детская память крепкая. До сих пор польскую песенку помню.

Przybyli ułani pod okęcie,
Pukają głośno do naszych panienek:
– Otworcie, panienki, dziewczyny!
– O Boże, o Kochanie! Co do cholery!
Otwórz, nie pytaj, kto się pojawił,
To wojownicy, żołnierze.

Пришли уланы под окошко,
Стучат громко нашим паненкам:
– Открывайте, паненки, девушки!
– О боже, о милый! Что за черти!
– Открывай, не спрашивай, кто явился,
Это воины, солдаты.

А уланы – это воины с реки Лань. Вначале по той реке граница польская проходила, а потом советы отступили, и граница пошла по реке Случь. Когда я ходила в школу, то нас учила такая паненочка – девочка молодая, которая сама закончила восемь классов. Нас та молоденькая учителька научила петь такую песенку.

Na pieniuszku, na sosnowym,
Jaworowa deska.
Tu, na jednym końcu Maryś,
Na drugim Terezka.

На пенёчке, на сосновом,
Яворова доска.
На одном конце там Марысь, [Мариуш – официальное имя]
На другом Терезка.

Помню также не только песенки, но и тот примус (принуждение), который оказывали власти на селян для строительства дорог. Каждый должен был отработать на пана определённое время, нарушителей ждал суд и даже телесное наказание – избивание розгами. Причём мужиков секли прямо на земле, а если из шляхетского рода попадался нарушитель, то подкладывали самотканку. Розги, стояние на коленях (иногда на гречке) применяли в школе за непослушание и нерадивое отношение к школьным обязанностям. Обучение в школе было платное, а за пропуски занятий взымали штраф. Также платным были медицинские услуги. Для бедняков они были недоступны.

Перед освобождением Западной Беларуси поляки предпринимали меры по укреплению границ. Но главное, боролись со «шпионами», которые нелегально ходили через границу к своим родственникам. Нарушителей подвергали избиениям и зверским пыткам. После некоторых люди теряли здоровье, иногда даже рассудок. В те времена относительно белорусов было полное бесправие. Владелец собственности – пан, как правило, жил за границей, а именем правил управляющий, имеющий неограниченные полномочия.

17 сентября 1939 года – день освобождения Западной Белоруссии – люди восприняли с радостью. Радовались тому, что отменили панские владения и земля стала принадлежать народу. Теперь можно было свободно ходить в лес за грибами и ягодами, пасти коров, заготавливать сено. Появилась возможность заработать копейку. Бабы шли на сенокос или другие работы и пели песни. При панах больше кручинились, а не радовались. Вот только война с немцами окунула нас с головой в горе беспросветное.

2. ДЕТСТВО

Работа и забавы

Родилась я в самую, как говорят, богатую пору, когда жито жали. Это где-то после Петра. (Тогда календаря у бедняков не было и точную дату никто не знал.) Когда выдавали паспорта после войны, то дату рождения писали приблизительно, ориентируясь на церковные праздники. Особенно радовалась моему рождению бабка Пагалея. Я ей очень понравилась.

– Очень красивую девочку Бог дал. Назовём её Лидкою.

Имя она выбрала в честь матушки нашего попа, которой прислуживала сестра бабушки и которой матушка очень нравилась своей степенностью и мудростью. В это же время у дядьки моего тоже родилась девка. Но была она очень крикливая, её колыхать было необходимо постоянно, а то она никому жизни не давала. По рассказам моей бабки, я была спокойная. Покормят меня, так я сплю часами, как пшеницу продавши. Бабка моя вспоминает. В конце лета жито жали. Во время страды все уставали от тяжёлого согбенного труда, особенно бабуля, которая старалась не отставать от молодых. Ловила себя на мысли: «Пусть бы малое закричало, то пошла бы да занялась. Всё передых бы был». Подхожу. Девочка не спит и не кричит, гуляется сама с собой. Думаю, грешным делом, – и муха никакая не залезла под полах да не укусила. То причина была бы около того дитяти отдохнуть...

Так всю жизнь и прожила. Такая спокойная, не задиристая. И бабка меня любила, и тётка любила, и я всех любила и зла за душой не держала. В детстве я очень любила танцевать. Помню, дед сидел на лаве да играл на губной гармошке, а я всё танцевала без передыху. Зрители сидели и аплодировали. Зрителей было много. Жили в одной хате две невестки, свёкор и свекровь и тётка незамужняя (Марилей звали), а также моя старшая сестра Ганна (Антя по-местному) и моя двоюродная сестра, тоже Ганна. Две Анны в одной хате. Чтобы не путаться, мою сестру называли Антя. А дядькова дочка называлась Ганна (не родная дочка, дядька взял жёнку с дитём).

Пришло время, и отделились мои родители в свою хату, которую построили общими усилиями. Мама ходила работать днями на поле, а я была дома, подрастала, ума набиралась. Мама мне оставляла на целый день кружку молока и горшочек затирки. Затирка была то ли из пшеничной муки, то ли с ржаной... Не помню. Мама давала наставление:

– Вот тебе на день кушать. Молоко стоит в сподачке (чашке) и затирка. Вольёшь в горшочек молоко и будешь есть в день. А к вечеру мы все придём с поля.

Как-то прибежала ко мне подружка Вера. Она была старше за меня года на два. Гуляли мы, гуляли. А потом я говорю:

– Я захотела есть, пойду домой покушать.

– А что тебе оставили поесть?

– Мама сказала, что затирка и молоко.

– Ну, побежали к тебе. Я посмотрю твою затирку.

Попробовала.

– Ой, какая вкусная затирка.

Да хлёб, хлёб с того горшочка.

– Вера, то ты ж оставь мне чуть-чуть.

А Вера ещё пару ложек съела и побежала домой. Я смотрю в горшочек, а там ложек четыре или пять осталось. Хорошо Вера поусердствовала. Летом день длинный, когда взрослые с поля придут. Чтобы есть не очень хотелось, всё воду пила. И наконец мама с поля возвращается, я встречаю её и плачу.

– А чего ты плачешь?

– Я есть хочу.

– А что, затирка скисла?

– Не-а.

– А что же случилось.

– Вера затирку съела.

– Она что, отобрала у тебя, или ты сама ей отдала?

– Я не давала, она сама за ложку, да и съела ту затирку мою.

– Вот, ну придёт к нам, разберёмся.

Прошло день или два. Вера тут как тут.

– А ты пришла снова гулять или Лидкину затирку есть? Я тебе сейчас покажу, как меньших обижать.

Вера с хаты мелькнула и неделю не приходила. Знает кот, чьё сало съел... Затем дружба возобновилась. Вот такое детство было.

Едва исполнилось пять лет, как меня определили на работы – гусей нужно было пасти. Они перелетали через забор и делали шкodu (вред наносили) – траву (съедали молодые проростки). Недалеко от дома был посеян ячмень и овёс, так гуси делали набеги по весне на этот огород и все молодые проростки сощипывали. Если их не отворачивать, то урожая не было бы. Гусей надо было гнать на копанки – место, где глину копали. Там были ямы с водой, где гуси плавали и всё время за мной наблюдали. Как только я где-то замешкаюсь, они тут же на посева... Особенно противный был гусак. Всё время шипел на меня и кусал за щиколотки. Только большого дубца и боялся.

Подросла я немного, и мне поручили пасти свиней. Пастила свиней я с тютюком (щенком). Он мне особенно не помогал в работе, но был хорошим другом и придумывал различные забавы. Как-то пошили мне новую сукенку (платье). Мама давала наказ:

– Гляди, платье новое, шануй (береги). Будешь на свято (религиозные праздники и воскресенья) одевать и на улицу выходить, к бабе в гости навещаться.

Бабушка жила недалеко от нас. Но я наказы забывала, когда играла с тютюком. Я бегу, а тютюк меня за платье зубами хватает, гыркает и тянет к себе, не пускает. Мне так смешно и весело. Он, как человек, всё понимал. Я тяну к себе, пытаюсь убежать, а тютюк не пускает. Пока мама не осмотрелась и не забрала то платье и спрятала в куфар (самодельный ящик, используемый для хранения одежды).

– Будешь в сорочке ходить, другого платья у меня не будет.

– Не злись, мамуля. Я же не виновата, что у тютюка такие острые зубки.

Как-то пошли взрослые на сенокос в соседнюю деревню Гричин. С сеном прибираться. А я решила поиграться с тютюком. Свиньи скучные и играть не умеют. Поскольку платье было под запретом, решила я надеть кожух (тулуп), который крепкий и который тютюк не порвёт. Нашла я на ложку (кровати) тулуп, который лежал у изголовья, напялила и побежала перед тютюком. Ему долго объяснять не надо было. Он в два прыжка догнал меня и зубами вцепился в тулуп. Я залилась от смеха. Мне показалось, что тютюк тоже радовался не меньше меня и рычал от удовольствия. А за это время взрослые прибрали сено в Гричине и мама обнаружила, что тулуп не на месте.

– Божухна милый, что это с кожухом сталося! Весь в лохмотьях, подранный в прах. И рукава, и подол...

И выразительно посмотрела на меня. А потом применила действенное воспитательное средство. Крапивою мама иссекла добре. А крапивою секти легко было. Штанов никаких, ни трусов не было. Но воспитание всё равно вскоре забывалось. Детская натура требовала забав. Никаких игрушек не было, забавы дети сами придумывали. Иногда взрослые оценивали наши игры не так, как мы думали.

– Опять нашкодила.

Но мы не собирались шкodu делать. Само так получалось. Вот какую игру мы придумали, когда пасли овец.

– Давай барана научим бодаться.

Барана за рога, с подружкой Ефросиньей:

– Баран, баран, бук. Баран, баран, бук.

Баран вырывался, не хотел букать. А потом понравилось барану букать. Убегаем мы от барана, а он вприпрыжку и за нами, догоняет и как поддаст, так мы падаем и заливаемся от смеха. Баран рядом стоит и ногой землю бьёт. Мол, вставай. Баран лежачих не бил. Потом игру разнообразили. Вдвоём от барана убегали, а он гнался за тем, кто ближе. Убегали в разные стороны, смотрели, за кем баран погонится. Хотя и баран, а решение всегда принимал правильное.

Нагодовали люди овец в селе много, каждый выпускает своих овец на пашу (пастбище). И решили объединить всех в отару и пасти по очереди. Громада решила: три овечки – день отпасать. Кто день пасёт, кто два, а кто и три. Отара овец не разбегалась, держались кучно. Впереди шли старшие, опытные овцы и бараны. За ними – молодняк. Иногда отару возглавлял козёл – непререкаемый авторитет. Идёт отара по улице. Мы залезаем на забор и зовём:

– Шута, шута, шута, шута, чу-чу-чу-чу-чу.

И овечки бежали в свой двор. А за ними ягнята как привязанные. А баран встанет около забора, где сидим и ждёт: – Ме-е-е-е, слезайте с забора. Овечки пойдут в хлев, а мы сидим. Наконец барану надоест ждать нас, и он тоже идёт в сарай. Мы бегом к сараю, чтобы дверь закрыть. Раньше нам это удавалось. А потом баран понял нашу хитрость и стоял в сарае, готовый к атаке. Он подрос, натренировался в поединках с друзьями и если догонял, то бил так, что мало никому не казалось. Под раздачу попадали все – и взрослые и дети, и бабушка и дедушка. Настало время, что из-за атак барана сарай было закрыть невозможно. Баран стал замечательным стражником ворот. Дожили до осени и вынуждены барана резать, хоть он был не старый, справный и шерсти на нём было богато. Но...

Вот такое было у нас детство, весёлое, трудовое. Всё время были при деле. Среди братьев наших меньших. Всё время придумывали себе забавы. Игрушек мануфактурных у нас не было. Где, кто их купит и за что? Сами шматы для ляльки крутили.

Как подросли, стали в подвижные (коллективные) игры играть, например, у того же палянта. Для этой игры нужен был мячик и бита. Среди играющих выбирают двух выкупников, и по два человека идут загадывать. Например, я буду дуб, а ты будешь берёза. Подходим мы к выкупнику и спрашиваем – дуб или берёза? Один выбирает. Например, называет дуб, другому достаётся берёза. Опять предлагается сделать выбор. Например, кошка или кот. Потом круг рисовали и в него к стене прислоняли биты. Потом берём палку и ударяем по мячику, а напарник бежит за мячиком и старается забросить в круг, где стоит другой напарник. В общем, эта игра типа русской лапты.

Мячик был не резиновый, как сейчас. Его вырезали с губы берёзовой (гриб чага). Чага выростала на берёзе, иногда на лежачей. Главное, найти старую губу – упругую и толстую, чтобы вырезать мячик достаточно большого размера. Он не отскакивал, как резиновый, но был немного упругий и летел далеко. А если высохнет, то больно ударял. И его нужно было менять.

Вот был случай. Я играла выкупником, а Людвися была первый номер. Она ударила и не попала по мячику. И стоит, ждёт, когда я ударю по мячу. И все побегут за мячиком. Потом снова будет наш черёд ударять. Мы мерковали (обсуждали), как же нам выиграть. Надо очень сильно ударить по мячу, чтобы он залетел далеко и соперникам пришлось бы долго бежать за мячом. Я взяла биты, крепко размахнулась и не заметила, что Людвися близко стояла. И битой той я попала ей прямо в лоб. А Людвися схватилась за лоб: – Ай-яй-яй-яй-яй!

Однако побежали мы за мячиком вместе с Людвисей. Смотрим, а у неё вот такой синий гузаг (опухоль) на лбу появился. Нужно шептать у знахарки, чтобы прошло без последствий. Шептали того синяка. Назавтра идёт по улице мама Людвиси, местное прозвище Морочанка, и ведёт Людвисю к моей маме.

– Пошли к твоей маме, чтоб она пошептала.

Пришли.

– Вот побачь, что твоя дочка сделала. Обезвечила (чуть не убила).

– Так мы гуляли в полянту.

– Какую чёртову полянту? Смотри, всю голову рассадила.

Ну, мама пошептала. Потом Людвиси некую примочку сделали, обвязали лоб, как раненому солдату. Может, за неделю зажил у Людвиси лоб. Вот такая игра была. И ранили, и лечили... Вот, про лечение.

А то был случай. Местные женщины Лена и Ксения подрались. За что, не помню. Может, причина – дети что-то не поделили. Женщины поругались вначале, а потом устроили драку. И Ксения битую побила Лену – ударила палкой по лбу. Лена приходила тоже к моей маме, чтобы мама пошептала ей удар. Мама пошептала, синяк сошёл, но Лена подала на обидчицу в суд в Ленин. Мою маму позвали в суд свидетелем, поскольку она шептала. В суде спрашивают:

– Ну, что ты скажешь? Ксения била Лену?

– А я не видела. Я не знаю.

– А к тебе приходила Лена, чтобы ты шептала?

– Ну, приходила. Она сказала, что надо пошептать удар. Чем-то там ударилась. А кто кого бил, я не видела.

Судья спрашивает мою маму:

– Расскажи, как ты шепчешь, чтоб это помогло?

– Ой, мне стыдно говорить такие нехорошие слова.

– Ну, говори. Расскажи, как ты шепчешь. Как надо шептать, чтобы это помогало?

– А я знаю, помогло ей или не помогло? Лене пошептала, говорит, помогло.

– Ну, расскажи, как же ты шептала.

– Шепчется так: шёл удар по крутой горе, насЪру батьку, матери и тебе.

Судья как рассмеётся и спрашивает:

– А батьку и матери за что? И ты так шептала или шутку рассказала? Ну, садись.

Посмеялись и не засудили никого.

Будешь рябая

Меня часто брали за няньку наши родственники. Как-то приезжал дядька Рыгор волом и вёз меня к Тасе, чтоб не боялась быть одна дома. Вот с Тасей мы играем, играем, потом подерёмся. Тася как-то говорит:

– У нас ласточки в сарае завелись, в гумне.

А я говорю:

– Ой, холера их бери, и у нас они живут.

– Пошли да разорим гнездо.

– А ты почему сама не разоришь?

– Я боюсь.

– Чего ты боишься? Возьми вилы да разори.

– Пошли да разорим.

– Пошли, подай эти большие вилы.

– На, пори.

Я порнула, гнездо кублей (кубарем) упало.

– О, теперь будешь рябая, рябая. Будешь рябая.

Я пошла на двор, села и плачу.

– Ты специально подала мне вилы, чтобы я была рябая?

– Не реви. Я знаю, что сделать, чтоб не быть рябой. Пойдём, да в том коритце, что коровы воду пьют, умоешься.

– Что, не буду рябая?

Я мылася, мылася – помылася. Пошли в хату. Тася опять:

– Всё равно будешь рябая. Это тебе не поможет.

Я пришла и сижу в хате. Напротив окна. А там под окном они хранили картофель. Сделали открытый бурт (картофелехранилище) до зимы. Поперёк того хранилища лежало две доски. Смотрю, идёт Тася по этим доскам. Я набрала в корец воды да и облила её водой, а сама забежала в хату и закрылась изнутри. Тася – бубух в эту яму, вылезла, подбежала к окну и опять за своё:

– А всё равно будешь рябая, рябая. – Ну, как же не драться?

Прошло время, голод примирил, поладили.

– Давай будем есть. – Поели, что нам оставили.

– Давай играть в прятки. – А куда прятаться? Ну, я Тасю нашла, Тася за бочками спряталась. А я решила в бочку залезть, а там было просо. Туда-то заскочила, а назад не могу вылезть. Просо как

вода под ногами переливается. Не во что упереться. Ну что же делать? Тася решила меня вытянуть, не получается, я важкая (тяжёлая). Если опрокинуть бочку, то просо высыплется. И я придумала. Тася мне подавала разные вещи, а я мостила под ноги и так выбралась, и бочку не опрокинули. Назавтра мама немного проса на полу нашла.

- А это что? Почему просо на полу?
 - То мы в прятки играли. Да в бочку прятались.
 - Вот придумали. Могли же чего угодно в просо насыпать, – ворчала мама.
- Потом подмела пол, а просо курам высыпала.

Как стать счастливой

Теперь хорошо растить детей, а никто не хочет. В семье один, ну два ребёнка. А если три – то семья считается многодетной. Не успеет ребёнок родиться, а ему покупают одежки разные, памперсы-шмаперсы, коляску-малыску и много всяких игрушек. Когда мы росли, у нас не было ничего покупного, не было за что покупать. Да и не выпускали, наверное, детскую одежду и обувь в таком количестве, чтобы всем хватило. В моём детстве шили детскую одежду сами родители или их родственники – портнихи, и сами изготавливали обувь.

Моего папу один еврей, который жил в местечке Ленин, попросил, чтобы папа привёз ему какого-нибудь ломачья (хвороста) топить печь. Ну, папа насобирал какого-то ломья полный воз, да и завёз на седибу просяку (на усадьбу просителю).

- А что тебе дать за это гальё?

А папа говорит:

- Вот у меня девочка ходит в лапоточках. Может, у тебя есть какие-нибудь башмачки для неё?
- Есть у меня для неё резиночки (резиновые галоши) новенькие. – Ну и дал папе резиночки.

Как привёз папа те резиновички мне, ай. Сколько было радости, до сих пор вспоминаю то счастье, которое на меня нахлынуло. Блестящие, чёрные, а внутри красная подкладка, и с ремешком, на пуговицу застёгивались. Грешным делом подумала: вот выйду завтра на село, и Верка и Фроська обзавидуются. Расставаться с башмачками не хотелось. Легла спать, башмачки под подушку положила. Долго не могла уснуть, всё думала, как завтра подружек удивлю. А может, не могла уснуть по другой причине – они пахли необыкновенно. Я раньше таких запахов никогда не слышала. Я их достала из-под подушки, лизнула, поцеловала, положила на место и наконец уснула. Однако назавтра взрослые не дали одеть башмачки. Наконец наступило воскресенье. Первым делом решила показать башмачки лучшей подружке – любимой бабушке. Там живёт и Ефросинья (дядина дочь). У неё тоже нет таких башмачков. Вот и ей похвастаюсь своими туфельками. Наспех поела, собралась, надела новые башмачки и пошла к деду с бабой. Точнее, не пошла, а полетела на крыльях. А на улице подмёрзло. Я решила идти не через огород, чтобы не загрязнить волшебные башмачки, а тропинкой. По дороге встретилась небольшая, но глубокая яма-копанка (копали глину), которую все обходили, потому что она всегда заполнена водой. А теперь вода замёрзла и покрылась блестящим льдом. Мне стало интересно – лёд уже крепкий или слабый, удержит ли меня. Я осторожно попробовала одной ногой – держит, стала другой – держит. И тогда я оттолкнулась и заскользила по льду. Думаю, вот красота. Башмачки можно ещё и как коньки использовать. Однако до другого берега не доехала совсем чуть-чуть и остановилась. И тогда я прыгнула на берег, а нога, которой я отталкивалась, провалилась под лёд. Я быстренько её выхватила из воды и очутилась на берегу, а башмачок слетел, зацепился за лёд и пошёл ко дну.

А я стою на одной ноге, как буслик, и кричу, кричу на всю деревню. И папа прибежал, и мама прибежала, и дед, и бабуля.

- Что случилось спозаранку, что так дитё кричит?

Папа меня под мышку и понёс домой.

- А башмачок?
- А башмачок утонул.
- Надо достать.
- Пусть пока полежит до завтра. Потом достанем.

Ой-ой-ой. Что было крику! Неопишуемая радость сменилась безутешным горем. Вся надежда была на папу и завтрашний день.

А на завтра мороз ударил нешуточный, и башмачок зимовал на дне копанки. Пока не пришла весна. Папа взял грабли и достал того башмачка. Мне его не показывали до Пасхи. Высушили его. Ну, он сильно постарел. Перестал блестеть, красная подкладка отклеилась и стала серая. Я всё-таки ждала этого момента всю зиму. И когда надела – одна нога блестела, а другая была никакая. И радость моя улетучилась.

И папа решил мне настроение поднять. Пошёл он в местечко Ленин и купил мне и Павлику по конфете. Одна конфета стоила одну копейку. Я папу обняла крепко, поцеловала, и опять счастье ко мне вернулось. В общем, жизнь наладилась. А мама за эту бесполезную трату денег папу отчитывала:

– Что ты приучаешь этих детей? Съели они по конфете или нет, одна польза. А если что серьёзное покупать и копейки или двух не хватит – товар никто не отпустит. – Вот такое было наше детство. Но оно было прекрасной порой. Если бы не война и гибель мамы и сестры.

Без вины виноватая

Взрослые нас оставляют дома, а сами – на полевые работы. Ну а я играю целый день с одногодкой Фресыней – моей двоюродной сестрой (дочкой брата моего отца). Живём отдельно в своей хате, а Фресыня вместе со всеми. Там все – дед, баба, тётка, дядя и две сестры. Мы игрались между собой, нам казалось, что ничего плохого не делали, а оказалось, что напакостили хуже некуда.

Как-то зашли мы под навес, там стояла повозка, мы на том возе гарцевали. Смотрим, а там стоит велизний чугунок с ушами (проушинами), а в нём дёготь – смола, которой колёса смазывают. Эта смазка на солнце нагрелась, блестит и нас притягивает, как мух к мёду. Сперва окунули палец, медленно стекает и тянется-падает, как толстый червяк. Потом стали на руку мазать, рука блестит как лаковая, прямо солнце отражает. Затем обе руки сверху покрасили. Потом руки опустили в смолу и все ладошки и пальцы – все покрасили, нигде белого не оставили. Красиво так сделали. Фресыня дальше пошла и щёки намазала. Я решила не отставать. Смотрим друг на друга, хохочем – загляде-нье. Никогда такими красивыми не были. А пока щёки мазали, то слегка на косы попало и на шею накапало и на сорочки. Я говорю:

– Давай смывать. На сорочки попало. А то баба увидит – заругает.

А тут и баба. Легка на помине:

– О Господь милостивый. Что это вы натворили! – Посмотрела: – Хорошо, что того чугунка не перевернули, а то не было бы чем колёса мазать. Вы знаете, зачем нужно смазывать колёса? Чтобы легче было ехать, потому как сухие колёса то даже вол с трудом потянет. А вы себя зачем намазали? Сейчас я вас отмою.

Баба за крапиву. Там, за сараем, она её специально выращивала для нас. И давай крапивой хлестать. Фресыне меньше досталось, а меня хорошо бабка отходила. Я как начала кричать, прибежала моя мама и на бабку:

– А что это ты делаешь?

– Что делаешь? Посмотри. Они же не на детей, а на чертей похожи.

Ну, мама меня повела домой. Всё снимала с меня и сорочку. Мы только в одних сорочках бегали. Налила в ночвы тёплой воды, взяла мыла кусок и давай меня мыть. Моёт и приговаривает:

– Моём, моём, чисто, чисто трубочиста.

Вода уже сделалась чёрная, а дёготь не отмывается. Вылила мама ту воду, другую налила и давай снова меня мыть. Обмыла, передела в чистую сорочку. И взявши тропкача, давай учить. И опять, сорочку задравши, по всём нахвостала, нахвостала и отправила спать на кровать. Я легла и уснула как убитая. А мама потом ворчала, что кусок мыла на меня израсходовала, пока меня от того дёгтя отмыла.

Прошло время. Про дёготь мы забыли, да и убрали его в сарай, чтобы на глаза не попадался. Но мы бы и сами опять не полезли, учёба шла на пользу, и мы уроки запоминали. Правда, ненадолго.

Фресыня как-то играла в саду у бабы. Меня позвала. А у бабушки в саду одна яблоня росла. Сорт – цыганка. Расфуфыренная такая, на две большие ветки раскинулася. А яблок на ней – не перченье сколько. Цыганкой называлась потому, что яблоки были чмурые такие (смуглые), большие и твёрдые. Зуб не вобьёшь. Всё лето они были кислые, даже немного горьковатые. Есть невозможно. А рвали их, как начнётся заморозок, пока иней их не переберёт. И тогда бабушка их снимала и складывала в такие кадушечки – бочечки с крышкой. И целую зиму нас всех этими яблоками частовала (угощала). Каждый день давала по одному. А когда их оставалось мало, то разрезала яблоко на двоих.

И вот Фресыня решила залезть на эту яблоню. И меня зовёт:

- Давай, залезай и ты. Я на одну ветку, а ты на другую.
- Нет, я не полезу, а то баба будет ругаться.

Забралась она на ту яблоню. И решила получше примоститься. А яблоня взяла да и разодралась до саменького долу (земли). Она так напополам и развалилась. И упала одна сторона, а потом и другая. Я говорю:

- И что теперь будет? Как яблоню связать вместе?

И тут баба приходит:

- Ах, а что это вы наделали?

Фресыня говорит:

- А это не я, это Лида.

Баба опять за крапиву и давай меня невиноватую хлестать той крапивой. А Фресыня убежала и спряталась до вечера.

А ещё был случай на поле. Мама с папой жали серпами жито. Уже дожинали. Ну а мне скучно там, и я им мешала работать всякими вопросами и просьбами. Около мамы не очень покрутишься, а около папы было проще.

Мама говорит:

- Беги в тот ягодник, насобирай жменьку (пригорщи) ягод и нам принеси.

Предложила занятие ребёнку, чтоб не приставала. Я и побежала в тот ягодник. А была босиком. Слышу, что-то журчит. Я решила посмотреть, что там журчит. Постояла, посмотрела никакого жука не увидела. Только хотела уходить, как меня кто-то за ногу укусил, за палец-мизинец. Я закричала:

- Мама, ох, меня жук за ногу укусил, – и бегом к маме.

- А ты видела, что жук?

- Нет, я не видела.

- А откуда ты знаешь, что жук?

- Он журчал.

- Как он журчал?

- Ш-ш-ш

- Шипел? В ягоднике?

- А я хотела посмотреть, что это за жук.

Мама посмотрела на мою ножку, за меня и побежала. Понесла к бабке, которая шепчет гадюку. Той бабки не было дома, на поле работала. Понесла на поле. Люди подсказали, где, на каком урочище того поля. Занесла туда, и бабка пошептала от укуса змеи. Ну, у меня нога очень долго болела. Укусила гадюка поздним летом, а к бабке ещё носили на лечение до первого снега. Почему к врачу не возили? Потому что тот врач за десять километров находился. Не было времени к нему ехать. Все были заняты работой. Жито сжали, потом снопы надо свезти в сарай, потом обмолотить, потом копать картофель, потом... Осенью день год кормит. Убрать урожай надо было обязательно, иначе зимой есть будет нечего. Поэтому никто никуда поехать не мог, да и денег не было на лекарства.

Отдых в воскресенье

Как-то погнали мы с сестрой Антею коров пасти. Решили загнать стадо в тот гаёк, который рядом с житнёвым полем, и хорошенько напасти, чтобы скоро наелись коровки. Потом пригоним домой, а сами будем гулять. Дело было в воскресенье – выходной день. Решили – сделали. Загнали мы коровок, всё идёт по плану. Паша хорошая, трава сочная. Одна сестра с одного боку, другая с другого, потому что между житом этот гаёк находился. Вот соседка свою корову пригнала в стадо:

- Ой, девочки, вы не видели, какой хорошенький воробышек здесь живёт?

Да руку свою шась туда в дуплянку (дупло). Около поля старый дуб стоял, велизарный. Мы не видели той дуплянки. Вынимает она воробышка. Такого хорошего-прехорошего. Но это был не воробышек, а сойка вывелась в том дубе. И голубой цвет на ней, и синий, белый, чёрный, как на крыльшках, так и на головке.

- Ой-ой-ой. Красота какая.

Поглядели мы на птенца и решили посадить его назад в тот дуб.

- Дайте мне.

– Ай, нет, ты задушишь.

Соседка посадила птенчика в гнездо. А я думаю сама себе: «Я его достану из этого дуба, занесу домой да покажу всем детям. Пусть посмотрят, какой он хорошенький, этот птенчик». Направила я от своей стороны коровы в сторону Анти, а сама бегом к тому дубу да и вложила в ту дуплянку свою руку. Не достаёт моя рука до того птенчика. Я подложила палочку под ногу, чтобы было повыше. Чуть-чуть ещё осталось. Я подпрыгнула, а моя палочка-подставочка хрясь и переломилась. А я на своей руке повисла. Ноги не достают до долу. А сестра зовёт:

– Лида, Лида, где ты, что коровы в жите?

– Так на дубе вишу. Помогги, а то рука оторвётся.

И стала громко плакать, потому что очень болела рука.

– А-а-а, как это ты? Потерпи.

Сестра прибежала к тому дубу и помчалась выгонять коров с жита. Коров отвернула и скоренько вернулась. А я вишу на руке.

– Ай-яй, что ж теперь делать? Как это тебя угораздило?

– Палочка обломилась. Видишь, дуплянка широкая, а внизу сужение. Вот в этой расщелине моя рука и застряла. Подними меня повыше, чтобы я руку освободила.

И сестра давай подтягивать меня вверх, чтобы руку вытащить. Крепко затиснулась рука, сил не хватает, чтобы вытащить.

– Давай не поднимай вверх, всё равно не получится. Попробуй тащить вниз за руку. Может, вылезается. Ой, хватит! Не тяни. Руку оторвёшь.

– Потерпи ещё маленько. Я сейчас.

И что есть духу помчалась в гаёк. Прошла целая вечность, пока она вернулась. Тащит какой-то пенёк. Подмостила мне под ноги и командует:

– На пальчики вставай и руку вверх ослабаний (освобождай).

Я встала на эти подмости и руку вверх пытаюсь вытащить из этой расщелины. Наконец всё получилось. Освободили мою руку и меня целиком. Птенчика не трогали. Было не до него. Рука вся ободранная, кровь сочится. Коровы пошли по всему житу. Сестра за мой платок, обмотала руку и опять коров из потравы выгонять. А кора под дуплянкой окровавленная и вся подранная, как будто её собака погрызла. Платок и платье на боку покраснело от крови. Гоним мы стадо домой, мама нас встречает.

– Божухна милостивый. Хиба волк на тебя напал? Кто это тебя так погрыз?

– Сойка виновата.

– Какая сойка? Антя, что это с ней?

– Это она хотела достать сойку из дуплянки. Да повисла на руке.

– Оо боже ж мой, о милый мой.

Загнали домой корову. И мама стала меня лечить. Налила в ночвы (корыто) воды, обмыла меня. Скинула с меня это всё. Обмыла руку, замотала, разодрала старую полотняную сорочку и шматкою прямо на раны. Надела сухую сорочку, помытую. И опять взялася за трапкача и схвостала меня трапкачом этим. Трапкач – полотенце такое, когда ткут кросна, то до конца до пруточков не доходят, а отрезают, остаются такие нитки. Затем те нитки повыют в шнурочки, а на концах узелочки позавязывают. Такой трапкач был в каждой хате, и всех детей учили этим трапкачом. Дети знали, зачем висит рушник-трапкач. Нашкодили – отведдай трапкача. И детям хвось, хвось. И болуче, и не вредно, и педагогично. Вот так мы отдохнули в воскресенье.

Дедуля

Меня дед часто брал на делянки в лес на разные крестьянские работы. Многие люди часто ездили на такие работы ночью, чтобы спастись от заеди (гноса). Днём слепаки (оводни) на болоте нападали на коней и на людей. Спасу не было. Дед был не дужий (старый, слабый), и я была малая, кто коня удержит, когда его оводни облепят и начнут кусать. Конь спасается от заеди, как может – мчится галопом, не разбирая дороги, домой. Но дед ночью боялся ездить, бо волк коня может загрызть, которого выпрягали из телеги, чтобы он кормился сочной травой. Зачастую дед брал меня с собой, чтобы я поводила коня, когда садили или обгоняли картошку. Однажды дед шёл за плугом, споткнулся и упал. Конь утямил (понял), что дед не держится за плуг, и давай убегать с делянки. Я бегу за конём, тпрукаю «тпру, тпру», однако конь не обращает на меня внимания и ускоряет ход. С плугом пробежал

около трёх километров и остановился возле нашей хаты. Что делать? Дед впрягся в телегу, я толкала сзади и потащили наш возок в тень под грушу-дичку, которая росла на нашей меже.

– Сиди на возе, а я пойду домой по коня.

Привёл дед коня, и мы до вечера орали (пахали), пока не закончили всю работу. Дед меня брал с собою, когда ездил на сенокос или за готовым сеном. Находил мне работу – огонь развести, дубцов насечь...

– Нагни берёзку, где будешь сечь, а если она будет прямиком стоять, то ты будешь долго рубить. Нагнёшь её в том месте, как рубанёшь, так она раза за три и повалится та берёзка, – поучал меня дедуля.

Потом носила те берёзки на одёнок (подкладывали под стог и укрепляли стог сверху), а дед сам делал одёнок для стога – обкладывал им стог от ветра и дождя. Воду деду подносила, когда он пить захочет, потому что вода стояла в тенике где-нибудь. Потом с дедом ездила на поле по снопы. Он меня везде брал. Я любила с дедом ездить. Дед мне рассказывал всякие сказки-небылицы. И всю дорогу мы едем на телеге и разговоры разговариваем. Я вопросы задаю, а дед рассказывает, как жили люди, когда он был маленький. С бабкой не очень хорошо было на поле работать, потому что там комары кусали да всякая такая заедь и мошкара. С дедом на возе было ехать любота. Я любила ездить помогать деду.

Запомнился случай, когда мы с дедом поехали за гречишными снопами. Гречаные снопы малые, поскольку гречка низкорослая. Дед меня на воз посадит, я на телеге выкладываю снопы рядками, а он мне подаёт вилами те снопы и командует, куда что класть. Вначале надо было положить крайние ряды, а затем верхними снопами прикрыть нижние, чтобы всё держалось и не разваливалось.

Ну, уложили те снопы кое-как, потом дед подаёт мне на воз рубля (жердина в диаметре сантиметров пятнадцать и длиной метра на полтора длиннее телеги). Я укладываю того рубля точно посередине телеги, и начинаем утискать (ужимать) эти снопы, чтобы довести до дома. Под руководством деда зацепляю рубель под петлю впереди воза, и дед меня ссаживает с телеги, чтобы я помогала ему ужимать воз. Дед сделал несколько оборотов верёвкой вокруг рубля, снизу телеги зацепил верёвку за специальные крючки. А дальше надо было по очереди тянуть за верёвку по команде деда, чтобы ужать воз. Дед подаёт команду: «Го! Го!» Когда раздаётся команда «Го!», то необходимо тянуть, а в промежутках между командами надо было отпускать ту верёвку. Затем дед залез на воз, стал одной ногой на рубель и опять начал: «Го! Го!» Потом поскользнулся или зацепился за рубель и оттуля гопнул долу, а ещё и меня, падая, сбил с ног. Я покатила, покатила, как колобок. И так мне смешно стало, что я стала хохотать громко, потом встала и подхожу к деду. А он лежит, как мёртвый, и мне показалось, что не дышит. Сразу мой смех пропал. Ай-яй-яй, дед убили, лежит и не ворухится. Я за деда, за грудь и начала его тормозить, кричать: «Деду, деду». И тут дед ожил и опять: «Го! Го!» И опять меня нервный смех разбирает, однако не смею смеяться.

– Забило дух, и если б девочка не поколотила, то, может, и кончился бы на месте.

И я долго смешно вспоминала, как дед кулём упал с воза. Понимала, что сметься со старого – это грех, а дед был большой такой, толстый, очень неуклюжий дед, похожий на тюленя. Потом забрались мы на воз и едем с дедом домой. Еду на телеге, и опять на меня смех напал.

– Ай, глупое дитя, если бы ты меня не расколотила, то я бы помер, а тебе смешно.

Когда я описала деду, как он шикарно пикировал, то в конце дороги и дед стал хихикать вместе со мной. Правда, попросил никому об этом не рассказывать. Слово я своё не сдержала. Не прошло и во семьдесят годков с той поры, как я вам рассказываю наше приключение. Но дед на меня не обиделся за мои хиханьки. Мне кажется, полюбил меня ещё больше, называл «моя спасительница». Вот так мы с дедом жили и трудились на мирном фронте.

3. ЗВЕРИ И ЛЮДИ

Волк и человек

Как-то папа говорит: – Пойду я покосить сено коровам на зиму, а тебя заведу на нашу делянку, просо там посеяли. Ты будешь просо полоть. Я покажу тебе, где просо и как выглядит зелье. Что надо рвать, а что надо оставлять. Тут любой разберётся, – сказал он с улыбкой. – Буду здесь недалеко. Через час приду.

Ну, папа показал мне, что к чему, и оставил одну на просяном поле, которое располагалось среди густой чащи лесной. Поле широкое, большое, нигде никого не видно и не слышно. Куда пошёл и где искать моего папу? Как-то мне стало не по себе, стало страшно от одиночества. Чтобы забыть про страх, я стала рвать пустозелье, стараясь не повредить это дурацкое просо. Однако страх не проходил, а, наоборот, усиливался. И вдруг слёзы потекли сами собой, и я заплакала в голос. Рядом никого не было, а я чувствовала приближение чего-то страшного. Никого нет рядом со мной, а я плачу по убиенной маме, плачу по убиенной сестре. Представляю, что я тоже сейчас умру вслед за ними и вознесусь на небо. И я стала оплакивать себя, стала в разору (колею) на колени и заплакала сильнее, прямо зарыдала.

И вдруг мне на голову песок какой-то сыпнулся. Я подумала, что это какой-то человек услышал, что ребёнок плачет, подошёл, и у него из лаптей песок сыпанулся прямо мне в лицо. Я боюсь открыть глаза и жду, когда он заговорит. Однако никто ничего не говорит и не трогает меня за рукав. Я подняла голову и протёрла руками глаза. Ух! Глаза в глаза я встретилась взглядом с волком, который стоял напротив меня на расстоянии вытянутой руки. Глаза у него были светло-жёлтые, с большими круглыми зрачками, в которых было любопытство. Мои глаза встретились с волчьими, и никто не мог отвести взгляда. Я в волчьих зрачках вижу своё отражение: заплаканная, мурзатая девочка с открытым от страха и удивления ртом. Я на коленях сидела, медленно поднялась и стала кричать не своим от страха голосом:

– Тато, вот волк подошёл, волк! – И давай окликать папу: – Тато, вот волк! Тато, вот волк!

И я стою, не шевелю ни руками, ни ногами. И волк стоит, не шевелится. Стоит неподвижно. Смотрю ему в глаза, а он в мои. В общем, устроили гляделки, кто кого пересмотрит. Стою и как заведённая кричу одно и то же: – Тато, вот волк!

Я не знаю сколько минут я так кричала: «Тато, вот волк! Тато, вот волк!» А нет нигде никого. А потом тот волк потихоньку стал разворачиваться. Передние ноги его были на поле возле меня, где я полола, а задние ноги были в разоре, где был край нашего загона. И вдруг я слышу, что кто-то едет волами по лесной дорожке, которая проходила вдоль нашего поля. Это потом я поняла, что волк первым услышал скрип телеги и голос возницы:

– Цыба, Цыба, ксок, ксок, ксобира-буй, ксобира-буй, Цыба сивуй, Цыба!

Голос до меня донёсся такой. А я стояла как остолбенелая и наблюдала за волком, который услышал, что по дороге некто едет, колёса по тем оврагам «гопи-гопи» скрипят. Человек всё волов погоняет, командует, куда им надо поворачивать и объезжать яруги. А волк развернулся как-то странно, будто у него шею заклинило, и пошёл не спеша в сторону леса, болота, высокой рыжей травы. Поставил немного, посмотрел на меня и продолжил путь. Отошёл немного и снова стал и стоит, надзирает за мной, будто никак не хочет расстаться. А я стою как под гипнозом, не воруюсь, не могу отвести взгляд от его глаз. При этом продолжаю кричать как заклинание:

– Тато, вот волк! Тато, вот волк!

Волк опять стронулся с места и пошёл в конец загона, где было посеяно просо, и скрылся в высоких зарослях мха и рыжей травы. Как только он скрылся из виду, у меня включились ноги, и я на деревянных ногах стала выходить на дорогу, где люди ехали и было моё спасение. Опять вернулся страх, от которого напал колотун, я вся тремтела как в лихманке (дрожала как в ознобе), а зубы стучали не переставая.

На тех волах ехал мужик и две женщины. Не местные. Проехали краем поля и остановились. Ездили они в гости на Плечишьё, а сами были из Хоростова, из тех хуторов. Остановились, поговорили со мной, успокоили, посоветовали перейти на другой край поля, подальше от леса и волка. Я немного пришла в себя и стала полоть опять. А сама всё посматриваю, не идёт ли волк. Всё гляжу туда, куда тот волк исчез. И вижу – волк снова идёт обратно ко мне, трава рыжая колыхается. И опять всё началось сначала. Я поднялась закричала:

– Тато, вон волк. Господи.

И тут появляется из той травы мой папа и бегом ко мне. Он сразу всё понял. Прибежал на поле, когда почувствовал неладное с доней. Перестал косить, потому что перед глазами появился туман и полились слёзы. А в том тумане возникла небожница (покойница) мама: «А я же тебе говорила, девку нигде не оставляй саму. А на что же ты её оставил? Там же вокруг неё волк крутится. Беги быстрее через Белогорку».

Наше урочище и поля находились в так называемой Белогорке.

Папа говорил, что бежал он в эту Белогорку напрямки через непроходимое болото, через которое даже зверь не проберётся, и нигде ни разу не провалился.

- А я думала, то волк обратно идёт ко мне.
- Пошли, дочка, домой.

Да за меня. И завёл меня в тот стан, где косил траву. С тех пор меня саму никуда не отправлял. Пошёл назавтра и к тётке, и к бабке и всё рассказал.

- Берите девку с собой. И пропалывайте вместе и своё и моё поле.

Тётя Александра подтвердила, что нельзя оставлять девку саму в лесу. Волк от неё не отстанет и будет преследовать. И я с тех пор всю весну ходила и с тёткой, и с бабкой полоть то просо.

Почему тот волк не съел меня, я не знаю. Однако встреча с волком повторилась. И не один раз. А может, это были другие волки. Кто их знает. Ведь волки для человека – все на один капыл. Но встречи с волком повторялись. Но это уже другие истории. И волк, и немец меня оставили в живых, хотя могли... и не оставить.

Королевская змея

Поехала мама с папой в краму, а мне сказали:

– А ты займи эти четыре коровы, погоняй туда, где гаёк. Там типец (вид травы), коровы наедятся, и пригоним накормленных домой.

Потом, когда они уехали, я выпустила и погнала этих коров на пастбище. Гоню коров, а они в жито бегут. Туда нельзя пускать – это жито не только наше, но общее. У всех селян было по загону этого жита посеяно, а у кого по два, а то иногда и три. Я решила, что направлю этих коров другой дорогой – через мох, тем более там и дорога короче. Перед участком, где мох рос, находилась чаща багнику и заросли непроходимые. Я решила гнать коров в том направлении. А они не идут ни в какую. Что хочешь с ними делай. В ту пору сучка была у нас, звали Филя. Она мне стала помогать гнать коров. Одну подгонит, побежала вторую гнать, первая возвращается назад, потом удирает вторая. Ни одна не идёт, стоят как вкопанные, и собака не помогает. А потом коровы постали, по ветру голову повытягивали. А, думаю, волка учуяли. Вот почему не идут. Прошла два шага вперёд. Смотрю. Что это. Я в крик:

- Филя, вовка, Филя, вовка!

А Филя мне по ногам топчется. Коровы же завернулись с того мха да побежали обратно на поле. А Филя меня за спадницу (юбку) тянет, не пускает идти вперёд. Я того Филю ногами отгребую, а он уже за ноги хватает, то за одну, то за другую. Потом опять за юбку уцепился что есть силы. Слышу, рвётся моя юбка, трещит по швам. Так что это происходит? И тут я смотрю боковым зрением, а на купине лежит змея. Недалеко от меня, метров четыре-пять. Не дальше.

Поразили её глаза, большие. Чуть поменьше человеческих и круглые, как копейки. Какие-то святающиеся изнутри. Таких глаз у змеи не бывает. Я много видела гадюк и медянок, но такую змею увидела впервые. И глаза, такие большие глаза, слегка прижмуренные. Она смотрела на меня против солнца. И на голове то ли корона не корона, может, башлык какой-то. Со страху я начала звать собаку на помощь:

- Филя, вовка, Филя, вовка.

Змея приподняла голову на несколько сантиметров и стала похожа на королеву с короной, находящейся на троне (купине). Я стала её разглядывать. Похожа на гадюку, но не чёрная, а рыжая, как осока ранней весной. Очень толстая, толще колбасы деревенской. Обхватить можно было бы только двумя руками. Как только она стала вставать, я – ходу, подальше от змеи, да за теми коровами на поле. А Филя бежит впереди меня и оглядывается.

Потом я ходила с друзьями смотреть на ту купину, трон змеи-королевы. Коровы у той купины не ели траву. А сама купина усохла до самого грудка. Мы ещё несколько лет наблюдали за той купиной. Травка выросла совсем чахлая и была похожа на проплешину среди высокой зелёной травы, которая росла вокруг.

Тот ли волк

Как-то пасли мы с сестрою наш домашний скот. Сестра коней, а я корову. Табун состоял из людских коней, и пасли по очереди. Была договорённость. У кого один конь, один день пасти и т. д. А корова была наша и паслася без стада, около сестры, чтобы не скучно было и не боязно. Коней

и коров гоняли отдельно, чтобы не смешивались. Первыми выгоняли на пашу коров, а потом коней. Та же очередь соблюдалась по дороге домой. Вначале идут домой коровы, а потом надо гнать коней. Как положено, корову пустила я наперёд коней, а кони вышли из этого болота на остров. И тут сестра зовёт меня:

– Лида, ходи сюда. Одного коня у нас не хватает.

– Может, ты неправильно посчитала?

Она пересчитала ещё раз.

– Я их уже пять раз пересчитала. Всё равно одного не хватает.

– Беги в тот олешичник. Они все там паслись.

– Я считала, когда они в олешичник шли.

– На дубца да беги поскорее.

Я и бегу по того коня да и кричу:

– Тютюкка, коня, Тютюкка, коня!

А тютюкка у нас не было. Не было собаки у нас. Я бегу и слышу топот какой-то впереди. Что там за топот? Я пригнулась, присмотрелась.

– Ой, там целая куча ног.

– Антя, тут не один конь, а много ног виднеется.

– Занимай всех да гони сюда.

Я бегу туда и всё кричу:

– Тютюкка, коня, Тютюкка, коня!

Подбегаю я ближе... То наша кобыла и жеребёнок возле неё. А рядом волчище стоит около них. Такой огромный-преогромный. По загривок той нашей кобыле.

– Антя, скорей иди сюда, бо здесь волчище здоровенный стоит. Ой, какой большой. Чуток меньше нашей кобылы.

А кобыла прижала жеребёнка мысою к передним ногам, к перстам, а задними всё с ноги на ногу переступает. А волк стоит рядом.

Я зашла с того боку от лесу. Кобыла тихонько ржёт: «Иго, иго-го». Видно, успокаивает своё дитя, приказывает ему, мол, не вылазь, держись, держись рядом. Слышу, бежит сестра уже с кием. А я опять заладила своё:

– Ой, Тютюкка, вовка! Тютюкка, вовка!

Вы думаете, волк убежал? Как бы не так. Он отошёл на метра два, вошёл в хмызник и стал наблюдать за нами. Стоит рядом и оценивает силы, свои и наши.

Мы за эту кобылу взяли с двух сторон и мало-помалу начали отводить от волка. Кобыла жеребёнка не отпускает от своих ног. Она так идёт и держит жеребёнка при себе. А волк стоял и жадно смотрел, предвкушая скорую трапезу. Если бы не Антя, волк предпринял бы попытку утащить жеребёнка – самую лёгкую добычу. Меня он не воспринимал как помеху для охоты. Потихоньку привели мы эту кобылу с жеребёнком из олешичника в табун к лошадям. Лошади тоже вели себя беспокойно. Стригли ушами и собрались в круг головами, а ногами наружу. По-видимому, готовились к отражению нападения. Стоял ли волк там и следил за нами или ушёл, понял, что шансов нет, нам это неизвестно. Дома про волка договорились не рассказывать по совету Анти.

Вышла я замуж и рассказала мужу своему, ныне покойному Ивану, про этого волка. Рассказала, что волк был по захлябу (загривок) кобыле. Наша кобыла немалая была – довольно большая, толстая. А Иван смеётся:

– Таких волков не бывает на свете. Ты была сама малая, тебе все казались большими, в том числе и тот волк.

– Нет мне не показалось. Он действительно был очень огромный. Длинный, высокий и масти странной, не сивый (серый), а какой-то рыжий (палевый). Наша кобыла была рыжая, а тот волк ещё рыжее и посветлее. А глаза чёрные. Пасть полуоткрытая, и большие белые клыки виднелись.

Прошло время. У нас уже было трое детей. Иван был шофёром и возвращался с рейса. Ехал он по лесной дороге через урочище Росошки. Там осушили болото и было поле с покосами. И вдруг видит Иван волка, которого я описывала. Не волк, а маленькая лошадка или большой жеребёнок, лисьей масти, чёрные глаза и белые клыки торчат как у дика. Иван остановил машину и стал внимательно рассматривать этот экземпляр. Приехал домой и первым делом:

- Слушай, Лидзвина, я видел твоего волка.
- Иван, тебе волк сам рассказал, што мы близкие знакомые, што он мой? Откуда ты знаешь, што он мой?
- Да я уверен. Я видел того самого волка, про котрого ты мне рассказывала. Такой большой. Если сам не увидишь, то не поверишь. Он огромный!
- Иван, разве волки столько живут? Прошло уж около сорока лет.
- Ну, то его дети удалися в эту породу. Даже масть совпала.
- А может, такие здоровенные и живут долго.

4. ВОЙНА

Новый немецкий «порядок»

В деревне лошадей пасли по очереди. У нас в хозяйстве было две лошади, поэтому папа пас общий табун два дня. Я ловила момент и пристраивала к табуну нашу корову. Таким способом получала выходной в работе пастуха. Правда, выходной был урезанный, потому что папа тоже старался использовать меня в качестве подменного пастуха, а сам делал какую-нибудь работу по хозяйству. Вот так мы с папой пасли табун лошадей и одну корову, подменяя друг друга. Тот день 22 июня 1941 года выдался очень странный. Целый день гремел гром, а небо было ясным и ослепительно-голубым, и ни одной тучки на небосводе. Вся непогода ожидалась с запада, со стороны Гричина. Целый день гремело, вот-вот будет дождь, но ни одной капли дождя не пролилось. Гремело целый день, и к вечеру гремело. А что гремело? Но если это гроза, то почему без дождя. Почему ни над головой, ни на горизонте дождь не прошёл. Всё это было очень странно и непонятно.

Закончился день, солнышко стало прятаться, но его ещё можно было кочергой выгрести назад на небосвод. Такое положение солнца для пастуха означало, что наступил конец рабочего дня и скотину пора гнать домой. Да и животные двигались в направлении дома и с бóльшим усердием обскубали зелёные купины. Пригнали домой лошадей и корову. Папа подал мне дубца большого и наказал:

- Гони коней к Великой луже.

Так называлось место посередине деревни, своеобразная площадь, где происходил разбор лошадей. Каждый хозяин приходил, забирал своего коня, распутывал его, одевал уздечку и вёл домой. Я пришла домой. Своих лошадей и корову загнали во двор, а потом в сарай. Между тем гром усилился. Греть стало так сильно, что аж стёкла в окнах дрожали. Завтра утром над селом пролетел самолёт. Все смотрели на это чудо и говорили:

- Ероплан видел?

Потом вечером пришли сельсоветчики и объявили, чтобы из села все выехали в лес. Представители власти слово «война» не говорили, но взрослые тихонько друг с другом обменивались информацией:

- Видно, война началась. Вот почему громыхало вчера целый день. Германец всё-таки напал.

Дальше было велено: к ночи и коней и коров чтоб заняли и чтобы позамыкали избы. Мы, соседи в составе четырёх семей, которые жили на ближнем хуторе, запрягли телеги, привязали коров и лошадей и поехали между болотами на остров, где был построен стан (летняя ферма). Также заняли свиней и овец, стреножили и погрузили на воз. Пока разгрузили и привязали крупный рогатый и мелкий скот, то спать улеглись за полночь. Такой была первая ночёвка в лесу.

В конце июня рано виднеет. Как только рассвело, мама меня будит:

– Свиньи уже повставали, есть же хотят. Гони, доня, свинок на пашу на край острова, там трава зелёная, пусть покормятся. На меже дубы растут, там много желудей. То они понаедаются и будут снова лежать.

Мужики, не боясь чужого уха, уже открыто стали говорить про войну. Некоторые успокаивали:

– Ничего, скоро закончится. Мы немца на их территории разобьём. Другие, кто постарше, курили самосад.

- Война не скоро закончится. Беда большая надвигается.

– Да не разводи панику. Это тебе не первая империалистическая, когда фронт стоял на одном месте около года. Сейчас техника. Ероплан видал?

- Так, может, это был немецкий ероплан.

– Говорят, что немцы уже в Бресте воюют. Слышали, что вчера гремело: то была кононада от гарматных выстрелов. Ветер был оттуда. Я помню такую кононаду ещё с империалистической.

Однако дослушать мне эту политинформацию до конца не удалось.

– Мама, ну, я погнала свинок на выпас, пусть они наедятся желудей.

Свиньи любят эту бобовню (дубовые жёлуди). Сижу я под дубом, солнышко пригревает, свинки хрумкают жёлуди, а я дремать стала. А потом слышу, одна свинка стала угрожающе гукать, а на загравке шерсть у неё встала дыбом – ошетибилась. Гляжу, подымается из той травы человек и идёт ко мне. Узнала. А ведь это дядя Ваня, моей тётки Марили муж. А его ведь забрали на войну пару дней назад, а нам только вчера вечером сказали, чтобы все уходили из деревни. Под призыв попали определённые годы рождения, точно не знаю какие. Надо было взять с собой сменное бельё, а также на две недели хлеб, сало и другой провиант, какой есть. Это были первые мобилизованные на войну с нашей местности. По рассказам дяди Ивана, они пешком зашли в Микашевичи, сели на поезд, доехали до Синькевич. А им навстречу немцы, которые уже двигались на Полесье встречным поездом. Наши мобилизованные все с того поезда поутекали и по лесу добирались пешком по домам. Но как добраться до дома? Во-первых, надо было перейти болото. Во-вторых, надо было хорониться от чужого глаза, чтобы никто не видел. Фактически мобилизованные стали дезертирами. За это по головке не погладят. Дядя у меня спрашивает:

– А сколько вас здесь?

А я ему рассказала:

– На острове все наши – тётка, жена ваша и двое детей. И дед, и баба, и дядя, и Диана, и ещё и Хведора. – Так звали соседку. А он говорит:

– То иди да скажи, чтобы тётка сюда пришла ко мне. Говори тихо, чтобы никто не услышал.

– А как же мои свиньи? Если они разбегутся по кустам, как я потом их найду?

– Я попасу твоих свинок.

Дядя остался свиней моих пасти, а я побежала к тётке. Подбежала к тётке и за сподницу её схватила.

– А чего ты, а что ты?

– Слушай сюда.

– А что случилось?

Только шепчу ей:

– Никому не говори. Дядя Ваня там мои свиньи пасёт. Просит, чтобы ты к нему подошла.

– Где? Сейчас приду.

А я побежала обратно.

– Ну что?

– Вот она идёт.

Как оказалось, там было много людей таких, как дядя. Они не пошли сдаваться к немцам в плен, а разбежались по домам вместе с командирами с того поезда. В основном мужики все были с окрестных деревень. А часть из Микашевич. А немцы ехали из Бреста поездом на Микашевичи, а потом на Россию, на Украину. В начале войны немцев в Микашевичах не было. А мы из лесу на ночь все вернулись в свои дома.

Одна наша сельчанка Федора пошла в посёлок Ленин посмотреть, что там делается. Немцы поразбивали все замки, магазины пооткрывали и разграбили. Окна поразбивали, двери повыламывали. Объявили:

– Всё. Власти большевиков конец. Берите всё, кому что надо, из этих магазинов.

То Хведора принесла торбу тетрадей и карандашей. И мне дала два карандаша и одну тетрадку. А больше ей ничего не досталось. Всё разобрали местные жители. А немцы говорили, чтобы люди на жидов доносили. А сами, если увидят еврея, то сразу его расстреливали. Ещё они объявили на площади о новом немецком порядке – евреям суббота, а русским воскресенье. К чему они это говорили? Это значило, что вначале убьют евреев, а потом – русских. Это означало, что ночь надвигалась на людей, ночь тёмная и беспросветная. А все нации – евреи, русские и белорусы – становятся заложниками, рабами бесправными фашистских ублюдков. Вот что означал новый немецкий порядок.

Продолжение в следующем номере

Проза

Наталья Менендес

Наталья Мануэловна Менендес (Тютникова) – родилась в Тбилиси в 1952 году. После отъезда отца в Испанию («ребёнок войны» привезён в СССР в 1937 году) с детства жила у бабушки в городе Кинешме Ивановской области. С 2023 года живёт в Иванове. Окончила исторический факультет ИвГУ. Автор нескольких книг прозы: «На перепутье» (2012), «Там далеко» (2015), «Разведённые мосты» (2017), «Потеряла я колечко» (2018), «Пересекающиеся параллели» (2019), «Близкое далёкое» (2022), а также четырёх поэтических сборников и четырёх книг литературно-образовательной серии для детей «Ивановы сказки». Редактор-составитель литературных альманахов «Волжские встречи». В различных литературных сборниках, журналах и альманахах

публиковала стихи, прозу, фантастику, публицистические и литературоведческие материалы. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Триумф» (Иваново, 2016), премии им. А. Н. Островского (Кинешма, 2022), областной литературной премии им. Д. А. Фурманова (Иваново, 2022).

ВЫБОР

Рассказ

Мне довелось первый раз побывать в городе моей юношеской мечты, ещё не осознавая причины душевной к нему тяги и не зная, какое огромное значение он имел в судьбе моего отца, а впоследствии будет иметь и в моей. В то далёкое время у города было другое имя – Ленинград, а не современное историческое и, на мой взгляд, слишком пафосное, Санкт-Петербург. Правда, как и тогда, так и сегодня чаще всего его называют просто Питер. И сплошь и рядом, кого ни спроси, хотят поехать в Питер, побывали в Питере, да и живут больше пяти с половиной миллионов счастливиц тоже в Питере.

Тогда я только начинала работать, а моя подруга собралась туда в отпуск к родственникам, и мне выпал счастливый случай поехать с ней вместе. Целую неделю мы гуляли по весеннему, залитому солнцем городу. Её родственники искренне удивлялись: «Вам очень повезло. Такое бывает крайне редко. Наверное, вы заберёте всё весеннее солнце». Так и остался в моих воспоминаниях тот далёкий апрельский Ленинград ярким, отражающим солнечных зайчиков на тротуары проспектов и ослепляющим золотом куполов. И позднее, когда мне кто-то начинал говорить о мрачности и тяжёлой давящей серости стен города, я просто не верила.

Мы с подругой с раннего утра до позднего вечера бродили по городу, с ежедневным заходом в какой-нибудь один из многочисленных музеев. В Эрмитаже, уже в сумерках выйдя на Дворцовую площадь, мы ясно поняли, что здесь дня нам не хватит. Голова была распухшей от впечатлений, все они хаотично роились в моей голове. «Нет, в этот раз мы сюда больше не пойдём», – решили мы с подругой. На очереди был другой музей, где я впервые в оригинале в действительном размере, а не на иллюстрации увидела картину «Витязь на распутье». Я застыла около неё как вкопанная и не могла сдвинуться с места и ответить на активные призывы подруги. Что так поразило меня? Картина вернула к мучительным раздумьям, одолевающим перед отъездом. Я должна была сделать выбор и дать ответ человеку, который ждёт его. Конечно, для меня тогда и лево и право сливались в одно: «женату быти... богату быти». А вот прямо – это коренное изменение моей жизни, связанное с изменением профессии и большими трудностями на пути к этому заветному из-за «женату быти...».

Можно жить проще и легче, прячась за широкую спину, обещанную мне. Но нет, я, как тот витязь, попёрлась напрямую. И сколько раз в моей жизни Витязь этот словно бы подталкивал меня сзади своим копьём, заставляя идти прямо, не сворачивая, даже если это было связано с большими потерями.

Наверное, у большинства людей есть своё «распутье», когда приходит момент выбора, как это было у двоих дорогих мне ребят, моих выпускников. О них и хочу рассказать.

Кто, если не мы...

Последние ноябрьские дни. Осень уходила и на прощанье, словно рассердившись на всех и на всё, послала какие-то особенно хмурые промёрзлые дни и непроглядно чёрные ночи.

Был обычный, ничем особо не отмеченный вечер, как и в любой будничной день, когда после наскоро приготовленного и проглоченного ужина я торопилась сесть за компьютер – этот ненасытный проглот времени, столь дефицитного в современном мире. Он мой друг и враг, ворующий и дарящий одновременно, без которого, к сожалению, не обойтись в нашей стремительной современности. За вечер мне нужно успеть сделать очень много: что-то посмотреть к завтрашним урокам, обязательно открыть почту, должны прийти важные для меня письма, а, если останется время, хоть ненадолго погрузиться в свои незаконченные литературные проекты. Что-то на них с недавних пор этого времени не хватает.

Как-то всё неспоро у меня нынче. И постоянная, какая-то неосознанная тревога не покидает меня. Сегодня особенно. Откладываю свои дела, решая заглянуть в социальные сети. Там я никогда не зависаю надолго, не листаю пёструю ленту, но обязательно захожу в свои группы, может, есть какие-то новости, и заглядываю в почту. Там могут быть сообщения от далёких друзей.

Да, письма есть. Один адресат не очень знаком. Обращается по имени-отчеству. Пытаюсь вспомнить. Наверное, из давних студентов. Ох, нет, студентка нынешняя, но из заочников, уже возрастная. Да, да, вспомнила! И на занятиях у меня была, а потом этой весной приходила с моим бывшим студентом Романом. Он фельдшер, выпускник двадцатилетней давности. И выпуск этот был очень мне близок, да к тому же в то далёкое время он дружил с моим сыном, пока не уехал служить на Север. Он приходил меня навестить со своей невестой. Лена училась у нас без отрыва от работы, нынче эту форму называют очно-заочной. Кажется, отношения у них достаточно серьёзные. Ромке только что сделали сложную операцию на суставе, и он шёл, прихрамывая и опираясь на трость. Сообщил, что после окончания службы работает в родном городе в больнице. Обещал навещать меня почаще. Я порадовалась, что, наконец, его семейная жизнь, после давнего расставания с женой, налаживается.

Лето – время отпуска, поездок к детям, и Роман надолго исчез из моего поля зрения. А потом осенью появился в колледже снова. И было это совсем недавно! Открыв письмо, я сразу поняла, что случилось что-то плохое.

Неосознанная тревога превращается в реальный осязаемый и жёсткий обруч, давящий на грудь и перехватывающий дыхание.

А месяц назад...

* * *

В двери кабинета просовывается голова молодого мужчины. Голова крутится в разные стороны, не находя нужного объекта. Я стою в глубине своего кабинета-музея, и меня за стеклянной витриной не очень видно. Девчонки на первой парте хихикнули. Я оборачиваюсь и вижу одного из давних выпускников. Всегда радуюсь встрече с ними, разъехавшимися по необозримым просторам нашей страны, ведь они бывают в колледже нечасто. А Роман приходил пару месяцев назад, в конце учебного года. И вот пришёл снова. Наверное, есть какие-то важные новости.

– Роман, здравствуй. Сейчас будет звонок, и я выйду. Подожди чуть-чуть.

Звонок действительно звучит, даже не дождавшись окончания фразы.

– Рада, что пришёл. Есть чем поделиться? Уж не свадьбой ли порадуешь?

– Пока нет. И не знаю, порадую ли. Я уезжаю.

– Снова на Север?

– Нет, на СВО.

– Тебя мобилизовали, Рома? Но ты же совсем недавно после операции! Да и потом, у тебя ж должна быть бронь?

– Да, бронь есть. Я отказался. Нет, не мобилизовали. Я добровольцем.

Я смотрю на солидного сорокалетнего мужчину, который говорит это как-то обыденно, просто, без выпендрёжа, как бы сказали его ровесники. И я не знаю, что сказать ему. Похвалить? Отругать? Я – учитель, он – мой бывший ученик. С одной стороны, горжусь им, с другой – понимаю, что в его нынешнем физическом состоянии это, наверное, слишком необдуманно и поспешно.

– Доброволец – это очень почётно, можно гордиться тобой. Но, Рома, ты же ещё прихрамываешь! Нужно было восстановиться после операции. Хоть немного бы подождал!

– Ну что вы, Наталья Мануэловна. Я же фельдшер, и офицер к тому же. Мне же не в штурмовую бригаду. И потом, у меня большой опыт, сколько лет служил в медсанчасти, а там таких мальчишек желторотых призывают. Помочь им нужно. Кто, если не мы. Не переживайте, я вам напишу. Да и Ленка будет на связи.

Перемена заканчивается быстро. Роман понимает, что мне нужно возвращаться на урок, и разворачивается на выход. На секунду луч солнца, прорвавшийся через просвет в тучах и проникший в окно, освещает картину, висевшую на стене. Она мне никогда не нравилась, казалась особо мрачной, вносящей дисгармонию в наш дружный и тёплый медицинский мир, воспитывающий будущих его служителей. Непонятные чёрно-серые краски диковинных цветов, пауками, расползающимися на ней, словно стремились захватить окружающий мир. В тени они были мертвы, а свет, заигравший в чёрных лапах, оживил их, но не сделал добрее, а, наоборот, придал им более зловещий вид. Я невольно вздрогнула и поглядела вслед уходящему. Такой знакомый поворот головы – прощальный и в то же время какой-то виноватый. Почему-то всплыл в памяти совсем другой эпизод.

Как-то на новогоднем вечере в техникуме мой сын заступился за его девушку, с которой они учились вместе. К ней пристал парень из другой группы. Ромка на вечер почему-то не пришёл. Может, не пускали посторонних? Точно и не знаю. Сыну здорово досталось, так как выясняла с ним отношение целая компания приятелей хулигана. У моего защитника лицо к празднику было далеко не лучшего вида. Я обнаружила это только на другой день утром. Сын не сказал правду, они с сестрой придумали сказочную версию о внезапном ударе дверью. Наивная мама им поверила. А днём в мой кабинет пришёл Ромка и стал извиняться, что так подставил моего сына и что на месте Кирилла должен был быть он, ведь девушка была его. Я, конечно, Ромку не ругала. Какая может быть вина, если его там не было. Он выходил из моего кабинета, так же наклонив голову вбок, как бы прощаясь и извиняясь одновременно.

И вот теперь Ромка идёт по коридору куда-то в неизвестность. Там действительно очень нужны и его опыт, и его уверенность. Он идёт немного прихрамывая. Идёт туда, где русским предстоит доказать всему миру, что мы были, есть и будем. А меня ждёт другое поколение мальчишек и девчонок, конечно, во многом не похожих на тех прежних, но тоже русских. Русских в широком смысле слова, даже если они приехали с Кавказа или из других мест России.

Последнее сообщение от Романа было на почте в «Одноклассниках», всего одно предложение: «Я в санчасти, фельдшер. Замкомандира медслужбы».

И вот новое, но не от него, от Лены: «Ромка в госпитале. Тяжёлый. Если есть возможность, сходите в церковь. Я знаю, что вы ходите».

И я понимаю, почему этот вечер у меня такой тяжёлый и давящий.

* * *

Бессонная ночь. В голове только одна мысль: «В храм нужно! Скорее в храм! Встать пораньше. Успеть до работы». Вскрываю ни свет ни заря. И вот уже, торопливо перекрестившись, вхожу под своды нашего величественного Успенского собора. В храме в будничные дни пустынно. Тихое мерцание редких огоньков тонких свечей перед иконами создаёт ощущение сумерек. Благоговейная тишина. Служба ещё не началась. Замираю, обращая свой взор на Спасителя: «Господи, помоги. Спаси и сохрани. Не дай...» Ласковое прикосновение к моему плечу останавливает мои отчаянные молитвы. Поднимаю голову. Знакомый внимательный взгляд. Отец Артемий, или просто для меня Артём. Тоже мой выпускник. Кажется, и учились они где-то совсем рядом. Артём только курса на два пониже.

– Наталья Мануэловна, что-то случилось?

– Да, случилось, отец Артемий. Может, помнишь Романа Маслова? По-моему, курса на два раньше вас учился. В госпитале, очень тяжёлый, без сознания.

– Помолиться пришли?

- Конечно. Только вот на работу нужно успеть.
- Не переживайте. Я тоже помолюсь за Романа. Дай Бог...

На другой день радостное известие: «Пришёл в себя». Становится спокойней. Появляется надежда. Слава Богу. Звоню сыну поделиться радостью. Она оказалась недолгой. Через неделю трагическое известие: «Умер...»

Несколько дней ждём похороны. Наступает день прощания. Мы с сыном стоим в том же Успенском соборе среди большого количества собравшихся. Здесь его родные, друзья, коллеги. Кто-то приехал издалека, как мой сын. Звучат торжественно-печальные речи от представителей его воинской службы и руководителей города. Почётный караул. А я долго не могу выдать из себя прощальные слова. В голове среди обычных и банальных фраз дятлом стучит только одна мысль: «Он имел полное право не идти туда, но он пошёл сам...»

Город провожает своего достойного сына. На аллее героев появляется ещё одно захоронение.

Во второй половине дня иду в колледж. Мои уроки перенесли на вечер. В голове звенящая пустота, на сердце неподъёмная тяжесть. Навстречу мне пытливые глаза, которые с ходу улавливают моё настроение. Разноголосье сочувствующих вопросов с разных сторон:

- У вас что-то случилось?
- Я просталась с одним из наших выпускников, участником СВО. Настоящим героем.
- Он медик?
- Да. Он фельдшер.
- Он, наверное, спас очень много раненых?
- Думаю, что не успел.

Раздаётся ироничный возглас:

- Ну и какой же он тогда герой?!
- Этому голосу вторят ещё и другие голоса:
- Почему герой, если он ничего не успел?
 - Он успел сделать выбор.

Сегодня у меня будет очень важный урок философии. Кого из мудрейших мне выбрать? Наверное, Сократа. Ведь у него тоже был выбор. Выбор был у большинства моих ребят, которые в трудные девяностые не стали косить от армии, такой разбитой и униженной нашими врагами. Они писали мне тёплые письма: «Ничего, прорвёмся. Кто, если не мы...» Выбор был и у Романа. Нам есть кем гордиться.

А мы стоим...

С возрастом сердце становится более чутким. Оно на расстоянии чувствует, если что-то происходит с близкими тебе людьми. Внезапно среди белого дня ты резко замираешь, в голове мелькает образ дорого человека: дочь, сын, внуки или кто-то другой, может, и не родной по крови, но очень важный в твоей судьбе. И ты понимаешь, что как можно скорей нужно выяснить, что случилось. Звонишь, разыскиваешь. А если на том конце провода тебя успокаивают, что всё нормально, не очень в это веришь.

Так было однажды прямо во время урока, вместо отвечавшего на вопрос парня увидела лицо сына и очень ясно услышала: «Мама...» До меня дошло, что я не очень понимаю, что мне говорит студент. Стараясь не показать этого, прошу отвечавшего снова пояснить свою мысль. Пытаюсь сосредоточиться и погасить своё беспокойство, но оно не проходит.

Сын недавно пришёл из армии, тогда ещё служили два года, и в армии в то время было несладко и очень голодно. Организм был ослабленный. Жил сын после армии уже не со мной. Работы по специальности в провинциальном небольшом городе не было. Уехал в Иваново, а там работал и ходил на лечение, чтобы поскорей восстановиться.

В перемену побежала звонить, чтобы узнать, всё ли в порядке. Сказал не сразу, но потом признался, что на лечении ему стало очень плохо.

Иногда бывают сны, которые обязательно что-то напророчат. Обычно они вытряхиваются из моей головы, как только я встаю с постели, но если помню – значит, всё не случайно. На этот раз мне приснился сон, напомнивший далёкое время. Это был замечательный поход с любимой

группой после выпускного вечера. И всё было словно наяву: и костёр, и круглая лысая поляна, окружённая высокими елями, над которой зависла огромной тарелкой жёлтая луна, и мои дорогие ребята: мальчики и девочки. А я суетилась возле костра, пытаюсь что-то готовить, но всё валялось из моих рук и ничего не получалось. Я понимала, что мои ребята проголодались и мне нужно обязательно накормить их. И вот подошёл мой ученик Сергей, он тихонько отодвинул меня от костра, и я услышала тихие слова: «Вам нужно отдохнуть. Я всё сделаю сам». Я почувствовала, что и правда устала и мне почему-то очень тревожно. А вокруг родные, знакомые лица и глаза, такие пытливые. Они с интересом слушали, как я им читала стихи. В голове мелькнула странная мысль, словно я и не спала: «Господи, как же я соскучилась вот по таким умным и внимательным глазам!» И вдруг на поляне выросла большая тень, и ребята что-то закричали. Тень разрасталась, поглощая лунный свет. Вот-вот и она накроет всех нас. Но Серёжа оттолкнул её руками и снова успокоил меня: «Не переживайте. Я приехал. Они не пройдут».

Я открыла глаза. Почему-то очень захотелось отряхнуть этот сон, хоть он напомнил мне то дорогое, что так бережно хранило моё сердце. Ведь всё это почти так же происходило реально. Начинаю себя успокаивать: «Просто недавно вспоминали это приключение с ребятами, они же были у меня в гостях». Серёжа военный, пришёл вместе со своим закадычным другом Ваней. Вместе учились, вместе служили в армии, в которой потом Серёжа остался. Они всегда приходят вместе, иногда их компания разрастается до половины бывшей студенческой группы. Когда встречаемся, случай из этого последнего нашего похода после выпускного всегда вспоминаем. Особенно появление «инопланетянина». Мы тогда сидели у костра, пели песни, читали стихи, а ближе к полуночи одолели нас рассказы про инопланетян. Был в их группе один большой любитель фантастики, а я тоже по молодости увлекалась. Обычно мы с ним на эту тему говорили в два голоса. Остальные больше слушали. Полнолуние. На поляне светло, почти сумерки. И вдруг на середину поляны надвигается большая тень, голова конусом. Все ахнули и хором: «Инопланетянин!» По правде говоря, и у меня что-то ёкнуло. И вот подходит к нам мужчина, на голове остроконечная вязаная шапка. Усмехается.

– Привет честной компании. Вы, я вижу, не меня ждали.

Оказалось, дежурный из соседнего коллективного сада. Понравились ему наши песни. Попросил по огородам не лазать, утром обещал навестить. И навестил. Принёс гостинцы, и даже самовар поставил.

В этот раз тоже вспоминали эту историю, случившуюся под конец студенческой жизни. Сергей так хотел со всеми встретиться, но собраться не получилось. Я почувствовала, что это не простое желание, что-то его тяготило. Спросила, на прежнем ли он месте службы. Сказал, что ждёт скорой командировки на Донбасс.

– Туда?

– Да, туда.

– Но ведь там, где ты сейчас, наверное, тоже непросто?

– Ещё как непросто! Только такие спецы, как мы, очень нужны.

Моё сердце замерло. В голове промелькнуло: «Сапёр ошибается только один раз». Банальность. Но какая это верная банальность!

– Не каешься, что ушёл из медсанчасти в такую опасную специальность?

– Мне это было очень интересно. Только медиков бывших не бывает. Работа в скорой помощи мне на службе очень пригодилась, не зря Знахарем зовут.

– Серёжа, а ты говорил, что в прошлом году мог уже уходить на пенсию. И снова остался?

– В прошлом году... – задумчиво протянул он, а потом встрепенулся и добавил: – Не время уходить, Наталья Мануэловна. Не время.

И опять на меня нахлынуло.

Они заканчивали колледж во вторую Чеченскую. Далеко не все тогда хотели идти в армию. Кто-то смог умело откосить. Такие были и среди их знакомых. Серёжа и Ваня сказали мне тогда: «А кто же будет Родину защищать?»

В этот приезд мы посидели с двумя друзьями очень душевно. Через пару дней отпуск заканчивался и Сергей уезжал. Тревога постепенно стала затихать. И вот этот треклятый сон! Несколько дней он не даёт мне покоя и не уходит из моей головы.

Телефонный звонок с незнакомого номера всё расставляет по своим местам.

– Наталья Мануэловна, это ваш блудный сын звонит.

«Блудный сын»! Так называл себя только Серёжа.

– Серёжа, ты?! А номер незнакомый.

– Я с дороги. Еду туда. Вы маме, если встретите, не говорите, пожалуйста, у неё сердце слабое.

Мы решили пока не говорить.

– Конечно, не скажу. Я помолюсь за тебя, Серёженька, помолюсь за всех вас.

– Я знаю, что помолитесь. Спасибо. У вас в телефоне «Телеграм» есть? Я смогу изредка посылать вам сообщения.

– Есть. Присылай обязательно. Буду очень ждать.

Первое сообщение пришло довольно скоро. На фотографии воин в полной амуниции, такой мощной, что выглядит он древнерусским богатырём в доспехах. Лицо спокойное. «И действительно, настоящий защитник», – думаю я. Беспокойство немного затихает, а когда оно поднимается из глубины моего сознания, я открываю телефон и снова смотрю на это дорогое мне лицо.

Листаются день за днём. Снова жду известий, снова нарастает тревога. И вот, наконец, долгожданное сообщение. Аудио. Писать, видимо, некогда. Говорит, что всё нормально. Слова рассчитаны на то, что должно меня успокоить. А я вслушиваюсь в этот немного охрипший голос, в короткие прерывающиеся фразы, затруднённое дыхание. Я чувствую всем своим существом, как непросто сейчас там нашим ребятам. И вот эта последняя фраза, которая для меня всё расставляет по своим местам: «Лезут и лезут, гады! А мы стоим...»

Ребята мои дорогие, вы сейчас там, и вы стоите! Это мы здесь можем, сидя на диване, рассуждать, куда бы вам сейчас лучше идти, где нужно обойти и что вы там застряли на каком-то неважном пятачке. А вы стоите, потому что они лезут и лезут!

Русские богатыри в тяжёлых доспехах или лёгкой амуниции, воины, идущие в бой на стальных конях или припавшие грудью к родной земле, бросающиеся вперёд, оттолкнувшись от неё. Русские богатыри, какой бы национальности вы ни были, вы защищаете право русских на своей земле быть русскими.

Я смотрю на фотографию, где ты, мой защитник, в окружении своих друзей. Усталые, но спокойные лица. Не всё получается так, как бы хотелось. Но сегодня я не буду со своими знакомыми рассуждать, что правильно, а что нет. Вы лучше знаете, кто совершает подвиги, а кто предаёт. Придёт время, и вы всё расставите по своим местам.

А сейчас вы там, и вы стоите...

Проза

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – автор публикаций в различных периодических изданиях Беларуси и журнале «Берега»; сборников прозы «Мгновения жизни», «Мозаика бытия», «Зарисовки с натуры»; сборника верлибров «Путь к себе». Несколько циклов зарисовок и верлибров вошли в состав трёх сборников различных издательств. Лауреат Гомельского областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского (2009) и Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» (2022, 2023).

СУЕТА СУЕТ

Вся наша жизнь в четырёх фразах:
Беззаботное детство.
Озабоченная юность.
Озадаченная зрелость.
Одуроченная старость.

Фаина Раневская

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ...

В середине нулевых молодая женщина с четырёхлетним сыночком ехала в санаторий в Прибалтике. На белорусско-литовской границе вошёл таможенник высоченного роста и значительного объёма. Удивлённый малыш громко спросил: «Дядя, ты кто?» – «Я – добрый фей!» – под дружный смех пассажиров автобуса ответил мужчина.

В 2022 году руководитель изостудии по приглашению возила в Италию группу детей на выставку. В посольстве с ними разговаривали грубо и пренебрежительно. Одна из работниц на весь зал кричала, что руководитель группы – террористка, которая собирается взорвать посольство.

...Остаётся только надеяться, что развитие идёт по спирали и вновь вернуться времена, когда на всех границах будут таможенники – «добрые феи»...

РЕСПЕКТ НАРИНЭ АБГАРЯН!

Знакомая рассказывает, что увидела племянника-подростка, читающего... книгу на бумажной основе, и даже обеспокоилась: что же это случилось с дитяtkом, у которого ненаглядный мобильник лежит рядом в невостребованном состоянии. Подошла, посмотрела, что он читает. Оказалось – «Манюня». Тётушка даже вздохнула с облегчением: всё в порядке, вполне себе современный ребёнок.

Ай да Наринэ Абгарян! Это ж надо, такую замечательную трилогию написала, что не только старшее поколение, но и нынешняя молодёжь откладывает в сторону свои любимые гаджеты и читает книги.

«ВЫРАСТИЛ ВОЛК ДЕТИ...»

Взрослая дочь с восторгом рассказывает матери о бабушке своей коллеги: «Ты подумай, какой стойкий и мужественный характер! Приехал отец моей подруги к своей матери в деревню, а она уже три недели тяжело болеет, но сама лечится и помощи ни у кого не просит!» У матери иная точка зрения: «Да уж, видно, хороши наследники... Женщине уже за восемьдесят лет, у неё четверо детей, семь взрослых внуков, а она без помощи погибает. По пословице получается: «Вырастил волк дети, да не за кем сидети». Но вывод для себя женщина сделала. Каждый раз, когда по телефону дочь спрашивает о здоровье, мать, как бы плохо ей ни было, бодро отвечает: «Как всегда!»

ТЮЛЬПАНЫ НА ВОСЬМОЕ МАРТА

Татьяне Васильевне звонит Восьмого марта подруга и хвастается, какие подарки ей дети и внуки принесли, а зять к тому же ещё преподнёс шикарный букет из махровых тюльпанов. Двадцать пять штук! «Минуточку, – говорит Татьяна, – сейчас посчитаю. Так, а мне зятьёк подарил два букета... двадцать один тюльпан и пять ромашек... на открытке. По Viber прислал».

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

Когда на тебя нападают в споре или просто так в чём-то обвиняют, то оправдываться как-то неловко и даже глупо. Самое лучшее в таком случае – остроумный ответ.

Ссорились две соседки. Уж не помню, в чём одна другую обвиняла, но Лиза вещала с возмущением: «От тебя, Лена, я такого не ожидала!» В ответ услышала: «А я ещё хуже, чем ты обо мне думаешь!» Лиза, вытаращила глаза и только открывала рот беззвучно, как рыба, а Лена гордо удалилась.

В одном учреждении директор любил подшучивать над подчинёнными дамами. О каждой у него была какая-то история, которую он рассказывал в случае совместных посиделок за столом. Обычно он брал какой-то факт, добавлял собственные измышления, и получалась несколько анекдотичная история с пикантным оттенком. Так, однажды увидел он, как Римма разговаривала во дворе учреждения с каким-то молодым человеком. На очередном «мини-корпоративчике» директор представил этот эпизод как свидание в рабочее время. Римма спокойно ответила: «Всё, что вы выдумали, – чистая правда!» Коллеги дружно рассмеялись, а смущённый руководитель впредь свою шуточку не повторял.

ДОБРАЯ СЛАВА

К лежащей в больнице женщине пришла дочь. Беседует с мамой, вдруг в разговор вмешивается одна из пациенток: «Алина Антоновна, вы меня не помните? Я мама Кати Петровой, вы были у нас классным руководителем и сына моего учили. Я вам так благодарна, и дети мои тоже». Алина поговорила с женщиной, поинтересовалась судьбой своих бывших учеников и ушла. Потом мать рассказала ей о последующих событиях. Когда Алина ушла, соседка по палате ещё много хороших слов сказала о ней. Минут через десять заглянула пациентка из соседней палаты: «Скажите, к кому приходила Алина Антоновна Липская?» И затем рассказала, что работала с Алиной в одной сельской школе, наговорила много хорошего о ней как об учителе и как о человеке. «Алину Антоновну Липскую я знаю только по фамилии, разговаривала с ней по телефону, – вмешалась в разговор ещё одна из пациенток палаты. – Она как репетитор помогла моему сыну сдать зачёт в вузе. Его потом очень хвалил экзаменатор. А сын сказал: “Если бы мне так объясняли учебный материал в школе, то я был бы отличником”».

«Вот, говорят, что добрая слава лежит, а худая бежит. Оказывается, и добрая слава может бегать», – светясь от гордости за дочь, сказала мама Алины.

ЕЩЁ РАЗ О ДОБРОЙ СЛАВЕ

Знакомый с группой друзей работает в России. Рассказывал, что как-то молча проходили они вдоль жилых домов и курили. Уже прошли мимо подъезда, вдруг одна из женщин, сидевших на лавочке, уверенно сказала: «Ребята! Вы явно из Беларуси». – «Как вы это определили?» – удивились парни. «А вы окурки в урну бросили, а не на тротуар».

Как говорится, мелочь, но приятно.

«ИСТИННАЯ ПРАВДА»

Анна печально смотрела на новое платье, ибо после стирки вся ткань покрылась катышками. Ничего не поделаешь, пришлось перевести обновку в ранг домашней одежды. Заглянула к ней пожилая соседка за солью. Аня как раз ужин готовила. Отец привёз ей из села домашнюю колбаску, которая смачно скворчала на плите. Соседка внимательно посмотрела на красивое платье, на сковородку, как-то многозначительно улыбнулась, взяла соль и удалилась.

Едет как-то Анна в городском автобусе и слышит, что сидящие перед ней дамы ведут разговор... о ней. «Представляешь, мне Ирина рассказала, что одинокая “праведница” бухгалтер Анна Иванова

имеет любовника! Мама одной нашей сотрудницы пришла к ней вечером, а Анна разряжена в пух и прах и праздничный ужин готовит».

Аня встала, подошла к коллегам и сказала: «Почти как у Андерсена в сказке “Истинная правда” у вас получается. Там курочка потеряла одно пёрышко, а из этого факта выросли слухи, что пять кур выщипали себе перья, чтобы понравиться петуху. Так и вы, сплетницы, сделали далеко идущие выводы из того, что мне приходится носить дома красивое, но испорченное платье и я, оказывается, такая преступница: ежедневно ужинаю!»

«ГРУБИЯН»

Подруге Валентины Григорьевны необходимо было уехать на несколько дней из города вместе с супругом. Женщина попросила Валентину полить грядки на огороде, находящемся за чертой города. Для пенсионерки в возрасте «семьдесят-плюс» да ещё с большим сердцем это не такое простое дело. Но что поделаешь: надо же помочь подруге. Автобусная остановка от огородов довольно далеко, так что пришлось идти приличное расстояние пешком. Мимо женщины проехал юный сосед Витенька, уменьшил скорость, приветливо сказал: «Здравствуйте, Валентина Григорьевна! Хорошего вам дня!» – «Воспитанный мальчик, всегда поздоровается и всего хорошего пожелает», – отвечая на приветствие, подумала пенсионерка.

Присаживаясь отдохнуть через каждые пятнадцать минут, женщина выполнила поручение подруги и потихоньку побрела к автобусной остановке. Идти ей было нелегко: устала, да и погода стояла жаркая.

– Ты с огорода идёшь? – остановил автомобиль рядом с Григорьевной какой-то незнакомый пожилой мужчина.

Не понравилось женщине фамильярное обращение на «ты», подумала: «Какой грубиян!», но ссориться не хотела, ответила тихо:

- С огорода.
- Устала?
- Очень.
- А куда тебе ехать?

Женщина вздохнула, вот же привязался со своими вопросами, но назвала улицу и номер дома.

– Так, мне это не совсем по пути, но садись, у детской библиотеки остановлюсь.

Валентина Григорьевна не заставила себя ждать, так как от детской библиотеки дворами до родного дома ей идти метров сто.

Мужчина остановил автомобиль у библиотеки и сердито проворчал: «Детям своим скажи, чтобы сами работать ходили, не в твоём возрасте и не с твоим здоровьем на огороде пахать». – «Спасибо, что подвезли. Дай вам Господь здоровья», – искренне поблагодарила Григорьевна. Мужчина недовольно поморщился и укатил. Ни тебе спасибо, ни до свидания.

Такой вот пожилой «грубиян» и юный «воспитанный мальчик» встретились пенсионерке в тот день.

СТЕПЕНЬ ДОБРОТЫ

В молодости я работала завучем в сельской школе. От школы до шоссе надо было идти два километра. Тогда, в начале восьмидесятых, не боялась «голосовать» – проситься на попутные машины, так как рейсовые автобусы ходили редко. Так вот, некоторые шофёры на въезде в город молча протягивали руку за платой, хоть проезд стоил двадцать копеек. Многие водители категорически отказывались от платы. Один шофёр даже сказал: «Я тут часто езжу, если ещё раз предложите мне деньги за проезд, я больше вас никогда не подвезу». Разные люди – разные характеры и, так сказать, разная степень доброты.

МАМИН ЛУК

Ивановские держали хорошее хозяйство: корова, свиньи, кролики, куры, большой огород. Вкусных деревенских гостинцев на трёх дочерей, которые жили с семьями в городе, хватало. Однако годы шли, родители старели, сил у них становилось всё меньше, хозяйство тоже сокращалось. Потом отец умер,

у матери все болячки обострились. Переезжать из родной хаты к кому-либо из дочерей матушка категорически отказывалась. Сил хватало на десяток курочек да небольшой огородик. Когда дети приезжали к ней, мать всегда находила вскусняшки для угощения, а по осени обязательно дарила им вязанки лука. Дочери просили: «Мама, не утруждай себя, мы лук на рынке купим. Главное – береги здоровье!»

Пришла пора, ушла матушка в мир иной. Осенью сёстры почувствовали такую пустоту в своих современных больших кухнях. Нет больше золотистых вязанок лука. И оказалось, что без этих венков, согретых материнской любовью, так холодно на сердце и так их не хватает. И ни на каком базаре такого лука не купишь...

ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА...

Как-то в молодости я рассказывала подруге с удивлением: «Представляешь, матери моей знакомой уже пятьдесят шесть лет, а она замуж собралась!» Тут в комнату вошла бабушка подруги, услышала мою насмешку и укоризненно сказала: «Ах, девочки, девочки, будет и вам пятьдесят шесть лет!»

Недавно на автобусной остановке услышала, как одна девчушка рассказывает другой: «Прикинь, вчера мама захотела сфотографировать меня с бабушкой, так бабуля побежала и губы накрасила! Красоту навела, это в семьдесят лет!»

Ах, молодость, молодость! Доживут эти щебетушки до семидесяти лет и только тогда поймут, что тело стареет, а душа остаётся молодой...

ВДВОЁМ ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

В студенческие годы я жила у бабушки. У неё был большой сад, поэтому знакомые часто приходили к ней за яблоками. Была среди них одна пожилая пара. Оба уже ходили с тросточками, но всегда вдвоём. Часто прогуливались старички. Идут под ручку, оба белоголовые, словно одуванчики, и всё воркуют-воркуют друг с другом, как голубки. Бывало, придут к бабушке, сядут рядышком в саду на скамеечке, смотрят друг на друга с любовью и заботой. Он ей: «Раечка». Она ему: «Сёмочка». Оба – ветераны, прошли всю войну вместе. В одном фронтовом госпитале служили. Сёма – хирург, Рая – медсестра. Однажды Раечка рассказала: «Сидим мы как-то на фронте рядом в очень редкую свободную минутку. Сёмочка и говорит: “Об одном мечтаю: чтобы мы с тобой оба выжили, потом всё время вместе были. Просто вижу, как идём мы с тобой по улице, оба седые, с палочками, но вдвоём”. Вот его желание и исполнилось».

Сёмочка умер внезапно. Инфаркт. Пришла Раечка через неделю после похорон за яблоками одна и грустно сказала: «Жаль, что тогда, на фронте, Сёмочка не помечтал о том, чтобы у нас детки были. Может, и это его желание исполнилось бы». Посидела немного и медленно-медленно пошла домой. Через три дня и её не стало. Ушла к своему Сёмочке. Наверное, и в ином мире они тоже вдвоём, тоже рядом.

ОТКРЫТОЕ СЕРДЦЕ

Для большинства честных и порядочных людей легче отдавать, чем принимать. Марина долгие годы была дамой вполне состоятельной. С течением времени даже некоторая гордыня в ней появилась и лёгкое пренебрежение к тем, кто устроился в жизни хуже её. Однако пришли иные времена, обстоятельства жизни изменились настолько, что пенсионерка Марина Вадимовна оказалась почти что за чертой бедности. Попробовала она как-то на рынке продать несколько книг из своей шикарной библиотеки. Увы, товар спросом не пользовался... Подруга предложила ей вместе пойти в благотворительную организацию за спонсорской помощью. Женщина отказывалась: как-то неловко и даже стыдно. Подруга вздохнула: «Кто ж тебе правду скажет, если не я? Правильно говорится: враг соглашается, а друг спорит. Смири свою гордыню и открой сердце людям. Тебе дадут что-то – возьми и скажи спасибо. И помоги другим, чем можешь: хотя бы добрым словом, чтоб не прерывалась в этом мире цепочка добра».

«О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!..»

Как-то в конце семидесятых я была в автобусе, который попал в небольшую аварию и съехал в кювет. Слава богу, никто серьёзно не пострадал. Тут же останавливались все проходящие мимо автомобили, люди бежали к автобусу, обеспокоенно спрашивали: «Помощь нужна?»

Знакомый рассказал, как недавно микроавтобус, в котором он ехал, застрял на железнодорожном переезде. Слышался звук подходящего поезда. Пассажиры выскочили из автобуса и толкали его изо всех сил. У переезда стояли молодые здоровые парни. Вместо того чтобы оказать помощь, они снимали всё происходящее на смартфоны...

КРЕСЛО-ИНДИКАТОР

Обычно Алина Антоновна смотрит телевизор, сидя в кресле у журнального столика. Поэтому развернула кресло так, как ей удобно. Приходит подруга, садится в кресло, Алина – на диван. «Мне так неудобно сидеть, – говорит женщина, – можно, я поверну кресло?» – «Конечно», – отвечает хозяйка. Гостья развернула кресло, но, уходя, вернула его в первоначальное положение. Приходили к Антоновне ещё родственница и бывшая ученица, обе дамочки стройненькие, так что легко сами усаживались в кресло так, как им удобно, не поворачивая мебель. Как-то пришла соседка, посмотрела на кресло и молча развернула его так, как ей удобно. Посидела, рассказала о себе, любимой, и ушла. Кресло поворачивать обратно не стала: не барское это дело.

Так простенькое старое кресло стало своеобразным индикатором: сразу понятно, кто воспитанный и тактичный человек и кто эгоист, считающий своё благо превыше всего.

ОЖИДАНИЕ И НАДЕЖДА

Екатерина Максимовна утром в субботу проснулась с чувством радости: сегодня обещала прийти доченька вместе с внуками. Хоть и жили в одном городе, но дочь уже три недели не приходила. Мать не обижалась, понимала: трудная работа, хлопоты по дому, заботы о муже и детях. Пенсионерка уже была в возрасте и с букетом болячек, поэтому сама прийти к дочери не могла. Можно, конечно, взять такси и приехать, но ведь никто не зовёт... С возрастом Максимовна стала опасаться кому-то надоест. Поэтому сама первая почти никогда подругам и родственникам не звонила, не жаловалась на недомогания. Пенсионерка встала, потихоньку принялась за приготовление обеда, сидя сначала за столом, потом у газовой плиты. Потом прилегла на диван и с радужной надеждой принялась ждать. Ждала-ждала-ждала... Мелькали минуты, часы... Надежда потихоньку угасала, уменьшалась и почти сошла на нет, когда раздался телефонный звонок: «Мама, извини, не успела сегодня. Завтра придём». Ну, завтра так завтра. Надежда снова расцвела пышным цветом. Воскресенье оказалось точной копией субботы. Поздно вечером Екатерина Максимовна малость всплакнула, вытерла слёзы и вздохнула: ну что же, у неё впереди снова пять дней надежды...

ПРИЧУДЫ ФОРТУНЫ

Фортуне не прикажешь... Счастью не обучишь...

Владимир Бутков

КАНАПЕ

Они встретились на презентации в картинной галерее. Ну, как встретились – Эльзочка вся такая нарядная – в новом платье, в туфельках на высоких каблучках – подошла к столу, взяла канапе. А потом как-то неловко повернулась и полетела на пол. «В полёте» её успел подхватить рядом стоящий парень. Весь из себя такой спортивный, нарядный, в новом костюмчике. Противное канапе из рук девушки просто выпрыгнуло. Канапе, как известно, только так красиво называется, а на самом деле это просто маленький бутербродик. А каждый уважающий бутерброд как падает? Правильно, маслом вниз. И припечаталось это канапе прямо на борт серого пиджачка. Видно, возомнило себя модной брошью. Она: ах, ох, извините, идём ко мне, я всё отмою, а то как же вы по улице пойдёте с таким пятном. Он: конечно, неловко очень, пройдёмте к моей машине, кстати, меня Яшей зовут. Вот спрашивается, какая неловкость была для него в своей машине проехать, кто бы там это пятнышко разглядел? У неё пиджачок почистили, чаю попили. Потом пошло: конфеты-букеты, свиданья-прогулки, любовь-морковь. Во-о-от. Недавно деревянную свадьбу отметили, двух сыновей растят. Семейное фирменное блюдо – канапе.

НЕ СЛОЖИЛОСЬ...

Встреча Нового года. Студенческая компания. Наряженная ёлка. Ожидание чуда. Надежды. Предвкушения. Полинка за столом оказалась рядом с незнакомым ну очень симпатичным парнем, братом одной из однокурсниц. Познакомились. Стеснительная скромница Поля зарделась. Платон пошутил, что имена у них старинные и на одну букву начинаются, и намекнул, что это – хорошая примета. И вроде уже искра взаимной симпатии между ними пробежала. Но тут явилась не запылилась однокурсница Диана-сердцеедка. Имя ей очень подходило, действительно, охотница за поклонниками. Она добивалась внимания понравившегося ей парня, а затем бросала его и принималась охотиться за новой «добычей». Такое вот хобби. Обвела Дианочка всех томным взором, остановила свой взгляд на Платоне. И всё! На раз-два отбила парня у робкой Полины. Через месяц она его, как и всех прежних покорённых, бросила и продолжила своё любовное сафари.

Полинка потом не раз плакала, вспоминала встречу Нового года. Много, очень много лет прошло с того несчастливого застолья, но иногда вспоминает женщина Платона. И не только под Новый год... Но что ж тут поделаешь – не сложилось. Не встретились больше. Не судьба.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Первое сентября. Линейка первоклассников. Букеты. Мамы трепещут от волнения. Первоклассники полны гордости: как же, не малыши уже, а школьники. Вандочка – хорошенькая-прехорошенькая, синеглазая, с ореолом золотых кудряшек, с огромными бабочками-бантиками, просто кукла Мальвина. Глебушка – кареглазый, темноволосый, в очках, на Знайку похож (истории про Гарри Поттера Дж. К. Роулинг тогда ещё не сочинила). Посадила их первая учительница за одну парту. Вот так они одиннадцать лет рядышком и просидели. Затем в вузе за одним столом и на лекциях, и на лабораторных занятиях, и на практике. Потом и по жизни вместе на работу, вместе с работы, вместе в санаторий, вместе на море, с возрастом – вместе в поликлинику. И всю жизнь – душа в душу. Скоро свадьба золотая у них. Дети приедут, внуки, три правнука, и правнучка уже вот-вот родится. Скажете: ну и что тут такого необыкновенного? А много вы таких пар знаете? То-то и оно...

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Юлиана – молодой специалист, по распределению в сельскую школу приехала в августе. В ноябре у хозяйки квартиры Лидии Степановны сын Виталий демобилизовался. Парень после окончания техникума три года в морском флоте служил. Лида сыну говорит: «Присмотрись, девушка толковая, порядочная, аккуратная, уважительная». А зачем Виталику присматриваться, если он с первого взгляда в зелёных глазах утонул? Юлечке тоже бравый матросик понравился. В общем, всё как у всех: машина с кольцами и куклой на капоте, марш Мендельсона, крики «Горько!». Потом: съёмная комната, где вдвоём на полуторной кровати не тесно; затем радость: однокомнатная, зато своя квартирка; снова большая радость: сын-первенец; потом дочка кроха-красотулечка. И пошло-поехало: новая квартира – мебель – машина – дача – выпускные – вступительные экзамены детей. Жена: работа – магазин – дом – стирка – убока – готовка, в парикмахерскую некогда сходить. Муж: работа – диван – гараж – пиво – дача. Вроде как всё бежало-летело по накатанной дорожке. И вдруг (или не вдруг?): стоп! В трёхкомнатной квартире вдвоём тесно стало. Ссоры – обиды – измена мужа – развод.

К большому сожалению – обыкновенная история.

СВИДЕТЕЛИ НА СВАДЬБЕ

Она: студенточка хорошенькая, трепетная, юная, только-только восемнадцать лет исполнилось – свидетельница на свадьбе старшей сестры. Он: молодой специалист, парень весь из себя статный да ладный – свидетель на свадьбе приятеля. Познакомились, друг другу в глаза посмотрели... Говорят, что свидетелей на свадьбе положено в кумовья брать, а вот их не взяли. Почему-почему, потому что мужа и жену крёстными к одному ребёнку брать не полагается. А наши свидетели через полгода знакомства стали молодожёнами. И вот что характерно, через год свидетелей на своей свадьбе тоже в крёстные своей новорождённой доченьке не взяли. Правильно вы подумали: и эти свидетели поженились. Такая вот интересная история получилась. Пожелаем им всем, нашим героям, в добром здравии дожить до золотых свадеб.

СЕРДЦУ НЕ ПРИКАЖЕШЬ

Кира пришла к подруге Свете в гости в общежитие. Мгновенно, откуда ни возьмись, «нарисовался» Светкин коллега Матвей. Прямо светился весь от радости. Тут же сбежал в магазин, притащил конфеты, торт, шампанское. Говорил комплименты, шутил, рассказывал весёлые истории. Потом пошёл Киру провожать и пригласил на свидание. Признался, что девушка давно ему нравится, видел её выступления несколько раз на концертах художественной самодеятельности, мечтал познакомиться. Кира ходила на два свидания, а на третье не пришла. Светка её уговаривала Матвея не бросать, дескать, очень парень хороший. «Ну что я могу поделать?» – вздохнула Кира. – Не зря говорится, не по хорошу мил, а по милу хорош».

Лет восемь прошло. Кира успела за эти годы и замуж выйти, и ребёнка родить, и развестись. Света рассказывала, что Матвей до сих пор не женат. Как-то Кира вела сына из школы и встретила Матвея. Сделала вид, что не узнала. Действительно, что тут поделаешь: сердцу не прикажешь.

«А КОНИ ВСЁ СКАЧУТ И СКАЧУТ...»

Дана с раннего детства отличалась настойчивостью и твёрдостью характера. Уж если сказала, что в детский садик надо сегодня надеть зелёный костюмчик, так с красным там или синим лучше не подходить. Ещё сидя в песочнице, смело заступалась за права униженных и оскорблённых, не задумываясь, колотила обидчиков совочком и ведёрком с песком. И в школе, и в вузе, и на предприятии смело резала правду-матку в лицо любому начальству и по-прежнему постоянно сражалась с теми, кто, по её мнению, поступал не по совести. Нашёлся парень, который осмелился на Данае жениться. Вроде как поначалу всё неплохо пошло: два сына в семье родилось. Но, увы, через пять лет брак распался. Даже подкаблучнику трудно было выдержать характер дамы, которая, как сказал поэт: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Дана сыновей не избаловала, настоящими мужчинами вырастила, и характер у неё не изменился, даже ещё больше закалился. Вышла наша героиня на пенсию. Родные питали робкие надежды, что она маленько поутихнет. Зрассти! Не на ту напали, господа-товарищи! В жизни Даны по-прежнему, как сказал сатирик: «Кони всё скачут и скачут, и избы горят и горят»...

ОРУДИЕ В РУКАХ СУДЬБЫ

Лада сидела у зеркала и задумчиво себя разглядывала. Вроде как ещё хороша, однако же довыбиралась, как мама говорит. Толпа поклонников сильно поредела. Вчера Ладочке стукнуло двадцать семь лет, так что пора прекратить поиски любви и срочно выходить замуж по расчёту. Провела мысленно ревизию среди оставшихся женихов и выбрала Ярослава. Правда, он маменькин сыночек, но с этим она как-то справится. Сказано – сделано. Пару «фирменных» взглядов, несколько прозрачных намёков, и всё: признание – предложение – свадьба. Пришлось жить вместе с матерью Ярика Доминикой Вениаминовной – дамой властной и, как говаривал Лесничий в сказке «Золушка», с весьма ядовитым характером. Пока не родился сыночек, Лада терпела деспотизм свекрови, а потом показала свой тоже о-очень непростой характер. Результат: мамочкин сыночек остался при маме, Лада со своим сынулей уехала к своей мамуле. Как говорится: прошла любовь, завяли помидоры. Мама вздохнула: «Ничего не поделаешь – судьба». Ну да, судьба, наверное. Только орудием судьбы в данном случае оказалась Доминика Вениаминовна.

ЯБЛОКИ И К^о

Милана идёт с рынка по улице в мини-юбочке, блузочка голубенькая, в цвет глаз, босоножки на каблучках, сумочка в цвет босоножек, волосы по плечам крупными кольцами рассыпаны. Девица прям такая красавица-раскрасавица. Только вот не гармонирует с одежками большой пакет с яблоками. И вот этот нахальный пакет, мало ему того, что всю гармонию в наряде нарушает, так у него ещё, негодяя этакого, разрывается ручка. Все яблоки, подпрыгивая, раскатываются по тротуару. Прямо плакать захотелось, а нельзя: тушь с ресниц потечёт. Но не перевелись же рыцари в наше время! Проходил мимо добрый молодец Леонид. Яблоки собрал, сложил и пакет без ручки Миланочке до самой квартиры донёс.

Уже семь лет с того случая прошло. Лёничка по-прежнему для Миланы тяжести таскает: пакеты с едой, мешки с картошкой, мебель новую, коляску детскую. И жёнушку свою ненаглядную тоже на руках носит. За что, спрашивается, Миланка пакет нахальным негодяем называла? Он, можно сказать, собой пожертвовал для её счастья: в самую нужную минуту ручка этого пакета разорвалась.

Проза

Наталия Баранова

Наталия Ивановна Баранова – родилась и живёт в Тамбове. Окончила Московский государственный институт культуры. По образованию библиотечарь-библиограф. Публиковалась в журналах: «Москва», «Подъём», «Берега», «Александръ», «Охотничьи просторы», «Петровский мост». В мае 2021 года вышла первая книга «Злокачественная форма одиночества». В октябре 2023 года – вторая книга коротких рассказов «Жизнь прекрасна». Член Союза писателей России. Фотограф. Выставки фотографий проходили в Израиле, Волгодонске, Москве, Звёздном городке, Мичуринске, Тамбове, Котовске. Фото публиковались в журналах. Член Тамбовского фотографического общества.

СВЕТ В ДОМЕ НАПРОТИВ

Рассказ

По обоим берегам реки раскинулись два села – Кулебяково и Пески. Хотя, нет. Пески на село не тянуло, даже в свои самые расцветные годы – это была деревня. А Кулебяково – дворов на триста, растянулось на четыре километра на левом берегу. Всё здесь было: и свет, и газ, а по центральной улице – которая была одна – асфальт пролёг аж до самой трассы на областной центр. Пескам повезло меньше, если не сказать, что совсем не повезло. Они расположились на правом, самом живописном берегу реки, но что толку от этой живописи, если добраться до магазина-цивилизации можно двумя путями, и оба непреодолимой силы: через реку или в объезд лесом – кругая ни один десяток километров. Летом ещё туда-сюда, а вот ранней осенью и с началом зимы – пока река не замёрзнет окончательно – ждать приходилось несколько недель, чтобы сходить за хлебом. На эти несколько недель запасались провизией заранее. Домов здесь было немного – штук двадцать, а жителей осталось сильно меньше – трое. Молодёжь подросла и уехала в поисках цивилизации: кто побойчее и расторопнее – в областной центр, многие смогли добраться и до Москвы. А остальные не преодолели притяжения малой родины и осели на левом берегу в Кулебяково. Из удобств, которыми пользовались во всём мире, в Песках был только свет. Остальные: дрова в лесу, туалет в саду, огород соток на сорок сразу за садом. Земли вокруг много – бери сколько хочешь. Но никто её брать не хотел. Как говорил дед Семён: «В гражданскую за неё с кровью пластались – глотку друг другу рвали, а теперь только собаки бегают, серюют. Никому не нужна земля, политая кровью».

Сначала деревня состарилась, а потом померла. И остались на живописном правом берегу только Митрич с Полканом, Семён с Нюрой и коровой Ласточкой.

В этот год зима не спешила – уже и декабрь к концу, а ни снегов больших, ни сильных морозов не было. Река никак не могла замёрзнуть до пешеходного состояния. Если смотреть на деревню издалека, то казалось, что она вымерла. Но нет, два крайних дома дымили печными трубами.

– Ну что, Нюра, какое будет наше решение? Здесь будем зиму зимовать или к зятю на постой переберёмся? – Семён в стареньких подшитых валенках сидел на скамеечке возле печки и подкидывал берёзовые чурочки в огонь. С утра на кухне прохладно, он подзадержался с растопкой печи. Хозяином в доме был Семён, но последнее слово всегда оставалось за Нюрой. Так сложилось за долгие годы – жена не перечила, а муж был с ней согласен.

– Да что ты всё об одном и том же. Решили уже – река встанет, переберёмся к дочери в Кулебяково. Давно ведь звала. Дом большой, всем места хватит. А там, глядишь, понравится, и останемся жить насовсем. И опять же, с печкой не возиться. Газ в доме. Хочешь, сделай газку погромче, хочешь – потише. Всё в твоей власти. И магазин рядом – хлебушек свежий два раза в неделю, а не как сейчас – раз в месяц купим, сначала свежий, а потом сухари жуём.

– Магазин, это хорошо... – мечтательно улыбаясь, протянул Семён, соображая о чём-то своём. Жена строго посмотрела, и он осёкся. Они поняли друг друга с полувзгляда. Давно живут, и ни одна потаённая мысль не может проскочить незамеченной.

Нюра только что подоила корову и разливала молоко по банкам – процеживала через марлю. Молока было много – вдвоём пить не выпить. Летом дачники помогали – у ворот очередь стояла после каждой дойки, а как осень – масло и творог в деревню возили: сначала на лодке через реку, потом полем километров пять до Кулебяково. А зимой хоть криком кричи – молоко девать некуда. Кругом снега, и по полю с банками много не набегаешь.

– А с коровой-то что делать будем? Её куда? – Семён чуть продвинул кочергой прогоревшие дрова в печи и засунул ещё один полешек.

– И корове место найдётся. Полный двор сараев. А сена ещё от дочкиной Бурёнки осталось. Хорошая корова была, да молодёжь сейчас не приучена скотину держать. Жаль, продали. Так что до весны прокормим. И ей хорошо, а нам ещё лучше. Молоко продавать будем, маслице. Все покупатели на месте, не надо через реку возить, сами на дом придут.

В сенцах стукнуло, заскрипели половицы, потом раздалось чертыханье – кто-то в темноте пытался найти ручку на двери.

– Вы чего без света сидите? Чуть лоб не расшиб в темноте. – В комнату вошёл Митрич, пошаркал о половичок валенками, прошёл к столу. – Гостей не ждёте?

– Гостей не ждём, а соседям завсегда рады, – Нюра налила парного молока в кружку и протянула Митричу. – Ты нынче на речке был? Чего там со льдом, замёрзла?

– Ровно половина. Ещё неделки две морозов, и можете отправляться в странствие в поисках счастья на земле в виде газа, света и магазина через дорогу. Не передумали?

– Вот сидим, думаем, но не передумали, – сказал Семён.

– А чего так долго думали? Надо было ещё по теплу отплывать. Корову к лодке привязал, пять минут, и все чады и домочадцы на том берегу. А теперь что? Тащи её через всё поле по морозу, пока добредёте, она либо сиськи отморозит, либо чихать начнёт.

– Хватит балагурить, – сердито сказала Нюра, – тебе легко рассуждать, сидя на пороге дома. А ты вот попробуй бросить всё да и податься незнамо куда... Тут ведь каждый гвоздь, каждая доска своими руками прибитая, каждый уголок родной...

– Чего ты, мать, причитаешь. Как это, незнамо куда? К детям переезжаем... тьфу, переплываем. Поживём, пообвыкнем, и там все доски родными станут.

– Детям мешать – последнее дело. Старики, сколько могут, должны жить отдельно. – Митрич пил молоко и в шутку морщился. – Хорошее молоко, жирное, душистое, но много не выпьешь, это тебе не водка, – сказал он и протянул кружку Нюре, как бы прося налить ещё.

– А зачем мешать? Дом большой, на два входа – ни они нам, ни мы им мешать не будем. Дом строили для двух детей, но дочка с зятем тут остались, а сынок в Москву подался. Там, видать, соль солонее да сахар слаще. Вот его половина и пустует, нас ждёт. – Нюра наполнила кружку Митричу, и понесла банки с молоком в сенцы. С началом зимы там было прохладно, и она отключала холодильник. Небольшая, но всё ж таки экономия.

– Так, расклад я понял. Отходную когда собирать будете? На Руси так повелось – в дальнюю дорогу надо провожать с песнями и плясками, иначе дорога не будет скатертью и прирастание к новому месту вызовет трудности. Гармонь не обещаю, но спеть могу, вы только стол накройте да чарочку на посошок налейте.

– Знаю я твою чарочку, потом неделю будете провожаться, а то и две, пока не закончится всё, что горит. – Нюра сердито гремела ведром, обмывая его от молока.

– Анна Васильна, ты чего серчаешь, я ж пошутил...

– Тут шути не шути, но обычай блюди! – радостно поддержал Семён.

– Без обычаев справимся. – Нюра строго посмотрела на него. – Нам бы только реку перейти, а там зять на машине встретит – снегу мало, проехать по полю можно, без отходной доберёмся.

Через две недели, как и обещал Митрич, река окончательно встала. Подождав для верности ещё неделю, чтобы лёд мог выдержать шествие из трёх человек, санок с узлами и коровы, Нюра с Семёном двинулись на новое место жительства в поисках цивилизации – света, газа и свежего хлеба. Процессия растянулась. Первым бежал Полкан, затем мужики тянули санки, замыкала шествие Нюра

с Ласточкой. Зять уже ждал на левом берегу. Вещи и Ньюру погрузили в машину и тронулись, а Семён с коровой пошёл следом.

Полкан долго бежал за ними, громко лая, стараясь с собачьими почестями проводить Ласточку.

– Молодец, Полкан, достойно проводил подружку. – Митрич ласково потрел собаку, когда она вернулась. – Жаль, остались мы без молока... ты и я... Но вот помани моё слово, не задержатся они там, а уж магазин через дорогу – это совсем пагубное дело... никакой пенсии и никакого здоровья не хватит. Ну, ты меня понимаешь?

Полкан опустил хвост, наверное, понял...

Домой пошли не сразу – сначала побрели вниз по реке до того места, где всё лето лагерем стояли рыбаки, побродили между брошенных домиков-шалашей, сделанных на скорую руку. И тут было запустение и тоска. До лета, когда здесь всё оживёт и можно будет приплыть к мужикам в гости, пообщаться, ещё далеко. Собака и Митрич оттягивали возвращение в дом, где их никто не ждал. Странное дело, их давно уже никто не ждал, но такого острого чувства одиночества не было. Они всегда знали, что по соседству есть люди, к которым можно прийти, поговорить, и тебе не откажут ни в хлебе, ни в соли, ни в стопочке, ни в разговоре за «жизнь». Митрич не задумывался, как выглядит одиночество, но теперь понял – это когда смотришь в окно, а из трубы дома Семёна и Ньюры дым не идёт и ни единого огонька вокруг. Войдя в комнату, он первым делом задёрнул занавески, чтобы не видеть чёрные провалы окон в соседнем доме.

Начались короткие зимние дни, которые тянулись бесконечно. Каждый новый день был похож на предыдущий. Выручала рыбалка и разговоры с Полканом. И всегда беседы начинались одинаково:

– Спорим, Полкан, что Анна Васильна там долго не выдержит? Женщины, они, конечно, выносливее мужчин, но слабее. Нервами. Если тебе интересно моё мнение, то она первой не вытерпит магазина через дорогу. Или ты думаешь, у Семёна здоровья не хватит пользоваться благами цивилизации? Чего молчишь и смотришь? Мигни хоть...

Полкан молчал и только стучал хвостом по полу.

* * *

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончилась, как никогда, долгая зима. А весной всегда легче: дни становились длиннее, лес в конце огорода зазеленел, птицы весело гомонили в саду. Старый Полкан частенько отсутствовал дома – бегал по округе, гонял зайцев, радовался теплу. На майские праздники зацвела черёмуха, а потом и сады в пустующей деревне оделись в белый пахучий наряд.

Митрич любил это время года. Красоту рассветов на реке не закрывали листья, и дурманящий запах цветущих деревьев плыл над рекой вместе с туманами. Он просыпался ещё засветло и шёл на рыбалку, но не так уж и нужна рыба... Ему хотелось видеть, как зарождается новый день: поют птицы и громче всех соловьи; молочный туман разливается по реке и, по мере того как поднимается солнце, окрашивается в оранжевый цвет. Он родился, вырос и прожил жизнь на этой реке, но каждый раз удивлялся красоте раннего утра, как будто видел это впервые.

Сегодня река встретила его особенно сильным туманом.

– Ты посмотри, Полкаша, туман, как молоко, – даже поплавка не увидим. – Митрич вставил вёсла в уключины, оттолкнулся веслом от берега. Собака запрыгнула в лодку и приготовилась к длительному ожиданию. Ей было не привыкать – так начиналось каждое утро.

– Нет, собакен, сегодня мы не поплывём на наше прикормленное место – далековато, чую, сил не хватит грести потом против течения. А если рыбы не будет, то ничего страшного – ты её не ешь, а я её с детства объелся. Раньше Ньюра выручала, ей отдавал. Она для Семёна жарила, а тот всё шутил... мол, уже в темноте от фосфора светится. А помнишь, мы в прошлом году наловили рыбы, а она вся с икрой, так Ньюра меня ругала и два дня не разговаривала. А для меня гнев Ньюры страшнее всякого рыбнадзора.

Собака, которая не успела устроиться на дне лодки, начала беспокоиться. Она привстала и зарычала. Сквозь туман еле заметно просматривался противоположный берег, где проступало большое тёмное пятно. Митрич ещё ничего не понял, а Полкан уже радостно заливался лаем. На берегу стояла корова Ласточка, потом из тумана появились Семён и Ньюра.

– Эй, эй, сосед! Ты сегодня чего-то припозднился! Мы уж все жданки съели, пока тебя дождались! – Семён в приветствии махал фуражкой.

– Привет беженцам от цивилизации! – закричал Митрич и, быстро развернув лодку, погрёб к противоположному берегу. – Это не мы припозднились, а вы раненько объявились. У нас с Полкашей всё строго по расписанию, и в нём гостей не предусмотрено. Мы вас через месяц ждали, когда вода теплее будет. Ласточка ж корова, а не морж.

– Давай, греби уже, мы замёрзли, дожидаясь тебя! – кричала Нюра.

– Вот если б ты меня спросил, что такое счастье, – Митрич наклонился, обращаясь к Полкану, – так я б ответил: это когда тебя ждут на том берегу в тумане друзья. – Ну, теперь, брат, заживём... у тебя на ужин молоко появится, у Нюры рыба, а у нас с Семёном будет с кем поговорить. Ты не обижайся. И ты хороший собеседник – никогда не перечишь, всегда внимательно выслушаешь, но уж больно малоразговорчивый и без своего мнения, с которым не поспоришь.

В последнем рывке лодка уткнулась в берег. Первым выскочил Полкан, кинулся приветствовать друзей. Он гавкал, Ласточка мычала, Семён кричал что-то приветственное, Нюра смеялась. И эти звуки разносились далеко по реке. Вещей было мало, только два узелка в руках у Нюры и корова.

Митрич не скрывал радости от встречи.

– Я ж предупредил, – сказал он, – что без проводов не приживётесь на новом месте. Он сидел на вёслах и ждал, пока все погрузятся: собака встала на нос лодки вперёдсмотрящей, корову привязали к сиденью. Так караваном и поплыли. Ласточке было холодно, но она не сопротивлялась, молча плыла следом за лодкой.

– Поздно нам уже приживаться, надо продолжать жить, – Нюра восторженно смотрела на оранжевый туман, который разливался по реке. – Сколько живу, а такой красоты не видела...

– Такую красоту видят только рыбаки да влюблённые, ну, ещё рыбнадзор. – Митрич с усилием грёб. Его старенькая плоскодонка не привыкла к такому грузу.

– Ты это... заканчивай с рыбалкой... приходи пить молоко. И Полкана не забудь. Нынче у всех праздник – вы нас дождались, а мы домой вернулись.

– Как же! Заканчивай! Теперь-то самая рыбалка и начнётся. Вы там, поди, истосковались без рыбы. Осетров не обещаю, а карасиков к столу привезу.

Они причалили к берегу, Митрич помог Нюре выбраться из лодки:

– А где ж весь скарб? Или решили назад вернуться?

– Какой назад?! Назад больше ни ногой! Зять на днях привезёт. Выходной будет, он и привезёт. А мы не могли ждать, так домой захотелось, хоть криком кричи, – сказала Нюра.

– Так это вы кричали? Я каждое утро слышал крики с той стороны! – рассмеялся Митрич.

– Тебе бы всё смеяться, а тут не до смеха, – ответил Семён. – Купишь бутылочку, а поделиться не с кем... так и употребишь в одно лицо. То есть в одну печень... вот она и не выдержала, – сказал Семён.

– Кто? Печень?

– Да нет же... Нюра. Но последней каплей стал счёт за газ. Всю зиму почтальонка квитанции в почтовый ящик кидала. Мы тех квитанций и в глаза не видели – дочь с зятем перехватывали. А в последний раз Нюра её возле ворот встретила. Так сказать, из рук в руки... извольте платить по счетам... И тут открылась тайна нашего финансового благополучия в размере трёх тысяч за газ, тыща за свет, ну и, сам понимаешь... почти каждый день свежий хлеб и песни для души.

– Каждый день до песен? Представляю, Нюра, как тебе трудно было – у него ж ни слуха, ни голоса, – посочувствовал Митрич.

– Тут не смеяться надо, а плакать! – враз осерчала Нюра.

– Ну, ладно, ладно, не сердчай. Всё уже позади. Почтальонка сюда не доплывёт, а петь с Семёном мы будем раз в неделю по выходным и не часто по праздникам, – пообещал Митрич. – Идите домой, обживайтесь на своём родном новом месте, а мы с Полканом поплывём, рыбы наловим к ужину. И Ласточку предупредите – сегодня за встречу пьём только молоко, пусть побольше даст.

Нюра с Семёном и Ласточкой пошли через поле к дому, а Митрич с Полканом поплыли на прикормленное место за обещанными карасями.

* * *

После ужина, когда караси в сметане были съедены и вечернее молоко Ласточки выпито, прощаясь, Митрич сказал:

- Простите меня, дурака, это я напроорочил, что не будет вам счастья на новом месте.
- А всё наше счастье здесь, – ответила Нюра. – Но пока счастье выглядит как будни, не поймёшь, что оно было счастье.
- Мы тоже скучали. Правда, Полкан?
- Полкан, который лежал у двери, поднял голову и высунул язык – то ли от жары, то ли в радостном приветствии, а может, дразнился.
- Будем считать, что правда, – сказала Нюра.
- Вернувшись домой, Митрич прошёл к окну и отдёрнул занавески.
- Иди сюда, Полкаша, глянь. Помнишь, я тебе утром сказал, что счастье – это когда на том берегу в тумане ждут друзья. Оно, конечно, хорошо... Но лучше, когда в доме напротив горит свет.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Вовка вытряхивал заварку из чайника и замер под раковиной, где стояло ведро с отходами, наверное, соображал, правильно ли он видит то, что видит. Он разогнулся: в руках была любимая тарелка тёщи.

– С нашей мамой беда, – сказал муж, разглядывая совершенно целую, без единой трещинки тарелку.

Нашей маме, – а если точнее, моей – девяносто три года. Беды можно ждать каждый день, но вчера ещё ничего не предвещало. Она полна сил: зимой чистила снег, весной посадила огород, а вчера окучила картошку.

Муж поставил тарелку в раковину и сказал:

- Первый признак деменции – наличие любимой тарелки в помойном ведре.
- Давай не будем спешить с выводами и навешивать ярлыки, – сказала я, – деменция не начинается с бухты-баракты даже в девяносто лет. Спорим, что этому найдётся здоровое логическое объяснение?
- Ну, если логическое, то я пас... спорить не буду, женскую логику не переспоришь. Даже девяностолетнюю...

К завтраку вышла мама, как всегда, улыбочивая, в беленьком платочке и чистом фартуке. Деменции ни в одном глазу.

В девяносто лет о здоровье надо спрашивать аккуратно и ещё аккуратнее о тарелке в мусорке, чтобы не обидеть. Обидчивость – жирная черта старости. Я начала заход издалека:

- Доброе утро, мама. Как спалось? Кошмаров не было? Гляжу, ты на ночь покушала? – я положила кашу в тарелку и поставила перед ней на стол. Тарелка была та самая... любимая, из помойки.
- Ты её помыла? – спросила мама.
- Помыла, а что она делала в мусорном ведре?
- Пряталась, – сказала мама, помешивая горячую кашу. – Не смотри на меня так скорбно, как будто я умираю. Вчера не было сил помыть тарелку, а утром Вова проснётся, выйдет на кухню завтракать, а в раковине немытая посуда лежит.

Я повернулась к мужу:

– Ну, что я говорила? Всё логично! Это не деменция, а культ личности и нарушение одной из заповедей – не сотвори себе кумира. И в таком цейтноте я живу последние сорок лет. Первый кирпичик в фундамент постамента для тебя мама заложила ещё в утро свадьбы. «Люся, – сказала она, – на свадьбе веди себя прилично. Никаких друзей! Ты должна хвостиком ходить за мужем. Теперь ты мужнина жена». Вот так с тех пор и хожу... хвостиком... вокруг постамента.

– И чем это плохо? Ты бы хотела, как у соседей? Каждый день через стенку транслируют скандалы зятя с тещей. И всегда новая тема для дебатов.

– А помнишь, рыба костька у меня в горле? Я тогда чуть не оттопырилась, пришлось в больницу ехать, трубку глотать. Ты примчался, когда уже всё закончилось, и не знаешь, с чего началось.

– Ты хочешь сказать, что я виноват и встал костью у тебя поперёк горла?!

Мы ещё не ссорились, но голос мужа был на полтона выше обычного.

– Не ты лично, но твой культ личности. Он складывался из любой самой малой мелочи. Например, полы надо мыть в пятницу, и никак не в субботу. Спросишь, почему? А чтобы не отвлекаться на домашние дела, когда у мужа выходной, и жена должна своё личное время всецело посвятить ему, то есть тебе. Так учила меня мама.

– Мама плохому не учат! – муж старался перевести всё в шутку, но меня уже понесло...

– А кость в горле – это не просто кость, а ещё один штрих к возвеличиванию личности. Я пожарила рыбу к ужину, но не дождалась тебя и начала отщипывать вкусные кусочки от каждой рыбки. Ты ж знаешь, я жарю люблю. И тут мама... толк меня под руку словами: «Люся, ешь всё подряд, не ковыряй. Вове не понравится некрасивая, расковырянная рыба». Ну, я и начала... всё подряд. Результат – кость в горле. Это был ужас! Я закрылась в ванной, пыталась сама вытащить косточку, запихивала в рот пальцы до полруки, но она уходила дальше и дальше... Мама бегала за дверью, стучала, сначала требовала открыть, потом стала умолять вызвать врача... Так продолжалось долго: я измучилась, вытаскивая кость из горла в ванной, а мама измучилась от чувства вины в коридоре. Я ей потом сказала: «Что ты носишься с Вовой, как с писаной торбой?» Знаешь, что она ответила? «Он чужой, и ему стыдно лишний раз залезть в холодильник».

– Дорогая, не завидуй, что мне так повезло с тещей.

– Правильно, сынок, в наше время редко кому везёт не только с тещей, но и с зятем. – Мама доела кашу, положила тарелку в раковину и пошла к двери. – Вы тут завтракайте, а я пойду проверю жуков на картошке, а заодно присмотрю место в огороде под памятник золотой теще от любимого зятя.

Она вышла, но дверь за собой закрыла неплотно.

За сорок лет претензий накопилось много, и я продолжила:

– Каждое утро начинается с вопроса: «Что ты будешь готовить на ужин Вове?» А вечер заканчивается опять же вопросом: «Есть ли у Вовы на завтра чистая рубашка?» Иногда мне надо приложить усилия и вспомнить, что я у неё дочь, а ты не её сын, – сказала я с раздражением.

– Так вот почему у меня всегда есть чистая рубашка и ужин вовремя!

– Да, без прямых указаний мамы ты бы остался голодным.

Чем выше поднимались голоса, тем чаще мама мелькала в коридоре. Наконец она не выдержала натиска на своего кумира, приоткрыла дверь и строгим голосом сказала:

– Люся, не спорь. Вова всегда прав.

– Люся, слушайся маму, она всегда права и любит нас одинаково. – Муж чмокнул меня в макушку и примирительно обнял, тем самым заканчивая спор о том, кого больше любят в этом доме.

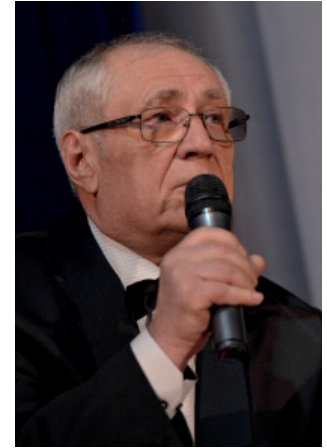
– Хорошо, уговорили. Я согласна прожить ещё тридцать лет – больше не выдержу – при культе твоей личности. Но иногда, чтобы народ не роптал, кумир должен слезать с пьедестала. Дорогой, вынеси, пожалуйста, мусор...

Поэзия

Владимир Тыцких

Редакция журнала «Берега», поклонники и читатели поздравляют Вас, Владимир Михайлович, с 75-летием! Несокрушимого здоровья и духа, неиссякаемого вдохновения, радости творчества, счастья и добра!

Владимир Михайлович Тыцких – родился в 1949 году в городе Лениногорске Восточно-Казахстанской области. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище, Высшее военно-морское политическое училище в Киеве, курсы военных журналистов во Львове. Служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах на надводных кораблях и подводных лодках. Автор более 40 книг прозы, поэзии, публицистики, литературной критики. Удостоен литературных премий и почётных званий в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке, Сиднее. В 1983 году принят в Союз журналистов СССР, в 1988-м – в Союз писателей СССР. Заслуженный работник культуры России. Живёт во Владивостоке.

* * *

Судьба моя не балует меня,
Ждать снисхожденья от неё напрасно.
Прошу тепла – она даёт огня,
А погасить его уже не властна.

По горлу, обжигая, хватит зной –
Она, беде моей не то чтоб рада,
А всё-таки проходит стороной,
Не слушая, как я молю прохлады.

Моя судьба – сестра любви моей,
Она до боли на неё похожа,
Дается с каждым годом всё трудней
И с каждым днём становится дороже.

Никак я разгадать её не мог:
Запутавшись в её бегущих тропах,
Спешу – она меня сбивает с ног,
Остановлюсь – она меня торопит.

Пред вечностью беспомощно мала,
Она, ещё не названа, не зрима,
И до меня уже всегда была,
Растворена в судьбе земли родимой.

Она в родстве с Отчизною живёт,
И пусть её владений сторонится,
Кто этого родства не признаёт,
Кто, ненавидя, как огня боится.

* * *

Всё, что начнётся, совершится быстро:
И этот день, и этот разговор,
И над костром взлетающие искры,
И тёплый дым костра, и сам костёр.

От века то темнея, то светлея,
Родное небо знает наперёд:
Всё догорит, развеется, истлеет
И снова загорится и взойдёт.

И память, не подверженная тленю,
Итог последний подведёт сполна:
Вся жизнь тебе давалась на мгновенье,
Но вечные связала времена.

В них места нет забвенью и разлукам,
И широко в пределах дорогих
Живёт земля твоих детей и внуков
Под древним небом пращуров твоих.

* * *

Перепишу свою жизнь, исправляя ошибки,
начисто, набело, наново, наверняка.
Что в ней останется, кроме прощальной улыбки
грешницы той, что любила меня, дурака?

Что в ней останется, если я вычеркну страсти,
горе, и боль, и предательства бывших друзей?
Буду ли так в новой жизни мучительно счастлив,
буду ли радостно так виноват перед ней?

Что мне достанется? Очень здоровое сердце,
смирно забывшее, чем волновалось оно?..
Вот: я варю себе кашу без соли и перца.
Вот: закрываю от всякого шума окно.

В банке стеклянной кормлю своевременно рыбок.
В баньку без пара хожу и живу по уму.
Господи, как хороша без грехов и ошибок
долгая жизнь! Только жаль – не нужна никому...

ПРОГРАММА НОВОСТЕЙ

Весь белый свет в слова наряжен.
В палитре слов густая каша:
Пыльца цветка, и с дётгем сажа,
И горний свет, и злая тьма.
И ты, и я. И жизнь сама.

Мы ничего не перескажем.
Подкрасим, подотрём, подмажем.
Перечеркнём крест-накрест даже
И всё с нуля начнём опять...
И нас нельзя пересказать.

Как мы смеёмся, плачем, дышим.
Какие звуки лучше слышим,
Кто в храм вошёл, кто был да вышел,
Что знают и таят сердца,
Никто не скажет до конца.

Те слёзы льют, те злобой пышат,
Мы то молчим, то гладью пишем,
А Млечный Путь крестами вышит
Тех звёзд, что смотрят с высоты
На наши звёзды и кресты.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

Беда не по плечу и не по росту:
Где был силён, там оказался слаб –
Душа корявой обросла коростой
И стала жёсткой, как сухой ухаб.

Бескрылая, она не отлетела
В иные – справедливые – миры,
А просто обернулась частью тела,
Оглохнув и ослепнув с той поры.

Горя зимою, замерзая летом,
Волчком крутясь, не веря в чудеса,
Она в себе не сохраняет света
И не глядит на Божьи небеса.

Преодолеть безвыходность развала
Доступно только ей, живой душе,
Но в ней души уже настолько мало,
Что кажется – и нет её уже.

Не для неё сомнения и жалость –
В ней злая ложь с беспамятством сошлись.
...Признаться в страшной правде ей осталось
И этой правдой, может быть, спастись.

* * *

Ещё звезда ночная упадёт,
Ещё вспорхнёт с дрожащей ветки птица,
И снежное молчание пройдёт
И в звон ручейный перевоплотится.

И вновь на свет потянется трава,
И полетит пчела в простор широкий,
И ветер раскачает деревья
И пылью закружится по дороге.

Опять грибные зачестят дожди,
И от костров потянет вечным дымом,
И всё, что было, будет впереди –
И снова станет всё неповторимо.

И не сочтут ни зверь, ни человек,
Не скажут никому родные дали,
В который раз закружит первый снег
И первый гром в который раз ударит...

* * *

Ставенка стукнет в оконную раму.
В трещинах извести на потолке
Медленно вырастет каменный замок
На окружённом прудом острове.

Вспыхнет на глянце воды непроточной
Небо, омытое звёздным дождём.
Старая сказка расскажется ночью
И неожиданно вспомнится днём.

В чёрной траве у косматых орешин
В тёмном, замшелом, урёмном углу
Вдруг хохотнёт заблудившийся леший
Или споткнётся Яга о метлу.

А вдалеке, за землёй непроезжей,
Там, где дубрава в росе-серебре,
Добрая фея прозрачной одеждой
Прошелестит по шершавой коре.

В каменном замке печаль-Несмеяна,
Глянув в глухое оконце тайком,
Вспомнит с улыбкой, что кто-то Ивана
Поторопился назвать дураком.

ЗИМА 1990 ГОДА

*В России появились беженцы
из Азербайджана.*

*Несколько семей с детьми из
Гянджи приехали в Можайск.*

Из новостей

В Можайске медленный и чистый
Кружится снег.
В Гяндже январский ветер свищет,
Как злой абрек.

В лицо плевком, в окошко камнем,
Картечью в грудь...
Так все мы беженцами станем
Когда-нибудь.

И впрямь – сначала было слово
И лишь потом
Война миров, поход крестовый,
Джихад, погром!

Одним вошло в дурной обычай
Речами течь.
Другим смолчать стократ привычней
И – в землю лечь.

Чьё слово завтра отзовется
Какой бедой?
Кому тогда принять придётся
Последний бой?

Февраль. В Можайске плачут дети.
Ну что с них взять?..
Снег, что растаял в том столетье,
Идёт опять!

* * *

Нет, я не знал, хоть говорил, что знаю
О том, кто другом был, а кто врагом.
Была одна земля, как мать родная,
Была одна страна, как отчий дом.

Встречаясь, мы друг другу руки жали,
Прощаясь, обнимались, как родня.
И нас друзья за верность уважали,
А недруги боялись, как огня.

Они, смешно кичась собой, глазели
С завистливых заморских берегов,
Как мы о лучшем будущем радели,
Среди друзей не разглядев врагов.

Но подлый предал, слабодушный струсил,
И время с гулом покатилося вспять.
Зашлись, заныли «зайки», «муси-пуси»,
И перестали «Валенки» звучать.

Как глупо и необъяснимо быстро
Мы целый мир отправили в распыл!
И потеряли голос три танкиста,
И Бухенвальд беду свою забыл.

Когда бы мы глупеть не захотели,
Те, кто поёт нам голубую муть,
Другие бы сегодня песни пели,
А то бы и молчали где-нибудь.

И не было бы ни донбасских списков
Расстрелянных бандитами детей,
Ни взорванных солдатских обелисков
За спинами фашистских упырей.

И мы бы в звоне праздников и буден
В родных пределах продолжали жить
Без беспокойства, что там завтра будет,
И без вопроса: быть или не быть...

* * *

Самое высокое звание в жизни – быть воином,
выше этого – только звание русского воина.

*Адмирал флота Советского Союза
Иван ИСАКОВ (Тер-ИСААКЯН)*

Я – воин. Даже больше – русский воин.
Хранящий русский дух и русский стиль.
Суворов, Котляревский и Истомин,
Лазо, Ковпак, Момыш-улы, Джалиль...

Ищи, стратег немецкий и французский,
Среди бурят, аварцев и армян,
Ищи меня, ищи – я воин русский:
Смушкевич, Зорге, Тер-Исаакян.

Со мной в бою, в разведке и в дозоре
Барклай-де-Толли и Багратион,
Гаджиев, Амет-Хан, Василий Порик –
В бессмертном списке тысячи имён.

Я зла не помню. Дверь моя открыта.
Но ран моей земли не береги
И никогда, вояка недобитый,
На выстрел до неё не подходи.

Сдавай боезапас, глуши моторы,
Не накликай на белый свет беду!
А посягнёшь на русские просторы,
Не суетись – я сам тебя найду.

Поэзия

Лидия Довыденко

«РАСТВОРИМСЯ В ВЕЛИКОМ НАРОДЕ...»

О сборнике стихов Владимира Тыцких «Прямая речь». Тетрадка 8

Поэтом быть – одна из высших форм
Высокого российского гражданства.

Владимир Тыцких

Поэзия Владимира Тыцких, органичная, мужественная, – это высь небесная, и воздух эпохи, и аура толщи народной, в которой корни правды и справедливости, исток художественной реальности, целостности, исток национального духа, поднимающегося над мелкотравчатостью к молитвенному служению, подвижничеству.

По Млечному Пути и по острию важнейших тем идёт автор сборника («но я иду по острию»), и для него имеет проникновенный, пронзительный смысл – беззаветно быть преданным Отечеству, оставаться мужчиной, любить свою семью и близких людей изо всех сил.

*А Млечный Путь крестами вышит
Тех звёзд, что смотрят с высоты
На наши звёзды и кресты...*

Новая книга – всегда событие в личной, собственной истории жизни поэта, а возможно, и в современной русской поэзии, потому что поднимает темы, «не подверженные тленью». И таким образом, я думаю, как и многие его читатели, Владимиром Тыцких делается такой выбор, чтобы тщательно избегать измены, предательства, осуждения, слабости, неся бремя человечности. Благородный огонь души не гаснет и рвётся в поэтические строчки:

*Или, по крайней мере, не ослабить
Друзей, достойных только лучших слов,
И не копить обиды на врагов,
А в свой черёд уйти и не оставить
Ни тем и ни другим своих долгов...*

Целостное Я поэта обладает способностью воспринимать и выражать в образах космос другого Я, способностью не отделять свою судьбу, свою жизнь от судьбы и повседневной жизни его народа, не находя возможности опустить эпитет «великий»:

*Сольёмся с толпой, растворимся в великом народе.
Кто левый, кто правый – ну, кто нас, к чертям, разберёт?..
Счастлирое время само по себе не приходит,
Несчастное время само никуда не уйдёт.*

*Но кто запретил нам в хорошее верить и даже
Хоть что-нибудь делать для пользы землицы родной,
Где, как ни таись перед временем, дело покажет,
Кто левый, кто правый, кто свой для неё, кто чужой?
(ЛЕВЫМ-ПРАВЫМ)*

Духовно-нравственная доминанта поэта: «Я жизнь свою запоминал стихами...», «Всё на свете – великая тайна...», «Правды горькой не умею скрыть», и вместе с тем это так похоже на моление Христа: «чашу эту мимо пронеси».

<i>Судьба моя не балует меня, Ждать снисхожденья от неё напрасно. Прошу тепла – она даёт огня, А погасить его уже не властна.</i>	<i>Пред вечностью беспомощно мала, Она, ещё не названа, не зрима, И до меня уже всегда была, Растворена в судьбе земли родимой.</i>
---	---

В век общественной турбулентности он призывает «пристегнуть ремни», беречь себя и свою душу, свой свет, ведь мы уникальны, и «нас нельзя пересказать, // как мы смеёмся, плачем, дышим...»

Мы стали свидетелями того времени, когда земля превратилась в планету беженцев, когда войны и природные катаклизмы срывают с родных мест семьи и целые народы:

ЗИМА 1990 ГОДА

В России появились беженцы.
Из новостей

*В лицо плевком, в окошко камнем,
Картечью в грудь...
Так все мы беженцами станем
Когда-нибудь.*

<i>И впрямь – сначала было слово И лишь потом Война миров, поход крестовый, Джихад, погром!</i>	<i>Чьё слово завтра отзовется Какой бедой? Кому тогда принять придётся Последний бой?</i>
---	---

<i>Одним вошло в дурной обычай Речами течь. Другим смолчать стократ привычней И – в землю лечь.</i>	<i>Февраль. В Можайске плачут дети. Ну, что с них взять?.. Снег, что растаял в том столетье, Идёт опять!</i>
---	--

Для Владимира Тыцких священны дружба, поэзия и поэты, их надёжность, ветераны Великой Отечественной войны, победные песни, огни берега Золотого Рога, русские воины.

*От века, то темнея, то светлея,
Родное небо знает наперёд:
Всё догорит, развеется, истлеет
И снова загорится и взойдёт.*

<i>И память, не подверженная тленю, Итог последний подведёт сполна: Вся жизнь тебе давалась на мгновенье, Но вечные связала времена.</i>	<i>В них места нет забвенью и разлукам, И широко в пределах дорогих Живёт земля твоих детей и внуков Под древним небом пращуров твоих.</i>
--	--

Есть такое понятие воин, но ещё более высокий смысл у понятия «Русский воин», которое связано с несокрушимым духом, победой над самым сильным врагом, до встречи с русским воином считавшимся непобедимым. Владимир Тыцких – поэт и воин, поэтому для него:

Самое высокое звание в жизни – быть воином, выше этого – только звание русского воина.

*Адмирал флота Советского Союза
Иван ИСАКОВ (Тер-ИСААКЯН)*

<i>Я – воин. Даже больше – русский воин. Хранящий русский дух и русский стиль. Суворов, Котляревский и Истомин, Лазо, Ковпак, Момыш-улы, Джалиль...</i>	<i>Ищи, стратег немецкий и французский, Среди бурят, аварцев и армян, Ищи меня, ищи – я воин русский: Смушкевич, Зорге, Тер-Исаакян.</i>
---	--

*Со мной в бою, в разведке и в дозоре
Барклай-де-Толли и Багратион,
Гаджиев, Амет-Хан, Василий Порик –
В бессмертном списке тысячи имён.*

*Я зла не помню. Дверь моя открыта.
Но ран моей земли не береди
И никогда, вояка недобитый,
На выстрел до неё не подходи.*

*Сдавай боезапас, глуши моторы,
Не накликай на белый свет беду!
А посягнёшь на русские просторы,
Не суется – я сам тебя найду.*

Эти гнев и отчаянная решимость, непримиримость, пережитое страдание, трагическое предчувствие «русского креста» и пути его в истории, возможной схватки лирического героя поэзии Владимира Тыцких – это огненный меч его народа, постоянно в веках возрождающий истерзанный мир верой в свет и добро.

Но вёдом поэту и рецепт счастья:

*Счастливым быть легко и просто,
Мне дело это по плечу...*

Счастье для него в единении с природой на Русском острове, на мысе Песчаный, в поездках в Находку, в Терней, но главное – присутствие рядом любимого человека, мысли о маме:

*Далеко-далеко, высоко-высоко свет не гаснет.
Неземной, несказанный, живой и до боли родной.
Мама, я уже знаю, что жизнь – очень краткое счастье.
Мама, слышишь! Спасибо, что ты поделилась со мной...*

А ещё есть счастье творчества:

*Запарю чай в китайском жёлтом чайнике,
Тупые подточу карандаши
И запишу слова, почти нечаянно
Собравшиеся в глубине души.*

*Слова о том, что нам дано пока ещё
Из полной чаши жизни пригубить...*

А как пронзительно счастье – понимать, кто дарован тебе в твоём окружении, в дружбе, в памяти о друзьях и близких, в новых встречах с замечательными людьми:

*Мир за окном велик и многолюден,
Да тех уж нет, а те уже далече.
И знаешь – встречи никакой не будет,
И всё-таки надеешься на встречу...*

Говорить и сознавать истину, чувствовать её интуитивно, сохранять душевность, человечность, носить в себе Божественность небес по плечу только сильным духом людям, которые чаще всего не на слуху, не «в телевизоре», не в СМИ, а живут почти в неизвестности, неся в себе предназначение человеколюбия, «милость к падшим»:

*Преодолеть безвыходность развала
Доступно только ей, живой душе,
Но в ней души уже настолько мало,
Что кажется – и нет её уже.*

*Не для неё сомнения и жалость –
В ней злая ложь с беспамятством сошлись.
...Признаться в страшной правде ей осталось
И этой правдой, может быть, спастись.*

Как прав поэт, «что кто-то Ивана // Поторопился назвать дураком».

Сборник «Прямая речь» полон «и ума холодных наблюдений, и сердца горестных замет».

Стихотворение «Копейка» о том, что копейка мечтает стать рублём, и обе монеты одинаково томятся во тьме кошелька.

*А у величеств, у высочеств
Свой путь – один на целый свет...
Мир – сумма многих одиночеств.
Соединяет их поэт.*

*Он времена былые слышит,
В нём дали новые звучат,
Пусть прозаики не пишут,
Пусть глухо критики молчат.*

*Открытьям дня и тайнам ночи
Ни счёта, ни пределов нет.
Мир состоит из многоочий.
А заполняет их поэт.*

*И – в сердце боль. И – рвутся жилы.
Глаза в слезах. Душа в крови...
Но ничего бы не сложилось
Без этой муки и любви.*

Народ, предавший свои традиции, свой род, свои погосты, свою веру, обречён на гибель, и поэту важно предупредить об этом свой народ:

*Но подлый предал, слабодушный трусил,
И время с гулом покатилося вспять.
Зашились, заныли «зайки», «муси-пуси»,
И перестали «Валенки» звучать.*

*Как глупо и необъяснимо быстро
Мы целый мир отправили в распыл!..*

Как писала Марина Цветаева: «На твой безумный мир ответ один – отказ!» – так лирические герои Владимира Тыцких затаённо, не на показ хранят в душе веру в светлую радость, высокий запас чести, предчувствуя грядущие битвы:

*И не было бы ни донбасских списков
Расстрелянных бандитами детей,
Ни взорванных солдатских обелисков
За спинами фашистских упырей.*

*И мы бы в звоне праздников и буден
В родных пределах продолжали жить
Без беспокойства, что там завтра будет,
И без вопроса: быть или не быть...*

Как глупы разговоры о свободе, которые слышит в прошлом бездомная кошка Катька, подобранная на улице художником, участником диалога.

*А Катька тихо муркала в усы,
К хозяину ласкалась осторожно,
Когда, украдкой глядя на часы,
Рукой её поглаживал художник.*

*И знала Катька – прав во многом гость.
Но про свободу думала иначе.
Побыть свободной вдоволь ей пришлось,
Пока была бездомной и бродячей...*

Жизнь состоит вовсе не из того, что мы видим по телевизору:

*...вовсе не из пошлых шуток
протухших телесмехачей,
заморских дач, дешёвых шмуток,
продажных СМИ, газетных уток,
заблудших душ, пустых речей,
самовлюблённых богачей,
глупцов, мажоров, проститутток
и прочих разных сволочей.*

*Мы с ними, кажется, ходили
и в детский сад, и в первый класс,
мы их домой к себе водили,
пока они не обнажили
себя и в профиль и анфас,
не доказав нам тыщу раз,
что мы без них бы лучше жили.
но сдохли бы они без нас.*

Да, прав Владимир Тыцких:

*Поэтом быть – одна из высших форм
Высокого российского гражданства.*

У него прочнейшая духовная связь с его лирическими героями – Героями Советского Союза и Рос-скими, ветеранами войн, святыми подвижниками, подлинными русскими поэтами, его родными и близкими людьми, которые живут почти инкогнито, но достойные лучших слов.

Изо всех сил противостоят они кощунству, богохульству, твёрдо веря в Божий Промысел и его гнев на врагов России, на несправедливость, ложь, лихоимство и коррупцию, русофобов всех мастей, иноагентов и прочей шушеры.

Океаны живой воды омывают берега Родины, вдохновляют лучших поэтов на самоотдание чистых сердец во имя русской Вселенной в хрустальных, родниковых звуках русской речи.

Поэзия

Елена Крюкова

Елена Крюкова – живёт в Нижнем Новгороде. Поэт, прозаик, культуролог, литературный критик. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Автор книг стихов и прозы. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), журнала «Нева» (2012), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), журнала «Берега» (2021), им. С. Сергеева-Ценского (2021), «Молитва» (2021), им. Б. Корнилова (2022), «Есть только музыка одна» (2021, 2022), «Слово и музыка» (2023), им. Н. С. Лескова (2024) и др.

Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Пройдите мимо нас
и простите нам наше счастье.

Достоевский Ф. М. Идиот

* * *

Рельсы серебристей свежей рыбы.
Чёрен снег, он подгорелый хлеб.
Под нависшей многозвёздной глыбой
Мчится поезд, от любви ослеп.

Мы глаза ладонью закрываем
От его безумных белых глаз.
Поздно! Он летит, забываем,
Сквозь живых и сквозь убитых нас.

В поездах прощались и любили,
Пели, умирали на бегу...
Мы остались на платформе – или
Две полынных ветки на снегу?

БЕССТРАШИЕ

А мы дороги не боялись, нет!
Мы хлеб ломали, дул судьбинный ветр,
И на ходу мы прыгали в вагон,
Катил под склон, а миг сверкнёт – на склон!

Такие годы были. Гибло всё.
Всё попадало в разрушенья колесо.
Так с пьедестала падала страна,
Одна на всех, для одного – одна!
Откальвивались от неё куски.
Орали мы и пели от тоски.
От голода: картошечку на сале
Так жарили!.. вокруг неё плясали...
На площади стояли, руки голые сцепив:
Нет, танки не пройдут!.. – наш крик, мотив,
Наш вопль: живи ты, Родина! живи!
В который раз – да, на костях и на крови...
Войны мы не боялись. Нет, о нет!
На выстрелы наш был один ответ:
Что ж, под ружьё! Под тяжкий автомат!
За Родину! Глянь – тысячи стоят...
А кто не с нами – значит, против нас!
Но мы не знали лисьих лживых глаз,
Но мы так верили: грохочет наш состав
Поверх обмана, в синь небесных глав!
Из нас был каждый – куполом златым!
Да, голодали! Кудри-гарь, пожарищ дым,
Шальные торжища, где куры, шапки, лук
И пишмашинки во дрожащих граблях рук...
Зарплату нам – яйцом да утюгом!
Парадное дежурство – в горле ком!
Убийство богача, а пуля сквозь стекло,
Из рук валится летописное стило...

Россия гибнет, так тогда казалось нам!
 «Да никогда!» – орали. Стыд и срам,
 Кто каркает в сугробе, вороньё,
 Кто плюнет во бессмертие твоё!
 Кто не увидит воскресение: вокзал,
 И бег народа, что судьбу в лицо узнал,
 Что – на плечи котомку и баул,
 Что в зале ожидания до Христа – уснул!
 Мы сорвались. Во тьму! На рельсы! В свет!
 Мы, люди, смерти не боялись, нет!
 Мы кровью знали: что ж, погибель вот! –
 А там, за спинами, восстанем мы, народ...
 И потечём – по россыпям дорог!
 И побежим – в берёзовых серёг
 Златую и пчелиную пыльцу!
 Нас Херувим крылом погладит по лицу!
 Нас много! Мы все – ягоды, зерно,
 Кирпична пыль, велика быль, мы все одно,
 Мы глухи к визгу ненависти: нам
 Пред боем знамя прижимать к губам!
 Да, знамя красное, всё в золоте кистей.
 Всё легендарное. В земле оркестр костей,
 Все скрипки рук, все ксилофоны ног,
 Гремят все битвы, каждый одинок,
 За счастье погибая, всяк бежит
 Вон из вокзала, паровоз дрожит,
 Нам снова плыть во времена без дна,
 Нас снова ждёт гражданская война,
 Переплывём, крылато перейдём,
 Да, аки посуху, под ветром и дождём,
 Ведь гибель Родины – залог ея любви,
 Моя родная, не умри, живи,
 Ты выстои, тебя перевяжу,
 Влечу в вагон, иду как по ножу,
 Палят и празднуют, целуют плоть, гранит,
 Рожают тряско, плачут в море панихид,
 Мы помним всё, мы выжили тогда,
 Да нам сегодня горе не беда,
 Мы не боимся боли – мы есть боль,
 Родная, дай обнимем, мы с тобой,
 Да всяк есть ты, всяк воробей из нас,
 Орёл, парящий в перекрестье глаз,
 Тот полководец, гулкие войска,
 Тот машинист, беспалая рука!
 О, нас не запугаешь! Стреляные мы.
 На шрамы и рубцы – возьмём займы
 Кровавые, иные письма,
 Ко рту мы купол поднесём – без дна!
 И выпьем! Ну, давай! На посошок!
 Мы не боимся Ада: с нами Бог.
 Метель, ты с нами. Зимняя Война.
 Дорога с нами. Вечная она.

ПОЮ
 СТАРОВЕРСКУЮ ПЕСНЮ
 СО СВЕКРОВЬЮ МОЕЙ
 ВЕРОЙ ЕМЕЛЬЯНОВНОЙ

Овчина и бархат, золотное шитьё...
 Сгорели заплоты. Иное бытиё.
 Идёт из мрака уткой жирною – изба...
 Не Страшное Судилище, а восстают гроба...
 Мою свекровушку видала я лишь раз.
 Ей пела соловушкой, и слёзы – из глаз.
 Она же вся морщиниста... живого места нет...
 Лицо – печёным яблоком. Очей фосфор-свет.

Мирь медленно крутится. Страшен циферблат.
 Мелькают знаки-символы. Войны звенят.
 Гремят куранты. Кукушке куковать.
 Лязгает в госпитале смертная кровать.
 Пылают сапфиры врачебных ламп.
 Пылают рубины зверьих лап.
 Железная миска. Свекровь, ты чья жена?
 Погиб мой свёкор. Сожгла война.

А вот она и новая, свежая война.
 Свекровушка, Верушка, зачем ты одна?
 Четверо детишек, живых твоих душ –
 Один из них да стал мне суждённый муж.
 Ну что же, давай рядком сядем, вдвоём!
 Давай, свекровка, песнюшку затынем-споем –
 Песню старинну, брёл по берегу казак,
 Осетра спымал, да погиб за так.

Ах, Господь, пропал ни за понюх табака –
 Муж твой, казак, войнушка нелегка!
 А ты, моя свекровушка, на земельном дне
 Спи-усни, покойся, Мирь видь во сне.

Ах, розвальни-полоз, да снежный городок!
 Бурливый Енисей, живорыбный садок!
 Держи, моя ласковая, крепче осетра –
 Горит война превыше костра...

Свари ты в котле иные времена!
 Выпьем водочки, выпьем до дна!
 Стопку под ушницу! Мамонька, не плачь!
 Мама, не рыдай, время – лошадьё – вскачь...

Песня старинна! Розвальни летят!
 Чёрный на монашке, угольный наряд!
 Крестисься двуперсто на Божию Мать
 Чимеевскую, мура боле не сыскать...

Родная моя! Родимый мой прах!
А вот вся живая – в соломе, на санях!
А вот староверский, бешаный взор,
А вот во срубe приказан костёр!
А пред казнью – пряничек тебе:
Кроха прилипла мятной родинкой к губе!
А пред гибелью – сладимый пирожок:
Бог тебе в липкой ладошечке сберёг!

Ты моя свекровушка, пьяна без вина,
Вера ты Емельяновна, казачья жена!
Вишь, какие настали времена –
А ты там под землёю, а ты-то там одна!

Милая! Да всем нам покидать окоём!
Ищу черты твои да в сыне твоём!
Глажу мужа моего по морщину лицу,
Как ты своего, егда вёл ты к венцу...

Да только пой со мной, да рюмка через край!
Да только песню стару тyani, не бросай!
Да шла тропинка мимо кузни той,
Игде разрыв-трава горит под пятой...

Ах, пой ты, пой, да начинай стократ!
Ах, жизнь, жизньюшка, да не придёт назад!
Мохнатою шубою раскинулась Сибирь
На лавке еловой, в чаю – Китай-имбирь,
Ложкой зазвениши – золочёный ток
Ударит: лимонник, синий Восток,
Свечи толсты у Ветхаго Завета в ряд,
На фото желтеющем солдат, ещё солдат,
Ружья-винтовки, морозная тьма,
Думка-подушонка, вышила сама,
Пылает в оконцах радужна слюда,
Я боле не увижу тебя никогда,
А кто боле меня не увидит никогда,
Об том молчать и петь, за верстою верста,
Я боле никогда в Сибирю не дойду
На лютом, на волчьем, серебряном холоду,
Ты пой, моя свекровушка, голосом дрожи,
Да мне ничегошеньки про тот свет – не скажи...

МОЛИТВА

Сегодня в лазарет наш с далёкой ли дали
Совсем цыплёнка юного, мальчонку привезли.

Из кузова сгрузили и на руках внесли
В огромную палату: в крови, снегу, пыли.

Обмыть мальчонку надо!
Всё чистым быть должно.
А нянечка-старуха так молится в окно.

На Солнце, как на Спаса... икона – небеса...
Зовите вы хирурга! Жить парню полчаса!

Хирург бежит, вздыхает, всю видит боль-беду.
Реку переплывает, идёт-бредёт по льду.

Реку войны, и скорби, и простынь, и пелён,
Реку судьбы и смерти, реку иных времён.

А мать моя, сестричка, рукой зажала рот:
Такой солдат молоденький, а нынче вдруг умрёт!

Не умирай, шептала, держись, не умирай,
Во что бы то ни стало держись и побеждай!

Зажимы подавала... Стояла у стола...
А нянечка-старуха молилась и ждала.

А нянечка святые все путала слова,
Молилась как умела, молилась от себя...

Хирург над страшной раной творил
последний шов.
Шагнул назад, как пьяный, без сил, в поту,
без слов.

Солдат, мальчонка бледный, последний дух
и дых.
Он снизу вверх застыло смотрел на нас, живых.

И мать моя, сестричка, отбросила зажим,
И тихо так и горько заплакала над ним.

А нянечка молилась, молилась всё равно,
И Солнце бинтовало разверстое окно,

И Бог молитву слышал, в слезах смирен и тих,
И в небе Сам молился за мёртвых и живых.

* * *

Этот Ход мой, суровой Веры, по великой и бедной стране.
 Это Ход мой, сквозь ущелья и шхеры, по отмели, по дну и на дне.
 Что со мной приключится?
 Сегодня ли, завтра – завяжи котому – лишь путь:
 В глаза реки заглянуть, в колени земли башку уткнуть.

Все говорят, что ты сегодня – новьё, ты, моя земля.
 То жнивьё, то былё, то бельё улетает, метелью пыля.
 А я всё иду, вечная Вера, меня не подстрелишь из-за угла,
 Я в застольное царство людей рыжей приبلудной собакой вошла.

Грохот поезда! Бритвой времени пользуйся, а меня, бритый вор, не тронь:
 Я сама себя раскрошу, направо-налево раздам, жадный хлебный огонь,
 И угли мои, головни мои уже, сгибаясь, плача, едят из дрожащих рук;
 А толпа пляшет, пьяна от песен горячих, и так близок Полярный круг.

Я иду по стране, поджарая, тощая Вера, по худой песчаной земле.
 Я иду в огне, по воде, где тучи полощутся,
 то трезва как стёклышко, то навеселе.
 Я всё помню, я твержу сожжённые буквы,
 хлеб старухам дарю,
 я традицию свято чту,
 Я небесных прощальных ангелов чётко зрю
 сквозь кровавую линзу, за висельную версту.

Я иду, просто баба. А баба, ребята, се не человек!
 Баба – это же просто курица-ряба, слеза из-под мужицких век,
 Я иду уж не меж людей, а над Мiром, над городом, над толпою, над
 Жгучей памятью, над самой собою, над звездами, что виноградом висят,

Красной – с виселиц! – винной ягодой!
 над пургой, заметающей храм,
 где стреляли – во злобе и ярости – в грудь – так скоро забытым Царям!..
 над железной повозкой, с красным крестом трясущейся то вперёд, а чаще – назад,
 да над Приснодевою, сущею Богородицей – в смарагдах зрячих оклад...

Над зимней площадью, красной бешеной лошадью,
 над колпаками-бубнами скоморохов иных, певцов,
 Над секирами, судьбами срубленными новых, страшных ликом стрельцов,
 И кричу им, шепчу им: милые! братья! слышите ли! люблю! –
 А в ответ мне одно: за могилою... во успении... во хмелю...

А со всех сторон, в грудь и в спину, заполошно кричат: «Собака! Уйди!»
 Я иду. Я на ветру не простыну. Укроют, обнимут дожди.
 И снега укутают. Песцовой этакой шубы и не нашивал никто на земле.
 И молитвы такой ничьи бедные губы не твердили в алмазной мгле.
 А куда я иду? За какую жалью-надобой, там-вдали-за-рекою,
 за небесной милостью, за
 Край света, за ясной тоскою, за монетами – на глаза?
 ...это Ход мой, сиротский поход мой, одинокий, за гранью-чертой –
 Нежным знаменем, зрячим оком одинокой Веры святой.

Валентина Коростелёва

Валентина Коростелёва – родилась в городе Кирове. После окончания Литературного института им. М. Горького переехала в Подмоскowie. К 2024 году издано 23 книги, из них 13 поэтических. Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов им. Андрея Платонова, Алексея Толстого, Антона Дельвига, «Золотое перо Руси», «Добрая лира», «Литературная Вена», а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Обладатель Золотой пушкинской медали, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в подмосковной Балашихе.

БОГАТСТВО

В лес поманила дорожка,
Слышится птиц говорок...
Ширится день понемножку,
Свой преподносит урок.

Вот они, леса богатства:
Чистые, в синь, голоса,
Зорь неразлучное братство,
Данная Богом краса...

БЕЗ ТЕБЯ

Всё как-то некстати сложилось,
Судьба к той черте подвела,
Где осень со мной не сдружилась,
Где осень меня подвела.

И нет, чтобы раньше, – под солнцем,
Что нечисти всякой дерзит...
А нынче и ветер взорвётся,
И в сердце, как в доме, сквозит.

Осыпалась наша аллея
И рвётся последняя нить...
И глупо надежду лелеять
И даже о ней говорить.

А так – ничего не случилось:
Работа, заботы и дом.
Но что-то как будто почило
Под жгучим кленовым листом...

ЧУДО

Развернулся день – весенний, майский,
Так, что во все стороны светло,
У него, никак, характер райский, –
Всё дарит и ласку, и тепло.

Ничего, что было так веками, –
Сердце воскрешённое поёт,
И, какое счастье, под ногами, –
Слава богу, не коварный лёд!

Мая долгожданное явление.
«Просто чудо!» – люди говорят.
И над головой, как в сновиденье,
Облака черёмухи парят...

МЕТЕЛИЦА

Снег!.. Не видно ничего,
Знать, планета вертится...
Ой ты, снега торжество,
Русская метелица!

Полечу, кажись, сама
В дали я безбрежные...
Да и что там за зима
Без спектакля снежного!

Радость прочит иль беду?
Люди ретируются...
Ну а я опять пойду
Всё равно на улицу!

Как мне это не любить,
Я зимой повязана...
Ну, простыну, может быть, –
Молодея заново!

А ДАВНО ЛИ...

Нас судьба сводила долго, не на миг.
 Был, казалось, рядом счастья материк...
 Пролетели годы, и проплыл туман.
 То ли счастье было, то ль его обман?

Радуги светились в отблесках зимы.
 А давно ли горы покоряли мы?
 А давно ли песни пели под дождём?
 Утонуло солнце в холоде твоём...

ПОКРОВ

А всё ещё совсем не ясно,
 Когда зима с весною спорит:
 То ль хлынет в душу солнце красно,
 То ль обернутся лужи морем...

Что зреет там, за горизонтом,
 Добро иль зло пребудет в силе?..
 Дай бог, чтоб из лучей был соткан
 Покров над страждущей Россией!

ГДЕ ОКРАИНЫ ТИХИ...

Не просты пути земные,
 Если мир враждой распят.
 ...Драгоценные родные
 В разных землях чутко спят.

Как смириться мне с потерей
 Моих предков золотых?
 Боже, как тебе не верить
 В то, что живы души их,

Что и там, по крайней мере,
 Где окраины тихи, –
 Снится бабушке деревня,
 Снятся деду петухи!..

НЕ В ТОГО ВЛЮБИЛАСЬ...

У меня претензии к судьбе,
 Дальше больше, – на судьбу обида:
 С неких пор не рада я себе,
 С неких пор мне солнышка не видно.

Кто ж не ищет счастья своего?
 Только я о выборе жалею.
 Не в того влюбилась, не в того,
 А влюбилась, – и почти болею.

Как ни кинь, из головы нейдёт,
 Путаёт – и сны, и даже строчки.
 Нет, не тот, обидно ведь, не тот!..
 А вот не забыть его, и точка.

СЕГОДНЯ Я ПИРУЮ...

Судьба восход дарует,
 А было – на краю...
 Сегодня я пирую,
 Всё сущее люблю.

Вопросы разрешаю
 Без тени мандраже,
 И солнышко не жалит,
 И ветер – по душе!

В тени воркуют пары,
 Восторга полон мир...
 А просто – блеск бульвара,
 Цветов роскошный пир!

И ветерок – по коже,
 И руки ждут пера...
 А просто – день хороший,
 И сердцу рай с утра!

ЛИШНИЕ СЛОВА

Что ты ходишь всё вокруг,
 Всё на что-то намекаешь.
 Успокойся, милый друг, –
 Я совсем не та, – другая.

Я играть, мой друг, в любовь
 Не умею и не буду.
 И не надо лишних слов, –
 Я их тут же позабуду.

ГОРОДОВ НЕБОГАТЫЕ ДЕТИ...

Только сны отряхну, только встану,
 Как уже на бульвары зовёт
 Не узорочье редких фонтанов –
 Пышной зелени ласка и мёд!

Перед ней всё мельчает и меркнет,
 И дома, и машин вороньё,
 Всё иной исчисляется меркой,
 Нежит чуткое сердце моё!

Городов небогатые дети,
У которых – ни замков, ни дач, –
Любим вкусы и запахи эти,
Будто в детстве военном – калач!

НЕ ВИНЮСЬ И НЕ ЖАЛЕЮ...

Я тобой переболею...
Римма Казакова

Не винюсь и не жалею,
Что по-прежнему люблю.
Я любовью отболею
И судьбу перекрою.

Видно, вьюга просвистела,
Перестали сны кружить.
Что же делать, что же делать?
Остаётся просто жить.

С нами Русь: Байкал и Волга,
И любой желанный путь...
Не смотри в глаза так долго, –
Можно снова утонуть...

ЛИШЬ ТАМ...

Цветут по городу каштаны...
А шум ручьёв, от счастья пьяных,
И луг, цветущий днём и ночью, –
Не здесь душе споют воочью.

Шумят роскошные фонтаны,
Как здесь шумят и в разных странах,
Но тихий говор светлой речки
Лишь там, где жив дымок от печки.

Шумит безлика эстрада –
И всё о том, о чём не надо,
А голосок в селе взовётся –
И враз душа перевернётся...

СВЕТЛАЯ СИЛА

...И чёрные идут, идут снега,
И белые не выпросить у Бога.

А. Шацков

А нам не привыкать к любым снегам,
У нас сама история такая.
Мы научились и прощать врагам,
И биться насмерть, кровью истекая.

А что до белых, искристых снегов, –
Они в душе, как свет или ромашки,
И нет у этой силы берегов,
И потому бессмертно «Знайте наших!».

Опять гуляют чёрные снега,
На солнце снова тучи наползают,
Тревогой наливается строка, –
Но Сергей славный и сегодня с нами.

КОЛОКОЛА

Колокола с утра запели,
Разбередили душу мне.
Как будто Бог и в самом деле
Глаголил с миром в тишине.

А звон летел, высокий, длинный,
Торил небесную тропу –
И утра ход, и зов старинный
На праздник или на борьбу.

А звуки ширились, светили
И улетали в облака,
Как будто в памяти будили
Не только годы – и века.

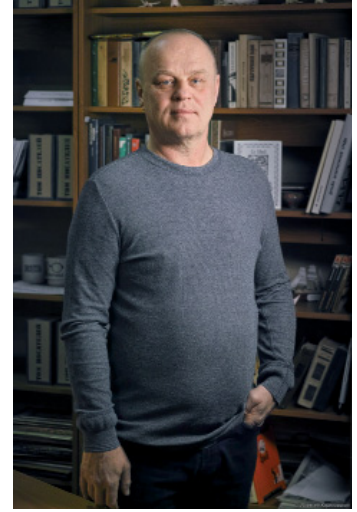
Так с небом музыка связала...
Седой звонарь к дверям шагнул.
– Спасибо, – я ему сказала.
– Бог с нами, – он в ответ кивнул.

Вкушал блаженства летний полдень,
Лечила душу благодать...
«Бог с нами», будем это помнить,
Чтоб Русь, как было, отстоять!

Поэзия

Сергей Пахомов

Сергей Пахомов – родился в городе Ленинграде. Окончил с отличием Литературный институт им А. М. Горького (семинар Ларисы Васильевой). Публиковался в журналах: «Берега», «Нева», «Новый мир», «Волга», «Север», «День и ночь», «Арион», «Литературная учёба», «Лента», «Лад» и других. Автор двухтомника «По обе стороны дороги» (2014): книга 1 – «Затмение листьев» и книга 2 – «На склоне вод».

К АСПАЗИИ

I

Аспазия, труднодоступный холм –
Последнее из дальних путешествий...
Белеют за холмом отары волн
Под неусыпной розгою созвездий.
Аспазия, простынешь на ветру,
Присядь к огню, гудящему, как улей...
Аспазия, дай ноги оботру:
Не смеет обзывать тебя грязнулей
Урания... Дитя моё, прочти,
Что друг твой нацарапал на табличке:
«Ре-чи-та-тив».
Не пойманный с поличным
За кражей Олимпийского огня,
Бог Прометей, как видишь, перед нами...
Аспазия, ты выйдешь за меня –
Философа, побитого камнями?
Аспазия, до спазм, до хрипоты
Люблю тебя... Твои стопы омыты,
Как первые весенние цветы,
Слезами ускользящей хариты...
Аспазия, ты дремлешь? На горе
Пан горлодёрствует, вакханок созывая...
Аспазия, я сильно постарел?
Аспазия... Аспа-зи-я (зевая)...

II

Аспазия... я шорох слышу там,
Где луч зари ресницами захопал...
Я говорил, не верь своим ушам,
Как я не верю в честность Пенелопы.
Аспазия, от ругани богов
Тот выиграет, кто не суеверен...
Я отойду собрать немного дров,
Как вскоре отойду на тёмный берег,
Где неподкупный властвует Харон,
Где я – как вор, не пойманный с поличным...

Ты не печалься после похорон
И отошли в Фессалию таблички.
Аспазия, ты выйдешь за меня –
Поэта, превзошедшего Софокла?
Аспазия, достаточно ль огня?
От утренней росы насквозь промокла
Твоя туника... Бусы не забудь,
О юная... о дивная Даная!
Как вздрагивает старческая грудь!
Аспазия! Аспазия (вздыхая)...

III

Овечьей шкурой мир не уберечь...
Мир можно взять и походя разрушить.
Так реки, продолжающие течь,
Аспазия, мелеют, словно души.
Оливу осторожно наклоня,
Возьму плодов немного на дорогу...
Аспазия, ты выйдешь за меня –
Отверженного небом полубога?
Природа от рождения груба –
Я быть устал, судьбу преодолеваю...
Остановись, я пот утру со лба,
Аспазия. Аспазия?.. (Моргая.)

IV

Что я скопил, отдаст Фессалион...
У Греции родной – двойное горе.
Триеры загораживают понт,
Скрывая опостылевшее море.
Эгей прознал о чёрных парусах...
Я заплутал в громадном лабиринте,

Как образ твой в моих последних снах,
Без нити Ариадны, без наитий.
Аспазия, ты выйдешь за меня,
Несчастливого, простого человека?
Дай руку мне... Аспазия, огня!
Огня, Аспазия, любви, свободы, света!
В глазах темно... На белую зарю
Наброшен плащ от края и до края...
Аспазия, тебя благодарю...
Аспа-зия... Ас-па-зия (стена)...

ЭПИСТОЛЫ

I

Бескрайних полей васильковые дюны.
Звезда обескровлена мощью эфира.
Душа, открывая вселенские руны,
Дрожит, нарушая гармонию мира,

И, глядя на молний горящие всходы,
На миг замирает у призрачной грани...
Меняется ветер, погода, походка,
Меняется угол моих созерцаний.

Душа, оббивая чужие пороги,
Мрачнеет, как храм без лампадок и свечек...
Иду по степи без конца и дороги,
И ночь, разрастаясь, мне давит на плечи.

II

На днях в потаённых садах вдохновенья
В обычном режиме осеннего сплина
Закончится жизнь снегопадом сомнений,
Продолжится смерть листопадом карминным.

Тяжёлые крылья несут херувимы...
Так было со мною, так будет со всеми.
Я думаю, смерть – восхождение в зиму,
Где в порах пространства отсутствует время.

Где самой отчётливой краской палитры
Считается чёрная выпренность сада...
И снова душа не находит калитки
В сплошном частоколе чугунной ограды.

III

Как только за дверью уютного рая
Закончатся наши с тобой посиделки,
Кометы, материю мира пронзая,
Осыплются в пруд парусиновый мелкий.

Едва миллионы злосчастливых мгновений
Сольются в одно, как угасшие солнца,
И сыростью тлена слащаво повеет
От листьев, от стенок глухого колодца,

Как чистил однажды в осинової сажі
К весеннему празднику злые иконы,
Я вспомню. Людей незнакомых... и даже
Ростральных триер боевые колонны.

Я чувствую, как приближается эра,
Где души всё суше, а небо всё ниже,
И надо ослепнуть, чтоб видеть Гомера,
И насмерть оглохнуть – чтоб слово услышать.

IV

Когда звездочёты считают монеты,
Приходят во власть окаянные годы:
Как белые карлики гаснут поэты,
Улитки фильтруют тяжёлые воды.

В ошпаренных травах – взбешённые змеи;
На грядках отравы – всему удобренье;
Знамёна замызганы грязью измены –
Измены взрастившему нас поколению.

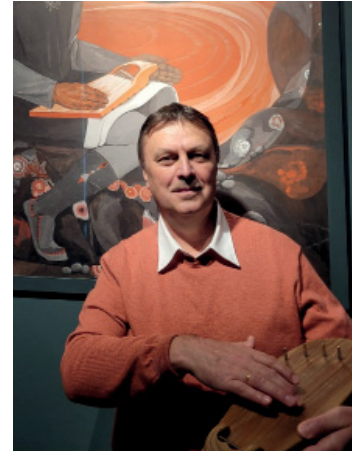
Я буду считать не монеты, а листья,
Копить звездопады, ветра и позёмки,
Их спрячу в надёжном хранилище мыслей –
Пусть добрыми нас вспоминают потомки.

Поэзия

Олег Мошников

Олег Эдуардович Мошников – родился в 1964 году в городе Петрозаводске. По национальности – вепс. В 1988 году окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты. После сокращения военно-строительного отряда служил в органах МВД и МЧС – инспектором и пропагандистом пожарной охраны. В 1996 году окончил Ивановское пожарно-техническое училище (заочно). Подполковник внутренней службы – в отставке. На данный момент работает в одном из подразделений пожарной охраны Республики Карелия. Публиковался в журналах: «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Наши современники», «Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Приокские зори», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», еженедельнике «Литературная Россия». Автор пяти сборников стихов и трёх книг прозы. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

ЗЁМИНА ЗВЕЗДА

Игорю Захаренко

Приезжайте в гости, однобатарейцы! –
Будто ночью зимней, дав мечтам согреться,
Заплетают стёжки фонари и рельсы,
Приближая встречу, распаяя сердце...

Говорить не будем – о разлуке скорой:
Сдёрнем гильзу-память пробковым затвором! –
Мы друзей по силе, впрок не выбирали –
С кем тягать станины пушек на Урале.

Пустотою гулкой полнится бутылка:
– О Земеле слышал?
– Как же? Жив курилка!
Правда, стал с годами незаметней, тише.
Словно из подполья: не звонит, не пишет...

Раз стояли с Зёмой в дальнем оцепленьи.
Эхо полигона. Ночь на загляденье!
Костерок бессонный меж созвездий вьётся:
– Есть звезда на свете – много больше Солнца, –
Светит Бетельгейзе где-то – среди тысяч...

Как на небе, друже, эту точку высечь,
Чтоб летела искрой далеко и ало?
А звезда на сердце с той поры мерцала...

РАЗОРВАННЫЕ ПЕСНИ

(воспоминание о мае 1979 года)

Всё не сердцем, умом понимаем –
Больше львовское время не с нами...
В белопенном каштановом мае
Развивалось победное знамя!

Шли полки ветеранов парадом –
Площадями весеннего Львова,
И крутилось кино по фасадам,
Вспоминая о часе суровом, –

Под Варшавой, Белградом и Веной
Передышки фашистам не дали!
Гордой песенной славой военной –
Фронтовые звенели медали...

Век двадцатый – остался в минувшем.
Новый век честь дедов не приемлет:
За столом «Черемшину», «Катюшу»
Не поют разобщённые семьи.

На посулах канадских, немецких –
Рвёт Украину кречет кровавый!
Под речёвки нацистских приветствий
Марширует братва в балаклавах.

Отступая, клубятся каштаны,
Тают скорбные свечи вдоль улиц:
Языки, самостийные страны,
Даже песни – враждой обернулись.

ЭХО

Какая на Солнце жизнь? –
Сплошные ветра и пятна...
А мне говорят: – Держись! –
Писатель, оно понятно,

В безбрежность уйдёшь не весь...
За «ЭХОМ» – следит больница:
Шумы – вокруг аорты – лес,
А сердце – на ветке птица.

Поляны – трава по грудь!
В затонах тиха речушка...
Подольше со мной побудь,
По Солнцу поплачь, кукушка.

* * *

В Киев? И думать о том не могли...
В распрях окраина русской земли,
Рознь – прямохожие застит пути.
«Ты погоди, Соловей, не свисти!»
Встал на развилке Илья-богатырь:
Стáрине – камень, брани – пустырь.
Ніч яка місячна. Светит луна...
В шаге от отчего дома – война.

* * *

Змею Горынычу зла не спустить,
Головы ополовинив...
С русскими сказками не по пути
В прошлое Украине.

Дивное диво – Кощеева смерть:
Де ж вона, цаца?
Не сокрушили Донецкую твердь
Битые яйца.

Вырвано «мясо» былинных страниц,
В борщ – Евровиденья лавры...
Сквозь скорлупу мезозойских яиц
Ломятся укрозавры.

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Тяжко – в «плюс» –
Шагать в шинели,
В «минус» –
Кутаться теплее.
Тяжко,
Господи Иисусе! –
С калашом
Ползти на пузе,
Обдирать сукно

На шее...
Гвозди
Тела
Тяжелее.

* * *

Дворовый тополь...
Видишь, как
растенье
в двести три вершка,
а всё бы
пьяному шататься.

Ушедший в штопор
военком
водил по лужам черенком
и подметал
небесный плац.

В губах окурочек угас.
Но горький,
тонкий,
серый дым
остался самым дорогим.

РЯДОВОЙ ГУЛЛИВЕР

Арзамасские приметы:
Полигон, река, лесок.
После стрельб солдаты в лето
Совершили марш-бросок!

Замкомроты огорошил –
Раньше спуску не давал –
Разрешил на речке Тёше
Неожиданный привал.

Безмятежный, необутый...
Город Сочи – наяву.
Муравьишки-лилипуты
Заплели меня в траву.

Мои мысли – без пилотки –
Перешли за Рубикон.
До Берлина путь короткий,
Но ещё короче – сон.

Мурашам на пляже тесно.
Поднимать солдат пора...
Занял маршевое место
Человек-Олег-гора.

ИМЕНЕМ ГОГОЛЯ

Прерывисто:
– Улица Го...л-л...ая! –
Маршрут объявляет шофёр
В трескучий динамик...

На Гоголя
Стоит гастроном до сих пор,
Где я, устремляясь за мамою,
Подол выпускаю из рук,
Детсадовской хлопал панамою
Гуляющих гоголем мух...

Всё те же дороги и факторы,
Вокруг чинодралов возня:
Бессильны липучки и рапторы
В России – до Судного дня.

И тень Николая Васильича –
Превыше мушиной возни,
Когда и чернильницей выручит:
– Мою мухоловку возьми...

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

по мотивам английской народной поэзии

Это бичующий слесарь Синицын,
Который всё пьёт и не может напиться,
Горит изнутри и вот-вот загорится
В доме, где кран опечатал ЖЭК.

А это запойно талантливый Кошкин,
Который картины малюет за «стошку»
И вместо дверей вылетает в окошко
Дома, где стёкла не ставит ЖЭК.

А это пожарный инспектор Собакин,
Который серьёзные пишет бумаги,
Собачась с пьянчужками чуть не до драки
В доме, где их не пропишет ЖЭК.

А это вконец опустившийся Ёлкин,
Который кладёт протоколы на полку,
Которые скоро пойдут на растопку
В доме, где трубы не чистит ЖЭК.

А это доцент-алкоголик Коровин,
Который набучил кустистые брови,
Который на ягодах брагу готовит
В доме, где ВУЗ не закроем ЖЭК.

А это пастух из Осетии Гога,
Который Коровина лупит жестоко
За то, что он бражными газами грохал
В доме, где рай не устроит ЖЭК.

А это пожар в расселённой квартире,
В которой цыгане неделю кутили
И третьего дня ещё печку топили
В доме... которого нет.

РАБОЧЕЕ МЕСТО ПОЭТА

Рабочее место моё –
Пожарных тревог колотье,
В подвалах задымленных свет,
Где – места Поэзии нет...
Контора родная не прочь
Служивому люду помочь,
Спецовкой какой-никакой
И выданной в кассе деньгой.

Одна без оценки труда
Поэзия – жар и вода,
Плывущий над озером дым...
Запаханным сердцем больным
До жженья себе не прошу,
Что начатый стих отпущу,
В душевных заблудах тропу –
Восторг, и печаль, и судьбу!

НА МОРЕ БЕЛОМ

– Когда приедем? Сколько миль
Трястись? Одна напасть:
Чёрт напрямки веревку вил,
И та оборвалась.

Во вторник – морось и волна,
В четверг – бушлат промок.
Зубатка даром не нужна,
И фокус был не впрок.

Покинул остров Робинзон
И – пятницы не ждал:
Глядеть на серый горизонт
Давно прошла нужда...

Приветил катер огонёк,
Туман перевалив.
Причал поморский недалёк –
Когда бы не прилив.

Когда б не заняла Чупа
Бараки старых зон –
До сей поры бы не ступал
На берег Робинзон.

Александр Лизунов

Александр Лизунов – родился в 1950 году в городе Бийске Алтайского края. Публиковался в «Альманахе библиофила», журналах: «Сибирские огни», «День и ночь», «Омская муза», «Москва» и других. Автор поэтических книг «Птицы над городом» (1985) и «Точка отсчёта» (1989) – Омское книжное издательство, «Эхо света» (2019, Ridero, Россия), «Угол атаки» (2020, КАН, Омск), «Солнечный ветер» (2021, Ridero, Россия); а также публицистически-философской прозы: «Между Большим Взрывом и Богом» (2018) – издательства Altaspera (Канада) и Ridero (Россия), «После Большого Взрыва. Бог и другие обвиняемые» (2019, Ridero, Россия), «Метафизика реальности, или Золотой ключик ДНК» (2020, Ridero, Россия).

ЧАСЫ СУДНОГО ДНЯ

Нашлись у службы Времени работники,
что в часовой механике секут,
вручную переводят эти ходики:
– Ну, сколько там до полночи секунд?
– Похоже, 90. Надо свериться!

Но вовсе и не думая о том,
шар голубой всё крутится да вертится, –
довертится вот-вот, как Фаэтон.
А люди что? – Они живут по-старому,
по континентам мечутся с утра,
где ставки повышаются на аурум,
но больше – на плутоний и уран.
И Джорджии скрижали не обманчивы,
и не фальшив невинных грет экстаз:
спасайте хомячков и одуванчики
от homo, что страшнее всех зараз.
Скопила Кали-юга столько нечисти!
Но вышний озадачится совбез:
нужда ли век наш отрезать от Вечности,
коль времени и так ему в обрез?
... Кто пялит там глаза свои опухшие
на стрелки, что нацелены в зенит,
а кто будильник придавил подушкой
и дальше спит – пускай себе звенит.

ЭТО ДРУГОЕ

Выйти сухим из воды – нет проблем,
если у вас под рукою
неотразимый сегодняшней мем
«Это – другое».
Очередную сгубили страну,

кровь её стала дешевле горилки.
Но повторяют они, не моргнув,
те же дурилки.
Слов ваших блёстки не стоят и грош,
пактов и клятв намеренье благое.
– Что вы, политика наша – не ложь,
это – другое.
Вот уже радужных геев парад
вытеснил с улицы горстку изгоев.
Мерзкая мода, морали распад?
Это – другое!
Что же касается прочих, чей глаз
плохо стал видеть и ухо тугое, –
время пришло, чтобы вылечить вас.
Это. Другое.

АХ, САНКЦИИ!

Свободно вздохнёт наконец-то без русского газа
Старушка Европа, а также без нефти и леса.
– Пускай мы помёрзнем, но главное,
будет наказан
Грозный свободному миру кровавый агрессор.
И эта война с ним сегодня уже не игрушки,
Мы сам русский дух уничтожим, чтоб даже
Не вспомнил никто у нас, кто такой Пушкин,
Чайковского с Первым концертом
отправим туда же.
– Ну что ж, господа, коль дошло
до такого распила,
Оставьте в бессрочном и полном владении
Раши
Не поддерживавшего ценности ваши Шекспира,
С Бетховеном вместе, поскольку давно
они наши.

СЛАВЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На заре за речкой быстрой,
на лесной поляне
мирно спят артиллеристы
рядом с косарями.

А на этой же опушке,
где страда, война ли,
не даёт усталой пушке
спать коса стальная.

Приклонившись у лафета,
жалуется горько:
сто стогов за это лето
я скосила с горкой.

Мучусь болью и тоскою –
сколько трав душистых,
иван-чайных, васильковых,
я лишила жизни.

Глухо молвит гаубица –
чтоб не слышал ротный:
Я способнее убийца,
цвет кошу народный.

Видишь, на поле печальном
рядом – что не легче –
пал Иван, уже не чайн
Васильком полегшим.

МАДОННА МАРИУПОЛЯ

– Усни, мой сыночек, закрой свои глазки, дитя,
Спою колыбельную и убаюкаю тя.
В холодном подвале мы, кажется, тысячу лет,
Где ветхим, наверное, стал даже Новый Завет.
Осталось одно откровение: не колыбель,
А ящик снарядный и грязная ветошь-постель.
О вышних знаменьях нам не узнать в темноте,
Сама нарисую звезду на бетонной плите,
Пусть вспыхнет она и лучами пронзит потолок,
Чтоб свет её к цели дойти каравану помог,
Сигнальным огнём в катакомбах успел показать
Проходы к вертепу, в котором младенец и мать.
Дары принесёт – но не тройка волхвов

в этот раз –

А в пыльных своих вещмешках
бородатый спецназ,
Но в тыл сообщит медсестра,
подключившись к сети:

– Мать выживет, ну а дитя не спасти...
...К рассветному Солнцу уходит Мария одна,
Холодное тельце к груди прижимает она
И как искупленье проносит сиянье своё
Сквозь весь этот город, что именем назван её.

ЧЁРНЫЙ ДРОН

Что ты вьёшься, чёрный коптер,
Над моею головой?
Ты вверху, а я в окопе
Рядовой передовой.

У тебя в когтях граната,
Зорек твой стеклянный глаз,
Но не радуйся, не надо,
Что в прицеле я сейчас!

С воронёной чёрной силой
Мы воюем искони,
Знает только Русь-Россия,
Кто всегда её хранит.

Вести горестные с фронта
Не прочтут жена и дочь –
Ты не ворон, только дрон ты,
Так что смерть мне не пророчь.

Перекрестье. «Сброс», – команда.
Взрыв вот-вот, уже чуть-чуть...
Но опять твою гранату
Я успею отшвырнуть.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

То дождь, то снег, раскисший чернозём,
и мы с братвою по нему ползём.
Чем враг ожесточённее и злей,
тем ближе мы сейчас к родной земле.
Закон войны – он для солдата прост:
сперва ползком, а дальше – в полный рост,
в атаку на окопы, блиндажи,
передний край, где насмерть бьётся жизнь,
где русские, куда ни поверни,
Ивановки да Марьинки одни.
Деды сражались здесь, не их вина,
что снова на Донбасс пришла война,
и на чужой броне теперь и ты
встречаешь те же самые кресты.
Но взводный наш изрёк:
– Спокойно, брат,
горит не хуже «тигра» «леопард».
Пусть хвастают: железо НАТО – круть! –
отправим и его в последний путь...
То дождь, то снег, и передышки нет,
но есть Победы флаг и символ «зэт», –
латыни раньше, мир не разделя,
он значил в русской Буквице «земля»!

Поэзия

Татьяна Ланина

Диплом I степени регионального поэтического фестиваля-конкурса «Салют, Победа!», посвященного Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 года (2021). Диплом лауреата I степени Всероссийского открытого поэтического онлайн-конкурса «Рифмы» (2023). Автор книги стихов «Я верю» (2024).

ЗА ПОЛЧАСА ДО ЛАСКОВОЙ ВЕСНЫ

Я ВОСХИЩАЮСЬ

Ничем грядущий день не удивит,
уже не то, уже не так болит.
Но почему с людьми меня роднит
душевная усталость?

Кто много видел, боль переносил,
возможно, долго, преданно любил.
Зачем-то верил из последних сил –
такая малость.

Кто не утратил к жизни интерес,
сто раз погиб, сто раз опять воскрес.
Душа которых, слыша крик небес,
перерождалась.

Не притомила брэнная их муть,
не прячутся от правды отдохнуть.
Их жизнь не в силах больше обмануть,
таким не в тягость.

С такими и не нужно говорить,
такими, верно, все должны мы быть.
Прощать и верить, искренне любить,
а что осталось?

Кто видит отстранённо жизни ход,
не вырывается бессмысленно вперёд.
Такими, кто размеренно живёт,
я восхищаюсь...

НЕ ОБОЗНАЧИВ ТЕРМИНЫ

Не обозначив термины
в расплывчатом двусмыслии,
теряя много времени –
всё дальше мы от истины.
Без должного внимания,
вне всякого сомнения
мы ищем понимания
в краях чужого мнения.
Чреватое заранее:
доходчиво, рассказчиво...
Оно, как в наказание,
предательски обманчиво.
Прельстившись одобрением
в глазах «доброжелательства»,
отбросив размышления
на грани помешательства,
уходит в отрицание
душа непросвещённая,
похоронив желания:
больная, обозлённая.
Сквозь жернова и тернии
на дне прокрастинации
грядут закономерные
этапы кульминации.
Тут с грузом пережитого,
сместив свой угол зрения,
в глубинах Ледовитого
обращается прозрение.

СКОЛЬКО МНЕ?

Для чего нам на белом свете
Нужен учёт?
И какое по счёту лето
Кто живёт?

Пропустить бы все эти числа,
И не знать.
Предрассудки, глупые мысли
Не считать.
Не писали бы цифры когда-то
На стене.
И не знала бы свою дату
И сколько мне.
Что даёт нам такое знание?
Легче дышать?
Или можем своё опоздание
Избежать?
Это глупости в поколениях,
В головах.
И навязанные сомнения
В соцсетях.
Выдох. Вдох. И на выдохе – лёгкость.
Без тревог.
Предрассудки все напрочь стёрты,
Как сапог.
Вот такое ощущение
При Луне.
Я не знаю пределов времени.
Сколько мне?

Я ВЕРЮ

Я верю в этот час и миг,
Я верю в светлое признание,
Я верю, что душевный крик
Услышан будет и в молчании!
 О, как же важно просто знать,
 Что есть на свете тот, кто слышит.
 Ему не нужно объяснять,
 Он той же самой жизнью дышит.
Я верю в то, что есть звезда
И промысел о нас, о каждом.
Я верю в то, что от труда
Душа наполнится однажды.
 Я верю в честность, в доброту
 И в терпеливое участие.
 И пусть порой невольно,
 Но в этом тоже сущность счастья!
Я верю в дружбу и любовь,
Не на словах в прямом эфире,
А в ту, что с болью вновь и вновь
Меня спасает в этом мире.
 Я верю в искренность речей
 Своих и близких по маршруту:
 Учеников, учителей
 И всех, кто дорог почему-то.
И не хочу грустить, страдать
И хлопать перед кем-то дверью.
Так хочется весь мир обнять
И всем сказать, что я вам верю!

ПО ДОРОГЕ ОСЕНИ

В дороге за окном мелькают
берёз златых большие вязи.
И в ходе мыслей возникают
причинно-следственные связи:
людей, событий, жизни хода,
случайных радостей приветов.
Вот так порой сама природа
даёт на многое ответы.
А ум пытливый всё читает
осеннего посланья строки.
Машина ветер рассекает
в холодный вечер одинокий.
Дома сереют сиротливо,
по осени пустеют дачи.
Их увядание красиво,
и это тоже что-то значит.
Октябрь листья рассыпает,
они ложатся мягким слоем.
И для чего, никто не знает,
я говорю сама с собою.

НАБРОСОК ОСЕНИ

Ветром холодным в спину
И акварелью тоски
Кто-то напишет картину
Осени с лёгкой руки.
 Солнце играет с прохладой,
 Листья тревожно дрожат.
 Августу больше не надо
 Лето изображать.
Раньше теперь темнеет,
Птицы, робея, поют,
Яблоки, груши доспеют
И со всех ног упадут.
 Кто-то продолжит набросок,
 В помощь Ему – карандаш.
 Осень. Прекрасная осень,
 Праведной грусти пейзаж.

НЕ ОСУДИ

Нет страха и не видится опасности,
Грехов неощутима глубина
В ежеминутных разговорах праздности,
В которых и не видится вина.

А между тем для нас, из рая изгнанных,
Прописан одинаковый Закон,
Рассчитан он на всех, а не на избранных
С ветхозаветных Моисеевых времён.

«Не осуди» – как целая Вселенная,
Как философия искусства жить,
А мы ведём свои пустые, бранные
Беседы, не умея говорить.

РУСЬ

Мне близка твоя пастушеская грусть,
На окошках деревянные узоры.
Родина моя – Святая Русь!
Широта души, полей просторы!
Избы наискось стоят под бугорок,
Колокольный звон зовёт к обедне.
В рушнике – старинный Образок,
Дети в комнате играютя передней.
Ты жила столетьями подряд
Войнами, страданиями одними...
Нерушим, как прежде, твой уклад,
Он в деревне жив ещё донныне.
Кто разделит, кто когда поймёт,
Чем жива ты, Русь моя родная?
Но она сочувствия не ждёт,
Сила держит, сила вековая.
Так живи, живи, моя земля,
В пастухе, в резном твоём окошке,
В синем небе, в крике журавля,
Расцветай, Россия, понемножку!

ГЛУБИНА ПРЕИМУЩЕСТВА

Вся глубина преимущества
В жизненной нашей борьбе:
Силу являть и могущество
Через опору в себе.
Сколько бы ум ни навязывал
Ярких, лукавых сетей,
Ты ему в этом отказывай:
Нет в жизни лёгких путей!
Каждый наш шаг отражением
Встретится в завтрашнем дне.
Все этой жизни явления
Из-за меня и во мне.

ТАНЮША

В храме деревенском прямо в душу
Ангелочек маленький поёт.
Это моя милая Танюша
До высот небесных достаёт.
На вечерней службе в этом храме
У икон стоит, молитву ждёт.
К Богородице, как к своей маме,
Откровения она свои несёт.
Голос нежный и неуловимый,
Как хрустальный льётся перезвон.

Слышат Таню даже Херувимы.
От неё до них летит поклон.
В час, когда смятение нарушит
Мой и без того тревожный сон,
Вспоминаю милую Танюшу,
И её хрустальный перезвон...

В ОКНО СТЕКАЕТ ЯРКИЙ ЛУЧ

В окно стекает яркий луч,
Несёт в себе он свет.
И где в душе следы от туч?
Их просто больше нет!
Ты в храм зайти, постой чуть-чуть.
Весенний день красив.
Позволь душе своей вздохнуть,
Набрать немного сил.
Спокойно тут, в этой тиши:
Лишь трески от свечи.
Пусть мысли будут от души,
Подумай, помолчи.
А выйдешь ты совсем другим,
Поверь, поверь, мой друг!
И станет небо голубым,
И добрым всё вокруг!

КОСТЁР

До сих пор мне запах от костра
Дарит острое воспоминанье детства.
Чёткая картина: как вчера.
Только у костра нельзя согреться.
Собираем в кучу мы листву
И с разбегу прыгаем на «горы».
Устремляясь в неба синеву,
Школьные ведутся разговоры.
Искорки летят, трещит, хрустит...
Жизнь кипит, костёр горит сильнее.
Детство милое в ушах моих звенит,
От него сегодня мне теплее.

ВЗАПРАВДУ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИВИ

Туманное, серое, пьяное
Всё небо сегодня весь день,
А чувство души чемоданное
Меня обращает в свой плен.
Душистыми нотками чайными
Зовёт деревень теплота,
Путями совсем неслучайными
Нас манит, как прежде, сюда.
Смотри на окно чуть блестящее
И капли на стёклах лови.
Сейчас всё вокруг настоящее.
Взаправду всю жизнь проживи.

Поэзия

Павел Кузовлев

Павел Владимирович Кузовлев – член Союза российских писателей, действительный член Международной академии русской словесности, Петровской академии наук и искусств. Лауреат всероссийского конкурса «Я гражданин своей страны». Живёт в посёлке Лев Толстой Липецкой области.

ЗОЛОТОЙ РАССВЕТ

Мне сегодня золотой рассвет
Подарила просто так весна.
Ой, спасибо, я сказал в ответ
И взлетел, как птица, в небеса!
 Я купался в золотых лучах,
 И небесная крутилась карусель.
 Были крылья на моих плечах,
 Подарил их просто так апрель.
...А внизу растаял снеговик,
А внизу бушует талая вода!
Снег лицом состарился, поник,
И хрустальная рассыпалась звезда.
 ...В золотом сиянии весна
 В терем свой открыла настежь дверь.
 Я с небес кричал: «Люблю тебя!»
 Только вот нахмурился апрель!
Я себя за это не корю,
Сон иль явь то было? «Да?» иль «Нет?»
Только крепко обнимаю поутру
Мне весной подаренный рассвет!

Но внезапно в небе
грянул гром!
В грозных тучах спряталась земля.
Как расстались – знаем лишь о том
Только мы с тобой,
ты да я...
А теперь мне часто
снится сон,
Где сияет серебром луна,
Где во всей Вселенной
мы вдвоём,
Только мы с тобой,
ты да я ...

ТОЛЬКО МЫ С ТОБОЙ

Луг под звёздами
в густой траве
Заливала серебром луна.
И казалось: на большой земле
Только мы с тобой,
ты да я.
Вся Вселенная для нас
с тобой
Открывала звёздные края...
Мы летели в выси над землёй,
Только мы с тобой,
ты да я.
В далях звёздных не было
границ.
Мы смеялись, счастья не тая,
В небеса взлетали выше птиц
Только мы с тобой,
ты да я.

ЗВЕНИТ КАПЕЛЬ

Весна! Безумный гвалт грачей,
Звенит капель, и тают, тают снега...
А в Храме огоньки свечей
Шлют к небесам молитвы-обереги.

Журчат ручьи. А явь как будто сон:
Несёт кораблик паводок весенний,
И негой томной воздух напоён,
Необъяснимой радостью, весельем.

И солнца золотой венец,
И зыбкий цвет бездонного индиго.
Кричу я: «Мама! Прилетел скворец!»
А на пруду трещат и тают льдины...

И хочется бежать, кричать, лететь!
Душа, она ведь с детством не рассталась.
Весна пришла – шальная круговерть,
Мой дивный сон, нечаянная радость!

А в Храме огоньки свечей
Шлют к небесам молитвы-обереги.
И звон малиновый, и запах куличей...
Звенит капель, и тают, тают снега!

ПРИХОДИТ ВЕСНА

Прощайте, снега и метели,
Приходит весна.
Звенят золотые капли,
И мне не до сна...
 Вдруг вспомнились юные годы,
 Подснежник лесной.
 Хрустальные вешние воды,
 Твой взгляд озорной.
На щёчках любимых веснушки,
Прокказник апрель!
Моя дорогая подружка,
Где ж ты теперь?
 Прощай, моя зимняя сказка,
 Прощай до поры.
 С холодными белыми красками
 Расстанемся мы.
Уходят на север морозы,
И тают снега!
Весна и стихами и прозой
Спешит к нам сюда.
 Теснятся на озере льдины,
 Вернулись грачи...
 Напомнил про ночи мне зимние
 Огарок свечи.
Серебряный иней и вьюги
Ушли на покой.
Я вышел по вечному кругу
Навстречу с весной.

КАПЕЛИ ВЕСЕННИЕ

Капли весенние – чудо!
Звенит, рассыпаясь, хрусталь,
Ручьи зажурчали повсюду,
Как марево – синяя даль.
И чудится: палочкой будто
Незримый взмахнул дирижёр,
И трелью наполнилось утро,
И вышла весна на простор.
 И тают уставшие снега,
 Ломаются в крошево лёд.
 А в луже, как в райской купели,
 Плескается птичий народ...
Волшебные грянули скрипки.
Им в лад заиграла свирель.
Идёт, не скрывая улыбки,
По лужам весенним апрель.

Зарянки, скворцы, свиристели
Вливаются в чудный оркестр...
От маленькой светлой капли
Мелодия льётся окрест!

И сердце моё замирает
От музыки славной такой.
А солнце снега превращает
В озёра с хрустальной водой!
Капли весенние – чудо!
Забыты мороз и метель.
Другие рисует этюды
Весёлый и юный апрель.

РАДОНИЦА

Золотится солнце в сини.
Первоцветы красят луг!
Светлой радостью весенней
Звон церковный тешит слух!
 Радоница, Радавица!
 Я пришёл сегодня к вам
 Чувством добрым поделиться,
 Помолиться небесам!
Вспомнить всех родных и близких...
Всех, ушедших в мир иной.
В Радоницу, Радавицу
С вами я, а вы – со мной!
 Пеньем ангельским без грусти
 Сердце полнится моё!
 До земли я поклонюсь вам,
 Вспомним вместе о былом...
А душа, как с вами встреча:
В этот миг она – чиста!
Помнит свято жизнь и вечность
Смерть поправшего Христа!

ЛЕТО В ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Туманы плывут над водою,
Искрится, как жемчуг, роса,
Поёт и ликует со мною
Звнящего лета краса.
Цветут зверобой и душица,
Калужница и горицвет.
Над клевером шмель суетится,
Природа встречает рассвет!
 И слышится звон колокольный,
 В лазури плывут облака.
 Берёз хоровод белоствольный
 Тихонько качает река.
Поют стоголосы и звонко
Все птицы на этой земле!
Ну, здравствуй, родная сторонка,
Я кланяюсь низко тебе.

Берега юбилеев

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. Сотня притч с названием «Энергия сердца» с оформлением Никаса Сафронова, книга притч «Энергия мудрости» – более пяти десятков книг на 14 языках мира: художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Обладатель множества других гран-при и литературных премий. Доктор философии.

А. С. ПУШКИН И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Отрывок из книги «Символ как социально-культурный феномен управления»

Из главы «Мастера слова, символа, шифра». К 225-летию поэта

Секретные архивы имеют свойства за давностью лет рассекречиваться. Так, в наши дни Социологическая служба Карелии, например, получила списки всех репрессированных и невинно убиенных за время репрессий 37–38 годов прошлого века. По грубым подсчётам, в СССР после революции во времена безбожия и атеизма было уничтожено 20 миллионов человек, 20 миллионов во время ВОВ и... 20 миллионов после. Если сравнивать эту чудовищную официальную статистику с количеством в 100 миллионов уничтоженных индейцев на территории Америки во времена христианского миссионерства, получается, что вообще не понятно, «кто страшнее – антихрист или христ».

Но есть общечеловеческая нравственность и высшая справедливость. К совершенно белым и светлым силам добра относился Александр Сергеевич Пушкин. Культурный мир знает о нём лишь как о поэте. Но ведь он, кроме всего прочего, ни много и мало – родоначальник русской прозы, прекрасный график, главные же его таланты до настоящих дней не были раскрыты. О них и поговорим в этой главе.

В своём исследовании разведчик и криптограф Анатолий Клепов¹ наткнулся на удивительные факты биографии Александра Сергеевича Пушкина, которые не могли быть обнародованы до революции по причине секретности и после революции по причине неосведомлённости тех, кто оказался у власти, ведь многие из этих документов были составлены на французском языке. А потом пушкиноведы защитили множество диссертаций, а народ, он, как говорила Екатерина Великая, «Народ – ребёнок, его чем кормят, он то и ест!»

Начнём издавека. Лишь недавно в открытом доступе появились сведения, что некий Шиллинг фон Канштадт, чьи графические портреты время от времени появляются на рукописях Пушкина, занимал важную должность в Министерстве иностранных дел Российской империи, возглавляя цифирный (криптографический) кабинет Николая I.

9 июня 1817 года воспитанник Царскосельского лицея А. С. Пушкин, выпущенный в свет чиновником X класса в звании коллежского секретаря, получил назначение в Государственную коллегию иностранных дел на должность переводчика с денежным содержанием семьсот рублей в год.

Криптографическая служба (криптография в переводе с латинского означает тайнопись) в Российской империи была создана в XVII веке. Она входила в состав Государственного департамента по иностранным делам под названием «Цифирный кабинет секретной экспедиции», в дальнейшем став самостоятельным органом – Цифирным отделом секретной экспедиции. В сферу его деятельности входило составление шифров и обеспечение ими государственных органов и ведомств страны, ведущих секретную переписку, а также дешифрование закрытой переписки иностранных государств и их армий.

¹ Клепов А. В. Шифраторы и радиоразведка. Щит и меч информационного мира. Записки криптографа. М.: Центр инновационных технологий, 2015. С. 372.

Чиновники Цифирного отдела были людьми высокообразованными, хорошо знающими своё дело и преданными государю. Работа криптографов строго контролировалась лично императором, разглашение же её секретов каралось как «тяжкое преступление». Всем членам отдела запрещалось знакомство и переписка с иностранцами, посещение общественных мест и собраний (ресторанов, балов, играль-ных домов), где бывают иностранцы. В книге А. В. Клепова впервые было опубликовано несколько расписок А. С. Пушкина, который находился на госслужбе именно в тогдашнем МИД России. Одна из расписок гласила в том числе, что он не состоит и никогда не состоял в масонских организациях. Даже сейчас, спустя 200 лет, получить доступ к архивам цифирного кабинета, хранящимся в МИД РФ, практически невозможно, для этого необходимо разрешение не только МИДа, но и ФСБ. Кстати (подчёркивает А. Клепов), некоторые архивные материалы цифирного кабинета после смерти Шиллинга 6 июля (26 августа) 1837 года, ровно через полгода после смерти Пушкина, таинственно исчезли.

Многих может удивить факт, что, работая в МИДе, Пушкин никогда не был за границей. Отгадка этого парадокса заключается в том, что при высоком уровне секретности работы сотрудники Коллегии иностранных дел получали разрешение на выезд за границу лично у императора.

Ранг тайного советника третьего класса, присвоенный Пушкину, соответствовал по меньшей мере должности старшего советника в МИД! Если сравнивать с днями нынешними, его должность (если судить по окладу, что он получал согласно штатному расписанию) соответствовала... Лаврову!

А в XVIII веке дипломатическая переписка всех европейских стран, в том числе и российского МИДа, полностью велась на французском языке. Естественно, для успешной работы по расшифровке секретных сообщений криптографам необходим был лингвист и знаток французского языка масштаба Пушкина. Не случайно поэтому в списке домашних книг Александра Сергеевича мы обнаруживаем «Теорию вероятности», являющуюся по большому счёту основой криптографии. А в самом первом выпуске литературного журнала «Современник», начавшего издаваться под редакцией Пушкина в 1836 году, печатается статья по криптографии бывшего сотрудника цифирного кабинета...

Другой важный момент эпохи Пушкина – противостояние России и Западной Европы. И, верный гражданин своей страны, Пушкин не мог оказаться сторонним наблюдателем. Как отмечалось историками, атмосфера Европы была насыщена революционными грозами. В июле 1830 года началась революция во Франции, закончившаяся низложением Бурбонов. В Бельгии шла борьба за независимость страны от Нидерландов, и наконец, в самой России свирепствовали холерные бунты и бушевало польское восстание 1830–1831 годов. В январе 1831 года польский сейм провозгласил независимость Польши. Николай I и его семья объявлялись лишёнными прав на польский престол. Это послужило поводом для военных действий Николая I против Польши. Вспыхнула настоящая война, грозившая перейти в войну европейскую.

Словно примеряя силы и испытывая противника на выдержку, русские и европейцы обстреливали друг друга со страниц различных изданий. Царский режим очень активно вёл тогда подобные кампании. Для пропаганды своих идей Россией покупались издательства за рубежом, размещались публикации в ведущих изданиях.

И Пушкин конечно же был на переднем плане этого сражения! Именно он организовывал информационное сопротивление России Европе, вёл за собой писателей, умевших эффектно возразить английским, французским, германским оппонентам.

Да и сам Пушкин-писатель не оставался в стороне от литературных битв, посвятив этим событиям несколько блестящих патриотических стихотворений: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», вошедших затем в известную брошюру «На взятие Варшавы», имевшую впоследствии ещё и важный дипломатический эффект.

Совсем не случайно министр просвещения граф Сергей Семёнович Уваров в предисловии к брошюре напишет, что если политики Запада не поймут, что надо прекратить помощь варшавскому восстанию, то польская нация исчезнет...

В дальнейшем эта брошюра с подписью Николая I, одобрявшего стихи и комментарий к ним, была разослана всем европейским руководителям. Это был яркий эпизод информационной войны, которую была вынуждена тогда вести Россия. Что могли возразить иностранные короли и министры против творчества Пушкина и изложенных им мыслей?

Формально всё написанное Пушкиным не могло считаться угрозой, звучавшей из уст первого лица Российской империи, но в то же время все видели, что Николай I одобрил его высказывания. Блестящая пропагандистская операция моментально подействовала на руководство европейских стран, охладив их пыл помощи полякам. Кстати, все эти стихи очень актуальны и сегодня...

П. Л. Шиллинг фон Канштадт обучил А. С. Пушкина великолепно драться на шпагах и метко стрелять из пистолета. Да и большие успехи А. С. Пушкина у женщин тоже, возможно, – результат влияния П. Л. Шиллинга фон Канштадта. Речь идёт о некоем «белом огне взора».

Откуда же мог получать такие обширные и порой таинственные знания П. Л. Шиллинг фон Канштадт? Он состоял в мистическом ордене Розенкрейцеров. Превосходно владел парадигмой символизма от фараонов до своих дней. Возможно, частые общения и обсуждения работы символов управления питали произведения А. С. Пушкина несметным числом символических образов. И розенкрейцеры, как Шиллинг и тамплиеры и другие масонские ложи, а их в России насчитывалось в те времена достаточно, использовали в своих произведениях криптографию и стеганографию, чтобы скрыть их истинный смысл.

Ступени всех лож вели, да что уж там, и сейчас ведут к самой главной пирамиде – власти. За российский трон сталкивались интересы многих стран Европы. Семь лет службы Пушкина в Коллегии иностранных дел России, с 1817 по 1824 год, работа и общение с наиболее образованными людьми России, вовлечёнными в формирование международной политики России, великолепное знание истории международного права позволили ему по-иному оценить историю нашей страны. Наглядный пример тому – «Заметки по русской истории XIII века», написанные А. С. Пушкиным в Кишинёве 2 августа 1822 года.

Далее А. Клепов провёл исследования и сравнение окладов А. С. Пушкина (как оказалось, они соответствовали должности генерала!) и тех, кто имел аналогичные оклады в других важных государственных ведомствах. Поэт А. С. Пушкин получал в год 5000 рублей! Для сравнения, оклад директора Департамента Министерства внутренних дел в то время составлял 3000 рублей в год, а начальника архива Министерства внутренних дел – 1200 рублей в год. А теперь давайте посмотрим размер пенсии, начисленной вдове Пушкина после его смерти. Она составляла 10 тысяч рублей!

А в те годы скрупулёзность наших чинуш была величайшей! Ведь всем известно, что государственная служба А. Пушкина составляла меньше 10 лет. Более того, пенсия ему не полагалась вовсе! Подобная ситуация могла произойти лишь в одном случае, если государственный чиновник погиб на служебном посту, выполняя особое задание самого императора.

Посмотрим, какие же выплаты были произведены вдове А. Пушкина:

- За счёт казны была погашена ссуда А. Пушкина в размере 45 тысяч рублей.
- Вдове поэта выдано единовременное пособие в размере 50 тысяч рублей для издания сочинений убитого на дуэли поэта, а прибыль от их продажи оставалась семье.
- Два сына А. С. Пушкина зачислялись в самое привилегированное училище России – Пажеский корпус. И каждому начислялась пенсия в размере 1200 рублей в год. И это помимо пенсии вдове Александра Сергеевича Пушкина.

Могли ли такие высокие пенсии быть выданы обычному государственному служащему, к тому же осмелившемуся нарушить законы российского государства, участвуя в запрещённой законом дуэли, а затем фактически осуждённому судом как её зачинщик?

Строгие законы Российской империи полностью исключали подобный финал. И только вмешательство Николая I, знавшего об истинных целях дуэли Пушкина с Дантесом, которая была крайне необходима для России, позволили законодательно приравнять гибель А. С. Пушкина на дуэли к гибели государственного служащего, выполняющего особые поручения императора.

Анатолий Клепов в своей книге разворачивает секреты нашей криптологической службы, которая была в то время занята проблемой – обезвредить английского разведчика Дантеса. Дуэль, как оказалось, была делом государственным, а не результатом любовной интрижки!

Кроме того, наш разведчик утверждает, что бунт Пугачёва финансировала английская разведка. Косвенным подтверждением того, что благодаря А. С. Пушкину, возможно, были разоблачены главари бунта, является то, что для написания истории Пугачёвского бунта Пушкин получил от Бенкендорфа 40 тысяч рублей серебром (или 160 тысяч рублей ассигнациями). В современных ценах это около 40 миллионов долларов США! Разве кто-нибудь из историков СССР получал такие суммы, например, для изучения истории Великой Отечественной войны? Конечно, нет. Как часто это бывает в истории спецслужб, данные ассигнования были выделены и для проведения других работ, которые были крайне необходимы спецслужбе России.

Сейчас, продолжает мысль г-н Клепов, мы можем только предполагать, какие это были цели. Вероятнее всего, для изучения архивных материалов России и обнаружения лиц, причастных к царским переворотам и связанным с Англией.

Во многих исторических произведениях, таких как «Борис Годунов», «История Пугачёвского бунта», А. Пушкин пытался определить силы, которые стремились захватить российский трон. Он не мог открыто выступать против этих сил, поэтому зашифровывает в символы сказок и стихотворений свои настоятельные рекомендации. В этом ему помогал Николай I. Переписка Николая I, А. Пушкина и А. Х. Бенкендорфа подтверждает, что, возможно, А. С. Пушкин использовал исторические архивы для подготовки аналитических докладов императору, на основе которых он мог разобраться в текущей политической обстановке. Следует заметить, что мнения Николая I, А. Х. Бенкендорфа и А. С. Пушкина практически полностью совпадали по большинству важнейших вопросов о политике и государственном устройстве. Это свидетельствует лишь о том, что они были единомышленниками.

Кстати говоря, и не слежку устраивали за Пушкиным жандармы, а являлись его личной охраной!

Знание процессов исторического развития общества позволяет предотвратить общественные кризисы. К сожалению, это не произошло во время восстания декабристов 1825 года. Материалы их допросов свидетельствуют об участии в восстании западных государств, некоторых лиц из ближайшего окружения Александра I, а возможно, и членов царской фамилии. Несомненно, Николаю I было известно о роли М. А. Милорадовича, начальника Санкт-Петербургского военного округа, в организации переворота.

Если вы захотите посетить однажды некрополь Донского монастыря, где захоронены декабристы, с удивлением обнаружите многочисленные знаки и символы масонства на их могилах.

Криптограф А. Клепов, допущенный до военных архивов Германии, Франции, Ватикана и нашего цифирного кабинета, на английском, русском, немецком и французском языках докладывает о результатах исследования, что дочь царя была замужем за человеком, увлекающимся мальчиками. В связи с чем царь ведёт большую работу, чтобы найти средство излечения пидерастии. Дантес же был послан с целью совратить мужа дочери царя. А Пушкин ни много ни мало закрыл грудью эту амбразуру. В жизни А. С. Пушкина было 29 состоявшихся и не состоявшихся дуэлей. Всем известно, что поэт был великолепным стрелком и попадал с 20 шагов пуля в пулю. После знака секунданта А. С. Пушкин быстро приблизился к барьеру, выстрелил в Дантеса и, увидев, что тот падает, воскликнул: «Браво!» Если бы он не выстрелил, это могло быть расценено как слабость и трусость. Когда ему сказали о лёгком ранении Дантеса, он ответил: «Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но чувствую, что нет. Впрочем, всё равно. Как только мы поправимся, снова начнём». Просчитать, что Дантес придёт в доспехах, поэт не мог!

Насыщенные символами произведения величайшего поэта и гражданина, помощника царя, его доверенного лица становятся понятными, если построчно ещё раз будут прочтены вами и изучены.

А символы вы можете встретить у него на каждом шагу:

«Месяц под косою блестит, а во лбу – звезда горит!» – обозначает Пушкин знаки одной из действующих в то время лож.

«Царствуй, лёжа на боку!» – предупреждает петушок царя об опасности.

Засекреченные архивы Пушкина ещё ждут своего часа.

Ясно одно, России несказанно повезло, что у неё был такой человек, как Пушкин, – по профессии криптограф цифирного кабинета, по государственной важности – сравни министру иностранных дел, по глубине прозы – родоначальник русской литературной прозы, по высоте поэзии – величайший поэт, по ширине философии – необъятный ум времён и народов. Всем своим творчеством и всею своею жизнью он, как и все Дети Неба, боролся с силами, пытающимися превратить культурные традиции Великой России в небытие. Между Землёй и Небом всегда шла война. А он оказался на острие. Духовное влияние Пушкина распространялось на самые различные слои русского общества. Когда Пушкин умер, то, как сообщает дочь Карамзина в своём письме: *«Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто думал и сожалел о краткости его блестящего поприща».*

Рост духовного влияния Пушкина, несмотря на все создаваемые ему его врагами препятствия, весьма заботил ушедшее в подполье масонство. *«Для масонства, – пишет Иванов в книге «Пушкин и масонство», – нависала вполне реальная угроза, оно теряло своё влияние на русское общество, здоровый национализм Пушкина вливается благодетельной струёй в нездоровую, заражённую либерализмом и космополитизмом общественную атмосферу – решение убрать, устранить Пушкина стало первоочередной задачей масонства».*

Поэтическая седмица

Юрий Пронин

Юрий Пронин (Каскин) – автор поэтических сборников: «Всё меньше грешу» (2007), «Гоанский блокнот» (2018), «Жизнь без прикрас» (2018), «Снег всё тот же...» (2019), «Жизнь и вера» (2022). Составитель и редактор альманахов: «Феникс-10» и «Феникс-11», сборника духовной поэзии «Возрождение» (2015). Награждён Почётной грамотой участника Православного конкурса «Нижегородская лампада». Автор и исполнитель песен на свои стихи и на стихи нижегородских и российских поэтов. Лауреат конкурса авторской песни клуба им. П. П. Кринова в номинации «Поэты». Лауреат 2-й степени авторской и бардовской песни в 1-м Международном музыкально-литературном конкурсе «Слово и музыка» в рамках фестиваля «Славянское слово» (2023).

...ТВОИ ГЛАЗА И РУКИ

О стихах Юрия Пронина

Самая большая драгоценность человека – голос. Петь своим голосом. Говорить то, что только ты один, в целом Мíре, можешь сказать. Не боясь невероятной тишины. Не стесняясь грома, грозы и призывного звука трубы. Не чураясь ни огненных слёз, ни сбивчивого дыхания, ни настежь открытости, ни суровости молчания. Да, в стихах можно молчать. Даже внутри самых громоподобных. Вдруг замирает слово, уступая место выдоху и вдоху, молчанию трав и любви, молчанию полночного звёздного купола. Такова поэзия Юрия Пронина. А Юрий – ещё и певец; сердце его принадлежит песне так же, как рифме; и он берёт в руки гитару – и кладёт на музыку самое чистое, самое честное, самое сокровенное. Самое – выстраданное.

Земля, воспетая как юдоль страданий, всегда так жаждет радости! Человек, странник, скиталец, паломник, идёт-бредёт всю жизнь через страдания к радости, а она – вот она, рядом, возлюбленная, ждёт за поворотом. И мы, оглядываясь на пройденный путь, понимаем: у нас был выбор, у нас всегда есть выбор, а может, он ещё будет, завтра, через мгновенье, равное вздоху перед молитвой...

*Можно жизнь не прожить –
Только полем пройти.
Или плыть, покоряясь теченью,
Но иные судьба предлагает пути,
Оставляя сознанию мгновенье.*

*...А на Волге – зима,
А над ней – небеса,
Тусклым светом мерцает дорога...
И сжимаются правой руки три перста
В ожидании милости Бога.*

И, задумавшись над тем, что же такое настоящее счастье, поэт замирает, слушая голоса полевых цветов, впивая трепещущий, тепло веющий из-за облаков ветер вечности:

*Что счастье наше? Как вода в горсти.
Нам надо бережно её нести,
Сквозь непогоду, мрак, сырой туман,
Не верить в сплетни, ложь, самообман.*

*И, донеся, ни капли не пролив
И вместе по глотку её отпив,
Вновь изумиться – как она чиста –
Двух светлых душ хрустальная мечта.*

Самое трудное в поэзии, как ни странно, – сказать о большом и великом тихо и просто. Кто опьяняется всемирным криком, цветастой малявинской разудалой пляской, ослепительными красками плаката и транспаранта, площадным зыком страстного призыва, воззвания, проклятья, славословия. А кто тихо, раздумчиво говорит – не *urbi et orbi*, а сам себе, Богу, свою одинокую, смущённую, многослёзную исповедь, а после покаяния смиренно, нежно шепчет единственно любимой единственные слова:

*(...) Я ухожу тропинкой вдоль реки
В берёзовую зелень мелкоlesia.
Здесь звоны комаров и сень веков
Отодвигают страхи смертной муки.
Я знаю: если где-то есть Любовь,
То у неё
твои
глаза
и руки.*

Елена КРЮКОВА

ТО, ЧТО РОЖДАЕТСЯ, НЕ УМИРАЕТ...

* * *

Долог путь через реку...
Подтаявший лёд...
Этот год нас не балует стужей.
И кому-то ведь нужен был этот поход?
Не кому-то, а мне был он нужен!

Можно жизнь не прожить –
Только полем пройти
Или плыть, покоряясь теченью,
Но иные судьба предлагает пути,
Оставляя сознанию мгновенье.

...А на Волге – зима,
А над ней – небеса,
Тусклым светом мерцает дорога...
И сжимаются правой руки три перста
В ожидании милости Бога.

* * *

Птица моя! Где размах твоих крыльев?
Дождь начался, стали перья мокры.
Бусинки глаз,
Побелённые пылью,
Вряд ли рассмотрят другие миры.

Разве что дождик печальный поможет
Смыть пелену подытоженной лжи...
Клёкот в груди: где весна моя, Боже!
...Дождик уйдёт, –
Ты взлетишь,
Не тужи.

* * *

Я это выдумал, мне это снится,
Но каждый год, просыпаясь от сна,
Тает апрельского снега страница,
Чтобы другие взошли письма.

Мне это странно – довольно нелепо:
Так ниоткуда – родиться ростку.
Мы это таинство чудное слепо
Солнечным золотом пьем по глотку.

То, что рождается, не умирает.
То, что пришло, никому не отнять.
Стройное деревце крону склоняет,
Чтобы ветвями своими обнять.

* * *

Утро хмурое пусть добрым будет
В час, когда ноябрьская капель
Тихой поступью тебя разбудит,
Не суля негаданный апрель.

Не бывает снега без метели,
Как любви без тёплых, нежных встреч...
А в лесу припорошило ели,
Чтоб живую зелень уберечь.

* * *

Замри на миг, молчаньем перезревший.
О чём, смеясь, рассказываешь ей?
Опять разжѐг коптящий, зачерствелый,
Прогорклый ладан бренности своей?

Унылое, промозглое создание,
Веселье было, но была весна...
А жуткой поздней осени сознание,
Шурша листвою, не навевает сна.

И ей – такого нужно ли уюта
На пыльных старых полках твоих лет?
Не день, не час, – тут каждая минута
Твердит: возьми в один конец билет.

Но юная, наивная особа
С таким восторгом смотрит на тебя,
Что версия большой любви до гроба
Снискала милость в миге бытия.

* * *

День.
Лето.
Зной.
И ветер дышит лаской,
Заигрывая бережно со мной,
А я окутан долгожданной сказкой,
Обещанной мне раннею весной.

На ягоду охотится улитка –
Живая тварь, – ей тоже нужно есть.
Хотя и подбирается не прытко,
Клубника не заявит свой протест.

А я, под солнцем нежась, загораю,
И мне не нужен завтрак и обед,
Я солнечной энергией питаю
Свой за зиму поношенный скелет.

И некуда бежать – такая воля!
И хочется глядеть – такая высь!
И только лёгкий, нежный ветер в поле...
И мы с улиткой ощущаем жизнь!

* * *

Что счастье наше? Как вода в горсти.
Нам надо бережно её нести,
Сквозь непогоду, мрак, сырой туман,
Не верить в сплетни, ложь, самообман.

И, донеся, ни капли не пролив
И вместе по плотку её отпив,
Вновь изумиться – как она чиста –
Двух светлых душ хрустальная мечта.

* * *

Ты – моя смешливая девчонка,
С бирюзою светлою в глазах.
Новая цветастая кофтьёнка
Брошена на плечи впопыхах.

Явно не заморская принцесса –
Ясный взгляд и русское лицо.
Избавляя от тревог и стресса,
Пишешь мне простое письмоце.

В нём ты вся, до ногтей на пальцах,
Искренне и чудно хороша.
Вылечишь меня – неандертальца,
У которого больна душа.

* * *

Взгляд твой, как с иконы, чуть печален
Или, может, чем-то удивлён.
Знаешь, я порой бывал отчаян,
Думая, что на века влюблён.

В тихой, ласковой твоей грустинке
Видится мне мироздания суть.
Так легко, почти по-матерински,
Можешь ты слезу мою смахнуть,

Что невольно наполняет мысли
Памятью невозвратимых лет.
Но с тобой и ныне я и присно
Верю во спасение от бед.

* * *

Из ситца мой мир. Из ситца...
Не будет он долго носиться.
Ему – на поклон – души
Сиреневый крепдешин.

Затру его, измочалю
Неведомой вам печалью.
Залью позабытой сказкой
Неброской, спокойной ласки.

Он выцветет, оживая,
Когда ощутит до края
Цветенье, усталость бденья
И призрачное старенье...

* * *

Ничего я сейчас не хочу.
Собирая остатки сознания,
Не постигну основ мироздания,
Подсознанию они по плечу.

А оно в тёмной лунной тиши
Расползается тягостным бредом
По былым и по будущим бедам
Исстрадавшейся грешной души.

Я сейчас не хочу ничего,
Кроме белого света покоя.
Да подарят мне счастье такое,
Если только достоин его.

ОКТЯБРЬ

Октябрь...
Дождевая завеса
Ещё у тебя впереди.
Пойду, прогуляюсь по лесу –
Его не избил дожди.
Прохладная, волглая прелесть,
Грибной источается дух.
Какая осенняя прелесть
Для нас – стариков и старух.
Пожили мы, в общем, немало.

Увидели то, что смогли.
И ныне нас гонит усталость
Почувствовать сырость земли,
В которую ляжем, конечно,
Ну кто ж избежать того смог?
И тянет, и тянет нас вечность
Ступить на последний порог...

ПОДСОЛНУХ

Любой подсолнух стремится к свету.
И самый грубый стремится к лету.
И самый наглый желает сказки.
И незрелый желает ласки.

И тянет, тянет свою головку,
Порою прямо, порой неловко,
Свернув, с натугою, стебель-шею,
Тепла дождавшись, от ласки млея.

Пусть свет питающий будет прочен.
Чист и безмерен. И непорочен.
А семена чтоб налились светом,
Давайте, люди, устроим лето!

ЛЮБОВЬ

Постель ещё хранит твоё тепло.
На улице рассветный час.
Прохладно.
Мне как-то несказанно повезло
Любить и верить.
Просто.
Безоглядно.
Как вязко, трудно пишутся стихи
В минуты радости и равновесья...
Я уйду тропинкой вдоль реки
В берёзовую зелень мелкоlesia.
Здесь звоны комаров и сень веков
Отодвигают страхи смертной муки.
Я знаю: если где-то есть Любовь,
То у неё

твои
глаза
и руки.

Берега истории

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор четырнадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий – им. Н. С. Гумилёва, им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. М. А. Шолохова.

БЕРИЯ, ОБОЛГАНЫЙ И ИСТИННЫЙ

(Факты, воспоминания современников, ложь Хрущёва)

Он был верным и талантливым помощником Сталина, служившим своему Отечеству. Но когда Сталин умер, то пришедший к власти Хрущёв сначала оболгал Сталина, перед которым до этого заискивал и пресмыкался, а потом и уничтожил Берия, оклеветав его так, что образ этого крупного государственного деятеля не одно десятилетие воспринимался соотечественниками в сильно искажённом виде.

Да и сегодня, мягко говоря, далеко не каждый вышел из того заблуждения, в какое попал с подачи Хрущёва и его подельников, сильно исказивших нашу историю и образы тех личностей, которые сыграли в ней заметную положительную роль.

Однако, как гласит поговорка – «сколько верёвочке ни виться, а конец будет». Так и в данном случае: постепенно стали появляться в печати воспоминания современников Берии, открылись до времени секретные архивы, работать с которыми получили доступ историки и публицисты...

И вот результат – шаг за шагом начал восстанавливаться истинный образ Берии. В итоге стало очевидным, почему Хрущёву после смерти Сталина необходимо было в первую очередь стереть с лица земли именно Берию.

Стереть во всех отношениях: сначала оклеветать, потом уничтожить физически, продолжая при этом распространение лжи о его делах и личных качествах.

Теперь обо всём по порядку.

* * *

Но прежде чем говорить о роли Берии в истории СССР, обратимся к его юным годам, поскольку «все мы родом из детства». Именно в этот период происходит формирование личности каждого из

нас, начинают проявляться черты характера, склонности или способности... Что-то юный человек впитывает из поступков тех, на кого ему хотелось бы равняться.

И всё это играет важную роль во взрослой жизни, когда происходит реализация твоих врождённых и приобретённых качеств.

Вот что поведал в одной из своих книг – «МАРШАЛЫ и ГЕНСЕКИ» (Смоленск: Русич, 1997. – 353 с.) – историк, публицист и писатель-документалист Николай Александрович Зенькович, специально ездивший в то село под Сухуми, где родился и до семи лет жил Берия.

Оставшиеся там земляки, которые были уже в преклонных годах, помнили совсем юного «Лаврика» и рассказали, что уже тогда в нём чувствовалась природная одарённость – паренёк обладал разносторонними способностями, умом и желанием учиться.

Уже в том возрасте он хорошо рисовал карандашом, акварелью, маслом, увлекался архитектурой, очень любил музыку и понимал её.

Кроме того, мальчик быстро выучил немецкий – свободно на нём читал и говорил (немецкие поселения появились в Грузии в начале XIX века, а в середине их можно было встретить и в Сухумском округе; общение с этими людьми и позволило ему выучить немецкий язык).

Всем очевидные многосторонние способности сына и позволили родителям сделать выбор соответствующего, по их мнению, для него учебного заведения.

Выбор пал на Сухумское высшее начальное училище. Для этого пришлось переехать в Сухуми. А чтобы были деньги, необходимые на покупку жилья и обучение, родители продали половину своего дома. Так в семилетнем возрасте (в 1906 году) он поступил в училище.

Учение даётся легко. По всем предметам получает в основном лишь самые высокие оценки. Больше того – в старших классах даже подрабатывает репетитором, занимаясь с учениками младших классов. Репетиторство же продиктовано желанием материально помочь родителям в оплате его учёбы и содержания.

Училище окончил в 1915 году, получив **диплом с отличием по специальности строителя-архитектора**, что давало возможность работать как проектировщиком, так и управляющим (про-рабом).

А дальше, видя его желание продолжать учиться и явные к тому способности, семья переезжает в Баку, где юноша повышает образование в Среднем механико-строительном техническом училище, которое после четырёх лет обучения оканчивает в 1919 году.

На следующий год это училище преобразовывают в Политехнический институт, куда он поступает, **продолжая учёбу с определёнными перерывами на нелегальную революционную работу**, которая начинается для него уже в те годы.

Результаты этой работы оказались настолько впечатляющими, что уже в августе 1920 года его назначают управляющим делами ЦК КП(б) Азербайджана, а всего через два месяца он становится ответственным секретарём Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта трудящихся.

Институт оканчивает в 1922 году. То есть учился в общей сложности 15 лет. Причём все эти годы проявляет отменные и разносторонние способности: в изучении истории, литературы, в освоении точных наук и иностранных языков – **помимо немецкого, о котором уже шла речь, стал свободно говорить и читать на английском и французском.**

Важно ещё отметить, что в течение всех лет учёбы он продолжал подрабатывать репетиторством и службой почтальоном. Это позволило ему с какого-то момента помогать родителям уже не только в оплате **своей** учёбы и **своего** содержания. Будучи благодарным сыном, юный Берия сам стал **держателем семьи.**

Цель, с которой привёл здесь рассказ о самой ранней части биографии – детстве и юности – Лаврентия Павловича Берии, состоит в том, **что после этого можно отчётливо понимать, почему он впоследствии станет таким крупным государственным деятелем и так много сделает для своей страны на обширнейшем участке работы, где бы и чем ни приходилось ему заниматься.**

* * *

А теперь – **очень коротко (почти тезисно) о продолжении после института взрослой жизни этого человека на разных этапах и в разных областях его работы в Закавказье.**

Итак – Президиум ЦК АКП(б) на своём заседании, состоявшемся 6 мая 1922 года, принял решение: «Признать нелегальную революционную работу Берии в АзЧК, о которой шла речь чуть раньше, крайне необходимой и просить ЦК РКП(б) оставить его в Азербайджане». (ЧК – чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.)

Просьба была удовлетворена. И уже 8 июня 1922 года следует приказ Административного отдела Закавказского ЧК, согласно которому он назначен председателем АзЧК.

Летом этого же 1922 года под его руководством происходит ликвидация правых эсеров, после чего Берия получает назначение заведующего Секретно-оперативным отделом АзЧК.

В ноябре 1922 года его переводят в Тифлис на должность начальника Секретно-оперативной части и заместителя председателя ЧК при СНК (Совет народных комиссаров) Грузинской ССР, позднее переименованную в Грузинское ГПУ (Главное политическое управление), с совмещением должности начальника Особого отдела Закавказской армии.

В июне 1923 года Центральный исполнительный комитет Грузии награждает его орденом Боевого Красного Знамени этой республики.

В течение августа – сентября 1924 года он участвует в подавлении меньшевистского восстания, за что был удостоен награды – ордена Красного Знамени СССР.

С марта 1926 года Берия служит в качестве заместителя председателя ГПУ Грузинской ССР, являясь ещё и начальником Секретно-оперативной части.

А с декабря 1926 года становится председателем ГПУ при СНК Грузии, оставаясь на этой должности до 17 апреля 1931 года. В означенный период является ещё и начальником Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ при СНК СССР в ЗСФСР (Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика) и ГПУ при СНК ЗСФСР.

31 октября 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) назначает его на пост второго секретаря Закавказского крайкома. А с 14 ноября он становится первым секретарём ЦК КП(б) Грузии, находясь на этой должности до 31 августа 1938 года, то есть до перевода в Москву.

Из этого тезисного обзора виден внушительный профессиональный рост Лаврентия Берии в Закавказье, который отражён в динамичном назначении сравнительно ещё молодого человека на всё более ответственные и масштабные должностные позиции.

Подробно об этой и дальней части его биографии (о чём речь пойдёт дальше) документально изложено в книге известного историографа, публициста и журналиста Елены Николаевны Прудниковой – «БЕРИЯ, ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ СТАЛИНА» (М.: Литагент «ОЛМА», 2007. – 294 с.).

В этой книге, в частности, приведены факты о деятельности Берии в Закавказье в гражданскую войну – о том порядке, какой он со своими сподвижниками сначала там навёл, а после окончательной победы над белогвардейцами сумел в короткий срок организовать экономическое развитие этого региона так, что жизненный уровень жителей за короткий срок вырос более чем в пять раз.

ПОДРОБНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ БЕРИИ в ЗАКАВКАЗЬЕ и МОСКВЕ

В 2018 году журналист, публицист, главный редактор телепрограммы «День – ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра» Андрей Фёдоров взял большое интервью у известного историка, бывшего сотрудника КГБ СССР Арсена Бениковича Мартиросяна о документальных исследованиях, которые опубликованы в его книге «СТО МИФОВ о БЕРИИ» (М.: Вече, 2010. – 478 с.).

Сказанное здесь историком-документалистом важно привести потому, что это акцентирует нас на главном:

- 1) масштабе сделанного Берией для Советского Союза и
- 2) масштабе клеветы Хрущёва о личных качествах и деятельности этого уникально одарённого человека, что проявлялось в любом деле, каким бы он ни занимался.

Вот что рассказал Арсен Беникович в той беседе, после которой ещё более отчётливо проявился, если так можно выразиться, панорамный образ Берии во всей его глубине: «29 августа 1949 года в 7 часов утра мы ликвидировали американскую атомную монополию. И в этом огромная заслуга Лаврентия Павловича Берии.

То, что наша страна живёт сейчас более-менее спокойно, поскольку мы тоже обладаем атомным оружием, – заслуга гигантского коллектива учёных и инженеров, которые работали под его руководством.

Берия по поручению Сталина курировал разноплановые отрасли, поскольку обладал способностью мгновенно вникать в курс дела, умел читать чертёж с листа, всегда чётко определял главное направление вектора для решения конкретного вопроса и на нём концентрировал все доступные силы и средства.

Т. е. использовал принцип того, что называется мобилизационной моделью, которая наилучшим образом работает в любой области – от ОПК (оборонно-промышленный комплекс) до сельского хозяйства. Поэтому был максимально эффективен в своей работе».

Дальше Мартиросян приводит пример работы Лаврентия Берии в Грузии: **«Всё, что имела Грузия при советской власти – это заслуга Лаврентия Павловича. В ноябре 1931 года он стал первым секретарём грузинской компартии, а в 1938 году – Закавказского крайкома ВКП(б).**

За эти 7 лет захудалый провинциальный край, где господствовали лихорадка и малярия, без каких-либо ощутимых для жителей потрясений, плавно, но динамично превратился в то, что местные жители и те, кому довелось там побывать, называли цветущим садом».

Произошло это потому, что Берия сразу учёл особенности климата Грузии, и тут же предпочёл зерновым культурам, выращиваемым там до его прихода в местную власть, культивирование цитрусовых, винограда, табака...

А народ, сразу ощутив результаты таких перемен к лучшему, буквально повалил в колхозы.

Если до прихода Берии в колхозах было 36 % грузинских крестьян, то к моменту ухода их доля увеличилась до 86 %.

Каждый год к праздничному столу мы – люди Советского Союза – старались приобрести мандарины, даже не зная (кроме местных жителей), кто был организатором цитрусового производства в СССР.

Больше того, сейчас мы забыли вкус грузинского чая. А ведь в своё время разведчики Берии – по поручению Сталина он курировал ещё и внешнюю разведку, блестяще её реорганизовав, – привезли из Индии несколько черенков чайных кустов. После этого по приказу Лаврентия Павловича и при его поддержке в Грузии стали развиваться чайные плантации.

Примерно до конца 50-х грузинский чай обладал очень приятным вкусом.

Потом – в результате Хрущёвских реформ – испортился, поскольку его стали смешивать едва ли ни с опилками...

А сколько вузов и предприятий было в его бытность (с 31-го по 38-й) главой Грузии там построено. Этого не отрицают даже самые ярые противники Берии.

* * *

В 1938 году высшее руководство страны (в первую очередь Сталин и Маленков) было встревожено чересчур очевидным размахом «ежовщины».

Поэтому начали активно искать Ежову замену.

И обратили внимание на очень талантливого руководителя Грузии Лаврентия Берия, которого Сталин тут же перевёл в Москву и поручил, издав приказ 22 августа, возглавить Главное управление государственной безопасности.

А уже через три месяца – с 25 ноября – назначил Берия ещё и наркомом внутренних дел.

Чуть раньше – 17 ноября – по инициативе Лаврентия Павловича было принято знаменитое тогда Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», положившее конец «ежовщине» – разного рода пыткам, с целью добиться не истинных, а «нужных» показаний.

В 1941 году произошло разделение НКГБ (Народного комиссариата государственной безопасности) и НКВД (Народного комиссариата внутренних дел).

Однако кураторство по партийной линии Политбюро ЦК ВКП(б) всё равно оставило за Лаврентием Берией.

**БЕРИЯ в ПРЕДДВЕРЬЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ,
в ЕЁ НАЧАЛЕ и ПРОДОЛЖЕНИИ**

Теперь, продолжает Арсен Мартиросян, о том, что до недавнего времени было известно лишь в очень узких кругах: «Согласно открывшимся архивным документам, подведомственные Берии, как куратору НКГБ, пограничные войска были приведены в боевую готовность уже 21 июня в 21 час 30 минут. А ещё за 5 дней до этого (16 июня) Лаврентий Павлович издал Приказ: в случае нападения Германии пограничные войска тут же переходят в прямое подчинение командованию Красной Армии.

Это было сделано с целью максимального контакта и наилучшей координации действий между войсковыми армейскими и пограничными подразделениями.

И вот тут раскрывается ещё одна ложь Хрущёва о Берии. Уничтожив Лаврентия Павловича, Хрущёв и его клика приписали ему задним числом недооценку близкой войны с Германией.

В своей клевете они активно распространяли слухи о якобы имеющихся сведениях, что Берия едва ли не всех агентов внешней разведки, сообщавших ему о нарастающей угрозе нападения Гитлера, обещал “в лагерную пыль стереть”. Они утверждали, что имеются какие-то “знаменитые бериевские тексты”, из которых это следует.

Однако до сих пор следов той мифической бумаги с указанными “текстами” нигде не обнаружено. Что очень странно, поскольку вступает в явное противоречие с потребностью Хрущёва и его приспешников максимально оклеветать Берию.

Напротив, согласно открывшимся архивным сведениям, пограничная разведка сделала всё, что было возможно.

Наши высшие руководители обладали точной информацией о том, где и какой полк (батальон) расположен. Знали всё на глубину 400 километров, вплоть до координат “аэродромов подскока” (в отдельных случаях).

Из 47 случаев, которые я насчитал только по открытым источникам (т. е. где советская разведка прямо или косвенно называла дату и час нападения), 27 относятся к пограничной разведке).

После этого смешно и нелепо верить катализированной со времён Хрущёва и по сей день (для несведущих) лжи, что Лаврентий Павлович дезинформировал Сталина о моменте начала войны.

Больше того, как уже отмечено раньше, даже немцы до и после Великой Отечественной войны признавали, что в Советском Союзе условия ведения разведки организованы в высшей степени неуязвимо – практически невозможно было что-либо точно узнать о том, ведётся ли она или это лишь видимость.

И конечно, гитлеровцы были предельно удивлены, что СССР смог в невероятно короткие сроки перебазировать и восстановить военную промышленность.

В июне 2017 года состоялась премьера четырёхсерийного документального фильма под названием «Равная величайшим битвам», поставленного кинематографистами Екатеринбурга.

Фильм построен на записанных рассказах наших ветеранов труда – тех, которые в ту пору были ещё живы.

Благодаря этому многомиллионному зрителю из первых уст стали известны факты о процессе эвакуации нашей военной промышленности на Урал.

**РОЛЬ БЕРИИ в ЭВАКУАЦИИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ на УРАЛ
и ОРГАНИЗАЦИИ ЕЁ РАБОТЫ**

Дальше Мартиросян продолжает: «*А кто организовал эту переброску? Берия и подведомственный ему НКВД. Кто обеспечивал людей всем необходимым по прибытии? Тоже НКВД во главе с Берией. Ведь центральные и местные партийные органы с таким масштабом изменений, продиктованных войной, не справлялись.*

Причём для Лаврентия Павловича мелочей не было – он скрупулёзно и моментально вникал во все бытовые подробности людей. Есть любопытный факт: Берия докладывает Сталину о неких документах, а под листы подложены счета на валенки.

Зачем валенки Берии, да ещё в таком количестве и разных размеров? Так ведь людей привезли на Урал. А Урал зимой – это не Сочи. Без валенок здесь не обойтись.

Сталин же настолько доверял Берии во всём (и ни разу об этом не пожалел), что иные бумаги подписывал даже не глядя.

Мало кому известно, что в наших архивах хранится гигантская “простынь” или схема, на которой обозначены перемещения и размещения всех важнейших оборонных заводов, указаны площадки подключения кабеля.

Её обнаружил историк Георгий Куманёв (Георгий Александрович Куманёв (1931–2018) – советский и российский историк, специалист в области Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, руководитель Центра военной истории, академик РАН, автор более 250 научных публикаций, в числе которых монография «Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945 гг.», а также книга «РЯДОМ со СТАЛИНЫМ: ОТКРОВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА» (Смоленск: Руси, 2001. – 528 с.) – туда вошли беседы с В. М. Молотовым, А. И. Микояном, Л. М. Кагановичем, С. М. Будённым, Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, А. К. Тимошенко...

Так вот, Куманёв в своей книге поведал, что эта грандиозная схема была составлена при активном участии Берии. С 1939 по 1941 год она корректировалась.

Из этой схемы отчётливо следует, что заводы уезжали не в глухую степь, где на морозе устанавливали станки обмороженными пальцами, как это порой принято рассказывать несведущими людьми для тех, кто тоже не знает истинного положения дел в тот момент.

Нет. Крыши могло не быть, но всегда были наготове фундамент, стены, электрические кабели...

То есть всё необходимое для скорейшего запуска производственного процесса.

Теперь уже хорошо известно из документальной литературы, что в 1942 году Сталин поставил вопрос перед Государственным комитетом обороны о необходимости срочного увеличения числа производимых танков. И вполне естественно, что для решения этого вопроса танковую промышленность тут же передали под кураторство Берии.

В результате через месяц с небольшим вместо примерно 300 танков в месяц стали выпускать не менее 2000 (!).

Неудивительно, что под конец Великой Отечественной Берия курировал уже не менее 90 % (!) отечественного ОПК.

При этом, что важно отметить, органы НКВД никого особо не «прижимали». Они играли чисто вспомогательную роль.

Например, если какой-нибудь эшелон вовремя не мог подойти к заводу или затерялся на пути (бывало, что пути были перегружены составами, ехавшими на восток), его находили в течение суток, открывали «зелёный свет», и эшелон прибывал в ожидаемый срок.

Иногда эшелоном перебрасывались и запчасти.

И всё это было подчинено одной цели – не нарушать производственного ритма.

РОЛЬ БЕРИИ в ОСВОБОЖДЕНИИ КАВКАЗА

У нас до сих пор замалчивается очень серьёзная роль Берии в обороне Кавказа.

А ведь именно он как начальник Закавказского ГПУ (Государственное политическое управление) покончил со всеми белогвардейскими бандами, действовавшими на территории Грузии, Армении и Азербайджана.

Теми бандами, которые ничем не отличались от дивизии «Эдельвейс» (дивизия вооружённых сил нацистской Германии (вермахта), укомплектованная коренными жителями горных районов Южной Германии, Баварии и Австрии. Её солдаты и офицеры были обучены всем видам боевых действий в горах.

Что до названия, ставшего его эмблемой и символом этой дивизии, то оно произошло от географических мест действия указанного вражеского подразделения: цветок эдельвейс растёт в высокогорных районах Европы и Азии).

Чтобы понимать роль Берии в успешной обороне Кавказа, продолжает Мартиросян, нужно знать о том, **что** он там для этого сделал: **«Разогнал предыдущих генералов и организовал реальную**

эффективную оборону – перекрыл все перевалы и в течение кратчайшего срока уничтожил передовую разведку немцев, без которой они вообще не могли двигаться, поскольку опасались возможности попасть “в капкан”.

Сложно даже поверить в то, как виртуозно он это проделал. Сразу после того, как Сталин назначил его ответственным от ГКО на Кавказ, за пять часов до вылета он отдаёт приказ – собрать со всех фронтов грузин, которые вместе с пограничниками и внутренними войсками занимались уничтожением банд (они знали местность и имели опыт военных действий в горах).

В этом же приказе он успел дать поручение на Северный Кавказ, чтобы немедленно снарядили минимум 150 альпинистов и перебросили их на Центральный Кавказ.

К его прилёту всё это было сделано.

А что делали генералы перед этим? Вытягивали в узкую ленточку войска, что в условиях гор означало неминуемый проигрыш, если не полный разгром. Дивизия Эдельвейс могла бы в одиночку раздолбать все наши силы.

Уехал Берия оттуда лишь тогда, когда и слепому было ясно, что Кавказ спасён».

Мало кому известен тот факт, что безграничное доверие Сталина к Берии и его ближайшему окружению, о чём уже шла речь, отразилось также на том, что **в некоторых случаях чекистам поручалось и формирование армий.**

В частности, в 1943 году была сформирована даже **Отдельная армия НКВД, чуть позже переименованная в 70-ю, которая героически сражалась во время знаменитой Курской битвы.**

Об этом подробно написал наш выдающийся полководец Константин Константинович Рокоссовский в книге воспоминаний, названной «СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ». Серия «Военные мемуары» (Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1972. – 376 с.). Первое издание вышло в 1968 году: в последний год жизни маршала.

Маршал также подчеркнул, что **Берия, как и Сталин, не терпел дезинформации.** И тот и другой **могли простить ошибки,** понимая, что ошибиться может каждый.

Но за обман как попытку выгородить себя, свалив собственную ошибку на другого, наказание следовало незамедлительно и было очень суровым.

Что конечно же абсолютно логично – кому нужны такие кадры, которым нельзя доверять.

И ещё Рокоссовский отметил, что Берия с его опытом всегда смотрел вперёд. Ведь это **благодаря ему после войны вокруг Москвы появился так называемый «ракетный пояс».**

РОЛЬ БЕРИИ в СОЗДАНИИ «РАКЕТНОГО ПОЯСА» ВОКРУГ МОСКВЫ

История реализации этой идеи следующая. 9 августа 1950 года по инициативе Сталина **секретным Постановлением Совета Министров СССР № 3389–1426 было** официально принято решение о создании зенитной ракетной системы «Беркут», позже переименованной в С-25.

Цель этой идеи:

Возможность применения средств ПВО (противовоздушной обороны) при массированных налётах (до 20 самолётов на участке 10–15 километров).

Круговой характер обороны, способной отразить удар с любых направлений.

Создание большой глубины действия системы ПВО для исключения прорыва.

Способность вести борьбу в сложных метеоусловиях и в любое время суток.

Создание системы «Беркут» ставилось в ранг важнейшей государственной задачи, поэтому **организация всех необходимых работ осуществлялась наподобие Советского атомного проекта.**

Общее руководство было возложено на **специально созданное для этого Третье главное управление** при Совете Министров СССР.

Конкретно же реализацией этой идеи руководили два учёных: профессор, генерал-полковник инженерно-технической службы Василий Михайлович Рябиков и академик АН СССР, генерал-лейтенант инженерно-технической службы, специалист в области радиотехники и радиофизики, автор трудов по теории и методам расчёта дальней коротковолновой связи Александр Николаевич Щукин.

Финансирование шло через Первое (атомное) главное управление при Совете Министров СССР.

Курирование и Третьего, и Первого управлений Сталин возложил на Берию.

Особенностью же всего этого проекта было то, что Военное министерство СССР не являлось заказчиком создания системы «ракетный пояс», и **в подробности работ даже высшие военные руководители страны не посвящались.**

В последние годы об истории создания «ракетного пояса» открыты документальные материалы, которые, в частности, представлены в книге российского историка, журналиста, писателя, магистра технических наук Антона Ивановича Первушина «ТАЙНА СИСТЕМЫ “А”. РАКЕТНЫЙ ЩИТ МОСКВЫ» (серия «Пальмира-история». М.: ТВ, 2020. – 255 с.).

О ДОКУМЕНТАХ ПОД НАЗВАНИЕМ «ДЕЛО БЕРИИ»

Так называемые «документы», которым, с нелёгкой руки Хрущёва и его поделщиков, долгое время – пока не открылась их суть – верили несведущие, оказались фикцией. Специалисты – исследователи архивов – выяснили, что они **являются фальшивками от начала и до конца.** Вот наглядное тому подтверждение.

Арестовывают Берию и... ордер на арест оказывается полученным через... неделю (!) после ареста.

Больше того – все документы, что имеются в архиве, оказались... копиями (!).

Причём нотариально не заверенными (!).

Нет даже подписей судей на копии самого приговора (!).

Да и многие бумаги, представленные якобы документами, причём очень важными, – обнаруженные **копии** протоколов допросов Берии и проч. – **заверены, смешно сказать... майором административно-хозяйственного отдела.**

И это **допроса не кого-нибудь**, а маршала, недавнего министра, первого заместителя председателя Совета Министров СССР, Героя Социалистического Труда, почётного гражданина СССР – и вдруг подписывает «документ» какой-то непонятный административно-хозяйственный майор!!

И подобных «ляпов» или несурзаций в этом деле очень много.

ЛОГИКА ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ТОМ, ПОЧЕМУ УБИЛИ БЕРИЮ

Дальше в беседе с Фефеловым Мартиросян рассказал следующее: *«Сначала Хрущёв очень напуган, когда Берия поставил вопрос об аресте Семёна Игнатъева, который с 1951 по 1953 год был министром государственной безопасности СССР.*

Дело в том, что за Игнатъевым “потянулся бы” сам Хрущёв, который курировал административно-хозяйственные дела в этих органах, где, мягко говоря, было далеко не всё чисто с точки зрения законодательства.

И тогда открывались бы все преступления, в том числе и финансового характера, которые были совершены в период правления Игнатъева на Лубянке.

Там их было такое количество, что уже 4 декабря 1952 года Сталин написал записку Берии (этот документ есть в архивах).

Суть поручения Сталина состояла в том, что он давно хотел разобраться с некоторыми генералами за их действия в начальной фазе войны.

Больше того, известно, что ещё в 1946 году Сталин, в противовес общепринятого выражения: “победителей не судят” сказал: “и победителей надо судить – это будет для них полезно”.

Понятно, что мудрый Иосиф Виссарионович имел в виду неоправданные жертвы по вине тех генералов, которые посылали бойцов на верную смерть, не продумав как следует действия своих подразделений.

А Хрущёв был повинен в двух крупнейших поражениях: киевском “котле” осенью 1941 года и харьковской катастрофе весной 1942 года».

Только что процитированная часть беседы Мартиросяна с Фефеловым требует пояснения относительно истории деятельности Семёна Денисовича Игнатъева в его бытность министром государственной безопасности СССР.

Уже 5 апреля 1953 года в результате опроса членов ЦК КПСС было принято следующее решение: **ввиду допущенных т. Игнатьевым С. Д. серьёзных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР – с 6 марта 1953 года МГБ было объединено с МВД и эту объединённую структуру возглавил Берия – освободить т. Игнатьева от обязанностей секретаря ЦК КПСС.**

То есть Игнатьев, став 6 марта секретарём ЦК КПСС, проработал в этой должности меньше месяца, установив тем самым антирекорд в истории ЦК КПСС.

Дальше – больше: уже 28 апреля, в результате такого же опроса членов ЦК КПСС, Игнатьев с той же формулировкой был **вообще выведен** из состава членов ЦК КПСС.

По предложению Берии, поддержанному остальными членами Президиума ЦК, Комитету партийного контроля при ЦК КПСС было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности С. Д. Игнатьева. Об этих перипетиях подробно (пошагово) изложено в работах наших видных историков, в частности уже цитированного раньше Евгения Юрьевича Спицына: «ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ. СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА в 1953–1964 годах» (глава «Первый раунд борьбы за власть в первой половине 1953 года») (М.: Концептуал, 2019. – 592 с.).

Может быть, Берия напугал Хрущёва ещё и быстрым освобождением из тюрьмы генерала Рухле, который был противником харьковской операции (Абакумов с подачи Хрущёва посадил его за решётку в 1942 году, и тот отсидел более десяти лет).

А Рухле был человеком очень активным и бесстрашным, что, видимо, тоже сильно напугало Хрущёва.

Поскольку этот генерал широкому кругу современных читателей практически неизвестен, поясню: Иван Никифорович Рухле – генерал-майор авиации. С начала Великой Отечественной войны был назначен заместителем начальника штаба Военно-воздушных сил Красной армии. С апреля 1942 года – начальником оперативного отдела Юго-Западного фронта.

Подробно о характере самого Рухле и причинах репрессии по отношению к нему со стороны Хрущёва – Абакумова изложено, в частности, известным историком и публицистом Вячеславом Егоровичем Звягинцевым в историографической книге «ВОЙНА на ВЕСАХ ФЕМИДЫ: ВОЙНА 1941–1945 гг. в МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВЕННО-СУДЕБНЫХ ДЕЛ» (М.: Терра, 2006. – 766 с.).

И ещё – **Берия очень плотно взялся за Украину. Дело в том, что ему постоянно поступали сведения от контрразведки, которая сообщала, насколько сильно там внутреннее – бандеровское – подполье, прикрываемое Хрущёвым, так как он на этих людей опирался.**

Бывший контрразведчик (после 1955 года – ветеран КГБ: подразделения Смерш) Юрий Васильевич Тараскин, долгое время по поручению Берии находившийся внутри этого подполья, в своих мемуарах «ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ КОНТРРАЗВЕДЧИКА» (М.: Кучково поле, 2006. – 372 с.) написал, что **внутренние войска Берии фактически завершили в 1949 году разгром бандеровцев районного масштаба и вышли на областной уровень, откуда потянулась цепочка к ЦК Компартии Украины. Следовательно, непосредственно к Хрущёву, которому тогда каким-то образом удалось это прекратить.**

Обратим внимание, кто в 1953 году первым написал донос на Берию? Строкач. Тот самый генерал **Строкач** – начальник Управления МВД Львовской области, который **тоже был из бандеровцев и, естественно, тоже ставленник Хрущёва.**

А почему написал донос, тоже понятно – из трусости быть разоблачённым, поскольку Берия ещё в 1941 году чуть было не поставил его «к стенке», а в 1953 году снял с должности.

Подробно обо всех обстоятельствах, связанных с этой историей, рассказано в уже цитированной ранее книге Елены Николаевны Прудниковой «БЕРИЯ, ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ СТАЛИНА» (М.: Литагент «ОЛИМА», 2007. – 296 с.).

Что же до итогового результата, то сегодня не вызывает сомнений: существовавшая **спайка** между высшим партийным руководством Украины и притаившимися до времени главами областных бандеровских организаций, к сожалению, **не была разрушена.**

Не успели это сделать Сталин и Берия.

СУДЬБА СОРАТНИКОВ из БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ СТАЛИНА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

Военный историк, доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник, видный специалист в области геополитики Леонид Григорьевич Ивашов в одной из бесед с главным редактором газеты «Аргументы недели» Андреем Углановым («Аргументы недели». № 5 (749). 10.02.2021) рассказал следующее: *«В прошлом году американцы рассекретили один важный документ. 5 марта 1953 года, как известно, скончался Иосиф Виссарионович Сталин. А уже 13 марта американские спецслужбы принимают меморандум об использовании смерти Сталина в национальных интересах США.*

Больше всего они хотели, чтобы в Советском Союзе после смерти вождя не сложилось монолитное руководство, и главной опасностью для них являлся Маленков. На втором месте стоял Берия.

Хрущёв вообще как руководитель в США не котировался...»

Собственно, Леонид Григорьевич рассказывал Андрею Угланову о том, о чём значительно подробнее написал в своей, уже вышедшей к тому времени, книге «ОПРОКИНУТЫЙ МИР» (М.: Аргументы недели, 2019. – 384 с.).

Естественно, Хрущёв, который прекрасно знал о кадровых приоритетах Сталина, после кончины вождя очень ревностно следил за деятельностью этих людей. Они же – ближайшее окружение Сталина – первыми, что тоже естественно, увидели бездарность действий Хрущёва на посту Первого секретаря ЦК КПСС. Поэтому готовились на ближайшем съезде КПСС обсудить этот вопрос, чтобы высший орган власти принял коллективное решение о дальнейшей судьбе Хрущёва – его пребывании на такой высокой руководящей должности.

Однако спецслужбам Хрущёва стало известно об этом, что и **позволило ему действовать упреждающе.**

На предшествовавшем съезде Пленуме ЦК КПСС он, неожиданно для всей страны, объявил об «Антипартийной группе» в составе Маленкова, Молотова, Кагановича (наиболее опасной для него части из ближайших соратников Сталина) и «примкнувшего к ним Шепилова».

В результате пленум вывел всех четверых из состава ЦК.

Следует особо отметить, что, **в отличие от американцев, наибольшую для себя опасность в борьбе за власть Хрущёв видел не в Маленкове, а в Берии.**

Дело в том, что Берия как глава силовых структур – МВД, соединённого с 5 марта 1953 года с МГБ, – по роду своей деятельности и служебных обязанностей не только обладал подробным досье на каждого из членов верховной власти, но в его распоряжении были и серьёзные возможности внутренних сил, чтобы арестовать любого из них, после чего отдать под суд со всеми, вытекающими из этого последствиями.

Поэтому Хрущёв, у которого, как выяснится позже, было, мягко говоря, «рыльце в пушку», больше всего боялся именно Берию. О чём подробно написано в книге видного российского политического аналитика, публициста, журналиста, основателя и главного редактора патриотической газеты «Дуэль» Юрия Игнатьевича Мухина «УБИЙСТВО СТАЛИНА и БЕРИИ» (М.: Крымский мост – 9Д; Форум, 2002. – 791 с.), а также в книге известного американского учёного-историка, профессора, выпускника Принстонского университета Гровера Ферра «АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ» (серия «Советский век» / перев. с англ. В. Боброва. М.: Родина, 2021. – 424 с.).

В главе «Берия. Его “козни” и “преступления”» (с. 117–125) Гровер Ферр, основываясь на документальных источниках и свидетельствах соратников Сталина, убедительно опровергает ложь Хрущёва и его ставленников по отношению к Берии.

И Мухин, и Ферр показывают, **насколько сильно** было «рыльце в пушку» у Хрущёва. Откуда и становится понятно, почему тот больше всех боялся именно Берию.

Так что **хронология событий борьбы Хрущёва с соратниками Сталина, которых он опасался, вполне логична.** Конечно, она и должна была начинаться именно с Берии.

* * *

Итак, уже в июне 1953 года с помощью своих подельников Хрущёв организует внезапный, совершенно неожиданный для главы силовых структур арест, а в декабре 1953 года, **согласно официальному заявлению в прессе той поры**, добивается того, чтобы Берия, по сфабрикованным на него обвинениям, был приговорён к высшей мере наказания – расстрелян.

Следует подчеркнуть, что расстрелу с момента ареста предшествовала развёрнутая Хрущёвым **очень интенсивная кампания клеветы** в адрес этого государственного деятеля.

К сожалению, неблагоприятную роль в аресте Берии сыграл Георгий Константинович Жуков. О причине, по которой он на это пошёл, есть разные версии: то ли поддался аргументации Хрущёва, то ли по каким-то иным (личным) мотивам...

Однако пока ни одна из них не подкреплена фактами, а существуют лишь вполне логические предположения о том, почему Жуков так поступил.

После расстрела Берии судьбы остальных соратников Сталина, которых (о чём сказано раньше) Хрущёв объявил как «Антипартийную группу», сложились по-разному.

Маленков был переведён на должность директора электростанции в Усть-Каменогорске, потом теплоэлектростанции в Экибастузе, а в ноябре 1961 года – сразу после 22-го съезда КПСС – исключён из партии.

Молотов – снят со всех постов, выведен не только из состава Президиума ЦК КПСС, но даже из состава рядовых членов ЦК КПСС и назначен послом СССР в Монголию, что практически означало ссылку. В 1960–1961 годах руководил советским представительством при штаб-квартире агентства ООН по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене. После 22-го съезда КПСС был из Вены отозван, снят с занимаемой должности и исключён из партии.

Каганович в 1957 году отправлен директором Уральского горно-обогатительного завода в город Асбест. В конце 1961 года исключён из КПСС.

Шенилов в 1957 году освобождён от всех партийных и государственных должностей и отправлен директором, а с 1958 года понижен в должности до заместителя директора Института экономики АН Киргизской ССР. С 1960 по 1962 год он – археограф, затем старший археограф в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. В 1962 году исключён из партии.

Вот так Никита Сергеевич Хрущёв снял все опасения американцев в том, что в СССР после смерти Сталина «сложится монолитное руководство».

ПОДРОБНОСТИ АРЕСТА, РАССТРЕЛА и КЛЕВЕТЫ на БЕРИЮ

Наиболее подробно о событиях, происходивших в день ареста, поведал их свидетель, Вячеслав Михайлович Молотов, во время многочисленных – на протяжении семнадцати лет – бесед с известным советским поэтом, прозаиком и публицистом Феликсом Ивановичем Чуевым, которые тот записал и позже опубликовал в книге «140 БЕСЕД с МОЛОТОВЫМ. ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА» (М.: Родина, 2022. – 656 с.).

Из этих воспоминаний Вячеслава Михайловича Молотова следует, что 26 июня 1953 года москвичи с удивлением наблюдали, как по улицам движутся колонны легендарных Т-34.

Это были танки Кантемировской и Таманской дивизий. Всего около трёх сотен. Они заняли назначенные позиции, расположившись таким образом, чтобы заблокировать ключевые районы города.

В данном случае наиболее опасной для кремлёвских заговорщиков во главе с Хрущёвым являлась подконтрольная Берии дивизия внутренних сил оперативного назначения имени Дзержинского.

Никто из людей, наблюдавших в тот день происходящее на улицах Москвы, не мог тогда знать, что Хрущёв договорился с «Маршалом Победы» Георгием Константиновичем Жуковым, бывшим на тот момент заместителем министра обороны (в феврале 1955 года он станет министром обороны, но уже в октябре 1957 года будет освобождён с этой должности и выведен из состава Президиума ЦК КПСС, а в марте 1958 года будет и вовсе уволен из рядов Вооружённых сил СССР), **сделать это на случай, если подчинённые Берии внутренние войска дивизии имени Дзержинского не позволят арестовать главу своего ведомства.**

Люди ждали объяснения в средствах массовой информации – по радио, телевидению, в газетах... – о том, что происходило 26 июня, но руководство страны хранило молчание.

Поэтому, как всегда в таких случаях – при отсутствии пояснений – бывает, по Москве тут же ползали слухи – один невероятнее другого.

И только через две недели в газете «Правда» появилось сообщение об аресте «врага советского народа» Лаврентия Берии.

Через пять месяцев он будет приговорён к высшей мере наказания, и исполнение приговора состоится немедленно.

(В отношении того, когда и как был убит Берия, есть несколько версий. Однако ни одна из них не имеет пока убедительного подтверждения. Поэтому будем придерживаться той, что на сегодняшний день является официальной.)

С этого момента образ одного из многолетних государственных деятелей, верного соратника Сталина, который так много сделал для развития обороноспособности страны, был старательно затёрт Хрущёвым и его поделчиками.

Они очень ловко сфабриковали другой образ: идеолога массовых репрессий, безжалостного палача и сексуального извращенца, которому со всей Москвы свозили красавиц, в том числе и несовершеннолетних.

Демонический образ Берии, может быть, ввиду недостаточно глубокого интереса к его личности у широкого круга соотечественников (и не только), тиражируется по сей день. А в те времена, начиная с момента его ареста, людям, далёким от кремлёвских «подковёрных игр» в борьбе за власть, усиленно внушали столько грязных выдумок о Берии, что он стал символом едва ли не абсолютного зла.

Перед таким его образом меркли даже имена Генриха Ягоды и Николая Ежова, которые были последовательно расстреляны по приказу Сталина за явные перегибы и зверства – массовые необоснованные аресты и расстрелы невиновных.

* * *

Однако постепенно стали появляться и серьёзные – уже документальные – исследования о Лаврентии Берии, из которых предстаёт совсем иной образ этого человека.

И как результат, становится ясно, почему Хрущёв и его поделчики постарались опорочить Берию в максимально доступной им степени.

В своих документальных исследованиях уже цитированный историк Евгений Юрьевич Спицын пишет: *«Речь идёт об абсолютно преднамеренной лжи. Берия стал жертвой политической борьбы за власть, развернувшейся в Президиуме ЦК сразу после смерти Сталина.*

Хрущёв делал всё, чтобы как можно чаще измазывать грязью основного политического конкурента».

Е. Ю. Спицын «ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ. СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА в 1953–1964 годах» (глава «Первый раунд борьбы за власть в первой половине 1953 года») (М.: Концептуал, 2019. – 592 с.).

Причём Хрущёв настолько ничем не гнушался, что уверенно **искажал даже хронологию событий.**

Например, используя такой факт: к осени 1938 года маховик репрессий был раскручен до предела – существовали особые совещания и специальные революционные тройки, которые без суда и следствия выносили расстрельные приговоры «врагам социализма».

Инициаторами этого «большого террора», согласно документальным исследованиям доктора исторических наук Юрия Николаевича Жукова, опубликованным в его книге «ТАЙНЫ КРЕМЛЯ (Сталин, Молотов, Берия, Маленков)» (М.: Терра – Книжный клуб, 2000. – 411 с.), выступали первые секретари республиканских, краевых и областных комитетов партии.

Возглавлял же в то время НКВД и стимулировал этих секретарей к массовым репрессиям вовсе не Берия, а Николай Ежов, впоследствии, как уже сказано раньше, арестованный и расстрелянный за это по приказу Сталина.

Если немного подробнее, то к моменту, когда Сталин, хорошо знавший Берию, отозвал его с должности первого секретаря ЦК компартии Грузии и назначил сначала первым заместителем наркома внутренних дел, а чуть позже и главой НКВД, страна утопала в доносах, а **истребление «врагов народа» уже превратилось в террор ради террора.**

Поэтому Сталин и поставил перед Берией главную цель – в первую очередь прекратить эту вакханалию.

Надежды главы государства Берия полностью оправдал. **С его приходом на должность народного комиссара внутренних дел тут же начался существенный спад количества арестов и последующих репрессий.** Многих из верхушки ежовского НКВД он уволил, а особо зарвавшихся арестовал и предал суду.

С именем Берии связан и первый этап реабилитации невинно осуждённых. Его так и называли Бериевским.

По ходатайству Берии было пересмотрено огромное число судебных приговоров, в результате чего из лагерей и тюрем освобождены более 200 тысяч невинно осуждённых, а сотням тысяч серьёзно смягчили приговоры.

Больше того – 4 апреля 1953 года по инициативе Берии был издан соответствующий Указ № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия».

Однако после ареста и расправы над Берией приведённые факты были тщательно скрыты и засекречены. Ему же отвели только роль палача.

Об этом, в частности, подробно пишет в уже упоминавшейся книге «БЕРИЯ, ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ СТАЛИНА» (М.: Литагент «ОЛМА», 2007. – 294 с.) известный историограф, публицист и журналист Елена Николаевна Прудникова.

В этой же книге есть и воспоминания современников о его способности к обучению. В частности, подтверждение ранее сказанного о том, что Берия самостоятельно выучил три языка в такой степени, какая позволяла ему свободно на них говорить, а также читать **в оригинале** не только художественную литературу, но и поступающие к нему впоследствии разведанные.

Следует отметить, что реорганизованная им стратегическая разведка не знала провалов. Это подтверждали даже немцы как в период Великой Отечественной, так и после неё.

* * *

Хрущёв и его подельники активно использовали всем известные сведения о том, что подпись Берии была на многих расстрельных документах. Понятно, что в период пребывания Хрущёва во главе государства людям, далёким от взаимоотношений в кремлёвских кабинетах власти, а таких подавляющее большинство, было неизвестно, что со стороны Никиты Сергеевича была **намеренная и существенная недоговорённость.**

Дело в том, что в состав членов Политбюро ЦК Берия вошёл **только в 1946 году.** А до этого – с 1939 по 1946 год – был кандидатом в члены Политбюро ЦК и поэтому – лишь исполнителем решений высшего органа партии, не имея, что естественно, никаких особых полномочий. **Следовательно, в тот период его подпись была лишь формальной.**

Например, подпись Берии стояла под документом на арест знаменитого академика АН СССР и ВАСХНИЛ Николая Ивановича Вавилова. В 1940 году он был арестован. В 1941 году приговорён к расстрелу.

Однако после этого именно Берия добился отмены расстрельного приговора.

На сегодняшний день о таком факте написано немало. Причём не только в отечественной, но и зарубежной документальной литературе. В частности, той, которая здесь уже приведена.

Кроме того, оказалось, что **в значительной степени благодаря ходатайству Берии были в разные времена освобождены из тюрем будущие маршалы Константин Константинович Рокоссовский, Кирилл Афанасьевич Мерецков, будущий генерал армии Александр Васильевич Горбатов, авиаконструкторы Андрей Николаевич Туполев, Николай Николаевич Поликарпов...**

Постепенно выясняется и такой факт – **утверждение Хрущёва** о том, что Берия уничтожал крупных учёных страны, нанося вред нашему научному потенциалу, а следовательно, и в серьёзной степени обороноспособности государства, **тоже оказалось ложью.**

Об этом, к уже указанной фактологической литературе по вопросу о хрущёвской лжи по отношению к Берии, следует добавить и ещё одну книгу того же Юрия Игнатовича Мухина «НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕРИЯ. ЗА ЧТО ЕГО ОКЛЕВЕТАЛИ?» (М.: Форум, 2011. – 308 с.).

**РОЛЬ БЕРИИ в СОЗДАНИИ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАБОТЫ УЧЁНЫХ,
ОКАЗАВШИХСЯ в НЕВОЛЕ. ПЕРЕСМОТР ИХ ПРИГОВОРОВ**

Согласно открывшимся документам, появляется следующая картина о крупных учёных, попавших по разным причинам в места заключения. В ведомстве Берии действительно находились тысячи арестованных учёных. И он нашёл способ очень эффективного использования научного таланта каждого из них во благо государства.

Трудно назвать точное число созданных ещё до него (в 1930 году В. В. Куйбышевым и Г. Г. Ягодой) так называемых «шарашек» (мест, где трудились эти люди вместе с инженерами-конструкторами, выполняя поставленные им задачи).

Однако **все необходимые условия** для их работы, отдыха и быта **были созданы по инициативе Лаврентия Берии**, когда он стал наркомом внутренних дел.

Эти сведения по непонятной причине до сих пор в должной мере не рассекречены.

Но в то же время уже хорошо известно, что **самолёты, ракетная техника, секретная телефония, новинки вооружения и боевой техники** – это далеко не полный перечень созданного в этих «шарашках» основателем отечественной космонавтики Сергеем Павловичем Королёвым, одним из основоположников советской школы русского самолётостроения, авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым, основателем отечественной радиолокации Павлом Кондратьевичем Ощепковым...

Многих учёных, в том числе и авиаконструкторов, освободили по ходатайству Берии: знаменитый во всём мире доктор технических наук, академик АН СССР Андрей Николаевич Туполев, приговорённый к 15 годам лишения свободы, был освобождён через два года, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Владимир Михайлович Мясичев, получивший 10 лет без права переписки, был освобождён через два года, Владимир Михайлович Петляков, осуждённый на 10 лет лагерей, плюс 5 лет поражения в правах, был не только выпущен на свободу через два года, но и стал лауреатом Сталинской премии за разработку самолёта Пе-2.

Продолжая разговор о роли Берии в развитии отечественной науки, следует привести следующие факты. Физик-теоретик, доктор физико-математических наук, академик АН СССР и РАН, один из создателей атомной бомбы Ю. Б. Харитон сказал: *«Лаврентий Павлович – фантастически сложная фигура, по слухам, страшный, но на поверку я этого ни разу не почувствовал, а вот что очень умный человек, это да. Он нам сильно помогал, организуя доставку и даже производство всего, что требовалось для работы.»*

В этом отношении он имел почти неограниченную власть (поскольку действовал по поручению Сталина. – Г. Б.). *Когда Берия взял в свои руки руководство, то он был доступен для наших просьб и обсуждений в любое время»* («ИЗ БИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ Ю. Б. ХАРИТОНА» / сост. и ред. Б. Н. Михайлов (Человек столетия). М.: АСТ, 1999. – 664 с. (с. 13–14)).

Выдающийся советский физик-теоретик, академик АН СССР Лев Давидович Ландау, арестованный 28 апреля 1938 года по ложному обвинению в контрреволюционной, антисоветской деятельности, был выпущен на свободу через год. Это произошло благодаря письмам всемирно известных физиков Нильса Бора (Дания) и Петра Леонидовича Капицы, который взял Ландау на поруки.

26 апреля 1939 года Капица написал Берии: *«Прошу освободить из-под стражи арестованного профессора физики Льва Давидовича Ландау под моё поручительство. Ручаюсь перед НКВД, что Ландау не будет вести какой-либо контрреволюционной деятельности в моём Институте, и я приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы он и вне Института никакой контрреволюционной работы не вёл.»*

В случае, если я замечу со стороны Ландау какие-либо высказывания, направленные во вред Советской власти, то непременно сразу сообщу органам НКВД».

Два дня спустя – 28 апреля – Берия подписал постановление НКВД о прекращении дела в отношении Ландау с передачей его на поруки директора Института физических проблем Академии наук Советского Союза (ИФП АН СССР) П. Л. Капицы.

Ландау тут же был восстановлен в списке сотрудников ИФП АН СССР.

В 1945–1953 годах он принимал активное участие в создании и успешной разработке советского атомного проекта.

За результаты этой работы был трижды удостоен Сталинской премии (Капица П. Л. «ПИСЬМА о НАУКЕ 1930–1980». М.: Московский рабочий, 1989. – 427 с. (с. 179)).

В 1948–1950 годах под руководством будущего (с 1953 года) академика АН СССР Сергея Алексеевича Лебедева была разработана первая в СССР и континентальной Европе электронно-счётная машина (МЭСМ) – прообраз современных компьютеров.

Затем под его руководством были созданы 15 типов ЭВМ (электронно-вычислительных машин), начиная с ламповых (БЭСМ-1, БЭСМ-2, М-20) и заканчивая современными суперкомпьютерами на интегральных схемах.

По словам видного математика и механика, бывшего с 1991 по 2013 год президента Российской академии наук Юрия Сергеевича Осипова, которые опубликованы в книге «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ» (М.: Столичная энциклопедия, 2014), разработки Лебедева «опередили столбовую дорогу мирового компьютеростроения на несколько десятилетий вперёд».

В 1946 году министр авиационной промышленности Михаил Васильевич Хруничев представил Сталину первый проект полёта человека в космос, который назывался «О рассмотрении предложения Тихонравова и Чернышева о создании ракеты для полёта человека на высоту 100–150 километров».

Там, в частности, сказано: «По Вашему поручению мною рассмотрено предложение группы инженеров, руководимых тов. Тихонравовым и Чернышевым о создании ракеты, предназначенной для полёта с двумя людьми и аппаратурой на высоту 100–150 километров...»

(Следует отметить, что **в то время Германия располагала ракетами подобного типа, но они не были способны подниматься выше 30 километров.** – Г. Б.)

Однако Сталин отложил на несколько лет подготовку к такому полёту, поскольку после Великой Отечественной войны восстановление народного хозяйства было приоритетным. А оно требовало огромных сил и средств.

Но через пять с половиной лет, когда уровень развития народного хозяйства стал даже превышать довоенный, Сталин вернулся к этой идее.

В феврале 1953 года – за две недели до его неожиданной смерти – вышло постановление Совета Министров СССР о начале научно-исследовательских работ по освоению космоса.

Результаты этих работ привели к созданию легендарной ракеты Р-7 («королёвской семёрки»), которая в 1957 году и вывела в космос искусственный спутник Земли, а затем на основе модернизации «семёрки» была создана ракета, отправившая на околоземную орбиту «Восток-1» с Юрием Гагариным.

Обо всех этапах развития отечественной ракетно-космической техники подробно изложено в энциклопедии «КОСМОНАВТИКА» (М.: Энциклопедия, 2021), написанной под руководством академика РАН Александра Борисовича Железнякова.

О развитии атомной энергетики так же последовательно – шаг за шагом – изложено в трёхтомнике «АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СССР. ДОКУМЕНТЫ и МАТЕРИАЛЫ» (ред. академик РАН Лев Дмитриевич Рябев. М., 2010), где **роль Сталина и Берии в организации и всемерной поддержке такого проекта более чем очевидна.**

В связи с развитием атомного проекта в Советском Союзе необходимо привести слова советского физика, доктора физико-математических наук, профессора, академика АН СССР, основателя и первого директора Института атомной энергии, главного научного руководителя атомного проекта СССР, «отца» советской атомной бомбы, одного из основоположников использования ядерной энергии в мирных целях, лауреата Ленинской и четырёх Сталинских премий Игоря Васильевича Курчатова. Он пишет, что первые эксперименты с ураном начали проводить ещё до войны. Во время войны советская разведка сообщила главе НКВД Лаврентию Берии об атомных проектах США и Англии.

Берия немедленно доложил Сталину, который тут же подписывает распоряжение: «**Возложить на тов. Берия Л. П. наблюдение за развитием работ по урану.**»

Это наблюдение включало **особые полномочия** по оказанию полной поддержки коллективу учёных и инженеров-конструкторов для скорейшего успешного результата.

Берия приглашает Курчатова, который с начала войны стал ещё и научным руководителем Специального комитета при ГКО (Государственный комитет обороны), и сообщает ему о беседе со Сталиным на эту тему.

Результатом их разговора с Курчатовым стала организация **специальной лаборатории, вокруг которой Берия создал режим строжайшей секретности**. В ней начали трудиться учёные и инженеры-конструкторы с соответствующими знаниями.

В 1945 году советская внешняя разведка доставила Берии сведения о создании в США атомной бомбы. Этот факт подтвердился довольно скоро – при бомбардировках Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года) вооружёнными силами США на завершающем этапе Второй мировой войны. После чего работы по созданию атомной бомбы в СССР ускорились дополнительно.

Для такого ускорения Берия приказал определённой группе сотрудников своего ведомства пересчитать всех учёных-физиков страны. Их оказалось 4212. Однако не хватало специалистов-ядерщиков, и их стали экстренно готовить. Первоначально – из тех 4212, среди которых были люди, кому требовалось для этого минимум времени (их теоретические знания это позволяли).

Среди них трудились учёные, нередко доставленные прямиком из лагерей.

Практика «шарашек», модернизированных Берией, оказалась очень эффективной во всех отношениях: они ещё и спасли жизни немалому числу учёных, которые могли погибнуть в лагерях.

Следует особо отметить, что **Берия очень умно реорганизовал деятельность внешней разведки СССР**: при нём ещё до войны была создана разветвлённая сеть, работавшая многие годы.

Именно благодаря этому нашей агентуре, работавшей за границей, удавалось быстро получать сведения о новых технологических разработках, в том числе и о работе США над атомной бомбой.

Вот почему Курчатова сказал: «Если бы не он (Берия. – Г. Б.), бомбы не было бы».

Наиболее подробно об этом написано в книге известного историографа, военного и политического публициста, исследователя политической роли ядерного оружия, автора книг о выдающихся советских государственных деятелях (Ленине, Сталине, Берии) Сергея Кремлёва (Сергея Тарасовича Брезкуна): «БЕРИЯ. ЛУЧШИЙ МЕНЕДЖЕР XXI ВЕКА» (М.: ЭКСМО, 2008. – 796 с.).

* * *

Теперь несколько слов о ещё одной хрущёвской клевете по отношению к Берии – о его якобы маниакальной любвеобильности, сексуальных извращениях, нездоровом интересе к совсем юным представительницам прекрасного пола и даже о педофилии.

Такая ложь муссируется и по сей день.

И это несмотря на то, что в таком обвинении имеются явные противоречия. Да, в копиях протоколов допросов говорится о «многочисленных жертвах насилия» со стороны «всемогущего наркома» – цифра таких «жертв» доходит почти до 800 (!).

Однако в тех же копиях **по непонятной причине представлено лишь одно конкретное имя** – Ляли (Валентины) Дроздовой.

Сама Дроздова подтвердила, что она вступила в половую связь с Берией в возрасте 16 лет (кстати, будучи уже совершеннолетней). Как подтвердила и факт рождения от него дочери. Да, её заявление об изнасиловании было. Оно появилось после ареста Берии. Что тоже понятно.

Однако позже, когда Хрущёва сняли с должности и отправили на пенсию, она призналась, что **написала это заявление не по своей воле, а под давлением хрущёвского следователя**.

Рассказала также, что Берия жил на две семьи, был очень заботлив – обеспечил её и их дочь всем необходимым – они ни в чём не нуждались. Сделал так, что они получили прекрасную квартиру в центре Москвы. Но приходил к ним только в отсутствие своей жены Нины (Нино), что было не часто.

И ещё добавила, что он постоянно был в рабочих командировках.

Спустя много лет в одном из интервью Нино Берия сказала: *«Лаврентий день и ночь был занят работой, когда ему было иметь дело с легионом этих женщин, ездить по улицам, возить их на загородные виллы, а то ещё и к себе домой, где была жена-грузинка и жил сын с семьёй.*

Впрочем, когда речь идёт о том, чтобы очернить опасного врага, кого интересуется, что было на самом деле?»

Естественно, её слова значительно больше похожи на реальность, чем то, что преподнесли о Берии народу Хрущёв и его сатрапы, среди которых, к сожалению, оказалось несколько бывших соратников Сталина.

Действительно, если подумать, какой объём работ и задач лежал на плечах Лаврентия Берии, то невозможно вообразить, как он умудрялся быть таким, каким Хрущёв со своими приспешниками представляли его для людей, далёких от кремлёвских тайн.

Теперь уже хорошо известно, что:

К началу войны Берия совмещал пост наркома внутренних дел и заместителя председателя Совета народных комиссаров. В его ведении была угольная, нефтяная и химическая промышленность, водный и железнодорожный транспорт.

Как член Государственного комитета обороны курировал производство самолётов, ракетной техники, боевого вооружения, а также формирование авиаполков и их своевременную переброску на фронт.

Кроме того, он отвечал за эвакуацию военной промышленности на Восток, **сохранив всю промышленную базу.**

После войны ко всему перечисленному, как заместитель председателя Совета Министров, курировал ещё и работу МВД, КГБ и Министерства государственного контроля.

Но опять же, после того как трусливый Хрущёв с подельниками арестовали и уничтожили Берию, эти факты стали тщательно замалчивать, **рассчитывая, что со временем они сотрутся из исторической памяти.**

Как видим, не получилось.

И тут, возвращаясь к словам Нино Берии, возникает вполне логичный вопрос: когда же у него могло оставаться время на многочисленных любовниц?

Ни у кого из историков – серьёзных исследователей его жизни – пока нет утверждения, что Лаврентий Берия был святым по отношению к женщинам. Но и о том, что был любвеобильным, а тем более насильником, тоже нет.

Поэтому вполне логично не возникает сомнений, что миф, так настойчиво внедряемый людям о Берии, – сначала во время хрущёвской «слякотии», а потом по инерции и позже – вплоть до сегодняшнего дня (для тех, кто не интересуется истинным положением дел в этой области), является образом, который создали его убийцы, напуганные высокой вероятностью прихода Лаврентия Павловича к власти после Сталина.

В продолжение данного разговора следует привести воспоминание выпускницы МЭИС (Московский энергетический институт связи) Нинель Михайловны Эпатовой, которая работала инженером и начальником смены в НИИ-10 на комбинате № 817 ПО (производственное объединение) «Маяк».

С 1953 года Нинель Михайловна трудилась в ФЭИ (Физико-энергетический научно-исследовательский институт в области ядерной энергетики, г. Обнинск) начальником сектора метрологического (наука о точности соответствующих измерений) контроля. Почётный гражданин Обнинска, член Российского союза профессиональных метрологов.

Эти воспоминания приведены в материалах корпорации «Росатом», посвящённых 75-летию атомной отрасли (20 августа 2020 года).

Нинель Михайловна рассказала следующее: *«В 1949 году куратор атомного проекта Лаврентий Павлович Берия вместе с Игорем Васильевичем Курчатовым приехали с плановой инспекцией.*

Командировка одного из первых лиц страны с самого начала в определённом (бытовом) смысле не задалась.

Сперва его сильно расстроило на плохой дороге по пути на предприятие.

Потом – во время ночёвки – под Берией рухнула старая кровать.

А когда на “Базе-10” (будущий Озёрск – закрытый город с закрытым заводом в Челябинской области) открывали первый деревянный театр, случился и вовсе забавный эпизод – Берию обокрали.

Это произошло во время представления, где присутствовали не только начальники и рядовые сотрудники, но и заключённые, которые были привлечены к работам.

Кого-то из неблагонадёжных граждан привлёк “задрипанный плащ Берии”, оставленный в машине, стоявшей рядом с театром.

Дальше ещё любопытней – в машине всё время находился шофёр, но, видимо, он заснул.

Знал ли похититель, кому принадлежит этот плащ, неизвестно. Но вещицу он унёс с собой».

В архивных материалах, где сохранились эти воспоминания Эпатовой, говорится, что *«Берия отреагировал на произошедшее на заводе крайне неожиданно. Он не только не наказал за кражу – мог бы приказать, чтобы тут же нашли похитителя, что не составляло труда в закрытом городе, – но, вернувшись в Москву, поручил обеспечить работникам предприятия усиленное питание, а также направил новую мебель»*.

Продолжая свои воспоминания, Нинель Михайловна добавила немаловажный для восприятия образа Берии факт: *«Он был вовсе не таким, каким его привыкли много лет с подачи Хрущёва описывать. Весь замученный, с красными глазами. Такое впечатление, что он жил главным образом работой»*.

«Да иначе и быть не могло, поскольку сейчас уже известно, сколько Лаврентий Павлович сделал для страны, выполняя возложенные на него Сталиным обязанности».

И ещё одна очень существенная деталь прозвучала из уст Эпатовой: *«Берия был настолько поглощён делами, что на нас – красавиц – даже не глядел»*.

Поэтому к приведённому уже перечню документальных исследований о Берии следует добавить и книгу историка Н. Рубина «ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ: МИФ и РЕАЛЬНОСТЬ. Архивные документы и свидетельства современников» (М.: Олимп. Русич, 1998. – 449 с.).

* * *

Если коротко подытожить то, что сегодня стало известно благодаря открывшимся архивным документам и воспоминаниям современников Лаврентия Берии, его образ предстаёт совершенно иным, чем начиная с середины 1953 года усиленно старались представить Хрущёв и его подельники далёким от власти и поэтому несведущим людям Советского Союза.

Потом по инерции это перешло и к ещё более несведущему поколению – нынешнему.

Да, он не мог быть безгрешным. Как у любого человека, а тем более на таких ответственных должностях, какие занимал в тяжелейший период становления Советского Государства, не мог не делать ошибок, приводящих и к гибели невинных (оклеветанных) людей. Но в том, что он делал, не было корысти, а было лишь желание служить Отечеству.

Собственно, это сейчас уже отчётливо видно благодаря открывшимся архивным документам.

На самом деле верный помощник Сталина сумел решить проблемы, которые многим казались неразрешимыми:

В гражданскую войну навёл порядок в Закавказье, а после – за несколько лет совершил там настоящее экономическое чудо: уровень экономического развития вырос более чем в пять раз.

Выучил три языка, чтобы читать в оригинале не только художественную литературу, но и поступающие разведанные. Поэтому стратегическая разведка, которой он руководил, не знала провала.

Остановил «ежовские» репрессии в стране, реабилитировал сотни тысяч невинно осуждённых.

Обеспечил Советскую армию оружием победы во время Великой Отечественной войны, организовав эвакуацию военно-промышленных предприятий на Урал **не только вовремя, но и так, что всё было там подготовлено для моментального начала и бесперебойного продолжения производственного процесса**.

После победы 1945 года возглавил проект по созданию атомной бомбы. Успешный результат этого важного для обороноспособности СССР дела защитил нашу страну от опасности быть стёртой с лица земли.

Возглавил также проект по созданию «ракетного пояса» вокруг Москвы, что позволило столице быть защищённой от любых атак с воздуха.

Начал в Советском Союзе прогрессивные реформы, которые наметил проводить в жизнь Сталин, обнародовав их на последнем для него XIX съезде КПСС и последовавшим за ним Пленуме ЦК КПСС. Но не успел ввиду ухода в мир иной.

В том же, что и Сталин, 1953 году был по приказу Хрущёва подло убит Берия, после чего он на много лет стал оболган и вычеркнут из истории страны, которой, как теперь известно, преданно служил.

Однако время – наш единственный беспристрастный, а потому и объективный судья – неумолимо расставляет по своим местам всё и всех, согласно результатам сделанного каждым из нас.

Его не обманешь.

Берега истории

Борис Попов

Борис Иванович Попов – родился в 1947 году в городе Ленинграде. По образованию инженер. Прошёл путь от рядового до генерального конструктора. Член Академии ДНК-генеалогии (Москва). Автор художественных и научных книг и статей в различных журналах, в «Вестнике Академии ДНК-генеалогии». В 2001–2013 годах возглавлял Союз свободных российских писателей «Эклога» и Литературную студию «Дуновение дюн» (Калининград). Почётный гражданин города Беллингхема штата Вашингтон (США). Ныне проживает в Республике Беларусь.

МАРКИЗ О РУССКОМ НАРОДЕ

Отрывок из книги «История происхождения многонационального народа российского»

Многие россияне слышали о том, что Астольф де Кюстин, маркиз из Франции, в 1839 году посетил Россию, а потом в 1843 году издал книгу об этом посещении под названием *La Russie en 1839*. В этой книге он нещадно критиковал Россию, поэтому книга вызвала большой переполох в петербургских правящих кругах. В моей домашней библиотеке есть книга, изданная в Москве в 1910 году под названием «Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина». Вот как в этой книге оценивался тот самый переполох:

«...официальная Россия с императором Николаем во главе во время пребывания Кюстина в империи приложила все старания к тому, чтобы произвести на него выгодное впечатление, и ждала от него лестного отзыва о том, что ему было показано. Ей пришлось, однако, испытать горькое разочарование, – в книге Кюстина она прочла откровенную и суровую оценку русского государственного и общественного быта, которая должна была ещё более подчеркнуть и обострить антагонизм между цивилизованным миром и Россией»¹.

Повторяю, эти строки были написаны не сегодня, а ещё в 1910 году. Что же такого написал маркиз, чем так опозорил Россию? Повторять всю его книгу не имеет смысла. Она была переиздана в 1990-е годы. Поэтому желающие могут с ней ознакомиться. Текст её можно найти даже в Интернете. Приведу лишь некоторые строки из книги маркиза о России:

«Этой нации чужд моральный элемент; со своими военными нравами и воспоминаниями о набегах она ещё находится в периоде завоевательных войн, самых зверских из всех, между тем как войны Франции и других наций Запада будут отныне войнами ради пропаганды»².

Так писал маркиз именно о нации, созданной усилиями царской Романовской России. Получается, что все колониальные завоевания стран Запада, устроенные ими на всех материках планеты и где местное население было уничтожено десятками миллионов, это никакое не зверство. А вот народы, спасшиеся под крылом Российской империи от этих европейских и других «миротворцев», это зверство.

«Эти матросы в рубищах позорят свою страну... При виде их и при мысли о том, что для этих несчастных называется существованием, я спрашивал себя, что человек сделал Богу, – за что же шестьдесят миллионов его ближних осуждены на жизнь в России»³.

«Здесь движутся, дышат только с позволения или по приказу, поэтому всё мрачно и имеет принуждённый вид; молчание царит в жизни и парализует её... Русское правление – это дисциплина

¹ Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина. М., 1910.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 22.

военного стана, заменившая порядок гражданской общины, это – осадное положение, ставшее нормальным состоянием общества»¹.

«Можно сказать о русских, что все они опьянены рабством»².

Вот так маркиз описывал монархическую Россию.

«Притворная безропотность, по-моему – последняя степень унижения, до какой может пасть порабощённая нация; возмущение, отчаяние были бы, конечно, более ужасны, но менее низки; слабость, настолько лишённая достоинства, что может отказаться даже от жалобы, этого утешения скотины, страх, подавленный избытком страха, это – нравственный феномен, который нельзя наблюдать, не проливая кровавых слёз»³.

«Что бы они ни делали, Московия будет всегда более сродни Азии, чем Европе. Дух Востока царит над Россией, которая отрекается от себя, идя вслед за Западом»⁴.

«Не Господь Бог виноват, мадам, в том, что люди во что бы то ни стало захотели основать столицу великой империи в стране, которой от природы суждено быть родиной медведей и волков!»⁵

«Вообще у русских неприятный запах, который слышен даже издали. Светские люди пахнут мускусом, а престолюдины – кислой капустой в соединении с испарениями лука и старой, засаленной вонючей кожи»⁶.

«В простонародье из всех женщин, которых я встречал до сих пор на улицах, ни одна не показалась красивой, – большая часть из них поразила меня замечательным безобразием и отталкивающей неприятностью»⁷.

«Словом, русские – переодетые китайцы...»⁸

«Скажем точнее, – русского народа ещё нет»⁹.

Ну, и далее в таком же духе. Надеюсь, можно не продолжать. Всё и так понятно. Практически те же речи мы слышим часто со стороны Запада и сегодня. Ничего у них не изменилось, а ведь с тех пор прошло уже 177 лет! Однако сегодня мне захотелось обратить внимание моих читателей на совершенно иные строки маркиза, которые разительно отличаются от выше приведённых. Вот они:

«Эта страна, которую наши современные мыслители долго ни во что не ставили, настолько они считали её отсталой, имеет такую же или ещё более великую будущность, чем английские колонии, утвердившиеся на американской почве и слишком расхваленные философами, системы которых породили нашу теперешнюю демократию со всеми её злоупотреблениями»¹⁰. То есть маркиз призывал отказаться от американской демократии ещё в 1843 году!? Даже не верится. Но то, что написано было пером, не вырубить топором! Более того, маркиз увидел великую будущность России в перспективе. И эта будущность проявила себя через несколько десятилетий?

«Пётр Великий построил Петербург скорее для отпора шведам, чем для русских, но народный характер проявился, несмотря на уважение к прихотям повелителя и на недоверие к самому себе. И этому невольному непослушанию Россия обязана своим оригинальным отпечатком; ничто не могло изгладить первобытного характера жителей; это торжество врождённых способностей над плохо направленным воспитанием представляет интересное зрелище для каждого путешественника, способного его оценить...»¹¹

Этими словами маркиз утверждает, что русский народный характер не могут сломить никакие деспоты: ни императоры, ни генеральные секретари, ни президенты.

«Подивитесь силе природных дарований народов: в продолжение более ста лет благовоспитанные русские, аристократы, учёные, вельможи, записавши идеи – копировали образцы всех европейских обществ, – и что же? Эти стремления государей и царедворцев не помешали народу остаться оригинальным...

¹ Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 34.

Эта умная раса одарена такою утончённостью, таким деликатным тактом, что не может слиться с тевтонскими народами»¹.

И кто же в таком случае варвары? Тевтонские народы Запада?

«Нет ничего прекраснее русских стариков...»²

«Вообще, русский народ получил в удел природное изящество, грацию, сообщающую, без ведома его и помимо воли, всему, с чем он приходит в соприкосновение, живописный вид. Заставьте людей более грубой расы пользоваться домами, платьем, утварью русских, – эти предметы покажутся вам просто гадкими; здесь я нахожу их странными, необычайными, но исполненными значения и достойными перенесения на полотно. Заставьте русских носить костюм парижских рабочих, – они сделают из него что-нибудь приятное для глаз, или, лучше сказать, никогда русский не придумает такой безвкусовой одежды»³.

И эти строки пишет маркиз из Парижа, законодателя, так сказать, моды!? Может, нам всё-таки стоит обернуться на самих себя, на ту одежду, которую всегда носили наши предки, наши достойные мужи и наши ненаглядные красавицы?

Взгляните на картины художников прошлых веков, подробно написавших об одеяниях наших простых крестьянок, и вы поразитесь их гармоничностью, красотой и мастерством рукодельниц. То же самое можно увидеть и в наших музеях. Мы часто равнодушно проходим мимо подобных экспонатов, а если надеть их на себя сегодня, то что скажут нынешние модельеры? Не замрут ли они в изумлении?

«Русский крестьянин обладает большой сметкой и ловок в работе. Небольшой топорок – в его руках орудие, пригодное для всяких поделок. Если вы в сопровождении мужика очутитесь ночью в лесу, он быстро соорудит вам домик, где вы найдёте больше удобств и, несомненно, больше чистоты, чем в деревне»⁴.

И подобное крестьянин мог сделать с одним лишь топорком в руках. А сегодня, когда в руках у него уже не топорок, а станки с числовым управлением и даже роботы?

«...русские крестьяне в течение долгого времени верили, что небо предоставлено только их господам»⁵.

К этим словам маркиза можно относиться по-разному. Но, думаю, что именно эта вера и привела в итоге к тому, что наш россиянин первым в мире полетел в космос и наш россиянин первым вышел в космическое пространство.

А вот ещё одна поразительная особенность русских крестьян, подмеченная маркизом:

«Унылость русских песен поражает всех иностранцев; но эта музыка не только меланхолична, она – учёная и сложная: она слагается из мелодий, являющихся плодом вдохновения, и в то же время из очень изысканных гармонических комбинаций, какие в других странах получают лишь путём изучения и расчёта. Часто, проезжая деревни, я останавливаюсь послушать песни, исполняемые тремя и четырьмя голосами с точностью и музыкальным инстинктом, которыми я постоянно восхищаюсь. Певцы этих сельских квинтетов угадывают законы контрапункта, правила композиции, гармонию, эффекты различных голосов и пренебрегают унисоном. Они исполняют ряды аккордов изысканных, неожиданных, прерываемых руладами и деликатными украшениями... если певцы молоды, эффекты, которых они достигают исполнением этих искусно обработанных вещей, представляются мне значительно превосходящими эффекты национальных мелодий в других странах»⁶.

Иван Аргунов.
Портрет крестьянки. 1784 г.

¹ Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина. С. 35.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 108–109.

В данном случае речь идёт о так называемой русской подголосочной полифонии. Она была использована затем русскими композиторами. Например, М. Глинка осуществил её в своей «Камаринской».

Народ, обладающий такой чрезвычайно высокой музыкальной культурой, вырастил её не в европейских консерваториях, не в концертных залах с микрофонами и музыкальными центрами, а где-то в ином месте. Явно не в топких болотах и дремучих лесах, где он, по мнению разных историков и политиков, якобы прятался целые века и тысячелетия, пропуская над своей головой колонны диких орд с востока, разрушивших Римскую империю.

Такой народ должен был иметь очень богатую историю, которую до сих пор не хотят замечать ни на Западе, ни даже в наших университетах или в кабинетах Кремля.

Вот и Екатерина Вторая, русская императрица, ещё прежде Кюстина писала о народе такие строки: *«Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкой, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал русским особые свойства... верю, взойдёт звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа, мощи и силы»*¹.

¹ Давыдов М. Г. Российские государи: 862–1917. М., 2005. С. 470.

Берега истории

Ли́дия Довыде́нко

РЕАЛЬНОЕ И САКРАЛЬНОЕ В КНИГЕ БОРИСА ПОПОВА «ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИЙСКОГО»

История народа

Борис Иванович Попов пользуется всероссийской и даже всемирной известностью. Его книги, научные статьи и доклады опубликованы не только в России, но и в США, Германии, Канаде, Республике Беларусь, в Китае и других странах.

О новой книге Б. И. Попова «История происхождения многонационального народа российского» достаточно много позитивных отзывов, так как автор обращается к древним письменным первоисточникам, информации археологов и антропологов.

Книга подводит итог его 30-летней научной деятельности в области генеалогии, направленной на создание в четырёх томах истории не государства, а народа России. Автор использует в своём исследовании не только данные генетики, но и математики, лингвистики и других областей знаний. Остановлюсь лишь на некоторых фрагментах книги, которая, увы, ещё не издана, но захватывает своим содержанием.

Ангара и солнечный календарь

Рассматривая главу «Семья R, Ангара и солнечный календарь», читатель оказывается под впечатлением от обширных данных о членах У-хромосомной семьи R среди русских людей – удельный вес их самый большой. Учёный прослеживает путь семьи от берегов реки Ангары исключительно на запад в двух направлениях: к Уралу и к верховьям Иртыша. Затем на последнем участке маршрут идёт на северо-восток на территорию Белоруссии. Начало его – палеолитическая стоянка Мальта – располагается у берегов реки Ангары в 40 километрах южнее Свирска, где были найдены останки древнего члена семьи Q. В этом же районе найдены и самые древние останки членов семьи N. А на стоянке Мальта было найдено захоронение мальчика (MA1), который умер около 23 950 л. н. Он был членом У-хромосомной семьи R* и материнской X-хромосомной семьи U. В настоящее время его останки хранятся в Санкт-Петербурге в Эрмитаже.

Новизна впечатляет читателя: «Замечательно, что именно здесь же, – пишет Борис Попов, – в Мальте, была найдена пластина, вырезанная из кости мамонта, на которой точками был нанесён спиральный орнамент, представляющий собой солнечный календарь на 365 дней. На обратной стороне пластины были изображены три змееподобные фигуры».

Исследования Бориса Ивановича доказывают, что жизнь наших предков в то время была вовсе не дикой, они могли пользоваться солнечным календарём даже во времена палеолита, по крайней мере 24 000 л. н. «Они следили за сменой времён года. Ведь им нужно было знать, например, когда наступят холода и сколько у них осталось времени для подготовки к зиме; когда созреют орехи и ягоды; когда начнётся нерест рыб в реках и т. п.».

Почему Адама и Еву изгнали из рая?

Во втором томе книги Бориса Ивановича поразительны рассуждения о яблоке, вернее пятиконечной звезде, которая просвечивает, если яблоко разрезать поперечно. Символ пятиконечной звезды, оказывается, сопровождал древнейшее поселение на территории Анатолии со столицей Чайёню. И удивляет то, что «в нём впервые на нашей планете произошла социальная революция коммунистического толка». Они созидали справедливое, равноправное общество.

«И вот в этом обществе, – продолжает автор, – обнаруживается самое древнее изображение пятиконечной звезды! Для окружающих племён и людей эта звезда являлась символом города Чатал-Хююка и всего того, что в нём происходило. То есть эта пятиконечная звезда символизировала собой тот общественный строй, который существовал в Чатал-Хююке. И этот строй был коммунистическим! Он существенно отличался от того строя, который был повсюду вокруг и в том же Иерихоне, и где, скорее всего, изображали совсем другую звезду – шестиконечную.

Возможно, именно так и возникло противостояние двух звёзд. Одна звезда являлась символом народовластия, справедливости и равноправия, то есть символом добра. И это была пятиконечная звезда. Впоследствии её изображали не только в Чатал-Хююке, но также в древнем допотопном Шумере и в Трое. Её же, например, изображали и славяне, которые впервые появились у северных берегов Дуная в самом конце V века нашей эры».

Велесичи

В третьем томе очень познавательно исследование, посвящённое древнейшему славянскому племени, получившему имя от бога Велеса. Они оказались на территории Черниговской, Сумской, Брянской, Курской и Белгородской областей.

«Если исходить из выше приведённой информации, – пишет Борис Иванович, – посвящённой грекам славянам, то они в целом тоже носили своё имя в честь Славена. Этот герой и вождь, скорее всего, и привёл всех славян в 493 году к границам Византии. В любом случае ильменские славяне и велесичи происходили от какого-то одного более древнего племени. Вовсе не исключено, что самое древнее их племя носило имя велесичей и Велеса».

Народные мелодии – душа русских

Удивительна глава в 4-м томе о русской народной песне. Автор книги обращается к ненавистнику России маркизу Астольфу де Кюстину, посетившему Россию в 1839 году и написавшему очень нелестную книгу своих впечатлений. Но даже он не смог не восхититься талантом русского народа в исполнении песен с подголосьем:

«Унылость русских песен поражает всех иностранцев; но эта музыка не только меланхолична, она – учёная и сложная: она слагается из мелодий, являющихся плодом вдохновения, и в то же время из очень изысканных гармонических комбинаций, какие в других странах получают лишь путём изучения и расчёта. Часто, проезжая деревни, я останавливаюсь послушать песни, исполняемые тремя и четырьмя голосами с точностью и музыкальным инстинктом, которыми я постоянно восхищаюсь. Певцы этих сельских квинтетов угадывают законы контрапункта, правила композиции, гармонию, эффекты различных голосов и пренебрегают унисоном. Они исполняют ряды аккордов изысканных, неожиданных, прерываемых руладами и деликатными украшениями... если певцы молоды, эффекты, которых они достигают исполнением этих искусно обработанных вещей, представляются мне значительно превосходящими эффекты национальных мелодий в других странах».

«Народ, обладающий такой чрезвычайно высокой музыкальной культурой, – отмечает Борис Попов, – вырастил её не в европейских консерваториях, не в концертных залах с микрофонами и музыкальными центрами, а где-то в ином месте.

Такой народ должен был иметь очень богатую историю, которую до сих пор не хотят замечать: ни на Западе, ни даже в наших университетах или в кабинетах Кремля. Вот и Екатерина Вторая, русская императрица, ещё прежде Кюстина писала о народе такие строки: *«Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту».*

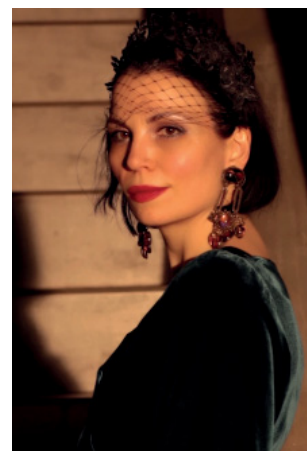
Таким образом, каждая глава 4-томного исследования Бориса Попова повествует нам новые подробности из истории нашего многонационального народа, основываясь на научной информации, на пользе широкому кругу читателей.

Она отличается глубоко патриотичной концепцией учёного, любовью к предмету изучения, верой в духовные силы народа России. Любовь к Отечеству нежится на просторах дивных пейзажей России, на исторических поворотах и свидетельствах новейших источников знания генетики народов, крупными сохранившимися в человеческом роде, в реальном и сакральном слове.

Берега истории

Роксолана Ю. Жигон

Роксолана Юрьевна Жигон (dr. Roksolana Zigón) – политолог, эксперт в сфере геополитики и глобальной дипломатии, сотрудник Женевской школы дипломатии и международных отношений (Швейцария), старший советник фонда «Тиллотома» (Индия), президент и основатель АНО АРФАИМ «Новое Просвещение», кандидат экономических наук, доктор политических наук.

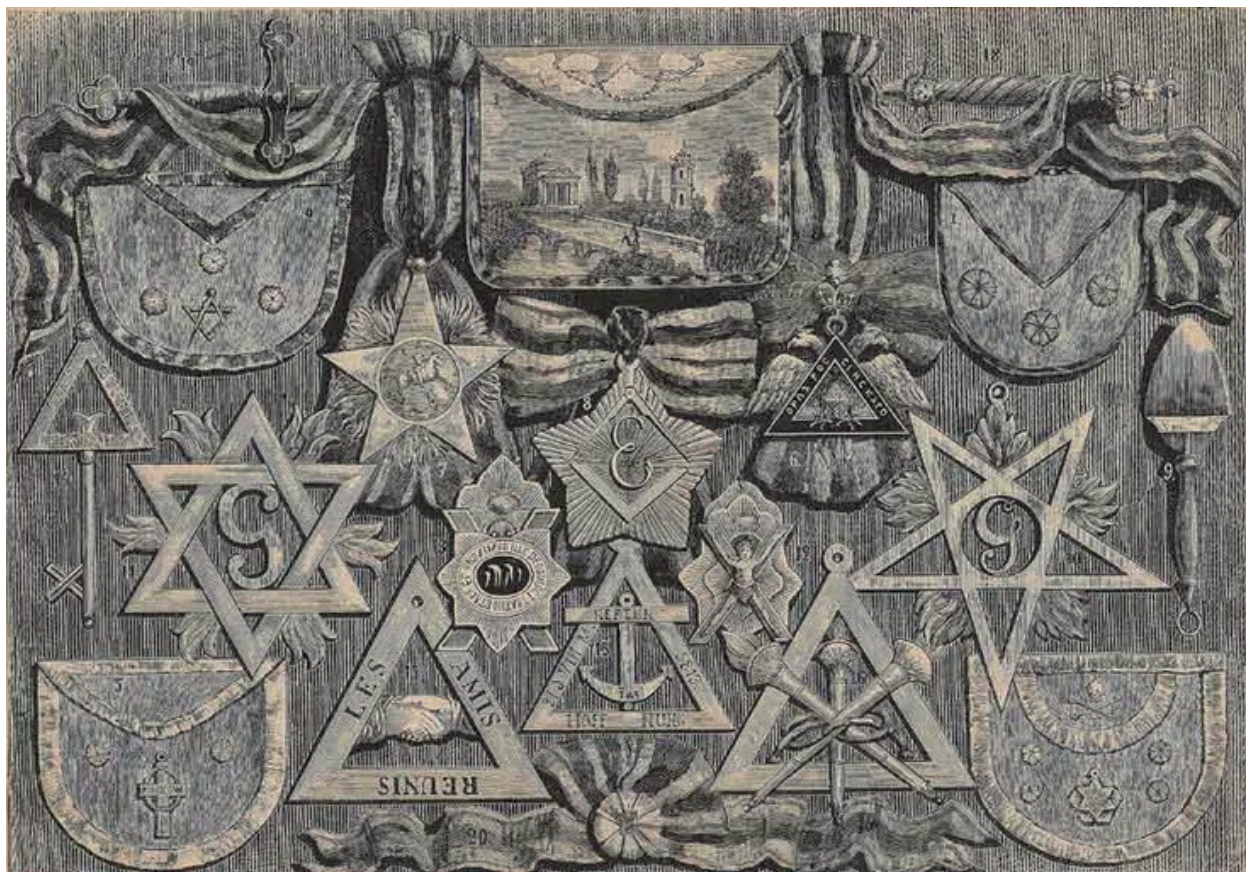

МАСОНСТВО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

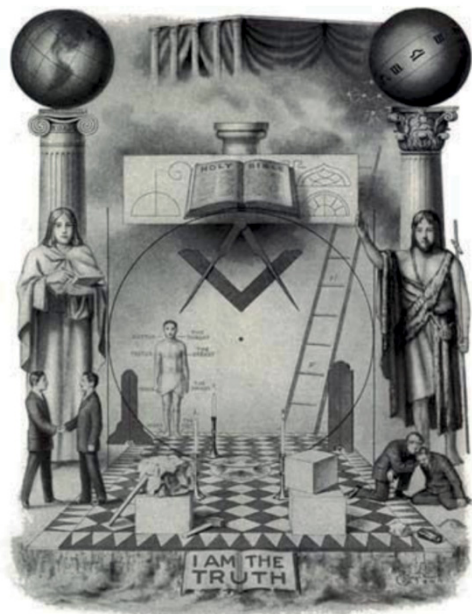
Истоки русского масонства

Русское масонство является сферой притяжения интереса для широкого круга исследователей как в России, так и за рубежом. Однако большая часть научно-публицистических трудов подвержена мифологизации и предубеждениям, в то время как масонство по природе своей является идеологической организацией, представляющей чёткую систему ценностей, норм и символов и требующей непредвзятого изучения и анализа.

Так, идеология русского масонства была построена на основании прозрачной этической системы, опиравшейся изначально на идеалы английского масонства и христианскую этику. Однако со временем идеология русского масонства приобрела особые, специфические черты, оказавшие влияние на

Масонские знаки. Гравюра 1895 г.

русскую культуру и философию в целом. Николай Бердяев в своей работе *«Русская идея: основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века»* пишет: *«В масонстве произошла формация русской культурной души, оно давало аскетическую дисциплину души, оно вырабатывало нравственный идеал личности. Православие было, конечно, более глубоким влиянием на души русских людей, но в масонстве образовывались культурные души петровской эпохи и противопоставлялись деспотизму власти и обскурантизму. Влияние масонства подготовило у нас и пробуждение философской мысли в 30-е годы, хотя в самом масонстве оригинальных философских мыслей не было. В масонской атмосфере происходило духовное пробуждение»*. Масонские ложи представляли из себя своеобразные лаборатории, в которых вырабатывались формы будущего гражданского общества. Они оказывали глубокое влияние на русскую культуру, литературу, искусство.

Истоки русского масонства уходят своими корнями в XVIII век, в эпоху расцвета идей Просвещения. В разные времена масоны то подвергались гонениям (как при

Екатерине Великой), то находились под покровительством монаршей власти (как при масоне Александре I). Бердяев подчёркивает особую роль масонов XIX века в формировании идей свободы и социального равенства: *«Первым культурным свободолюбивым человеком в России был масон и декабрист, но он не был ещё самостоятельно мыслящим... Но масонство не удовлетворяло декабристов, оно казалось слишком консервативным, масоны должны были повиноваться правительству. Масоны не столько требовали уничтожения крепостного права, сколько гуманности»*. Именно масоны и декабристы, по мнению Н. Бердяева, явились основанием для появления особого национального социокультурного феномена – **русской интеллигенции**. В свою очередь, в среде интеллигенции впоследствии формируются либеральные идеи.

Пройдя тернистый путь XVIII и XIX столетий, к началу XX века эти идеи начинают оказывать влияние не только на философию, но и на политику. Масоны в лице представителей конституционно-демократической партии занимались законотворчеством в Государственной Думе и оказывали значительное влияние на принятие политических решений. Чуть позже большую и неоднозначную роль в истории России сыграло Временное правительство, почти целиком состоявшее из масонов. Следует отметить общие, отличительные черты русского масонства.

Русское масонство не было антирелигиозным и, в частности, антиправославным. По словам Н. Бердяева: *«Русские масоны искали истинного христианства. И трогательно видеть, как русские масоны всё время хотели проверить, нет ли в масонстве чего-либо враждебного христианству и православию»*. Таким образом, русские масоны не отрицали христианство и православие, рассматривая религию как возможность достижения всеобщего равенства. Также масонство не ставило своей целью достижения всеобщего равенства путём свержения монархии. Идея равенства в русском масонстве исходила не из идеи естественных прав, как в Европе, а из евангельской идеи всеобщего равенства перед Богом.

Таким образом, характерной чертой русского масонства являлась его **этико-религиозная направленность**. Помимо идеологического и религиозно-этического столпов, масонство опиралось и на философию, которая, в свою очередь, стала «третьей силой» в мироздании русской мысли конца XVIII – начала XIX века. Осуществляя интеллектуальный синтез рационализма и мистицизма, философия русских масонов подготовила почву для развития религиозной философии в России.

Русское масонство явилось также основанием для формирования идей отечественного либерализма. Во многом это повлияло на различие между русским и европейским либерализмом. Европейский либерализм имеет в своём основании **утилитаризм** и, в частности, теорию *«общественного договора»* масона **Джона Локка**. Идеология европейского масонства была связана с иде-

ей естественных прав, где право на свободу подчёркивается как важнейшее из них. Русский либерализм исходил не из идеи индивидуальной свободы, а из идеи расширения всеобщих прав человека. Если в европейском либерализме ключевым было понятие свободы, то в русском либерализме основным было понятие равенства. Поэтому отечественный либерализм в большей степени можно назвать **«этическим либерализмом»**, ставившим своей целью построение идеального общества, основанного на принципах равенства и справедливости.

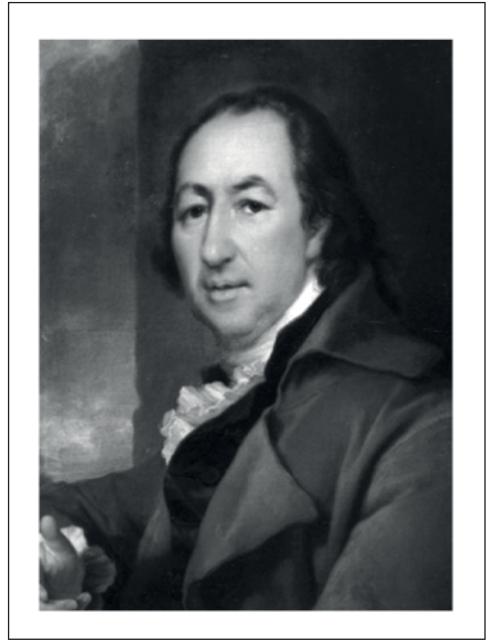
Масонство в России явилось не просто тайным обществом для избранных, оказывающих политическое и экономическое влияние на «профанов» (профан – масонский термин, обозначающий непосвящённых, не несущий негативного смысла).

Интерес для философского анализа с целью реконструкции этической системы представляет масонская система Н. И. Новикова, поскольку она свободно формировалась в широких кругах московского дворянства, не будучи подвержена влиянию модной в то время при дворе вольтерьянской философии, и была построена на реальных нравах и ценностях русского «интеллигентного общественного мнения». Во времена гонений масонов и, в частности, Н. И. Новикова, обвиняли в подрыве идей православного христианства. Если говорить о масонстве в целом и отношении масонов к религии, то в конституции Андерсона, на которой основано Всемирное масонское братство, указано, что масон не должен быть атеистом (вероисповедание не играет важного значения), но вопросы религии не обсуждаются в масонских ложах. Тем не менее впоследствии стали появляться так называемые «адоптивные» ложи, в которых религиозность не считалась обязательной, и в 1877 году Великий Восток Франции уже исключил религиозность из перечня обязательных требований к членам братства. Однако русское масонство сформировалось ранее, чем произошло это разделение, таким образом, во времена Новикова требование веры в Бога было обязательным для масонов.

Понимание масонами человека исходило из двойственности человеческой природы – человека плотского, одержимого земными желаниями и страстями («внешнего человека»), и человека духовного, созданного по образу и подобию Божию («внутреннего человека»). Главная задача – вспомнить о том, что люди созданы по подобию Бога, и взрастить в себе «внутреннего человека», или, как образно выражались масоны, «отесать дикий камень» (изменить человека внешнего).

Этика масонства была построена прежде всего на воспитании в себе «внутреннего человека». Процесс воспитания «внутреннего человека» у масонов основан на следующих взаимосвязанных принципах: познание самого себя, бегство от зла, делание добра. Умение находить истину внутри себя. Свобода человеческого духа – это в первую очередь свобода от «человека внешнего» – от земных страстей и желаний; это свобода от зла. Зло в масонстве понималось особым образом. Масоны видели зло не в проявлениях внешней политической, социальной и прочей несправедливости, а в самом человеке. Зло для масонов – это выраженная самость, «я», отсутствие смирения, гордыня. Таким образом, бегство от зла в масонстве – это борьба с собственным «я».

В любви масоны видели смысл истинного христианства, поэтому настороженно относились к монашеству и церковным догмам, считая Церковь церковью внешней, а не церковью внутренней. Последний аргумент и являлся тем нюансом, благодаря которому масонов обвиняли в отрицании православия. Однако это было не совсем верно, так как масоны считали Церковь «внешнюю» ступенькой к Церкви «внутренней». Обряды и ритуалы имели в масонских ложах важнейшее значение и были наделены глубоким скрытым смыслом. Масоны считали, что именно обряд и ритуал настраивают, подготавливают человека к восприятию таинств и обретению истинного знания.

Николай Иванович Новиков

*Павел Николаевич
Яблочков*

*Николай Николаевич
Баженов*

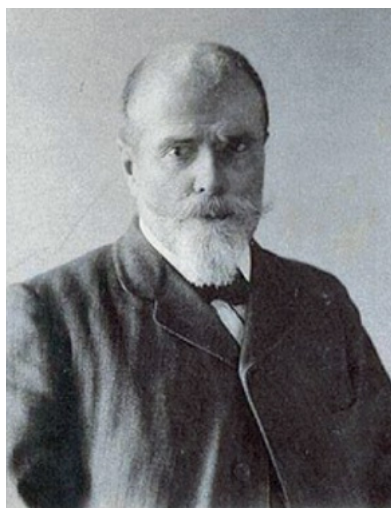
*Максим Максимович
Ковалевский*

Масонство русского зарубежья

Древо познания русского масонства было плодотворно не только на русской почве, но и вне её материнского лона. Русское масонство зарубежья – это русские масоны и масонские ложи, появившиеся за пределами России и ставшие в силу разных причин (запретов, революций, преследования властей) абсолютно самостоятельным явлением. Процесс формирования этого мощного зарубежного ответвления русского масонства начался в конце XIX века.

Более подробные сведения о русских масонах, подвизавшихся в заграничных ложах, относятся к периоду 1870–1880-х годов. Среди них: философ-позитивист **Григорий Николаевич Вырубов** (1843–1913) – принят в начале 1870-х годов в ложу «Великого Востока Франции» «Взаимопомощь»; изобретатель электрической лампочки накаливания **Павел Николаевич Яблочков** (1847–1894) – принят в 1881 году в ложу «Труд и верные друзья истины» Верховного совета Старого шотландского обряда, впоследствии, в 1887 году, создал вместе с другими русскими масонами, проживавшими также в Париже, ложу «Космос». Павел Николаевич хотел превратить ложу «Космос» в элитарную, объединяющую в своих рядах лучших представителей русской эмиграции в области науки, литературы и искусства. Однако после смерти Павла Николаевича созданная им ложа на какое-то время прекратила свои труды. Она сумела возобновить деятельность только в 1899 году. Общая численность ложи за всё время её существования составила 40 масонов.

К плеяде видных масонов русского зарубежья можно также смело отнести врача-психиатра **Н. Н. Баженова** (1857–1923) – ложа «Соединённых друзей» (1884); профессора социологии **М. М. Ковалевского** (1851–1916) – точная дата посвящения неизвестна, скорее всего, это мог быть период между 1887 и 1890 годами; по отзывам лиц, хорошо знавших профессора, это был типичный русский барин. Хороший и добрый, умный и либеральный, истый европеец. Уволенный из Московского университета за проповедь в своих лекциях конституционных идей, М. М. Ковалевский долгие годы провёл за границей, встречался там с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, был одним из основателей Международного социологического института. 14 ноября 1901 года благодаря, главным образом, его усилиям и под контролем ложи «Космос» в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук, проработавшая до 1904 года. Цель школы, помимо просветительской, состояла ещё и в том, чтобы подготовить, в чисто масонском духе, разумеется, будущих участников борьбы за «освобождение России» без какой-либо оглядки на их партийные и идеологические пристрастия; **Евгения Валентиновича де Роберти** (1843–1915), дворянина, потомка древнего кастильского рода де Роберти де Кастро де ла Серда. Евгений Валентинович окончил Александровский лицей в Петербурге (1862), затем учился в университетах Германии, доктор философии (1864). Один из основателей Русской высшей школы общественных наук в Париже, где читал курс социологии (1901–1904), один из инициаторов создания Психоневрологического института в Петербурге, где также читал впервые в России курс социологии (1908–1915), профессор Нового Брюссельского университета (1894–1907).

*Евгений Валентинович
де Роберти*

*Нестор Александрович
Котляревский*

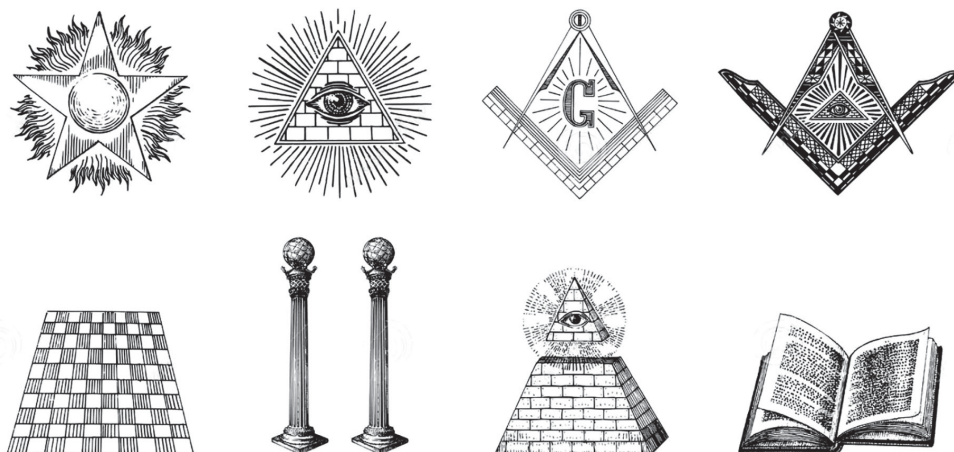

*Григорий Николаевич
Вырубов*

Масон, с 1884 года член парижской масонской ложи, с 1906 года – московской ложи «Возрождение», подчинённой масонской организации «Великий Восток Франции»; **Нестора Александровича Котляревского**, магистерская диссертация которого «*Мировая скорбь в европейской литературе XIX века*» посвящена анализу размышлений европейских мыслителей об идеальном человеке как высшей ценности и, несомненно, несёт на себе явный отпечаток увлечения её автора масонством.

Григорий Николаевич Вырубов

Одним из самых выдающихся масонов русского зарубежья был **Григорий Николаевич Вырубов** (31 октября 1843, Москва – 30 ноября 1913, Париж). Русско-французский философ, социолог, естествоиспытатель. Учился в лицее Бонапарта в Париже (1855–1857), окончил с золотой медалью Александровский лицей (1862), а с 1862 года обучался на естественном отделении математического факультета Московского университета, где в 1864 году получил степень кандидата естественных наук. С 1865 года жил во Франции, став соредактором (совместно в Э. Литтре) журнала «*La Philosophie positive*», в котором опубликованы его основные сочинения. В 1886 году защитил в Сорбонне докторскую диссертацию, а с 1891 года являлся президентом Парижского минералогического общества; после 1903 года занимал кафедру истории науки в Коллеж де Франц. Познакомившись в Александровском лицее с позитивной философией и проникшись глубоким недоверием к метафизике и религии, Григорий Вырубов становится убеждённым и последовательным сторонником позитивизма контов-

ского толка, который он считал единственной полностью завершённой научной системой философии. В контексте его научного миропонимания позитивная концепция мира существует для того, чтобы координировать наличное знание и способствовать получению нового знания. Теорию познания он воспринимал как учение о процедурах интеллекта, отыскивающей законы мира и являющуюся, в свою очередь, не философией, а особой логикой, которая есть часть психологии и биологии, изучающей человека как социальное животное.

В первое время пребывания за границей занимался медициной в Берлине и Париже, много путешествовал как по Европе, так и по Востоку. В Париже близко сошёлся с Эмилем Литтре, с вдовой Огюста Конта и с главнейшими позитивистами, в кругу которых в 1867 году возникла мысль основать периодический орган положительной философии. Первый номер журнала «La Philosophie positive» появился 1 июля 1867 года под редакцией Литтре и Вырубова. Журнал издавался до 1884 года и послужил родоначальником множества печатных органов научной философии. В 1873 году журнал Литтре и Вырубова получил почётный диплом на Всемирной выставке в Вене. Во время Франко-прусской войны (1870–1871) принимал участие в защите Парижа как доброволец национальной гвардии, главным образом в походных лазаретах Красного креста. В Русско-турецкую войну (1877–1878) отправился на Кавказ, где ему было поручено устройство походных лазаретов в Эриванском отряде, при котором он всё время состоял. Первые печатные работы появились в 1866 году. После прекращения издания «La Philosophie positive» целиком переключился на научную деятельность. В 1889 году натурализовался во Франции (с разрешения русского правительства), состоял членом большинства парижских учёных обществ. Сотрудничал во многих русских и иностранных газетах. Его фельетоны появлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, а корреспонденции из Парижа – в газете «Порядок». Был близок к А. И. Герцену, в 1875–1879 годах издал его полное собрание сочинений.

Философские, публицистические и критические сочинения Вырубова почти все написаны на французском языке и появились большею частью в его журнале. Собранные вместе, они составили бы несколько томов компактной печати.

Григорий Николаевич Вырубов сыграл особо важную роль в становлении русского масонства во Франции, являясь вице-председателем совета «**Великого Востока Франции**» с 1885 года. К сожалению, на сегодняшний день существует крайне ограниченный круг источников и материалов на русском языке, который бы позволил оценить весь масштаб интеллектуальной деятельности Григория Николаевича на ниве созидания масонского просветительского дела. Несмотря на это, даже те источники, которые имеются в наличии, поражают своей исключительной остротой и точностью суждений о масонстве и его роли, этике, философии и идеологии.

Так, в одном из своих писем «*Из парижской жизни. Парижские масоны*» от 4 мая 1872 года Григорий Николаевич пишет: «*в публике распространены самые неточные, самые странные понятия о масонстве. Это объясняется, конечно, таинственностью, впрочем, гораздо более условной, чем действительной, окружающей так называемые “масонские работы”*. Иные смотрят на него как на какую-то страшную ассоциацию, занимающуюся символическими представлениями разного рода ужасных сцен; другие, более сведущие, видят в нём собрание людей, теряющих время в праздном соблюдении смешных, ни к чему не нужных ритуалов. Некоторые, наконец, находят в нём вредное направление, клонящееся к уничтожению всякой религии и всякой нравственности. Словом, большинство относится к нему либо злобно, либо совершенно индифферентно. Сочувствуют масонству одни только масоны, а вместе с тем, они принадлежат к самым разнообразным партиям, к самым разнообразным взглядам».

Как философ-позитивист, которому не свойственно обращаться к иррациональным и мистическим толкованиям природных и социальных явлений, он даёт решительно ясное описание масонства, снимая с него покров таинственности: «*масонство, по крайней мере, здесь, во Франции, не представляет нечто единичное, целое. Оно не имеет, само по себе, никакой определённой цели, никаких определённых доктрин, кроме тех общих мест о свободе и братстве, которые давно утратили всякий практический смысл. Это только организация, строгая, обдуманная, в высшей степени законченная организация, готовый кадр, в который можно вставлять что угодно. Организация эта представляет образец совершенства. В ней всё расположено методически, всё предусмотрено, всё рассчитано; оно захватывает вас совершенно и не позволяет входить из известной, строго определённой границы. С точки зрения ваших убеждений и взглядов вам предоставлена самая полная свобода, с точки зрения внешней, формальной – вы обращены в рабство. И такова сила этого устройства, таково влияние этого слож-*

ного механизма, что самые отчаянные скептики невольно подчиняются ему. В этом заключается вся выгода, всё значение хорошей организации. Типом дисциплины считают обыкновенно военное устройство или ещё знаменитый орден иезуитов с их повиновением, это несправедливо. Массонство стоит в этом отношении неизмеримо выше их уже потому, что в нём дисциплина уживается с самыми разнообразными религиозными и политическими понятиями. В наше анархическое время такой факт весьма замечателен. В самом деле, посмотрите вокруг: везде разлад, колебание, везде скептическое отношение к законам и правилам, даже нами самими установленным. Одно масонство составляет какое-то странное исключение; в нём господствует «повиновение», и повиновение таким уставам, происхождение которых теряется почти во мраке прошедших веков. Эта оригинальная особенность легко объясняется. Отнимите вы от масонства его формальности, его знаки, его таинственность, и оно исчезает совсем, оно обращается сразу в самое обыкновенное общество ничего не делания, каких на свете, как известно, много множество. С другой стороны, масоны очень хорошо понимают, что их ассоциация полезна, необходима даже при современном порядке вещей, следовательно, выгоднее покоряться часто абсурдным правилам и обычаям. Такое подчинение делается привычкой и, мало-помалу, начинает казаться, что иных правил и обычаев в масонстве и быть не может».

О том, какое влияние имели идеи Григория Вырубова на масонство русского зарубежья в конце XIX – начале XX века, можно судить по тем размышлениям и суждениям, которыми он делился с читателями в своих письмах и статьях на страницах журнала «La Philosophie positive».

«Вот я, например, позитивист, и в этом качестве смотрю на свою философию как на верх человеческой мудрости, но не могу же я, не заслужив упрёка в наивности, проповедовать, что всё то, что происходит помимо идей Конта, никуда не годится? Ну, а если вдруг общество не захочет признавать справедливость этих идей? Что я тогда скажу? Что общество это сгнило, что ему суждено сойти с исторической сцены? Сказать это можно, оно ничего не стоит. Дело только в том, что оно ни к чему не послужит, потому что общество всё-таки будет жить и двигаться, медленно, неправильно, но будет двигаться вперёд. Наше дело не перестраивать существующий порядок по заранее составленной программе, а изучать многочисленные пружины общественного механизма и пользоваться теми из них, которые сильнее других. Идти против воли большинства – исторический опыт не раз показал это – ни к чему не ведёт: минутная победа, как бы блестяща она ни была, замещается старым порядком, который действительно изменяется не какой-нибудь партией и не какой-нибудь революцией, а медленной работой всех и каждого, постепенным поднятием умственного уровня» («Французские социалисты», Париж. 1 (13) ноября).

К сожалению, после того как Григорий Николаевич Вырубов покинул брэнную юдоль, о чём возвестили в краткой заметке «Кончина масона» на страницах художественно-литературного журнала «Искра», № 49 от 1913 года, дело русских масонов «по изучению многочисленных пружин общественного механизма» замерло на некоторое время. Однако следующий бурный виток его развития пришёлся на 20–30-е годы XX века.

После Октябрьской революции 1917 года масонские организации в России были запрещены, а масоны преследовались, вследствие чего русские ложи стали активно развиваться за пределами России. Это были ложи: «Астрея» № 500, «Северное сияние» № 523, «Гермес» № 535, «Золотое руно» № 536, «Юпитер» № 536, «Прометей» № 558, «Гамаюн» № 624, «Лотос» № 638. Общая численность русских масонов в Великой Ложке Франции составляла 1571 человек.

Отношение к российскому масонству в эмиграции на протяжении всего XX и начала XXI веков кардинально менялось под воздействием разнообразных политических идеологий и сил. Однако несмотря на колебания в настроениях о роли масонства, оно оставалось неизменным интеллектуальным и духовным фундаментом для русской эмиграции, ресурсом для формирования различных социальных групп, стремящихся к сплочению и созиданию нового российского общества за границей.

И какие бы исторические перипетии не разворачивались на стыке эпох и «воюющих царств», масонство русского зарубежья было, есть и будет тем консолидирующим началом, которое сшивает разорванные мундиры во время идеологических баталий, усмиряет самые горячие и метущиеся головы на баррикадах противоборствующих сил, смело отстаивает попранные права и свободы человека в часы общественного разброда и морально-нравственных шатаний, становится у штурвала корабля, когда самый последний либерал и прогрессист пасует перед натиском шторма в открытом океане. **Потому что истина масонства отзывчива и бесконечна в терпеливом ожидании странника, ступившего на путь её познания.**

Берега Новороссии

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

СЕРАЯ ЗОНА

Рассказ

По минному полю шли двое. Вернее, один шёл, второй ехал на обрывке брезента, которым военные укрывают танки, а крестьяне – сенохранилища.

Но, оказывается, эта особо плотная ткань годится для транспортировки обезноженного осколками раненого. Надо лишь к углам брезента привязать буксирный трос и обзавестись тягловой силой.

А так как в наличии не имелось ни наземного тягача-беспилотника, ни смиренной лошадки, коренником пришлось поставить другого раненого, у которого руки были плотно прибинтованы к изодранной на груди камуфляжной куртке.

– Ты ещё узду на меня накинь, – горько пошутил ходячий, отстраняя лицо от выдуревшей в человеческий рост амброзии, стебли которой горбились под мелким дождём. – И заодно хлыст вырежь...

– Я уж как-нибудь словами обойдусь, – в тон ему ответил лежащий. – Матерными. Кстати, как теперь тебя величать? Иваном вроде неудобно, нет у лошадей таких кличек. Решено, будешь Буланым.

– Он, твой Буланный, случайно не мерин? А то невеста узнает, выйдет замуж за другого.

– Нашёл о чём колотиться. Думай, как в борозде не лечь.

– Чего здесь думать? Мне тащить, пока грыжа наружу вылезет, тебе ехать да говорить – куда сворачивать.

– Не нравится, топай дальше один, а я полежу здесь, дождик-то весенний, проклюнувшейся травкой пахнет.

– Куда топать? Через поле, тобой заминированное? Вот уж не ожидал от тебя, тёзка, такого коварства. Да и как я отцеплюсь без рук от волокуши, к которой ты меня приковал?

Со стороны послушать – препираются после доброй чарки два старинных приятеля, а на деле познакомились только вчера при обстоятельствах, которые нормальному человеку могут привидеться исключительно в дурном сне.

Так вот, вчера неполный взвод бывших ополченцев на двух БМП десантировали у полезащитной полосы, где окопался враг.

Постреляв для устрашения чужих и придания пушей отваги своим, боевые машины вместе с сопровождавшим танком-тральщиком отошли на исходные позиции, предоставив пехоте право довершать начатое.

Однако в поединок вмешалась третья сила. На той, вражеской, стороне решили воспрепятствовать захвату опорника. Ударили целым артдивизионом, не дожидаясь окончания рукопашной схватки.

Пушкари потрудились на славу. Они внесли такую сумятицу в стройные ряды ясеней с обозначившимися по случаю скорого тепла почками, что, будь на месте оператора беспилотника пейзажист, он бы немедленно принялся писать картину под названием «Дорога в чистилище для особо злостных грешников».

Но оператору чужды эмоции. Он воспринимал мир как картинку с экрана монитора. И поэтому бесстрастным голосом доложил начальству, что нападавшие полностью уничтожены.

О защитниках опорника оператор промолчал. Когда деревья валят снарядами, щепки и всё прочее относят к сопутствующим потерям.

Не нашлось места в докладе и для одинокого бойца со странно болтающимися руками, который при звуке беспилотника сусликом шмыгнул в какую-то норку. Это уже его, оператора, забота. Ночью выпустит из клетки железную птицу по имени «Баба Яга» с тепловизором, проверит, что за норное существо обитает на опорнике. Свой к звуку железной птицы привычен, прятаться не станет, а для чужака на подвеске имеется целая гроздь фугасок.

Тот, у кого над головой четверть часа гремели барабаны войны, а ушные раковины забиты мусором, едва ли услышит брюзжанье беспилотника. Но он услышал и, до конца ещё не разобравшись, почему вдруг онемели руки, на попе съехал в первую попавшуюся нору.

Как вскоре выяснилось, единственную уцелевшую после бомбардировки снарядами сто двадцать второго калибра. Всё прочее, в том числе ходы сообщения, было либо обрушено, либо завалено ампутированными ветками и человеческими телами.

Спасаясь от беспилотника, нарушил одну из заповедей идущего в атаку: прежде чем войти в незнакомый блиндаж, пошли туда гранату. И поплатился за это.

– Если дёрнешься, – послышалось из подземных сумерек, – тут же схлопочешь пулю в брюхо.

– Я не дёргаюсь, я сижу.

– Ну, тогда сиди, где сидишь, – милостиво разрешил голос. – Только быстренько продемонстрируй мне трезуб.

– Трезуб – это что?..

– Вот бестолковый попался. Трезуб есть государственный герб Украины, на который замечательно смахивают поднятые руки и голова между ними. Усёк?

– Я-то усёк, только руки не поднимаются.

– Ранен?

– Хрен его знает. Не шевелятся, хоть плачь. И предплечья огнём горят.

– В таком случае ползи сюда. Как тебя?..

– Иван.

– Тёзка, значит. Меня, правда, покойный дед больше Ванюшкой звал. А в селе Иваном Михайловичем величали... Ну, чего сидишь, как задница в солдатских штанах. Я же сказал – ползи сюда. Но осторожно, на подставки не наступи.

Впрочем, Иван уже приноровился к сумраку землянки, которая изнутри напоминала что угодно, но только не фортификационное сооружение. Это впечатление усиливал прислонённый в углу грубо сработанный крест из сырой древесины и тот, особый, запах, который незримо витает над раскрытой могилой.

В другом углу, опершись спиной на скатанные матрацы, полулежал-полусидел на спрессованной соломе хозяин. Возле правой руки походная сумка с крестом, ржавый до невозможности автомат, ноги поверх рябых штанин спеленуты бинтами, сквозь прорехи в серых носках желтеют пятки.

Лицо хозяина подземелья в тени. Виден лишь сильно выдвинутый вперёд подбородок, голос с трещинкой.

– Тебя как прикажешь величать? Иваном Михайловичем? – спросил гость.

– Можешь, как дед, Ванюшкой. Так душе приятнее... Ну, что ты всё время в угол тарачишься? Креста никогда не видел?.. Его для троих наших приготовили. Думали после обеда похоронить за посадочкой, да вас чёрт принёс... Но ничего, крест на войне – товар ходовой. Кто знает, может, и для нас сгодится. Слушай, раб божий, сколько тебе повторять? Ползи сюда...

– Ты – медбрат?

– По совместительству. А так старший куда пошлют. Позавчера поле минировал, вчера из гранатомёта пулял, сегодня крест для ребят строгал. Маленько не доделал... А сейчас твоими грабками буду заниматься... Итак, что мы имеем? Крови нет, а переломы обоих предплечий имеют место быть. И как это ты ухитрился?

– Взрывной волной о пеньки шваркнуло. Лежу, сверху ветки и прочая хрень сыплется, но прикрыть голову нечем. Даже не знаю, как без рук из-под того завала выполз... Поосторожней никак! Или хочешь, чтоб уписался в штаны?

– Я хочу одного, чтобы ты заткнулся. Для начала всажу обезболивающее, потом примотаем руки к туловищу и – гуляй.

– А если приспичит?

– Пообещаешь после войны бочку пива выставить, так и быть, пособлю... Ну что, полегчало? Закончу бинтовать, заброшу в твою пасть чудо-таблетку. Я одну уже накати, теперь козлик готов скакать. Жаль, ноги отказываются подчиниться... Учти, последнюю таблетку жертвую. Нет, спасибо – слишком много будет. Согласен обойтись ещё одной бочкой. Как за что?.. А кто тебя, вражину-сепара, приютил? Кто оказал первую медицинскую помощь?.. Въезжает, понимаешь, на заднице в мои апартаменты подозрительная личность, руки поднять отказывается, зубами лязгает.

– Это чисто нервное...

– Да, корёжило тебя от страха знатно. И физиономия лица такая разнесчастная, что рука не поднялась пристрелить. И вдобавок знакомая.

– Всё может быть, – согласился Иван, прислушиваясь к уходящей из прибинтованных рук боли. – Может, и пересекались где... Сам-то из каких краёв будешь?

– Ну что ты торчишь на коленях? Я тебе не Иисус Христос, ты не ученик его Матфей, который из мытарей переквалифицировался в бродяги. Падай на задницу рядом и слушай. Ты когда-нибудь о речке Весёлая Боковенька слыхал?

– Откуда? Но название симпатичное.

– Ещё бы, – довольно, будто он сам дал название неизвестной Ивану речушке, улыбнулся хозяин «апартаментов». – Там красотень райская. Сидишь с удочкой на берегу, серебристый лох золотой пыльцой плешь тебе посыпает, ужик пойманного пескаря в пасти тащит, соловьи восход солнца приветствуют. Короче, кто видел всё это, по доброй воле оттуда не уйдёт... Если, конечно, сельский голова, он же – родимый кум, земля ему после смерти настоящей на моче стекловатой, не сдаст тебя бесчувственного военкому... Понимаешь, тёзка, созывала эта гнида мужиков, которые в селе оставались, на свой день рождения, опоила каким-то зельем и позвонила заготовителям человеческого мяса. А сам теперь вроде единственного на всю округу петуха. Какая молодка приглянулась, ту и топчет. Моя же, как на грех, в той округе самая аппетитная... Кстати, не мешало бы пожрать. Пузырёк в матрацах заныкан, но из закуски только анальгин. Пойди, пошарь по опорнику, может, удастся съедобное раздобыть. Да не дрейфь. В подранка никто стрелять не станет. Тем более – безрукого... Только думается мне, все они убитые. И твои и мои. Иначе бы голос подали.

– Издеваешься? В чём я съестное принесу? В зубах?

– Ноги для чего у тебя к туловищу привинчены? Правильно, чтобы пинать. Говяжьё тушёнку, бычков в томатном соусе. Вспомни, как в детстве в футбол играл.

Но для того чтобы играть в футбол и даже просто передвигаться по земной поверхности одних ног маловато. Особенно, если эта поверхность измордована фугасами.

Кое-как выцарапавшись из норы, Иван почувствовал себя канатоходцем, которому предстоит пройти по переброшенной через ущелье проволоке. Однако подобный щелчку окрик вывел его из оцепенения:

– Вперёд, тёзка! Только вперёд! Без жратвы не возвращайся!

Иван шагнул раз, второй и только теперь понял истинный смысл расхожего выражения «как без рук». Оказывается, верхние конечности – то же самое, что и шест для канатоходца. И вдобавок – лучшие в мире амортизаторы. Жаль, что во время атаки они пришли в полную негодность. И теперь могут пострадать во время падения другие, ещё более важные части человеческого тела.

Особенно жуткими Ивану казались остряки на месте срубленных снарядами ясеней. Если споткнёшься, один, а то и оба глаза долой.

И везде разбросанные по посадке тела. В полузасыпанных ходах сообщения, среди скошенного под корень подлеска. Обезображены так, что не понять, где свой, где чужой. Всех уравнила смерть.

Но не покойники страшат Ивана. Кто убит, тот уже не выстрелит в тебя, не замахнётся сапёрной лопаткой. Для него куда большая опасность – воронки и бурелом с изрядной примесью обрывков спирали Бруно. Явная погибель тому, у кого руки прибинтованы к туловищу.

Да и мелких препятствий более чем достаточно. Чья-то оторванная в голени нога, распятый дряблым парусом на срубленных ветках обрывок танкового брезента, связанный в двух местах автомобильный буксир, вскрытые патронные цинки.

Но ничего съестного. Такое впечатление, будто защитники опорника питались исключительно подножным кормом.

Лишь возле расплющенного прямым попаданием блиндажа невесть каким чудом уцелевшая банка грибов.

– Закуска, конечно, жидковатая, – вздохнул Иван. – Но всё же лучше анальгина из сумки медбрата.

Хозяин «апартаментов» встретил гонца полными укора словами:

– Долгонько же ты шлялся... Ладно, пихни банку поближе. Я ей вскрытие делать буду. Падай рядом и открой пасть пошире. Как зачем? А куда я огненную воду буду заливать и грибы закидывать? Ну что, хороша самогоночка? То-то... Самогон – не водка. Примешь стопарь, и так славно на душе, что лютого врага готов простить.

– Даже сельского голову, который тебя военкому сдал?

– С ним случай особый. Для головы, пусть земля ему бракованными презервативами, есть потайное плесо с голодными раками.

– Прежде отсюда выбраться надо...

– Что предлагаешь?

– Волокушу соорудить. Я здесь кой-чего присмотрел. И выдвигаться к нашим по следу танка-тральщика. Там мин точно не будет.

– Слушай, тёзка, на кой хрен тебе обуза? Или медаль решил заработать? Чтобы потом в твоих газетах написали: «Наш герой, будучи тяжелораненым, взял в плен “языка”, который дал ценные сведения о дислокации противника»?.. Так я, кроме матюгов, ничего не знаю. Не говоря уже о военной тайне. Даже если яйца дверью прищемят.

– Дурак ты, Иван Михайлович! Даже не удивлюсь, если от такого дурака жена насовсем к сельскому голове уйдёт.

– За такие намёки можно в рыло схлопотать!

– Но вместо этого меня приютил, перевязал, пожертвовал обезболивающим и сейчас вот грибами с ложки кормишь. И я, вместо благодарности, должен тебя бросить? Мол, пушай подышает от гангрены.

– Тебя послушать, мать Тереза – моя родная сестра. На деле же всё проще. Чувствую себя неудобно, если рядом кто-то зубами или чем другим мается. И жрать не сажусь, когда вижу напротив голодные глаза. По этой причине даже злостного браконьера Петра штрафовать не стал. У него жынка вечно хворая и пятеро короедов по лавкам. Пришлось простить засранца.

– А как же сельский голова, которому местечко с голодными раками приготовлено?

– Считаю, ляпнул со зла. Стану я самую светлую на всём белом свете речку поганить. Бог ему судья. А что глаз на мою кралю положил, то, как говорил покойный дед, земля ему подушкой из лебяжьего пуха: «Сучка нэ захочэ, кобель нэ скочэ». В случае чего, с неё первый спрос.

– После таких слов как-то расхотелось жениться, – молвил Иван, пытаясь почесать нос о левое плечо. – Правда, где та свадьба и где я...

– Шнобель свербит, – усмехнулся хозяин подземных «апартаментов», отвинчивая пробку. – Сейчас мы это дело поправим. И заодно подумаем над твоим предложением. Открывай, тёзка, пасть, залью огненной водицы. После неё, сам знаешь, дышится веселей и мысли стоящие появляются. Давай, излагай свой план... Только прежде грибком закуси, пусть брюхо услаждает.

– Там, в одном месте, обрывок брезента валяется. Как раз по росту человека. И автомобильный буксир рядом. Короче, подручный материал для волокуши имеется. А как её смастерить, то это уже не моя, безрукого, проблема. Дождёмся сумерек и двинемся по следу танка-тральщика.

– Мыслишь верно. Сумерки – лучшее время. Но, тёзка, насчёт тральщика ты малость того... Даю башку на отруб, твои кореша успели заминировать колею. Не дураки ведь. Понимают, что наши ею могут воспользоваться.

– Предупреждаю сразу, я лучше здесь подохну, но в плен не пойду. Думаешь, мне сильно к своим хочется? Да и какие они мне свои? Скорее – геморрой. Он тоже свой, только кто ему рад.

И сочувствия от этих своих не жду. Малость подлечат, и – вперёд, Ванюшок, в окопы. Или под эту погонят... Ну, городишко такой под Донецком, который наши фортецей величают?..

– Авдеевку? Так ваших оттуда выбили на прошлой неделе.

– Значит, вовремя наша рота оттуда смоталась. Все сорок пять гавриков с прапорщиком в придачу. Высадили нас на околице прямо в грязь. «Топайте дальше своим ходом», – приказали. Холодрыга, с неба крупа сыплется. Одна радость – погода нелётная. Только и та радость вскоре слиняла... В километре, или около того, бомба-полуторатонка так хренонула, что мы в грязь друженько повалились...

– Осколками никого не зацепило?

– Бог миловал. Как говорится, обделались лёгким испугом. Вся рота во главе с прапорщиком. На наше счастье, неподалёку чей-то домишко догорал. Обступили его со всех сторон, нежданчики с подштанников вытряхиваем. Видуха та ещё. Сорок шесть голых задниц, морды в грязи, духан на всю околицу... А домишко тот найти запросто. Вокруг него, поди, подштанники до сих пор валяются.

– Иван Михайлович, беспилотник зудит.

– Пусть зудит на здоровье. Пара калек, тёзка, для него не добыча... Словом, после земной штормяжки я понял, почему дед-покойняга про свою войну ничего не рассказывал. Наверное, у него тоже были свои подштанники. И я внукам, если уцелею, ничего рассказывать не стану.

– Выживешь, куда ты денешься. Не знаю, как твои, а наши в окопы не пошлют. Если, конечно, сам того не пожелаешь. На нашей стороне, говорят, целый батальон из военнопленных дерётся.

– Извини, но воевать я больше не буду. Ни на твоей стороне, ни на своей. Лучше уж до конца всего этого на тюремных нарах...

– Решил придерживаться принципа «моя хата с краю»?

– А моя хата и так на самом краю села. Дальше, по берегу Весёлой Боковеньки, одичавшие сады. Там раньше тоже жили... И я не желаю, чтобы с моей хатой такое же стало. Не знаю, Иван, как там будет после смерти, но до меня только под этой Авдеевкой дошло, что жил я в раю. Работёнка по душе, от речки прокопал что-то вроде заливыка, отгородил его сеткой и теперь в нём карасей откармливаю. Приедут гости, зачерпнул сачком сколько надо... По чарке-другой приняли, а там, глядишь, и уха подоспела.

– Вкусно излагаешь.

– Приезжай, коль тоже желаешь ощутить себя в раю. После войны, конечно. Приму по высшему разряду. С кем бедовать пришлось, тому всегда рад будешь.

– Спасибо, приеду. Как ты и предлагаешь, после войны. Если, конечно, выберемся отсюда.

– Выберемся, – заверил бывший егерь. – Иначе для чего же нам бошки к туловищам привинчены?

– По воздуху?

– Зачем по воздуху? По земле. Как и положено человекам, в том числе – инвалидам войны. Слушай сюда... Поле напротив нашей берлоги минировал я. Но не сплошняком, как прапорщик приказывал. Сам понимаешь, мало радости в бурьяне ползать. Короче, поленился я. Половину мин выставил, а половину схоронил в укромном месте.

– То есть у нас появился шанс пропетлять? А вдруг и возле нашей посадки тоже заминировано?

– Скорее всего – да. Но здесь уже следует уповать на милость Божью и на мои глаза.

– Ну так что, идти за брезентом и буксиром? – спросил Иван, поднимаясь с занемевших колен.

– Топай. И на небо поглядывай. Услышишь беспилотник, ветошью прикинься. Видуха такая, что за жмура сойдёшь.

Однако похожее на засиженный мухами низкий потолок мартовское небо было пустынно. Безмолвствовали и полезащитные полосы по обе стороны отошедшего в серую зону опорника.

С автомобильным буксиром управился без особых помех, а вот танковый брезент упорно отказывался от роли футбольного мяча. Пришлось пустить в ход зубы.

– Я же говорил – башка не напрасно к туловищу привинчена, – встретил шуткой бывший егерь. – Всегда даст дельный совет. И при надобности заставит ходить задом наперёд... Слушай, тёзка, чего это ты с лица спал? Умаялся? Так огненная вода осталась на доньшке.

- Иди ты со своей самогонкой. И так с души воротит. Чуть брюхо наизнанку не вывернулось, пока вонючую брезентуху волок. Отхожее место ею накрывали, что ли?
- Нет. Убиенных рабов Божьих, которым я крест с утраца ладил... Тёзка, ты на фронте давно?
- Прошлой осенью мобилизовали. А что?
- Должен уже привыкнуть к окопной вони и грязи. Я до войны брезговал подать руку тому, у кого чернозём под ногтями и от кого заношенными носками смердит. А теперь дошёл до того, что могу сухарь из сидора убиенного одолжить. И совестью особо не маюсь. Сам должен понять – войну в белых перчатках и чистых подштанниках не делают.
- Что-то слишком мудрёно для сельского егеря изъясняешься...
- Изъясняюсь, как и положено школьному учителю истории, на которого отпечаток наложило крестьянское происхождение.
- Надоело сеять разумное, вечное, доброе?
- На кой хрен оно тому, из кого академиком всё равно не получится. Научили буквы до кучи складывать да в платежной ведомости расписываться, и будя.
- По-моему, историю обязан знать каждый.
- Я тебя умоляю! Какая история? Я в институте учил одну, преподавать же пришлось совершенно другую. Вот когда напишут учебник, где каждое слово будет соответствовать истине, а не хотелкам слуг народа, вот тогда, может быть, и вернусь в школу... Но что это мы всё обо мне да обо мне... Сам-то, догадываюсь, тоже не весь «Букварь» на самокрутки извёл.
- Музыкальное училище. По классу баяна. Лауреат всяких там конкурсов.
- Вот откуда мне твоя рожа знакомой показалась! Я же её по телеку видел.
- Разве на Украине наши программы идут?
- Здравствуй, ж... Новый год. А спутниковые тарелки зачем? Одна – на Киев, другая – на Москву настроены. Так сказать, черпал информацию из двух источников.
- И каким больше веры?
- Ни тем ни другим. Одни – брешут, другие – врут. Вот и всё отличие. А твою персону, ты уж, тёзка, извини, запомнил из-за дамочки, которой ты на фисгармонии аккомпанировал. Колись, кто такая?
- Директриса нашего Дома культуры. Людмилка. Что, понравилась?
- Глядя на неё, лишний раз убедился, что наши девки хороши и без водки. Только на кой хрен начальница вашего очага культуры прячет фигурку под длинным платьем? Ноги кривоваты или какая иная причина?
- И кривизна есть, и лохматость присутствует. Она после одного случая на автобусной остановке стала носить исключительно длинные платья или брюки свободного покроя.
- Чего лыбишься?
- Да вспомнил случай... Подходит, значит, к Людмилке на автобусной остановке паренёк лет полутора от роду и давай ей ножки гладить со словами: «Кися, кися».
- Огорчил ты меня, конечно, до невозможности, однако, когда вернёшься домой, передай своей начальнице, что егерь с берегов Весёлой Боковеньки страстно желает оказаться на месте того мальчика.
- Гены покойного деда взыграли?
- Яблочко от яблоньки... Впрочем, пора заняться транспортным средством. Больно уж быстро сумерки накатываются. Дождик, часом, там не намечается?
- Похоже, обложной.
- Промокнуть не боишься?
- Иван Михайлович, в нашем теперешнем положении это не самое страшное. Но ты не отвлекайся... Кстати, зачем запалы из «лимонок» вывинчиваешь?
- Теперь это просто подручный материал. Заверну в углы брезентухи, чтобы буксирный трос не соскальзывал. Иначе наша конструкция развалится на первых же метрах.
- Заодно смастери что-нибудь наподобие хомута.
- Всё уже продумано. Отдам тебе командирский ремень. Он нашему прапорщику принадлежал, а после того как его убило – мне. Снял, так сказать, с раба Божьего в счёт оплаты за могильный крест...

Закончить предложение помешала череда взрывов. Не очень громких, но весьма ощутимо встряхнувших перекрытие подземных «апартаментов», из которого густо посыпались комья глины и мыши.

– Наши лупят, – определил бывший егерь. – Из польских миномётов. Поэтому мы и не слышим звук исходящего выстрела. Да и мины не чета нашим. Летят крадучись, на цыпочках. Однако беседу нашу нарушили да и мышек, будь они неладны, подбросили для потехи... Правда, потеха эта сомнительного качества. Только вознамеришься сухарь в пасть сунуть, а его с другой стороны уже грызут.

– К нашему опорнику кошка с котятками прибилась, – молвил Иван, по-собачьи отряхиваясь от комков глины. – Поэтому квартирантов значительно меньше.

– Здесь не они квартиранты, а мы с тобой, – возразил хозяин «апартаментов». – Вторглись в законные владения полёвок, да ещё и возмущаемся.

– Разве по своей воле вторглись?

– А я разве говорю, что по своей? Все мы, люди и зверё всякое, одно горе мыкаем. На этом поле, поди, пшеница колосилась, теперь железо ржавеет. Вот мышки сухари у бойцов и воруют, а мы с тобой грибами без хлеба пробавляемся. Куда ни кинь, голодуха везде. И война везде... Ну вот, кажись, и ваши проснулись...

– Точно, наши, – подтвердил Иван, прислушиваясь к хлопкам малокалиберных снарядов. – Бээмпешка. Нас страшит, на мышек панику наводит, убитых по второму разу осколками шпигует.

– Циник ты, тёзка, однако. Сам говорил, что война – вещь, с чистыми подштанниками несовместимая. А это что-то новенькое тарыхтит. Похоже, дождь всё-таки собрался.

– Дождь – хорошо. Под дождь легче ночь коротать, и боль вроде бы глуше становится. Главное, чтобы силушку до завтра сберёг. Как утверждал наш прапорщик: «Загривком лучше дождевые капли ловить, чем сброшенные с беспилотника бомбочки»... А теперь посторонись, матрацы раскатаю... Всё же не окончательные мы с тобой калеки. Две ноги и две руки имеем. Кстати, тебе по нужде не надо? Так чего мнёшься, будто стыдливая деваха перед первой брачной ночью? Дуй в угол. Что, на улицу пойдёшь? Гляди, дело хозяйское. Только против ветра не пидай, запасных штанов нет.

Предупреждение оказалось не лишним. Сырой ветер стонал в кронах уцелевших ясеней, придавая им сходство с оголёнными шквалом мачтами бригантини. А ещё он вытряхивал из туч тяжёлые, словно волчья картечь, капли.

– Всё же послушался меня, – молвил бывший хранитель Весёлой Боковеньки, застёгивая ширинку на Ивановых брюках. – Описался по самое некуда. Знал бы прапорщик, чьи подштанники вместе с моими сейчас украшают пепелище, что подряжусь застёгивать ширинку сепару, он бы удавился... Да шучу я, шучу, прапорщик, земля ему макаронами по-флотски, сильно он сей харч уважал, уже на том свете, а нам ещё горе мыкать на этом.

– Тебя, Иван Михайлович, когда ранило?

– Тоже утром. Спасибо броннику и напашнику, хозяйство уцелело. Зато ноги нашпиговало от души. Теперь во мне железа больше, чем в зажаренном на вертеле зайце чесноку. Вот чёрт, опять у пушкарей очередной приступ бессонницы... Похоже, включили «Малку» двести третьего калибра... И стоит она на огневых в шести верстах. Или – семи, учитывая скорость распространения звука в воздухе.

– Какой воздух? – возразил Иван. – В нём половина воды, значит «Малка» отаборилась ещё дальше. Впрочем, нам с тобой без разницы. Главное, не по нам бьют... Слушай, Иван Михайлович, матрацы случаем не из больнички? Смердят лекарством – спасу нет.

– Дурень, это мои протухающие подставки озонируют.

Замолчали. Слушали, как после каждого выстрела вздрагивает, словно её обожгли кнутом, земля. Но ещё раньше, за двадцать одну секунду до этого, далёкая вспышка озаряла внутренности «апартаментов», в том числе – крест из сырой древесины, этот самый ходовой товар войны.

– Спишь? – спросил Иван, стараясь улечься так, чтобы не потревожить притихшую под бинтами боль.

– С тобой уснёшь. Вздыхаешь, будто мой дед, земля ему полной чаркой, когда бабка обнаруживала заначку с самогоном. Чего хотел?

– Спросить. Объясни мне на правах старшего: по чьей милости мы с тобой сейчас загибаемся в этой норе?

– Ты, я вижу, имеешь самое отдалённое представление о таких вещах, как летописи Древней Руси? Так вот, монастырские летописи, если хочешь знать, не только история нашего с тобой Отечества, в них ответы на все интересующие вопросы.

– На мой тоже? Монахи, что, провидцы, вроде Нострадамуса и Ванги?

– Запомни, тёзка, провидец – это мыслящий человек, который берётся предсказывать будущее, основываясь на прошлом и настоящем. Ты возьми для сравнения любой из веков и увидишь, что ничегошеньки не изменилось в природе человеческой. И тогда и сейчас «в оврагах, порохом пропахших, бьёт славянина славянин». Вновь распри, вновь удельные князья кличут бусурманина, чтобы пособил одолеть единоутробного брата. А всё это тоже войдёт в новые летописи, которые напишут не гусиным пером, но наберут на компьютере. Вот и вся разница между прошлым и настоящим.

– Разумеется, нам с тобой местечка в тех летописях не сыщется...

– Молоток. Соображать начал. Значит, должен понять и то, что все беды от тех, кому хочется ещё больше власти и денег... Извини, если задрал заумными речами.

– Ничего. Продолжай. Правда, мы с ребятами по вечерам о другом речь ведём...

– Вели. Теперь твои да и мои ребята обмолоченными снопами по всему опорнику валяются. И такая досада меня от этого берёт, прямо выть хочется... Господи, когда эти чёртовы пушкири уgomонятся?

Однако дальнoбойное орудие продолжало сотрясать перекрытие убежища, и порождаемые им всполохи всякий раз являли из мрака прислонённый в углу крест.

– Иван Михайлович, будь другом, поправь сползший матрас, – попросил Иван, но при очередной вспышке разглядев, что у того смежены веки, осёкся. Бывший егерь то ли уснул, то ли отключился под воздействием адской смеси из обезболивающего и символически разбавленной грибами самогонки. Дышал тяжело, словно продолжал копать братскую могилу для побратимов.

Иван не стал больше тревожить уснувшего, хотя с правого бока немилосердно тянуло сыростью. Тоже закрыл глаза и стал слушать, как дождь отпевает павших на поле боя солдат и за компанию с ними – ясеней, которые после штурма опорника обрели сходство с размочаленными шквалом мачтами. А в шести-семи километрах отсюда главный жнец войны – дальнoбойное орудие – продолжало без устали выискивать поживу.

Вырубился лишь после того, как пушкири, удовлетворившись результатами жатвы, принялись чехлить огнедышащую «Малку». Но сквозь дрему продолжал внимать зауспокойной молитве дождя и тяжёлому дыханию товарища по несчастью, который и во сне продолжал копать братскую могилу в растерзанной снарядами полезащитной полосе. Пробуждение оказалось под стать ненастному утру и кресту из сырой древесины. Гнетущее, с похмельным привкусом. А вместе с рассветом вернулась приглушённая на время адской смесью боль.

– Жив? – спросил Иван, окидывая взглядом серое лицо бывшего хранителя Весёлой Боковеньки. – Ну, раз жив, помоги подняться. Затекло всё к такой матери. И мураши под шкурой гуляют.

– Может, тебе спинку почесать? Давай, эксплуатируй обезноженного калеку по полной программе.

– Сильно хреново?

– Лучше, чем в позапрошлом году, когда браконьеры вlepили в бочину заряд дроби. Но самую малость... Видно, пушистый зверь-песец подкрался...

– Ну так чего валяемся? Труби, Иван Михайлович, сбор!

– Знаешь, что? Я на пальцах растолкую, где мины закопаны, а ты иди с Богом. Дюже уж видок у тебя никудышный. С таким на больничной койке отлживаться, не волокушу через поле тащить.

– Давай сделаем вид, что ты глупостей не говорил, а я их не слышал. Настраивай волокушу, цепляй сбрую и укладывайся на брезентуху. Тебе, думаю, на спине сподручнее ехать.

– Плохо думаешь. Кто в таком случае подскажет – куда ехать? Да и на брюхе отталкиваться руками буду. Всё-таки подмога. Особенно когда из апартаментов выползть станем...

Небо над разгромленным опорником оказалось свободным от чужеродных предметов. Правда, товарищи по несчастью обратили на него внимание только отдышавшись у входа в покинутые «апартаменты».

– Слава богу, выползли, – прохрипел бывший егерь вытирая о край брезента ладони. – А то я всерьёз начал опасаться, что ляжем в первой же борозде... Но ты молоток. Упирался почище целой артели бурлаков. Кстати, упряжь не жмёт?.. Видишь посреди поля сгоревший броневик? На него и держи. А я буду помогать. Где оттолкнусь, где за стебли амброзии ухвачусь... Прижилась, зараза американская, на нашей землице... И вообще, тёзка, ты обратил внимание – сколько гадости приплыло из-за океана? То жуков колорадских подбросят, то штаны мятые по названию джинсы, то дерьмократию всучат... Извини, мелю языком что ни попадя. Пряма, понос словесный...

– То у тебя жар. Вначале, когда под матрац стало поддувать, чуть не задубел, а после от тебя, как от печки, потянуло... Ладно, заводи бурлацкую...

– Белый пудель шаговит, шаговит. Чёрный пудель шаговит, шаговит...

Странной, наверное, казалась эта, созвучная шлепкам бурлацких лаптей о песок речной отмели, песня в два голоса. Правда, её могли услышать только горбящиеся под дождём стебли заморского сорняка да обломанные на манер мачт пережившего шквал парусника ясеня серой зоны.

После того, как в компании с пуделями одолели первые тридцать метров, бывший егерь приказал остановиться:

– Видишь с двух сторон холмики? Постарайся аккуратненько вписаться между ними. Если промажешь, вознесёмся на небеса... Теперь поищи взглядом прореху в посадке, где ваши окопались. Держи курс точно на неё...

Поначалу Ивану ноша казалась неимоготу. Пряжка офицерского ремня давила на солнечное сплетенье, а оттуда боль перемещалась в спелёнутые руки. Да и разбавленные потом струйки дождя застили зрачки, отчего Иван дважды терял из виду указанный ориентир.

Но потом приспособился. Ногами укладывал стебли амброзии так, чтобы волокуша скользила, словно кораблик по смазанным китовым жиром стапелям, а влагу с лица удалял по-собачьи, резко встряхивая головой.

– Ты сейчас действительно похож на Буланого, – подал голос из-за спины бывший хранитель Весёлой Боковеньки. – Башкой мотаешь, словно конь, которого одолевают мухи.

– Иван Михайлович, лучше следи, чтобы я на мину не наехал. И хватит мне помогать. Грязь и мокрые стебли амброзии – прекрасная смазка.

– Тёзка, тормози! Сдаётся, сбились с пути истинного. Возьми малость левее прорехи... А как только заметишь ещё одно взрыленное место, опять ложись курсом на сгоревший броневик. Дальше двигайся самым малым, впереди насыпанный мышками курганчик. В нём целых пять мин закопано.

– Мыши чего худого тебе сделали? – поинтересовался Иван и остановился, чтобы дать передышку заневоленному пряжкой офицерского ремня солнечному сплетению.

Но бывший хранитель речки с развесёлым названием не откликнулся. Он лежал, уронив голову на брезент, одинаково пригодный для того, чтобы укрывать сено, танки, погибших солдат, а при необходимости способный заменить транспортное средство.

– Ты только не умирай! Богом заклинаю – не умирай! Ведь никто, кроме тебя, не снимет с меня эту проклятую сбрую и не подскажет выход из минного поля... Ну будь другом, Ванюшок, очнись, Христа ради!

Так и не дождавшись ответа, Иван пал на колени перед волокушей, словно то был ковчег с мощами святого. Однако небеса не явили чуда. Они продолжали осыпать холодным дождём застрявших посреди серой зоны горемык, у одного из которых были прибинтованы к туловищу руки, а другой пребывал между тем и этим мирами.

Берега Новороссии

Кий Славянский

Ополченец, доброволец, участник СВО.

С ФРОНТА БЕЗ ПРИКРАС

Путешествие по ЛНР Часть 1

Началось в той жизни так: на расстрелянной Изваренской (1) таможне проскочили осторожно. Красно Дон (2) – автобус с кровью (мародёры убили беженца), Красный Луч (3) и Антрацит (4) – защищали как могли, «Точкой-У» в Ровеньках (5) в нас стреляли, мы казармой там стояли.

В Свердловке (6) оружие получали, помню: Круглика аж два (7, 8). Вот в одном из них по танку корректировал я наших, а в другом чуть не нарвались на врага. Хорошо – люди местные во время разведки навстречу нам попались (за 100 м до бугра – где нас бы просто перестреляли).

А потом с посёлка Весёлова (9) под обстрелом сквозь поля, на полном ходу, в Никишино (10) прибыла наша братва, вшестером, в тыл к укропам. А там дом, притаились и лежим, а вокруг ходят они, мы там Женька потеряли. Восемнадцатилетний, был с Кронштадта паренёк, врут сейчас многое вокруг него.

А до этого с братвой в Фашевке (11) вели мы бой. И запомнилась, конечно, мне Ореховка (12), деревня, там в тылу прямо у укропов. Мы в разведке – занимались корректировкой, через нас, над головой, от снарядов наших вой, еле смылись мы оттуда, это было мини-чудо. А потом с колонной село взяли, называлось оно – Шёлковою Протокою (13). Ох, его запомнил тоже, там за этим поселением безымянная высотка. Мы на ней держались жёстко, било всё тогда по нам, миномёты, грады, танки. И даже «Акация» первый раз – и дай бог! – последний, в жизни у меня была.

Так держались мы всю ночь, утром наши подошли – помощь очень ждали мы. Ну и под утро перестрелка, «Град» наш с их «Градом» зацепился. Дуэль, можно сказать, современная случилась. Русский «Град» их победил, и Лесное (14) взяли мы. А за ним сразу на следующий штурм, через Георгиевский переезд, мы в городишко Лутугино (15) первыми с осетинами вошли. Изнасилованный город, сколько поиздевались там «воины»-укропы. Бросили кучу техники они, и сбежали все хохлы, ну а жители кричали «Ура-а-а!» вместе с эхом, они нам весь вечер так орали...

И чуть-чуть я упустил, дважды штурм другой ведь ещё был – бои разведкою два раза, в Христофоровке (16) же мы отличились, как могли, нас тогда похоронили, но мы живы – там опять Богом из пекла были выведены дважды. Между ВСУ и нацбатами перестрелку завели, а потом они своих добивали, думая, что это переодетые разведосы – то есть мы! Айдаровцы объявили нас тогда «кровниками» навсегда!

И до этого блокпост мы там брали – днём шли в полный рост. Вот название села подзабыл я, справа внизу было оно, от блока этого поста. Там впервые самолёт совершил на нас полёт, а ещё один по нам в поле сбросил дождь – из шариков прошла стена, то кассета прямо над нами взорвалась, Бог спас нас с Максом. С нами были с ПЗРК краматорцы – два бойца, они слышали по радиации – польские то были лётчики, мазилы-«асы».

Ну а снайперши из Прибалтики и Польши оставляли след свой тоже. Вместе с гильзами винтовок женских там прокладок много находили у лежанок. Это говорит о бабах, понаехали стрелять из США, из Канады, б... Мы одну из них драчили, ну, стрельни, её просили, вверх подкидывая банку. Насквозь прошла пуля в глаз Варану, жизнь свернула, двадцать семь было мальчишке. Убивали наших там без передышки, насчитал я двадцать два сослуживца, что знал я (читай про моих павших товарищах стих – «Ангелы Донбасса»).

Помню, был у нас мальчишка – Саныч, тоже снайпер – смелый слишком, мы с ним «Песню» зачищали. Это блокпост, украинцы так называли, он на самом, на верху – 380 метров. Нету выше на Донбассе высоты на географической карте, так вот! Флаг укроповский там взял я, он висел над всем над фронтом с северо-востока около Дебальцево (17), между Луганской и Донецкой областью. Саныч прямо перед этим снял двух офицеров смело, на другом блоке было дело. А солдаты ВСУ драпанули, бросив блокпост и командиров своих трупы. Саныч позже погиб, жаль, Русский мир он защищал. Ну и мы там постояли, тоже жизнью рисковали, помню холод и жару, грязь и ветер – ту войну. Как свои стреляли в спину, как нечаянно по ошибке, с перепугу и по мне, тоже было, например: ночью подошли к кукушке, темнота такая жуткая, а оттуда очередь – пароль не услышали. Это было в Канократовке (18), там ловили мы украинских солдатиков, в Комиссаровке (19) в тюрьме, Призрак, стрельбище, и посёлок Восьмое Марта (20), зима – весна 2015 года, запомнилось всё это мне.

В ЛНРе мы в Стаханове (21) стояли – комендатуру усилили, так с Алчевска начинали (батальон имени А. Невского). Призрак окружил нашу казарму – чуть не перестреляли друг друга со своими мы в разборках. А потом – Первомайск (22) мы защищали, был ещё Славяносербск (23), Тэшка, Знаменка (24) и Пришиб (25), 159-я высота возле Сокольников развороченного посёлочка (26). Ой там пустой участок фронта, мы мотались вдоль полгода как антитиверсионный взвод, командир ещё был жив – Баги, от своих, видать, погиб.

Жёлтое было село (27), укры прямо напротив – метров сто, Лобачёво – его наши парни разнесли, ну а мы вступили в бой, где рядом Долгое село (28). И потом в другую степь – Раёвка (29), что северней, а оттуда слышно ведь – грохот. Это на Весёлой горе по нашим стали бить, я там тоже побывал, оттуда станицу Луганскую (30) с чегаваровцами штурмовал, там сожгли «Урал» нацбата. Награждён шевроном казачьим был я за то на построении перед завидующими мне ребятами. Больше никаких наград с ЛНР не дали, ни одной медали, да, а в России тоже «наградили», ряженые казаки – нигде не воевавшие воры, обворовали Балтийский округ, а меня за правду звания казачьего лишили...

Вот и так воюем мы бесплатно для страны, всё для русского народа, ради памяти дедов, чтоб будущие поколения правильно воспитывать, чтоб остался Русский мир для потомков неделим!

Р. S. Насчитал более тридцати населённых пунктов ЛНР, где мне пришлось быть в 2014–2016 годах в боевой обстановке. Все три подразделения, где я служил в ЛНР, распались.

НАШ ВАРЯГ¹ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ НОВОРОССИИ

Врагу не сдавался по жизни Варяг,
Прошёл он аж несколько войн,
Зачем-то вернулся опять в роту к нам,
Хотя, о чём я – он же воин!

Я помню его на боевых,
И помню его в распоряге:
Простой, очень скромным, доброжелательным был,
Любил он семью и Донбасс свой...

¹ Варяг – Дмитрий Коньков – погиб в июле 2019 г. Он прошёл Сирию, но вернулся защищать свою родину – Донбасс. Взорвался на mine. Разведчику и морпеху, патриоту Русского мира Варягу – с памятью из России.

Берега памяти

Григорий Некрашевич

Григорий Константинович Некрашевич-Поклад – родился в 1961 году в деревне Беки Гомельской области. Срочная служба: 1979–1981, Закавказский военный округ, ВДВ. В 1988 году окончил ВВВАИУ, квалификация техник-механик, в 2002 году – Калининградский юридический институт МВД России, юрист по специальности «юриспруденция». Подполковник полиции. Последняя занимаемая должность: заместитель начальника (по учебной работе) Центра профессиональной подготовки УМВД России по Калининградской области. С 2014 года в отставке. Член общественного объединения Минское собрание наследников шляхты и дворянства. Автор книг: «От благородного рыцаря до почётного хлебороба», «Служить Отечеству». Журнал «Великороссь» – очерк об истории фамилии Поклад «Из польской шляхты – в казачество», журнал «Берега» – очерк о службе генерал-майора Некрашевича-Поклада Иосифа Григорьевича «Служба Царю и Отечеству. Очерк о церковнослужителях Поклад». Проживает в Калининградской области.

ДЕТИ ОТЕЧЕСТВА

Глава 3-я из книги «Служить Отечеству»

Александра Фёдоровна Некрашевич-Поклад – младший ребёнок в семье Фёдора Григорьевича и Михалины Станиславовны. Родилась 2 января 1898 года. С раннего возраста родители привили Александре тягу к наукам, к музыке. Помимо учителей, которые давали ей знания, также помогали и старшие сёстры.

В десятилетнем возрасте, в 1908 году, родители определили Александру в Мариинскую Могилёвскую женскую гимназию. В гимназию могли поступать девочки в возрасте от 9 до 12 лет. Гимназия находилась в ведении императрицы Марии, отсюда и её название – Мариинская. При поступлении девочки должны были сдать экзамены. Проверялось умение читать, писать, выполнять четыре действия с числами от 1 до 100 и знать главные молитвы. Александра показала на экзаменах блестящие знания.

При гимназии действовал платный пансион, куда Александра и была определена. В год нужно было платить 250 рублей. Фёдор Григорьевич, согласно своему жалованию, в состоянии был оплачивать указанную сумму. При этом дочь Вера уже обучалась на последнем курсе, где также требовалась оплата.

Срок обучения в гимназии – семь лет, предметы: Закон Божий, русский язык (грамматика вместе с важнейшими произведениями словесности), арифметика, геометрия, география, история, главные понятия из естественной истории и физики, домашнее хозяйство и гигиена, чистописание, рукоделие. Все, кто обучался необязательным предметам – французским и немецким языкам, рисованию, музыке, пению и танцам, должны были их оплачивать отдельно.

Родители порекомендовали Александре изучать французский язык, а также, по её просьбе – музыку.

Александра училась в гимназии с большой охотой, у неё были хорошие способности, когда возникали трудности, помогали сестра Вера и двоюродная сестра – Нина Ивановна Некрашевич-Поклад,

дочь брата Фёдора Григорьевича. С 1912 года она работала в Могилёвской женской гимназии классным надзирателем.

Александра увлеклась игрой на фортепиано, полюбила этот инструмент. Сёстрам и братьям так понравилось, как Александра играет и поёт, что они попросили родителей купить домой фортепиано. Родители выполнили просьбу детей и с гордостью слушали домашние концерты дочери. Александра пела романсы, аккомпанируя себе на фортепьяно.

Ещё Александра полюбила предмет, называемый «рукоделие». Казалось бы, пустяковый предмет. Однако в руководстве о его преподавании Министерством народного просвещения (в 1906 году) говорилось:

– первый класс: вышивка крестом, подрубка салфеток, полотенец, платков, шитьё постельного белья, детских передников и простой рубашки;

– второй класс: французский шов, сквозная строчка, петли прорезные и воздушные, пришивание пуговиц, штопка и заплаты; шитьё простейшего детского белья; вязание крючком, вязание на спицах детского чулка;

– третий класс: штопка чулочная, починка белья и платья и простого дамского; шитьё гимназического передника;

– четвёртый класс: кройка детского белья и простого дамского; шитьё гимназического передника;

– пятый класс: кройка и шитьё дамской юбки;

– шестой класс: кройка и исполнение дамского платья.

Михалина Станиславовна, мама Александры, была рада, что дочь преуспевает не только в изучении французского языка и музыки, но и в рукоделии.

Время учёбы прошло быстро, наступил последний, выпускной. После окончания 7-го класса гимназии выпускницы имели право на звание «домашней учительницы», а позднее и на преподавание в начальных классах. Но Александра Фёдоровна мечтала о продолжении обучения на фортепиано. Она попросила родителей, чтобы её отправили в консерваторию Санкт-Петербурга. Учитель музыки сказал Фёдору Григорьевичу, что у Александры отличный музыкальный слух и поёт она замечательно.

Фёдор Григорьевич в то время уже находился на пенсии и изъявил желание сопроводить дочь в столицу и поддержать её на экзамене. По дороге Александра сильно волновалась, молилась, просила Всевышнего дать ей силы выдержать экзамен. Фёдор Григорьевич также был взволнован, он очень любил дочь.

По прибытии в Санкт-Петербург Фёдор Григорьевич подал прошение на имя директора, в прошении заявил, что предмет выбран по классу фортепиано. При прошении приложил свидетельства: а) метрическое, б) медицинское, о привитии от оспы, а также об окончании женской гимназии и подготовительного курса по классу фортепиано. Были приложены также две фотографические карточки.

Александре представилось испытание: прослушивание, собеседование и чтение с листа. Экзамен выявлял общекультурный уровень поступающего, его эстетические взгляды, эрудицию в области музыкального искусства, знание основных этапов и закономерностей развития истории музыки, знание литературы по специальности.

Александра выдержала испытание и была зачислена в Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано в средний класс.

В то время в консерватории существовали три курса обучения – младший, средний и высший. Пребывание на каждом курсе зависело от уровня подготовленности студентов. Переход из одного курса на другой производился при достижении студентом определённого уровня техники игры и музыкальности исполнения. Срок обучения заранее не устанавливался: на каждом из трёх курсов студент обучался столько, сколько это было необходимо для достижения исполнительского мастерства. Такая система обеспечивала выпуск музыкантов высокой квалификации.

Александре довелось обучаться один год на среднем курсе и два – на высшем.

Через несколько дней после поступления Александры в консерваторию состоялось её знакомство с профессором Варварой Александровной Оссовской. Узнав, что Александра окончила гимназию и курс при гимназии по классу фортепиано, Варвара Александровна попросила исполнить произведение из творчества Бетховена. Александра исполнила Девятнадцатую и Двадцатую сонаты, потом, более сложную – Пятую. Варвара Александровна внимательно выслушала исполнение и сказала:

– Для первого раза неплохо.

Но работа только начиналась, Александра понимала, что ей предстоит ещё немало потрудиться.

– У вас неплохие перспективы в учёбе, – добавила Варвара Александровна.

Помимо музыкальных дисциплин, Александра проявляла любовь к французскому языку, считала не лишним для себя посещение подобного класса. Александра училась прилежно, со стороны профессорского состава замечаний к ней не было, поступали только похвалы за отличную успеваемость. Она упорно готовилась к экзамену.

Наступил день экзамена. Экзаменационную комиссию возглавлял Александр Константинович Глазунов. Когда Александра подошла к роялю, он предложил ей начать с Баха. Она сыграла десять-пятнадцать тактов фуги, а затем перешла к исполнению «Аппассионаты» Бетховена. Александр Константинович подошёл к роялю и сказал:

– Хорошо. Поздравляю с переходом на старший курс.

Александра Фёдоровна поспешила сообщить радостную новость родителям, сёстрам и братьям. Её старания в учёбе не прошли даром, бессонные ночи, переживания остались позади.

Студенты консерватории устраивали вечера, где выступали скрипачи, виолончелисты, вокалисты и пианисты, на вечерах присутствовали директор консерватории А. К. Глазунов и профессора, Александра понимала, как велика ответственность во время такого выступления, но все они были для неё успешными.

Приезжая домой на летние каникулы, Александра и здесь целиком посвящала себя музыке, играя с утра до позднего вечера.

За время обучения в консерватории она достигла высокого уровня исполнительского мастерства.

Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила условия работы консерватории. В 1918 году Петроград оказался отрезанным от периферии, число учащихся консерватории вследствие этого, а также из-за массового отъезда преподавателей и студентов сократилось до 600 человек; занятия проходили в экстремальных условиях. Здание консерватории не отапливалось, занятия были нерегулярными, студенты сидели в пальто, шапках, перчатках, которые снимали лишь для написания диктанта мелом на настенной грифельной доске или для проигрывания хора на ледяных клавишах.

Консерватория стала государственным учреждением, перейдя под крыло Народного комиссариата просвещения, и стала называться Петроградской консерваторией. Как новое правительство отнесётся к студентам дворянского сословия, разрешит ли им продолжить обучение, было неизвестно. Александре не хотелось покинуть консерваторию, не доучившись. Родители боялись и переживали за дочь. Профессорский состав консерватории предложил своим студентам продолжить обучение. Весной 1918 года был произведён 53-й выпуск учащихся. Александра, выдержав экзамен, получила диплом о высшем музыкальном образовании и вернулась к родителям. За годы обучения она приобрела знание трёх иностранных языков – польского, немецкого и французского, могла свободно разговаривать и переводить на русский.

Вернувшись домой, Александра стала искать работу по своему профилю – преподавание музыки или обучение иностранным языкам. Она обратилась в Мстиславское высшее начальное училище. Её приняли на работу, такие специалисты были востребованы. На дому Александра давала уроки музыки по классу фортепиано.

Однажды прогуливаясь летом в парке, Александра познакомилась с очаровательным молодым человеком – Иваном Михайловичем Вигуро. Они стали встречаться, Александре было приятно внимание Ивана Михайловича, он был из старинного дворянского рода, хорошо воспитан, эрудирован. Не доучившись в университете, он был призван в армию и оказался в аду Первой мировой войны, Иван Михайлович рассказывал Александре Фёдоровне об артиллерийских обстрелах, о газовых атаках врага, когда русские солдаты массово умирали от удушья.

Иногда Александра Фёдоровна отказывалась от встречи, оправдываясь тем, что занята домашними уроками и работой в женской гимназии, на что Иван Михайлович отвечал:

– Пусть наши встречи не будут помехой твоей работе.

Он знал, что в дворянских кругах господствует представление о музыке как о своеобразном украшении аристократического общества, как развлечении в часы досуга. Занятия музыкой считались в этой среде признаком тонкого европейского воспитания и светской «галантности».

Пришло время, когда Иван Михайлович попросил Александру Фёдоровну познакомить его с её родителями.

Он был приглашён на обед, в воскресенье. Иван Михайлович волновался, ведь он знал отца Александры как грозного уездного начальника, неважно, что теперь он пенсионер, характер остался прежним.

И вот наступил долгожданный день, к которому Иван Михайлович тщательно готовился, он предупредил своих родителей, что будет просить руки Александры.

Александра Фёдоровна представила родителям Ивана Михайловича и села за столом рядом с ним. Фёдор Григорьевич был знаком с родителями Ивана Михайловича, потому не стал расспрашивать о них. Стал рассказывать о беспорядках в городе, о бесчинствах «пьяных отрядов красноармейцев». Иван Михайлович попытался успокоить его: «Постепенно всё уляжется». Но Фёдор Григорьевич возражал: «Нет, пропала Россия».

Михалине Станиславовне такое течение беседы не понравилась, она знала, с какой целью пришёл Иван Михайлович, и постаралась перевести разговор на другую тему. Иван Михайлович, выбрав момент, поднялся со стула и обратился к родителям, немного высокопарно попросив руки и сердца их дочери Александры. Родители не возражали. Обговорили время, когда засылать сватов. В начале 1919 года сыграли свадьбу. Таким образом образовалась семья Ивана Михайловича и Александры Фёдоровны Вигуро. После свадьбы молодые стали проживать у родителей Ивана Михайловича.

Вскоре Фёдор Григорьевич Некрашевич-Поклад погиб от рук бандитов. Для семьи Вигуро это было огромное горе. Иван Михайлович пообещал разыскать убийц, но сделать это было сложно, новой власти неинтересна была судьба бывшего уездного исправника.

Автору этого очерка так и не удалось разыскать в архивах уголовное дело по факту убийства бывшего коллежского советника Фёдора Григорьевича Некрашевича-Поклада. Можно предположить, что дело и не заводилось.

Прошёл год, и Александре Фёдоровне подошло время уходить в отпуск по беременности. Женщинам в связи с беременностью и родами новой властью было установлено пособие: отпуск в размере полного их заработка на период восьми недель до родов и восьми недель после.

8 января 1920 года у Ивана и Александры родился сын, которому дали имя Лев. Жаль, что не дождался внука Фёдор Григорьевич. В 1921 году родился второй сын – Евгений.

Иван Михайлович с супругой к этому времени обзавелись хозяйством, они решили, что Александра на работу не выйдет, будет заниматься воспитанием сыновей и домашними делами, Иван Михайлович был в постоянных разъездах по долгу службы, редко бывал дома. Александра, для поддержания семейного бюджета, продолжала давать уроки по классу фортепиано.

Иван Михайлович работал директором «товарообменного пункта» в одном из колхозов неподалёку от Мстиславля. В целях усиления смычки города и деревни в уезде была создана сеть «товарообменных пунктов» (магазинов). Крестьянам для обмена на зерно предлагались различные товары: соль, спички, мануфактура, серпы, ручные косы, колёсные мази и многое другое, без чего нельзя было обойтись в крестьянском хозяйстве.

Работа у Ивана Михайловича была не из лёгких, надо было удовлетворить все просьбы трудящихся, строго контролировать этот «натуральный обмен». Он дневал и ночевал на работе, чувствуя свою ответственность, старался, чтобы каждый колхозник остался доволен той или иной покупкой. Иван Михайлович не вылезал с оптовых баз, которые находилась в городе Рославле Смоленской губернии.

С 1919 по 1924 год Мстиславль находился в составе Смоленской губернии, с 1924 года – в Белорусской ССР; с 17 июля того года стал районным центром Могилёвской области.

Иван Михайлович в Рославле завоевал авторитет у местного руководства, его считали способным организатором, ответственным руководителем своего ранга. Однажды его пригласили в райисполком и предложили работу на заводе, выпускающем стеклоизоляторы, в качестве заместителя коммерческого директора, с выделением квартиры для семьи.

История этого предприятия такова: в 20-е перед молодой Советской республикой остро стояла проблема электрификации, для надёжной изоляции воздушных линий электропередач в ту пору применялись фарфоровые изоляторы, но они были непомерно дороги, и специалисты предложили производить стеклоизоляторы, которые имели большую механическую прочность и медленнее подвергались старению в сравнении с фарфоровыми. Но, самое главное, были дешевле.

Иван Михайлович организовал переезд семьи на новое место жительства, в Рославль, дом оказался добротным, с большими комнатами. Тут же встал вопрос о переезде к ним Михалины Станиславовны, мамы Александры, которая проживала одна после смерти Фёдора Григорьевича. Она приняла предложение детей с радостью, ей нравилось нянчиться с внуками.

В 1925 году в семье Ивана Михайловича и Александры Фёдоровны рождается сын, которому дали имя Аркадий. Михалина Станиславовна была очень рада появлению ещё одного мальчика, она не боялась новых забот.

*Александра Фёдоровна на отдыхе в Крыму.
1932 год*

В 1926 году родилась дочь Алла. Вся семья была рада рождению девочки, но, к большому горю, через семь месяцев девочка умерла. Но жизнь продолжалась, Иван Михайлович был загружен работой, а Александра занималась воспитанием троих сыновей.

Иван Михайлович был назначен директором завода, прежний директор ушёл на повышение в Смоленск. Работа ответственная, нагрузка огромная, но отказаться было невозможно – коль партия требует, нужно выполнять поставленную задачу.

В 30-е годы завод работал на полную мощь, Иван Михайлович разрывался между производством и семьёй, начало подводить здоровье, но Иван Михайлович не привык жаловаться на судьбу. В 1936 году семью Вигуро потрясло горе: умерла Михалина Станиславовна.

На пороге стоял 1938 год, старший их сын Лев заканчивал среднюю школу, Лев решил стать военным и подал документы в Московское военно-инженерное училище. Однако по состоянию здоровья ему было отказано. Лев настолько чувствовал себя военным, что не мог поверить, что здоровье его подвело. Он обратился в письменной форме к наркому обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову, прося разрешить ему досрочно уйти в армию. В начале 1939 года пришёл ответ о том, что невозможно находиться в рядах Красной армии с диагнозом, несовместимым с несением военной службы.

Тем не менее Льва не покидала мечта стать военным. В 1939 году он предоставил документы с пройденной медицинской комиссией в Калининское военное училище химической защиты. Каким образом ему удалось пройти медицинскую комиссию, история умалчивает. Он успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс.

Иван Михайлович и Александра Фёдоровна были рады, что мечта сына сбылась.

Лев Иванович активно принимал участие в общественной жизни училища. За успехи в боевой и политической подготовке ему было присвоено воинское звание сержант с назначением на должность командира отделения. Командование училища, заметив старания Льва Вигуро в службе, предложило стать кандидатом в члены ВКП(б). В мае 1940 года на общем училищном партийном собрании сержант Лев Иванович Вигуро был принят кандидатом в члены ВКП(б). Он тут же сообщил об этом родителям.

В мае 1941 года по приказу НКО СССР № 00275 Вигуро Льву Ивановичу при выпуске из военного училища присваивается воинское звание лейтенант, он направляется в 7-й стрелковый полк, который дислоцировался в городе Молодечно, на должность командира миномётного взвода.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, взвод лейтенанта Вигуро, при ведении огня по противнику, попал под авиационный бомбовый удар, Лев Иванович получил контузию, но в медсанбат ехать отказался и продолжал вместе со своим взводом выполнять боевые задачи.

Прикрывая отход полка в направлении Минска, взвод лейтенанта Вигуро попал в окружение, Лев Иванович пытался вывести взвод, но получил осколочные ранения обеих ног и руки. Он потерял сознание и остался на оккупированной немцами территории. 7 июля 1941 года он был найден гитлеровцами без сознания в шестнадцати километрах от города Минска.

Лев Иванович очнулся от тряски на повозке, его везли в лагерь для военнопленных в Минск.

Командование полка известило родителей, что Вигуро Лев Иванович героически погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Родители были потрясены этой утратой.

В начале Великой Отечественной войны был призван в армию Евгений Вигуро, 4 апреля 1944 года, после освобождения Рославля, пришло сообщение, что он пропал без вести.

3 августа 1941 года немецко-фашистские войска оккупировали Рославль. Иван Михайлович с женой Александрой Фёдоровной, которая свободно владела несколькими иностранными языками, в том числе немецким, и сыном Аркадием, по заданию обкома партии, остались в городе для ведения подпольной работы против немецких захватчиков. Иван Михайлович понимал, что подвергает свою семью опасности, но, будучи коммунистом, иначе поступить не мог.

Он стал налаживать связь с жителями города, на которых можно было в этой работе рассчитывать.

Жене и сыну он объяснил, что им нужно отомстить за Льва и помочь бить врага Евгению. Аркадий заявил, что уже состоит со своими друзьями в подпольной организации Евгения Скачко и будет бить фашистов. Родители попросили его быть осторожным.

Иван Михайлович был связным городского подполья с партизанским отрядом. Но одна из подпольщиц попала в поле зрения гестапо, за ней установили слежку. От командира партизанского отряда она получила приказ немедленно покинуть город. Исходя из тяги к нажитому бараклу, она, без разрешения руководства подполья, решила отнести свои вещи на хранение к семье Вигуро. Иван Михайлович был удивлён неожиданным появлением женщины, она нарушила конспирацию, но, по своей доброте, вещи её принял, даже не зная, что в этих узлах находится. Подпольщице под покровом темноты удалось покинуть город. Ночью к Вигуро нагрянуло гестапо, при обыске в вещах подпольщицы обнаружили гранаты и пистолет. Ивана Михайловича, Александру Фёдоровну и Аркадия арестовали, они были подвергнуты зверским истязаниям, пыткам, фашисты пытались узнать, где находится партизанский отряд. Но семья Вигуро вела себя героически и не выдала партизан. 1 июля 1942 года их расстреляли.

История подполья города Рославля исследована ещё не полностью, не установлены имена многих его участников, которые мужественно боролись с врагом. Ещё долго предстоит историкам устанавливать истину, чтобы найти не только имена героев, павших за Родину, но и тех, кто выдавал их фашистам.

Льву Ивановичу Вигуро была уготована сложная судьба. В конце июля 1941 года из минского лагеря их отправили в концлагерь города Бяла-Подляска, в восточной Польше. Затем его перевезли в Германию, в концлагерь, находившийся в городе Хаммельбург, в Баварии. В этом лагере Лев Иванович едва не был расстрелян из-за внешнего сходства с евреем. Лишь по чистой случайности он остался жив. В декабре 1941 года его перевезли в концлагерь, расположенный на реке Дунай. Лев Иванович испытывал глубокую ненависть к врагу и сожалел, что не может отомстить за своё пленение.

В марте 1942 года его перевозят в «Шталаг XIII-D» в город Нюрнберг. Город расположен на севере центральной части Баварии, на реке Пег-

Вигуро Лев Иванович

*Семья Вигуро.
Иван Михайлович, Александра Фёдоровна, их дети:
справа налево – Лев, Евгений, Аркадий*

ниц. Пленные были размещены в больших брезентовых балаганах, на земле – солома, очень холодно. Напали вши – пошла большая смертность. Мёртвых увозили ночью, из четырёх больших балаганов пленных осталось только в двух – половина умерла.

Повезло тем, кого выводили из лагеря на работу. В числе таких счастливиц оказался Лев Иванович, его определили на военный завод. На свой страх и риск он вредил на заводе чем мог. О своей деятельности с другими пленными не говорил, из опасения предательства. В лагере Лев Иванович встретился со своим другом по военному училищу лейтенантом Александром Сергеевым. Он поделился с ним мыслями о том, как нанести вред врагу, но так, чтобы никто тебя не смог заподозрить. Они вместе чинили различные станки и конвейеры. В конце 1944 года, заподозрив в частых поломках станков Сергеева, его увезли в другой концлагерь. Льва Ивановича оставили, не смогли доказать его вину. Больше ему с Сергеевым встретиться не довелось. Лев Иванович отлично владел немецким языком, и его иногда пытались использовать в качестве переводчика, он отказывался, говоря, что немецкий язык знает слабо.

Приближался конец войны, фашисты с остервенением стали расправляться с военнопленными. Многие товарищи Льва Ивановича погибли, но он остался жив.

В конце 1944 года в лагере начали появляться представители власовской армии, проводя агитацию среди военнопленных по поводу вступления в Русскую освободительную армию (РОА). Потом стали просто отбирать военнопленных и уводить на другую сторону построения, тех, кто сопротивлялся, сразу же расстреливали. Таким образом Лев Иванович оказался в РОА. Он знал, что переступил порог своей совести, офицерской чести. Но понимал, что, получив оружие в руки, сможет отомстить фашисту за своих товарищей. Он решил, что, попав на фронт, приложит все усилия, чтобы сдаться в плен. Он ещё не знал, что его родители и младший брат Аркадий погибли от рук фашистов.

В марте 1945 года он был зачислен в РОА, и его направили в офицерскую школу в город Мюнзинген, расположенный в земле Баден-Вюртемберг. Лев Иванович старался всячески симулировать, показывая, что его здоровье утеряно в лагерях, но его перевели в формирующуюся бригаду, где он нашёл единомышленников. Бригаду не успели отправить на фронт, война закончилась.

Находясь в зоне оккупации американской армии, Льву Ивановичу снова пришлось испытать все муки плена. Американцы проводили отбор для вербовки, в основном делали упор на прибалтов и украинских националистов.

Лев Иванович мечтал вернуться на свою Родину, надеялся, что при проверке фактов, безвыходность его положения в плену будет учтена. Но он ошибался.

В архиве мною был обнаружен документ, спецсообщение уполномоченному СНК СССР по делам репатриации граждан СССР, генерал-полковнику Голикову, г. Москва.

СПЕЦСОБЩЕНИЕ

г. Берлин

Нами были составлены и вручены командованию списки 3-й армейской армии из 3235 человек, в том числе 314 офицеров, содержащихся в американском лагере для военнопленных № 431 в г. Платлинг, бывших военнослужащих Красной Армии, попавших в плен к немцам и впоследствии добровольно перешедших на службу в РОА и в другие национальные формирования, принимавших на стороне врага участие в боях против армий союзников.

Командование американской армии приняло решение перепроверить наши списки и лиц, указанных в них, на предмет определения их гражданства. Председателем комиссии являлся зам. командира 4 армейской танковой дивизии генерал Робертс.

Нашим офицерам участвовать в этой комиссии американское командование не разрешило.

Комиссия свою работу закончила и определила: 1597 человек, в том числе 191 бывший офицер, подлежат отправке под охраной в Советский Союз, а 1638 человек, в том числе 150 офицеров, – отправке не подлежат, так как они комиссией определены, как не советские граждане, они изъявили желание уехать в США.

22 февраля 1946 года Штаб Юстэф сообщил, что на 24.02.46 г. назначена отправка в советскую оккупационную зону 1597 человек из лагеря для военнопленных г. Платлинг двумя эшелонами.

Для сопровождения эшелонов мною были выделены мои помощники подполковники т. т. Фоменко и Бурашников.

Организация отправки.

За сутки до начала погрузки в эшелоны, по приказу командира 4-й танковой дивизии, была прервана телефонная связь и посещение лагеря Платлинг родственниками содержащихся в лагере, преследовалась цель – скрыть подготовку отправки, о ней в лагере никто не должен был знать.

С вечера 23.02.46 г. охрана лагеря была усилена за счёт танкового батальона, оцепившего весь лагерь. Допуск в лагерь был прекращён для всех, за исключением командования дивизии и администрации лагеря.

Утром 24.02.46 г. к лагерю и станции погрузки Платлинг, для обеспечения организации отправки, было выделено 3000 человек американских солдат, 18 танков, 40 броневиков и 20 автомашин с пулемётами. Солдаты, кроме имеющихся у них вооружения, имели деревянные палки.

На железной дороге станции Платлинг были подготовлены два эшелона по 40 вагонов каждый. Охрана каждого эшелона состояла из 6-ти человек американских солдат на вагон, и 5-ти офицеров, из них один – старший на эшелон.

Погрузка первого эшелона началась в 7:00 часов 24.02.46 г. в следующем порядке: все лица, подлежащие отправке, выстроены в лагере перед своими бараками, и группами по 15 человек грузились на автомашины. Каждая автомашина до станции погрузки охранялась 5-ю американскими солдатами и сопровождалась автомашиной «ВИЛЛИС» с пулемётом. На всём пути от лагеря до станции погрузки стояло оцепление из американских солдат и бронемашин. Территория лагеря и бараки охранялись танками и бронемашинами. При погрузке в вагоны американцы производили тщательный обыск, изымая все остро режущие предметы, а также верёвки, ремни, спички и др. предметы, которые могли быть использованы для попытки к самоубийству.

Погрузка первого эшелона закончилась в 15:00, второго – в 18:00 часов 24.02.46 г. Эшелоны отправались немедленно по окончании погрузки.

Организацией отправки и погрузки руководили: командир 15 американского корпуса, он же командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Приккет и его заместитель генерал Робертс. Оба находились во время погрузки в лагере и все распоряжения исходили от них по телефону и по радио.

В организации погрузки и отправки с нашей стороны не участвовал никто, так как командование возражало, боясь инцидентов.

До приёмопередаточного пункта советской оккупационной зоны станции Шомберг эшелоны сопровождали мои помощники: 1-й эшелон – подполковник т. Бурашников; 2-й эшелон – подполковник т. Фоменков, которые сели в эшелоны на станции Платлинг, во время их отправки, согласно предварительной договорённости с командованием.

Происшествия при погрузке и в пути следования.

Ещё до погрузки в вагоны, т. е. в бараках лагеря, 9 человек из числа подлежащих отправке, решили покончить жизнь самоубийством путём вскрытия вен, из них – 3 человека умерло, фамилии изначально американцы назвать отказались, а потом стали отрицать этот факт; 4 человека отправлено в госпиталь в тяжёлом состоянии. Рядовой Константин Кувшинов перочинным ножом нанёс себе порезы живота и груди; рядовой Иван Бондаренко разрезал себе полость живота. Оба они после оказания медицинской помощи были погружены в вагоны и отправлены с эшелонами.

Таким образом со станции Платлинг в эшелонах было фактически отправлено 1590 человек.

В пути следования в ночь с 24 на 25.02.46 г. в вагоне повесился на кожаном шнурке от ботинок рядовой, бывший пропагандист РОА, Кузьма Беликов; разрезал горло и вскрыл вены бритвенным лезвием бывший офицер Красной Армии майор Пётр Коновалов, который остался жив, ему оказали медпомощь.

Рядовой Константин Кувшинов, который тяжело ранил себя ещё до погрузки в лагере Платлинг, но был посажен в вагон после оказания медпомощи, в пути скончался, видимо от потери крови. Это произошло вследствие отсутствия должной бдительности со стороны американской охраны.

Побегов, как при погрузке, так и в пути следования, не было.

Передача в советской оккупационной зоне.

25.02.46 г. днём на станции Шомберг происходила передача вышеуказанных 1590 человек по спискам и акту. В списках офицерского состава значится Вигуро Леон (Лев) 1920 г. р., лейтенант.

Принимал начальник приёмопередаточного пункта подполковник т. Князев, которому и вручены списки на 1590 человек.

Передача производилась путём перезагрузки из американских вагонов в эшелон, поданный нашим командованием при выделении соответствующей охраны, для обеспечения безопасности при перегрузке и охраны в дальнейшем пути следования.

При перегрузке имели место следующие заявления:

а) Из двух вагонов находившиеся там лица отказались выходить, заявляя: «Расстреливайте здесь, но мы ни за что не выйдем из вагона»;

б) Отдельные лица при переходе из американских вагонов в наши заявляли: «А где же “волки”, которые нам рассказывали, чтобы не ехать, ведь они – полковники, майоры» и т. д. «Когда же будете расстреливать?»

Наши мероприятия:

24–25.02.46 г. ознакомившись на месте с тем, как происходила отправка лиц вышеуказанной категории из американского лагеря для военнопленных в г. Платлинг, мною 28.02.46 г. лично вручено письмо начальнику штаба 3-й армейской армии генералу Карлетон, в котором опротестовано заключение комиссии о том, что оставшиеся в лагере 1638 человек бывших военнослужащих Красной Армии не являлись советскими гражданами, неподлежащими под действие директивы ЮСФЕТ от 4 января 46 г., а потому не подлежащими отправке в Советский Союз.

Приложение: Списки на 191 человек б/офицеров Красной Армии, отправленных в составе указанных эшелонов.

Генерал-майор Давыдов
«28» февраля 1946 года
№ 0456
г. Мюнхен.

Автор очерка привёл архивный материал для того, чтобы показать, как вёл себя лейтенант Лев Иванович Вигуро во время передачи его из немецкого плена в Советский Союз. Ведь при вербовке американцами он мог не согласиться ехать на Родину, а перейти к американцам, он отлично понимал, что его ждёт, верил в справедливость, которая должна восторжествовать, ведь против Красной армии он не воевал.

После помещения их в лагерь для репрессированных Лев Иванович попал на проверку в «Смерш», а затем – под следствие, которое продолжалось семь месяцев. Следователям Лев Иванович подробно изложил свою историю, от военного училища до пленения фашистами, рассказал о том, что был ранен и в плен попал в бессознательном состоянии. Сейчас уже не является секретом, каким образом выбивали показания следователи. Льва Ивановича избивали, за ночь несколько раз выводили на допросы, принуждая его подписать, что он, советский офицер, добровольно сдался в плен с оружием в руках, был активистом во власовской армии.

Лев Иванович чувствовал, что его могут сломать, силы на исходе, может быть, лучше, чтобы расстреляли и муки закончились. Чтобы избежать страданий, он решил подписать всё, что требовали следователи.

Военным трибуналом группы оккупационных войск в Германии Вигуро Лев Иванович, согласно ст. 106 приказа ГУК НКО № 02617–44 г., в отношении исключения из списков Вооружённых сил Союза ССР командира миномётного взвода 7-го стрелкового полка как пропавшего без вести в июне 1941 года, был осуждён к 10 годам ИТЛ. Его лишили воинского звания, отныне он не являлся участником Великой Отечественной войны. Но Лев Иванович верил, что придёт время и его дело пересмотрят.

Льва Ивановича этапировали отбывать срок в Архангельскую область. Находясь в лагере, он узнал, что его родители и брат Аркадий погибли от рук фашистов в Рославле, а брат Евгений в апреле 1944 года пропал без вести. В январе 1951 году его перевели в г. Воркуту Коми АССР. За хорошее

поведение и добросовестный труд Лев Иванович был досрочно освобождён, но, по просьбе администрации, остался работать в колонии и проработал там с 1955 года по сентябрь 1978 года техником-нормировщиком, инженером по ТБ, инженером по организации труда.

Однажды его вызвали в Воркутинский городской военкомат для награждения медалью «За победу над Германией», но потребовали справку о снятии судимости, однако судимость не была снята и в награждении ему было отказано.

Но жизнь продолжалась, друг задал вопрос Льву Ивановичу, думает ли он обзаводиться семьёй, по возрасту давно пора. Лев Иванович ответил, что он никому не нужен со своей судимостью. Но товарищ упорно настаивал, предложил познакомиться с девушкой, показал её фотографию, это была подруга его жены, её звали Шура.

Лев Иванович попросил адрес девушки, завязалась переписка, Лев Иванович уговорил Шуру приехать к нему в Воркуту и познакомиться лично. Как это ни странно, но Шура – Лаптева Александра Степановна – решила съездить из Орловской области в Воркуту. Это произошло в 1956 году. Подруга рассказала ей, что Лев Иванович – человек честный и порядочный, но с трагической, трудной судьбой.

Лев Иванович встретил Александру Степановну на вокзале, они разговорились, им показалось, что они давно знают друг друга. Лев Иванович не стал медлить и предложил Александре выйти за него замуж. Она растерялась, но вдруг поняла, что ждала этого предложения, потому и приехала в такую даль, в Воркуту.

7 мая 1956 года они расписались и справили свадьбу. Администрация выделила им в бараке комнату. 2 января 1957 года в семье Вигуро рождаются девочки-двойняшки, Ольга и Татьяна.

Лев Иванович и Александра Степановна испытали много трудностей, быт был налажен плохо, в Воркуте суровые зимы, нужно было постоянно топить печь, издалека носить ведрами воду, бывали перебои с продуктами. Но они не унывали, растили и воспитывали детей.

Судимость со Льва Ивановича сняли в 1957 году. За безупречный труд он неоднократно поощрялся администрацией грамотами и денежными вознаграждениями, был удостоен Почётного знака к 25-летию Печорского угольного бассейна. Лев Иванович выполнял большую общественную работу, был избран профоргом, а затем председателем профсоюзной организации предприятия; заместителем председателя группы народного контроля.

Своим упорным трудом Лев Иванович смог завоевать в коллективе предприятия заслуженный авторитет, коллеги и руководство относились к нему с уважением. Фотография его была размещена на доске Ветеранов труда.

Однако реабилитирован он не был, и это было обидно, видя незаконность и несправедливость протоколов, по которым был осуждён. Руководство предприятия посоветовало ему обратиться в соответствующие органы по поводу реабилитации, обещали поддержку. Так он и сделал, но, к сожалению, пришёл ответ: «Вы осуждены правильно и причин к пересмотру Вашего дела нет». Больше Лев Иванович никуда писать не стал.

Проработав более двадцати лет на Крайнем Севере (Воркута является районом Крайнего Севера), Лев Иванович получил право оформить пенсию по старости на пять лет раньше общеустановленного срока. Льва Ивановича проводили на пенсию с почестями и памятным подарками.

После этого Лев Иванович и Александра Степановна решили поменять место жительства, дочери уже выросли, Ольга после окончания средней школы вышла замуж и в 1975 году родила сына Евгения, а в 1994 году – сына Таира, в 1994 году её семья переехала на постоянное место жительства в Пермскую область.

Татьяна после окончания средней школы пошла учиться в торгово-кулинарное училище, затем окончила курсы бухгалтеров. Вышла замуж, в 1982-м родила дочь Наташу, в 1993 году – сына Данила.

В 1978 году Лев Иванович и Александра Степановна купили небольшой дом в городе Щёкино Тульской области. Жизнь на пенсии Льву Ивановичу показалась скучной, он привык быть среди людей, заниматься делом. Через два года он пошёл работать мастером на предприятие учреждения УЮ-400/7 ГУИН Минюста России (строгий режим, 1300 мест), Щёкинский район Тульской области, посёлок Социалистический. Он проработал там с 1980 по 1993 год. Однажды, простыв на работе, взял больничный лист, пришёл домой с высокой температурой, вечером лёг спать и уже не проснулся.

*Михалина Станиславовна
Некрашевич-Поклад, супруга
Мстиславского уездного исправника
Фёдора Григорьевича Некрашевича-Поклада*

Лев Иванович Вигуро ушёл из жизни 10 марта 1993 года, а 1 февраля 2006 года перестало биться сердце его жены, Александры Степановны.

28 февраля 2022 года от тяжёлой болезни ушла из жизни их дочь, Ольга Львовна. Остались её сыновья: Евгений и Таир. У Евгения – сын Алексей и дочь Екатерина.

Дети Татьяны Львовны: дочь Наташа и сын Данил. У Наташи трое детей, дочери Настя и Татьяна и сын Лев.

Почему автор очерка столь подробно раскрыл историю сына Александры Фёдоровны Вигуро (Некрашевич-Поклад)? Изучив архивные материалы о жизни Льва Ивановича, автор не смог остаться в стороне, пройти мимо, ведь подобных историй в те времена было тысячи и тысячи. Люди всю свою жизнь посвящают честному труду, верят своей Родине, как бы тяжело ни складывалась их жизнь.

*Вигуро Лев Иванович и супруга Александра Степановна,
г. Воркута, 1960 год*

Их дочери: слева – Ольга, справа – Татьяна

Берега памяти

Лидия Довыденко

О КНИГЕ ГРИГОРИЯ НЕКРАШЕВИЧА-ПОКЛАДА «СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ»

(Калининград, 2024)

История любой семьи – это часть истории рода, народа, человечества. Очень важно, чтобы дети и внуки знали, кто были их предки. Григорий Константинович Некрашевич-Поклад добросовестно и упорно десятки лет работал с архивами Москвы и Минска, Санкт-Петербурга, Варшавы, Киева, Житомира, переписывался и встречался со многими людьми, имеющими фамилию Поклад и Некрашевич-Поклад. И эти наработки вылились в две книги: «От благородного рыцаря до почётного хлебороба» и «Служить Отечеству». В своих устремлениях – проследить историю рода Некрашевичей-Покладов, Григорий Константинович опирался на широкое понимание того, что историческая общность этой фамилии способствует единению братских славянских народов, несмотря на все политические коллизии и провокации последнего времени. Эта мысль дала ему свежий заряд сил и вдохновения.

Очень интересна книга «От благородного рыцаря до почётного хлебороба», в которой представлена история фамилии Поклад, прослеженная с XVII века до наших дней.

И вот новая книга «Служить Отечеству», прослеживающая огромный по численности род, включающий в течение веков около 800 персонажей.

Григорий Константинович родился в Гомельской области, но многие представители семьи родились и жили в Могилёвской области, которая является и моей Родиной, – вот почему я с таким сосредоточенным вниманием прочла обе книги.

Григорий Некрашевич-Поклад говорит:

– Как гласит народная мудрость: «Без корня и полынь не растёт». И если обрубить корень, растение лишается питания и жизни. В поговорке заложен большой философский смысл. Всё живое (включая и растения, и людей) не может существовать без своих корней. Для человека его корни – это семья. Через века тянется цепочка событий, в которых участвовали наши предки, герои и самые обычные люди. Нет на земле такой семьи, которую бы стороной обошла история её рода.

Широк спектр профессий представителей рода Некрашевичей-Поклад. Это чиновники и военно-служащие до революции 1917 года, участники Первой мировой войны и русской эмиграции, участники Великой Отечественной войны, награждённые орденами и медалями, журналисты, дипломаты, артисты, хлеборобы – в наше время.

Им были найдены братские могилы на территории современной Калининградской области с именами Некрашевичей-Поклад в Багратионовске, Балтийске, Мамоново, Гурьевске и в Советске. Это участники штурма Восточной Пруссии.

Очень интересна судьба Александры Фёдоровны Некрашевич-Поклад, окончившей женскую гимназию в Могилёве и потом – Петербургскую консерваторию по классу фортепьяно. Её могла бы ожидать судьба талантливой исполнительницы, если бы не революция и за ней – гражданская война, но она вышла замуж за революционера. Муж – Иван Михайлович Вигуро – большевик, коммунист, директор стекольного завода. У них было трое сыновей. Погибли они в 1942 году в Белоруссии, были расстреляны фашистами за подпольную работу вместе с младшим сыном, а судьба старших детей сложилась трагически: один умер в эмиграции, другой оказался в ГУЛАГе.

Григорий Некрашевич на презентации книги «Служить Отечеству» в Калининградской областной научной библиотеке в своём выступлении обратился к словам писателя Василия Сухомлинского, говорившего о том, что, если у человека в душе нет прошлого, у того нет и будущего.

И, вооружившись этой мыслью, он начал работать в архивах, с удивлением открывая для себя предков среди чиновников, верно служивших Отечеству. В голове как-то крепко сидело прочитанное в произведениях Н. Гоголя, А. Чехова лихоимство чиновников, понимание поверхностности их и бестолковости. Архивные исследования позволили открыть для себя, а потом и в своих книгах читателю историю чиновничества в безупречных биографиях людей, служивших Отечеству со всей ответственностью. Например, Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад, служивший чиновником в Могилёвской губернии в 19-м веке, не получивший ни единого замечания, и только благодарности в его послужном списке.

Семён Григорьевич Некрашевич-Поклад работал с губернатором Могилёвской губернии, много сделал для развития образования, награждён орденом Святой Анны. Ему принадлежит опыт описания Могилёвской губернии, история пчеловодства в губернии, которая принадлежит к ярким исследованиям в этой сфере человеческой деятельности.

Удивительная биография Иосифа Григорьевича Некрашевича-Поклада, который был ранен под Порт-Артуром, оказался в плену у японцев. Когда офицерам разрешили вернуться в Россию, он хотел остаться со своими однополчанами, но его уговорили вернуться домой, чтобы рассказать об их храброй, героической битве. Участвовал в Первой мировой войне, в Брусиловском прорыве, умер в Черногории.

Автор книги составил родовое древо с гербами Нечуя и Поклада, поясняя, что в начале 15-го века одна из ветвей рода Поклад (1410 год, Грюнвальдская битва) образовала двойную фамилию Некрашевич-Поклад. Она звучала: Нечуя (герб)-Некрашевич (фамилия)-Поклад (род). Род ведёт своё начало от кашубов, живших на территории от устья Вислы до Жарновского озера. Помимо обязательного участия в военных событиях (входили в Сандомирскую хоругвь), основным видом занятий было рыболовство, поэтому они получили прозвище Поклад, верхняя часть рыболовецкого судна – палуба, которая на польском языке звучит как поклад.

В 1608 году Алексей Артемьевич Некрашевич-Поклад настолько был в милости у короля Сигизмунда Третьего, что король пожаловал его в Мстиславском воеводстве землями и вотчинными именьями в Кричеве. Так образовался в дальнейшем род в Могилёвской губернии Некрашевичей-Покладов, прибывших на эти земли 25 мая 1608 года.

Очень интересна глава, посвящённая хранителю перстня Нечуя – Евгению Ивановичу Некрашевичу (1910–1988), участнику Великой Отечественной войны, после победы работал в Томске в Контрольном ревизионном управлении Облфинотдела на должности ревизора. К сожалению, перстень был утерян во время войны, и автор книги Григорий Константинович восстановил его по описанию – герб Нечуя, прорезанный на сердоликовом камне, оправленном золотом.

В книге собраны сведения о жизни Некрашевичей-Покладов – офицеров Российской армии, участников Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, история жизни известного дипломата Бориса Иосифовича, знаменитого тележурналиста Александра Борисовича Поклада, писателя, главного редактора информационной службы НТК «Звезда». Он стоял у истоков «Вестей», НТВ и телеканала «Звезда». В его творческом багаже тысячи телерепортажей и комментариев из горячих точек. Умер в 2019 году.

В роду Покладов основатель цирковой династии – Павел Дмитриевич. Он работал вместе с женой Ниной Сергеевной в Большом Московском цирке на проспекте Вернадского.

Их сын Дмитрий Павлович – заслуженный артист России, эквилибрист, инспектор манежа в Большом Московском цирке.

Проявил себя род в истории казачества. Многие представители рода были служителями Православной церкви. Юрий Александрович Поклад стал писателем, публиковался в ведущих литературных журналах, член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Широкий нравственный диапазон книги, исторические исследования и подтверждающие документы, наградные листы, обширные иллюстрации делают книгу Григория Некрашевича-Поклада необходимой и познавательной. Это огромный труд во имя спасения от забвения жизни многих поколений, несущих ответственность за свой род и преданно в течение многих столетий служивших Отечеству, России.

Берега памяти

Беседа Ирины Масловой с Еленой Дергачевой

ПОДВИГУ ЖИТЬ В ВЕКАХ. ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПОТОМКАМ

У нас в гостях автор книги «Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя-фронтовика В. М. Шаповалова» Елена Александровна Дергачева, доктор философских наук, профессор и эксперт РАН, экономист, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (БГТУ), руководитель признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни. Школа основана в 2002 году проф. Э. С. Демиденко.

Беседует с Е. А. Дергачевой профессор, доктор исторических наук **Ирина Ивановна Маслова**, заведующая кафедрой «Кадастр недвижимости и право» ФГБОУВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» (ПГУАС), историк и юрист, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И. И. Маслова – создатель федерального портала об участниках Великой Отечественной войны «Подвигу жить в веках!» (<http://podvigzhiv.ru/>). Режиссёр документального фильма «Находки семейных архивов», основанного на реальных событиях и подлинных документах и посвящённого подвигу миллионов безвестных героев, чьи имена не упоминаются в учебниках истории, но останутся в памяти потомков.

И. И. Маслова: Елена Александровна, расскажите, как появилась книга «Духовное завещание современникам и потомкам»?

Е. А. Дергачева: Несколько лет назад ещё при жизни белгородского писателя-фронтовика Владислава Мефодьевича Шаповалова у меня возникла идея представить в едином издании его почти вековой жизненный путь беззаветного служения Отечеству. Так родилась книга «Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя В. М. Шаповалова» (М., 2021) [2], изданная под эгидой Российской академии наук. В ней объединены исследовательские взгляды на творчество и публицистику В. М. Шаповалова представителей разных наук – филологов, философов, историков, педагогов, культурологов, поскольку творчество писателя, многогранное по своей сути, является предметом изучения специалистов разных социально-гуманитарных направлений. Это междисциплинарное исследование на стыке разных наук. Поэтому в содержании указаны регалии каждого рецензента работ В. М. Шаповалова, будь он кандидат филологических наук, доктор исторических или философских наук, учитель русского языка и литературы. Мировоззрение В. М. Шаповалова находит отклик у представителей разных научных специальностей. Синтез наук, как подчёркивается в послесловии, возможен на фундаменте философии как метанаучной исследовательской методологии.

Междисциплинарное осмысление работ прозаика, как в историческом, философском, так и в литературоведческом, педагогическом контексте, важно с точки зрения *сохранения целостности и единства духовного пространства России, передачи традиций, ценностей, исторического наследия поколения победителей в Великой Отечественной войне современникам и потомкам*. Книга обращена к читательской аудитории, чей исследовательский поиск связан с историко-краеведческим изучением

эпохи времён Великой Отечественной войны, послевоенного времени и наших дней, социально-философским осмыслением происходящих на протяжении почти столетия в обществе, человеке и природе процессов.

По оценкам современных литературных критиков и обществоведов, В. М. Шаповалов является «мастером русской прозы XX века», «достойным продолжателем традиций русской литературы XIX–XX веков», его произведения занимают «достойное место в ряду классиков». Произведения писателя являются общечеловеческим достоянием, несущим в себе огромное гуманистическое, высоконравственное содержание и патриотизм.

Писатель не понаслышке знает об оборотной стороне войны, поскольку первую её половину, будучи несовершеннолетним, провёл в оккупированном тылу на украинской земле. И только лишь в 1943 году, созревши психологически после деморализующих пыток гестапо, с несломляемым желанием защиты Родины, семнадцатилетним ушёл на фронт. На слёзы матери, Марии Никифоровны Кущевской (по мужу – Шаповаловой), ответил: «Мама, ты сына должна подарить Родине». В. М. Шаповалов попал в самое пекло баталлий, стал бронбойщиком роты противотанковых ружей 828-го стрелкового полка 197-й Брянской Краснознамённой дивизии 1-го Украинского фронта, был тяжело ранен во время форсирования Вислы. Его пребывание на войне отмечено подвигами, о чём также сказано в газете «Чапаец» от 19 августа 1944 года.

Владислав Мефодьевич Шаповалов – очевидец войны и активный участник событий восьмидесятилетней давности, сражавшийся в составе 197-й Брянской Краснознамённой дивизии 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, ветеран Великой Отечественной войны. За военные подвиги награждён медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 1-й степени, другими боевыми и юбилейными медалями. Он член Союза писателей СССР, России, лауреат многих литературных премий, автор более 40 произведений прозы, тираж его русскоязычных и зарубежных изданий превышает 2 млн экземпляров. За особый вклад в сохранение исторической памяти о героическом прошлом страны, передачу подрастающему поколению наивысшей ценности – священного чувства любви к Родине и идеологическое укрепление нашего государства белгородский писатель-фронтовик Владислав Мефодьевич Шаповалов (30.11.1925–06.11.2020) был награждён президентом России В. В. Путиным медалью «Патриот России» в 2016 году. Его книга «По всей линии фронта» (Белгород, 2003) [6] отмечена Министерством обороны России дипломом победителя Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А. В. Суворова в номинации «Исторические науки» (Москва, 2017). Его имя включено в Президентскую энциклопедию «Лучшие люди России» (2005). Он почётный гражданин Белгородской области, главный редактор и создатель белгородского общественно-политического, литературно-художественного, научного журнала «Звонница» (1997–2020). Я горжусь тем, что это мой дедушка.

И. И. Маслова: Почему творчество писателя Владислава Мефодьевича Шаповалова стало для Вас источником вдохновения?

Е. А. Дергачева: Творчество В. М. Шаповалова широко известно не только на русской земле, но и далеко за её пределами – на территории стран Западной и Восточной Европы – в Нидерландах, Португалии, Испании, Польше, странах бывшего Советского Союза, а также в странах Южной Америки. Книги его, переведённые на разные языки мира, написаны живым, добрым, высокохудожественным словом-образом, проникающим сразу в самое сердце. Гуманизм и нравственность, сострадание к ближнему и благородство поступков, патриотизм и безмерная любовь к родной земле и её природе, активная гражданская позиция и ответственность за каждое сказанное слово – все эти непреходящие, веками доказавшие свою истинность человеческие ценности, характерны для литературной прозы и публицистики белгородского прозаика.

На основе жизненного военного опыта и работы с историческими архивами в своих книгах В. М. Шаповалов рассказывал невымышленные истории о Великой Отечественной войне. Его книги адресованы детской и взрослой аудитории. В. М. Шаповалов повествует читателям не о военных баталлиях, а о переживаниях людей в тылу [4]. Особую историко-документальную новизну представляют его литературные рассказы о том, как животные помогали людям, как они, наряду с солдатами, сражались за Великую Победу: собаки-санитары вывозили раненых с поля боя, голуби выполняли роль связистов, передавая сообщения, и как осиротевший на войне медвежонок тяжело переживал гибель лётчика, заботившегося о нём, и т. д. Эти рассказы особенно ценны благодаря тому, что понятны

подрастающему поколению, придают эмоциональную окраску произведениям о военном лихолетье. Именно правдивый рассказ очевидца тех далёких дней так необходим для воспитания гуманизма и жизненной воли современной молодёжи. Рассказы В. М. Шаповалова о подвиге животных на войне легли в основу уроков по литературе и истории для учеников 6–11-х классов Белгородской и других областей. Семиклассники России изучают тему «Наречие» в учебнике «Русский язык» по отрывкам из рассказа В. М. Шаповалова «Чёрный аист» [5].

И. И. Маслова: Какие эпизоды из его книг для Вас наиболее значимы и почему?

Е. А. Дергачева: В рассказе «Руки матери» В. М. Шаповалов описал трагедию, произошедшую в годы Великой Отечественной войны в бывшем хуторе Калиновка, а ныне – посёлке Троицкий Белгородской области, связанную с геноцидом русского народа – расстрелом фашистами жителей деревни 4 июля 1942 года. Героиней его повествования стала женщина, Наталья Константиновна Травкина, получившая многократные пулевые ранения и потерявшая одновременно четверых детей, но выжившая и рассказавшая правдивую историю о встрече с фашистами. «Я ничего не изменил в её рассказе, – пишет в начале своего литературного повествования писатель. – Да и какой смысл! Никакое “художественное” воображение не способно представить себе то, что даёт жизнь. На что она способна...» Во время расстрела мать, Наталья Константиновна, держала на руках самого младшего из своих четверых детей, шестимесячного грудничка. Пуля пронзила ладонь женщины и осталась в голове младенца, смешав кровь матери и ребёнка, не оставив малышу право на жизнь. Сила художественного слова писателя, соединённая с глубокой психологической проработкой образов литературных героев, трогает при чтении до слёз и не оставляет равнодушным ни одного современника и потомка, чьи деды и прадеды сражались за Великую Победу против оголтелой русофобии и фашизма. И каждый, завершив чтение книги, радуется чуду жизни – выжившей, но не сломленной героине, которая нашла в себе силы пойти на фронт, а после окончания войны по счастливой случайности воссоединилась с потерянным в боях мужем. После войны у них родилась дочь [8]. Книга писателя была передана в дар школьникам, воспитанникам детских домов, ветеранам Великой Отечественной войны, библиотекам Белгородской области. И хотя впервые рассказ был написан в далёком 1985 году, ещё при жизни главной героини, тем не менее он увидел свет в начале нынешнего тысячелетия, в 2003 году, в белгородском общественно-политическом, литературно-художественном, научном журнале «Звонница», а впоследствии, в 2006 году, одновременно вышел в журналах «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Наш современник» (Москва), в 2013 году – в журналах стран бывшего Советского Союза – «Славянин» (Украина) и «Наше поколение» (Молдавия).

За выходом книги В. М. Шаповалова последовал небывалый подъём чувства гражданской ответственности, гордости за Великую Победу своих отцов и дедов, неповиновения перед врагом – население Белгородской области на общественных началах сняло одноимённый фильм. Сценарий для фильма написала Анастасия Севрюкова – заведующая сектором технического обеспечения Центральной районной библиотеки Губкинского района. Писатель В. М. Шаповалов и дочь главной героини книги Вера Иосифовна Степанова одобрили сценарий и создание кинокартины. Народный фильм транслировался в кинотеатрах Белгорода и области в феврале 2017 года и был приурочен к двум историческим событиям: открытию памятника 14 расстрелянным жителям хутора Калиновка и 74-й годовщине освобождения Губкинской территории от фашистов. На открытии памятника и премьере фильма присутствовал автор литературно-художественной, документально-исторической повести, писатель Владислав Мефодьевич Шаповалов.

2 августа 2022 года постановлением Администрации Губкинского городского округа Белгородской области *Центральной районной библиотеке МБУК «Централизованная библиотечная система № 2» присвоено имя Владислава Мефодьевича Шаповалова.*

14–15 декабря 2022 года в Российской академии наук прошла Международная научно-практическая конференция «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Сталинградская битва и её стратегическое значение для исхода Второй мировой войны». В контексте обсуждения данной проблематики 15 декабря 2022 года прошло заседание секции «Шаповаловские литературно-патриотические чтения. К 97-летию писателя-фронтовика В. М. Шаповалова» на площадках РАН, Брянского государственного технического университета, библиотечной системы посёлка Троицкий Губкинского района Белгородской области [9]. Работа секции была посвящена человеку, который всю свою жизнь посвятил патриотическому воспитанию молодёжи. В работе секции мы соединили

научно-исторический подход к литературно-художественному наследию В. М. Шаповалова и практику патриотической воспитательной работы, которая воплощается в жизнь библиотечным, писательским, школьным и вузовским сообществом в различных регионах России [10].

Во время работы конференции в Российской академии наук состоялась выставка произведений и патриотического наследия В. М. Шаповалова, организованная при участии дочери писателя, художественного оформителя его произведений Ольги Владиславовны Шаповаловой. Выставка привлекла внимание участников, молодёжи, а также была отмечена благодарностью председателя оргкомитета конференции академика РАН М. Ч. Залиханова. Сын писателя, заместитель главного редактора Виталий Владиславович Шаповалов, поделился воспоминаниями о совместной работе по изданию и редактированию патриотического журнала «Звонница», пронзительной тематике разделов журнала. Среди рассматриваемых в журнале в 1997–2020 годах тем отметим следующие: «Марш героев “Бессмертного полка”», «Великая Отечественная», «Дети войны», «Святая Русь», «Уголок семейного чтения», «Литературоведение», «Патриотика», «Воспоминания» и др.

В 1995 году В. М. Шаповалов издал книгу «Потомкам. Антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Том 1», в которой представил воспоминания и судьбы более сотни участников войны, как профессиональных литераторов, так и простых очевидцев событий. Писатель предваряет своё повествование наказом: «И пусть каждый на века уразумеет, что с потерей ума ты теряешь себя, но остаётся Отечество; с потерей памяти (*истории*. – Е. Д.) – утрачивается Отечество». Поэтому так важно представить потомкам незаидеологизированный взгляд на прошлое, что будет использовано в будущем историками и учёными в *борьбе против фальсификации истории*. В послесловии к изданию В. М. Шаповалов отмечает: «Но войны не прекращаются. Наоборот, мы видим, как подготовка к войне с каждым днём набирает обороты. Да и сама бойня не останавливается на земле ни на час». Он задаётся вопросом: «Кому это надо?..» И далее он, отталкиваясь от исторических событий прошлого и прогнозируя будущее, подчёркивает, что «читатели не понимают того, что истинные причины войн глубоко скрыты... Самое страшное для... фашизма – это национально-освободительная война, направленная против ига покорителей мира...» Завершая книгу «Потомкам», писатель обращает внимание на то, что «спасение народов не в противостоянии друг другу, а во всеобщем *братании* в борьбе против единого врага всех народов мира – фашизма... И в литературе тронут только самый верхний слой этого пласта – основная же часть его канет в безвестность с нашим (*ветеранов*. – Е. Д.) уходом, ибо история – забывчивая бестия... Пусть же общим памятником нам всем – ещё живущим и уже ушедшим – будет воздвигнутый ПОТОМКАМ этот братский монумент!» [3]. Его слова приобретают особую ценность сейчас, когда в работах свидетелей исторического военного прошлого мы ищем ответы на вопросы о будущем России и мира. Через прозу гуманиста и мыслителя военной эпохи современники и потомки могут ощутить связь времён.

Необходимо обратить внимание на деятельность В. М. Шаповалова как учёного-историка, который, с одной стороны, работал с военными архивами для написания своих литературных документально-исторических произведений, а с другой стороны, кропотливо собирал материалы для публицистических очерков. Все произведения писателя – это литературно-художественное представление исторического материала.

Преподавая нам уроки жизни и патриотизма, писатель-историк считает, что *ориентиром для действий современников и потомков должна стать героическая история нашей страны для будущей консолидации всех сил государства и нации*. В своих произведениях прозаик возвеличивает дух русского народа, возводит духовно-нравственную крепость для борьбы на идеологическом фронте. Таким образом, он создаёт будущее на прочном фундаменте – патриотизме, продлевая судьбу своего слова далеко за пределы той эпохи, в которой оно формировалось.

И. И. Маслова: Вы встречались с Владиславом Мефодьевичем лично. Какие впечатления остались у Вас от общения с выдающимся писателем?

Е. А. Дергачева: Это очень простой («прост, как правда», как сказал один из рецензентов его книг), высококультурный, добрейший до глубины души человек, преданно любивший свою Родину. Главный девиз его жизни представлен на титульном листе журнала «Звонница» и заключается в следующем: «Мы должны сказать правду и тем обессилить зло». После общения с ним хочется верить только в вечные ценности – справедливость жизни и победу добра над злом, красоту родной

природы, человеческий талант населяющих нашу страну народов, самоотдачу во всём, упорный интеллектуальный труд на благо Отчизны.

Вспоминаются его слова: «Главный подвиг – это человеческая мысль... Слово передаёт “дух” своего народа, который формировался на протяжении многовековой истории в зависимости от геополитической, культурной, религиозно-нравственной, социально-укладной среды. Вокруг книги образуется духовное поле. Оно несёт русскую национальную идею. Есть в физике понятие напряжённости поля. В литературе должна быть напряжённость поля страницы. Чем выше эта напряжённость, тем больше сила выразительности слова. Литература должна идти путем максимальной концентрации идейно-художественного капитала на единицу постраничной площади».

За свою писательскую и патриотическую деятельность, в том числе более чем 20-летнее руководство общественно-политическим, литературно-художественным и научным журналом «Звонница», вклад в культуру родной страны писатель и публицист В. М. Шаповалов получил множество наград. Среди них: знак Министерства культуры России «За достижения в культуре», медаль им. М. А. Шолохова Министерства образования РФ, медаль «За заслуги перед Землёй Белгородской» I степени, высший знак отличия Белгородской области «Прохоровское поле» – третье ратное поле России II степени (посмертно) и др.

В нашу последнюю встречу с ним в декабре 2019 года он сказал: «Бог даст – свидимся». Но эпидемия «чумы XXI века» (по меткому выражению академика РАН С. Ю. Глазьева) распорядилась по-иному. Теперь единственная встреча с ним – через его статьи и книги, которые стали духовным завещанием писателя современникам и потомкам.

И. И. Маслова: Каковы Ваши научные и творческие планы?

Е. А. Дергачева: Соединяя обе творческие нити научной судьбы, необходимо отметить, что, с одной стороны, моё научное творчество связано с изучением историко-патриотического и литературно-художественного наследия писателя-фронтовика В. М. Шаповалова с точки зрения осмысления его опыта в воспитании личности человека-патриота, противодействии фальсификации истории, *защиты интересов мирной жизни*. С другой стороны, как экономиста и специалиста по междисциплинарным исследованиям в глобалистике, меня интересует изменяющийся характер эволюции земной реальности с точки зрения *защиты интересов биосферной жизни*, необходимости пересмотра стратегий философии и науки в аспекте осмысления социотехноприродных тенденций и разработки подходов к сохранению биосферы.

Прогноз социально-техногенного развития для России более оптимистичный, нежели для империалистических западно-буржуазных стран, поскольку на её просторах сосредоточено свыше половины биосферных ресурсов и пригодных для земледелия почв. Но нам тоже есть над чем активно работать, поскольку в условиях буржуазной биотехнологической экономики нарастает вектор глобальной трансформации и смены эволюции биосферной жизни. Поэтому наша школа внесла в РАН ряд стратегических предложений по социально-биосферному развитию регионов России. Разрабатываемая стратегическая программа направлена на то, чтобы остановить процесс гибели биосферной жизни и её укрепить, не отказываясь от разумного сочетания биосферного развития с рациональным использованием техносферы.

И. И. Маслова: Какой след Великая Отечественная война оставила в истории Вашей семьи? Какие имена и события хранит семейная память?

Е. А. Дергачева: Моя семейная история хранит память об Александре Алексеевиче Головачёве (27.11.1909–6.03.1945), командире 23-й гвардейской ордена Ленина, дважды Краснознамённой, ордена Суворова мотострелковой бригады. Он дважды Герой Советского Союза, гвардии полковник. Участвовал в битве за Украину, освобождении Львова, при форсировании Вислы, в боях на сандомирском плацдарме и др. Служивцы вспоминали его за прекрасные командирские качества, быстроту тактического мышления в бою, отчаянную храбрость и решимость в борьбе, когда человек отдаёт всего себя для победы. Погиб в 1945 году в бою за польский город Лаубан, сражённый осколком вражеского снаряда. До окончания войны оставалось всего два месяца. Повесть военных корреспондентов С. М. Борзунова и Я. А. Ершова «Всего одна жизнь» (М., 1978) [1] раскрывает историю его военных подвигов, совершённых в годы Великой Отечественной войны. И таких народных подвигов многонационального населения нашей страны в годы военного лихолетья тысячи и даже миллионы. В посёлке Любохна Брянской области, где он родился, установлен памятник

герою и действует музей его памяти. Похоронен А. А. Головачёв в городе Васильков Киевской области Украины.

Мои бабушка, Светлана Мефодьевна Шаповалова (род. 1930 г.), и прабабушка, Мария Никифоровна Шаповалова (1904–1991) (по материнской линии) встретили войну в Днепропетровске (Украина). Через два месяца после начала войны, в августе 1941 года, немецко-фашистские захватчики были уже в их городе. Последовало два года оккупации. В своих воспоминаниях бабушка, которой в год начала войны исполнилось всего 11 лет, делится о том, как нелегко пришлось мирному населению в тылу. Несмотря на то что жили они в частном доме с приусадебным участком, в городе не хватало еды. За кульком крупы ездили к родственникам в село. Однажды одиннадцатилетней девочке пришлось зимой ехать всю ночь на подножке поезда, одной рукой она не выпускала кулёк крупы, другой держалась за ручку закрытой двери вагона. Выпустишь ценный свёрток – не будет семье еды, отпустишь ручку поезда – канешь в ночную бездну, разобьёшься при падении от быстрого движения поезда. Почти каждую ночь в их доме и домах соседей фашисты устраивали обыски, искали партизан, пугали жителей – вели на расстрел. Дважды их с матерью гнали общим конвоем на работы в Германию. Судьба распорядилась таким образом, что им удалось бежать. Первый раз благодаря тому, что фашистский патруль перерезал колонну пленных, тем самым дезорганизовал огромную толпу. Рядом было кукурузное поле, в котором им с другими беженцами удалось затеряться. Второй раз планы фашистов нарушило столкновение с советскими войсками, тем самым движение пленных было остановлено. Возвращались несколько дней домой пешком. Пришлось по незнанию даже ночевать на немецком блиндаже, что выяснилось, когда немец вышел ночью покурить. Но никто никогда не сомневался в победе Красной армии и Советского Союза. Великую Победу в мае 1945 года встретили на обезлюженных улицах Днепропетровска, когда по громкоговорителям прозвучало это радостное известие.

И. И. Маслова: Обычно мы интересуемся мнением собеседников о фильме-манифесте нашего проекта «Находки семейных архивов». Быть может, какой-то эпизод привлёк Ваше особое внимание?

Е. А. Дергачева: Фильм автора и режиссёра, профессора Ирины Ивановны Масловой «Находки семейных архивов» произвёл на меня неизгладимое впечатление. Казалось бы, у каждой семьи своя история о Великой Отечественной войне, свои перипетии пути к Победе. Но фильм объединяет разные поколения от мала до велика, как свидетелей войны, так и их потомков, в осознании презрения к фашизму, неповиновения перед врагом. Об этом свидетельствуют не только судьбы героев фильма, но и отзывы о фильме тех, кто его посмотрел. Колоссально возрастает патриотический дух единства многонационального народа нашей страны, гордости за Великую Победу. Отголоски фильма находят отражение в каждой семейной истории. В нашем семейном архиве есть нарисованный портрет фронтовика В. М. Шаповалова, сделанный неизвестным однополчанином с его фотокарточки в годы войны. Вспоминается рассказ родных, находящихся в тылу и наблюдавших переправу тысяч наших бойцов через реку с высокого берега Днепра. Редко кто доплывал до середины той широкой реки, только единицы достигли противоположного берега и, таким образом, спаслись. Много тайн хранит дно реки Днепр на Украине. Расстраивает тот факт, что могилы похороненных на территории Западной Европы воинов подвергаются разорению, памятники уничтожаются, обезличиваются. Всё это приводит к неминуемому искажению истории. Поэтому, на мой взгляд, важно включить в содержание учебников отечественной истории и литературы список произведений писателей-фронтовиков, воспоминаний детей войны и их потомков для дополнительного изучения школьниками и студентами событий Великой Отечественной войны и фактов геноцида русского народа, составления рефератов и эссе на основе этих произведений.

И. И. Маслова: 24 октября 2023 года в рамках Международной научно-практической конференции Российской академии наук «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Решающие летние битвы 1943 года на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск в оценках советских и германских военачальников и историков» прошла работа секции «Военно-политическое значение побед в сражениях Великой Отечественной войны 1943 года: исторические и социально-философские аспекты», на которой Вы выступили модератором. Поделитесь, пожалуйста, с читателями своими впечатлениями о работе секции.

Е. А. Дергачева: Секция была организована Брянским государственным техническим университетом совместно с Брянской областной научной универсальной библиотекой имени Ф. И. Тютчева,

Брянским отделением Российского философского общества, Центральной районной библиотекой имени В. М. Шаповалова Белгородской области (Москва – Брянск – Белгород). Пленарное открытие работы конференции состоялось в Москве в здании Российской академии наук. С докладами выступило 27 человек, среди них известные учёные, историки, философы, военные, деятели культуры, писатели, студенты и школьники из разных городов России – Севастополя, Уфы, Белгорода и Брянска.

Обсуждались темы партизанского движения, деятельности детей-партизан в период оккупации Брянщины в 1943 году, события Курской битвы, специфика работы санитарной службы танковой армии, вклад жителей села в победу на Курской дуге, деятельность современных общественных организаций по сохранению исторической памяти о Курской битве и отражению этих событий в исторической хронике, музейных экспозициях, вузовской науке.

Хотелось бы отметить наиболее яркие выступления участников. Высокую важность представляет тема, затронутая в докладе **Евгения Леонидовича Кондрашова**, участника боевых действий, ветерана Вооружённых сил СССР, капитана первого ранга, представляющего Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова (г. Севастополь), **«Курская битва: оценка прошлых событий и связь с современностью»**. В своём выступлении он отметил, что в 2023 году Россия, наш многонациональный народ отметили 80-летие Победы Красной армии на Курской дуге, которая стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. За такой продолжительный срок от дня Победы 1945 года накопилось значительное количество вновь открывшихся документов, со многих из которых снят гриф секретности. Он подчеркнул острую необходимость освещения событий прошлого в связи с попытками ряда лжеучёных Запада принизить, умалить вклад СССР, многонационального советского народа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне и привёл соответствующие факты.

Анастасия Николаевна Севрюкова, заведующая сектором технического обеспечения Муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система № 2» Губкинского городского округа, выступила с темой **«Творчество – во имя мира и сохранения памяти»** (Белгородская область). Она рассказала о своём режиссёрском опыте создания **фильма «Руки матери»**, повествующем о расстреле в 1943 году немецко-фашистскими захватчиками мирных жителей посёлка Троицкий на Белгородчине. Фильм был снят по книге писателя-фронтовика **Владислава Мефодьевича Шаповалова «Руки матери»**, основанной на реальных событиях и рассказывающей о трагической судьбе **Натальи Константиновны Травкиной**, горькие воспоминания которой глубоко тронули прозаика. Со слов этой мужественной женщины была записана правда о геноциде и передана потомкам. Тему патриотической деятельности писателя-фронтовика продолжила **Людмила Даниловна Серикова**, заведующая отделом обслуживания Центральной районной библиотеки им. В. М. Шаповалова Муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система № 2» Губкинского городского округа, с докладом **«Память сильнее времени»** (Белгородская область).

Мой доклад был связан с темой **«Прохоровское сражение в документально-исторической прозе писателя-фронтовика В. М. Шаповалова и его связь с современными событиями»**, в которой были сопоставлены исторические архивные факты отражения событий на Прохоровском поле в оценках советских и немецких военачальников, приведённые в документально-историческом произведении **«Четвёртое поле» В. М. Шаповалова**, а также дана их последующая оценка в современных публикациях.

В процессе завершающей дискуссии особое внимание было уделено обсуждению **проблемы противодействия фальсификации исторических событий Курской битвы в современных сложных геополитических условиях** и необходимости сохранения правдивой исторической памяти для современников и потомков о поколении Победителей Великой Отечественной войны. Видеозапись работы секции конференции РАН можно посмотреть на сайте Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф. И. Тютчева.

И. И. Маслова: Вы хотели бы оставить свои пожелания читателям литературного журнала «Берега» и юным участникам поисковых военно-исторических проектов?

Е. А. Дергачева: Дорогие читатели журнала «Берега» и участники военно-поисковых проектов! Наша многонациональная страна имеет огромную тысячелетнюю великую историю. Много войн и испытаний выпало на долю нашего народа. В истории России три главных ратных поля – Куликовское

(1380), Бородинское (1812), Прохоровское (1943). Об этом я узнала, посетив музей Курской битвы и Прохоровского поля в Белгородской области. Меня впечатлила мощь русского духа, благодаря которому наши войска одержали победу под Прохоровкой во время Великой Отечественной войны. В музее я с интересом рассматривала реконструкцию фото героя Куликовской битвы Александра Пересвета, уроженца земли Брянской. В той битве он участвовал в знаменитом поединке с татаринном Челубеем. Оба они погибли. Но решающая победа русских войск в Куликовской битве стала важным шагом на пути к восстановлению единства Руси, а в будущем – свержения золотоордынского ига. После прочтения книги белгородского писателя-фронтовика В. М. Шаповалова «Четвертое поле» (2015) [7] я поняла, что перед каждым из нас стоит своя задача – *стать достойным сыном Отчизны, чтобы выдержать своё, четвёртое, победное поле*. Пусть для каждого из вас сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне станет ориентиром к воспитанию несломляемого жизнелюбия и преданной любви к Родине! На лекциях, в средствах массовой информации и общественных мероприятиях необходимо вести с молодёжью идеологическую работу в «битве» за правдивую историю, направленную на противодействие развернувшейся на рубеже XX–XXI веков агрессивной идеологической войне Запада против России по принижению её роли в период Второй мировой войны.

И. И. Маслова: Дорогая Елена Александровна! Благодарим Вас за очень содержательную и интересную беседу о литературном наследии писателя-фронтовика В. М. Шаповалова. Кроме того, концептуальное видение прошлого, настоящего и будущего, с Вашей точки зрения – философа, экономиста и историка в одном лице, – безусловно, вызовет интерес у читателей сайта и журнала «Берега». Выражаем сердечную признательность за высокую оценку нашего проекта! Желаем Вам вдохновения для дальнейшего творчества в литературе и разных сферах научного познания! Надеемся на продолжение сотрудничества.

Список литературы

1. Борзунов С. М., Еришов Я. А. Всего одна жизнь. М.: Воениздат, 1978. 493 с.
2. Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя В. М. Шаповалова: научно-популярное издание (монография) / авт.-сост. Е. А. Дергачева. М.: Энциклопедист-Максимум, 2021. 480 с.
3. *Потомкам*. Антология военной прозы и поэзии Белгородчины / авт.-сост. В. М. Шаповалов. Том 1. Белгород: Издательство В. М. Шаповалова, 1995. 736 с.
4. Шаповалов В. М. Собрание сочинений. Белгород, 2017. Т. 7.
5. Шаповалов В. М. Чёрный аист // Роман-газета. М., 1994 (первое издание).
6. Шаповалов В. М. По всей линии фронта. Белгород, 2003. 476 с.
7. Шаповалов В. М. Четвёртое поле: повесть // Роман-журнал XXI век: путеводитель русской литературы. М., 2015. № 2. С. 48–55.
8. Шаповалов В. М. Руки матери // Белгородская правда. 28.02.1985 (сокращённо). В полном варианте рассказ представлен на портале Губкинской библиотеки Белгородской области. URL: http://gubraion.ucoz.ru/ruki_materi.pdf.
9. Отчёт о проведённой работе секции «Шаповаловские чтения» (15.12.2022) // Портал «Наш Буран». URL: <https://buran-sas.ru/konf-15-12-22-sektsii-8-bgtu/>
10. Ибрагимова А. М. 14–15 декабря прошла Международная научно-практическая конференция по сохранению исторической памяти о Сталинградской битве // Портал «Научная Россия». 21.12.2022. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/14-15-dekabra-prosla-mezdunarodnaa-naucno-prakticeskaa-konferencia-po-sohraneniu-istoriceskoj-pamati-o-stalingradskoj-bitve>.

Берега памяти

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную службу в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооружённых силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

СТО ШАГОВ К КАЙСЫНУ

Народ высек сотню его стихов на камнях 350-метровой мемориальной стены

Побывав на знаменитых Чегемских водопадах в Кабардино-Балкарии, мы отправились дальше на парадном Чегем. Здесь с мая по октябрь на парапланах каждый день летают экстремалы из России и многих других стран. Только здесь, поднявшись в небо, можно воочию увидеть всю красоту гор глазами птиц...

Местные инструкторы посоветовали полюбоваться и красотой местных озёр. То ли мы их неправильно поняли, то ли что напутали, но никаких озёр близ серпантинной дороги, пролегающей по глубокому ущелью, не обнаружили. Водитель встречной машины подтвердил, что и дальше озёр нет. Решили возвращаться назад, но перед этим подкрепиться в кафе селения Эл-Тюбю (Верхний Чегем).

И, о чудо! Оказались рядом с выложенной из природного камня стеной.

1 ноября 2015 года в Кабардино-Балкарии открыли народный проект «100 шагов к Кайсыну», посвящённый знаменитому балкарскому поэту, народному поэту КБАССР, лауреату Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР имени Горького, депутату Верховного Совета СССР 5, 9, 10 и 11-го созывов Кайсыну Кулиеву.

Зная об этом из сообщений СМИ, никогда не думал, что воочию увижу это чудо. Народный проект «100 шагов к Кайсыну» – это выложенная из природного камня стена протяжённостью 350 метров, в которую встроены сто чёрных гранитных плит с выгравированными стихами поэта – о Родине, о матери, о добре и зле, о дружбе, о жизни горцев. На стене находятся также высказывания и стихи 25 известных людей, посвящённые балкарскому поэту. Это народное творение является уникальным, не имеющим аналогов в мире, архитектурным ансамблем и литературным памятником.

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.
Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных – скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы –
Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке.
Что столетия в нём свой язык обрели.
Это скорби и стойкости твёрдые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набегах, обвалах.
Выразительны камни, как будто слова.
Заливала их кровь, лунный свет заливал их.
Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея,
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам каменя!
Сколько каменных я раскрываю страниц!
Это всадников-кровников единоборство,
Это крик полонянок и ропот темниц,
Это наших крестьян трудолюбье, упорство.

Это каменное их терпенье. Борьба
Их за жизнь. Их глазами глядят эти камни
На меня так внимательно! Предков судьба
В них живёт и становится сразу близка мне.
В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согрел мои ноги босые.

Нам при жизни служил. А придёт смертный час –
У могил имена сохранишь ты людские.
Я уйду, ты же будешь веками храним.
Нет без камня и дерева горской дороги.
Так недавно ты грел мои детские ноги
У огня... Скоро станешь надгробьем моим...

Кайсын Кулиев родился 1 ноября 1917 года в высокогорном старинном балкарском ауле Верхний Чегем (Эл-Тюбю). Отец умер от тифа в 1919 году. Кулиеву было тогда два года.

Поэт представлял отца только по рассказам матери и родственников. *«Я никогда не видел фотографию его. Их у него не было, – писал поэт. – Когда умер отец, мы с сестрой, которая старше меня года на три, остались с матерью. Понятно, как нелегка была наша жизнь. Мать вечерами часто плакала, сидя с нами у очага».*

Своего отца, как и многих близких, мать, сестру, жену, Кайсын Кулиев воспел в стихах:

...Когда мой сын был мал, вдруг попросил он:
«А покажи-ка мне, какой был дед!»
Я правду был сказать ему не в силах.
Другого «деда» показал портрет.
Поэт Кьоста в черкеске, при кинжале
Смотрел в глаза, серьёзен, добр и прост.
Но сыну в школе книжку показали,
Он всё узнал. У лжи короткий хвост!
«Зачем ты лгал?» – спросил Эльдар сурово.
«Прости, сынок!» – я только мог сказать.
Совсем несладко за отца родного
Другого человека выдавать...
Я своего отца увидеть жаждал
Хотя б во сне. Не удавалось мне.
Всю жизнь того хотел. И лишь однажды
Ко мне пришёл он всё-таки во сне
В чужом краю. Уж было мне за тридцать.
Мела метель. Не виделось конца

Моей беде. Я лёг, смежил ресницы.
И вдруг увидел своего отца!
Закутанный в башлык, походкой властной
Вошёл он быстро в комнату ко мне.
И я вскочил пред ним, дрожа от счастья,
Я был таким счастливым в этом сне!
Отец, отец! Мне всё в нем было внове.
Он строен был, высок, широк в плечах...
Но были грустны сдвинутые брови,
Была печаль в уверенных глазах.
Такими я навек с тех пор запомнил
Черты его серьёзного лица.
Благодарю, заснеженная полночь!
Я видел облик моего отца.
И на своём плече я помню руку
И слышу: «Сын! Достоинство своё
Важней всего. Твою я вижу муку.
Но будь мужчиной, вынеси её!»

Мать поэта из рода Бечеловых. Бечеловы жили в селении Актопрак и Эл-Тюбю. Поэт гордился своими родичами со стороны матери и любил их. *«Бечеловы люди спокойные, не в пример Кулиевых – горячих наездников и метких стрелков, – говорил о них поэт. – Бечеловы в большинстве своём были настоящие люди. Стада их паслись на зелёных пастбищах над аулом, где летним днём по нагретой солнцем траве скользили тени облака и орлов».*

Скончался мой отец, когда ты молодой
Была. И нас, детей, растила ты одна.
Но даже в чёрный день сияла чистотой
Твоя душа, а жизнь была бедна, трудна.
Вдали от родины страдала ты со всеми,
Но ты не за себя болела и тогда, а за меня.

«Пройдёт, – надеялась, – беда», –
И в дальнем далеко трудилась, как в Чегеме.
Когда я приходил к тебе, когда щекой
Я к сердцу твоему, усталый, прикасался,
Все беды забывал и обретал покой
И снова мальчиком тогда себе казался.

В 1926 году Кайсын поступил в школу в Нижнем Чегеме. После окончания школы учился в педагогическом техникуме (ныне КБГУ) в Нальчике. Когда по национальному набору его пригласили учиться в ГИТИС, Кулиев долго отказывался, объясняя, что хочет быть не актёром, а поэтом. Однако его уговорили ехать в Москву, и Кайсын получил не только хорошее гуманитарное образование, но и развил свои прирождённые артистические способности.

Впрочем, через некоторое время преподаватели ГИТИСа разрешили ему часть специальных дисциплин не посещать, а заниматься тем временем в библиотеке. Уже потом, после войны и депортации, Кайсын Кулиев поступил на Высшие литературные курсы, будучи к этому времени уже сложившимся поэтом.

В 1940 году вышел первый сборник его стихов на родном балкарском языке. В этом же году он ушёл в армию. Великая Отечественная война застаёт его в Прибалтике. Осенью 1941 года в жестоких боях под городом Орлом красноармеец Кулиев был тяжело ранен и попал в госпиталь в Чебоксары. Лечился поэт здесь до ноября 1942 года. В том же году стихи балкарского парня прозвучали по Всесоюзному радио среди фронтовых сводок, что выглядело в тот момент достаточно необычно. Сорок пять минут стихов никому не известного автора – и на всю страну!

Подбитый танк	Мой отважный, неведомый друг?
С чёрной свастики, с длинною пушкой	Я хотел бы пожать твои руки –
Шёл он грозно.	Им сродни и винтовка и плуг.
Но русский солдат	А стальные листы пригодятся:
У берёзовой белой опушки	Их сдадут в переплавку огню...
Подорвал его связкой гранат.	И пугливые птицы садятся
Где ты, мастер военной науки,	На бессильную эту броню.

С Кайсыном Кулиевым тогда же, в 1942-м, познакомились многие именитые советские писатели. Была организована творческая встреча с Кулиевым, на которой присутствовали Борис Пастернак, Константин Симонов, Николай Асеев и другие. После неё Александр Фадеев заключил: «*Настоящий горец и настоящий поэт*».

Вскоре Фадеев написал письмо Иосифу Сталину с просьбой не посылать после ранения на фронт талантливого советского поэта Кулиева, а включить его в резерв Союза писателей, то есть отправить в тыл. Но поэт с этим не согласился: «*Я поеду туда, где мои братья проливают кровь – под Сталинград*». Руководители Союза писателей СССР были шокированы решением молодого поэта. Всё, на что они смогли уговорить упрямого коллегу, – пойти во фронтовую газету «Сын Отечества».

Под Сталинградом Кайсын Кулиев встретился и подружился с Алимом Кешоковым, впоследствии знаменитым кабардинским поэтом, ставшим классиком литературы Кабардино-Балкарии. Тогда началась их дружба, длившаяся до последних дней Кулиева. Дружба балкарца Кайсына Кулиева и кабардинца Алима Кешокова стала легендой и символом братских отношений горских народов. Именно Алим Кешоков вынес из боя вновь раненного Кулиева и донёс товарища до госпиталя на руках. Было это во время боёв за Севастополь.

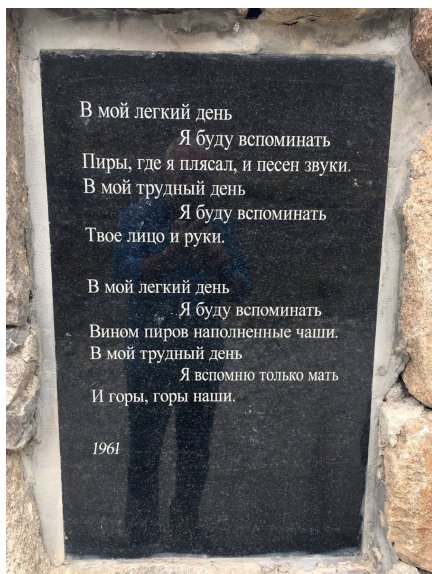
С боями Кайсын Кулиев прошёл фронтовыми дорогами. В госпитале, в 1944 году, Кайсын Кулиев впервые услышал о принудительном переселении балкарцев в Среднюю Азию. Сначала он отказывался верить, однако вскоре выяснилось, что это действительно так. Он получил весточку от соотечественника-фронтовика Керима Отарова, тоже поэта. В письме было сказано: «*Домой не езди, наших никого там больше нет...*»

За участие в боях за освобождение Крыма в январе 1944 года Кайсын Кулиев был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. Генерал Яков Крейзер, позже Герой Советского Союза, лично приехал в госпиталь, чтобы вручить орден поэту, который не мог подняться с постели. Тот, уже зная о депортации, спросил: «*А завтра не придётся возвращать вам этот орден?*» Крейзер заверил, что награда вручается Кулиеву за его личные заслуги перед Родиной и никто её назад не заберёт.

В связи с депортацией балкарцев в 1944 году Кайсыну Кулиеву не дали Сталинскую премию, на соискание которой его сборник стихов был выдвинут в 1943 году.

В апреле 1944 года, выписавшись из госпиталя после ранения и побывав в родном Чегемском ущелье, он отправился в ссылку вслед за своим народом, добровольно разделив с ним его трагическую судьбу. Более десяти лет прожил Кайсын Кулиев в Киргизии, активно участвуя в литературной жизни республики, но без права издавать собственные произведения.

В 1956 году Кайсын Кулиев вернулся в Кабардино-Балкарию. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Его поэзия заняла достойное место в отечественной литературе. На русском и балкарском языках появляются и становятся достоянием многомиллионного читателя сборники стихов поэта: «Горы» (1957), «Хлеб и роза» (1957), «Я пришёл с гор» (1959) и другие.

Мемориальный комплекс на родине поэта в селе Верхний Чегем

Кайсын Кулиев впитал в себя культуру Востока, традиции русской и мировой классики. Близки для себя по духу и творчеству поэтами Кулиев считал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Низами, Физули, Пастернака, Твардовского, Байрона, Верхарна, Лорку и других. *«Мировая поэзия дала мне ту культуру, без которой и вне которой поэтом стать нельзя»,* – говорил он. Строки из его стихотворений стали крылатыми:

«Легко любить всё человечество – попробуй полюби соседа»,
«Каждая пуля на войне поражает одну цель – сердце матери»,
«Добро должно быть с кулаками»,
«Будь достойным горя»,
«Настоящее слово стоит скакуна»,
«Мир и радость вам, живущие»...

В мой лёгкий день я буду вспоминать
Пирь, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твоё лицо и руки.

В мой лёгкий день я буду вспоминать
Вином пиров наполненные чаши.
В мой трудный день я вспомню только мать
И горы, горы наши.

Мемориальный комплекс «Сто шагов к Кайсыну» – это выражение любви и признательности поколений великому сыну балкарского народа. Комплекс был сооружён на добровольные пожертвования отдельных граждан, целых родов и различных организаций при активной поддержке местной администрации Верхне-Чегемского сельского поселения. Множество людей от мала до велика приняли личное участие в строительных работах.

Мемориал со временем назвали Великая Балкарская стена, и он стал новой достопримечательностью Кабардино-Балкарии. Стена стихов Кайсына Кулиева «Сто шагов к Кайсыну», учит миру и добру, учит любви и мужеству.

«Наш проект посвящён памяти Прометейя Кавказа, великому поэту России и мира Кайсыну Шувеевичу Кулиеву, человеку, который всю свою жизнь отдал служению своей Родине, проливший кровь за свободу нашей Отчизны, человеку чести и совести, человек, провозгласивший свой бессмертный лозунг – “Мир и радость Вам, живущие!” – писал инициатор и руководитель проекта Хадис Тетиев. – Только вера в наш народ, вера в моих друзей и главное, Кайсын, его имя как символ чести нашего народа вдохновляла нас идти вперёд и сделать то, что сегодня можно увидеть».

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Член Международной академии русской словесности (Австралия), почётный гражданин Балтийского городского округа. Литературные премии им. Н. Гумилева, Б. Корнилова, «Щит и меч Отечества», Союзного государства, «Золотое перо Руси», «Золотой Витязь», две Золотые медали конкурса «Патриот России», кавалер ордена «Русская Звезда имени Ф. И. Тютчева».

«ДУХОВНОЕ ОПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

О книге С. В. Корнилова «Русская философия: идеи, имена, концепции». – Калининград, 2023

Давно хотелось, чтобы такая книга была у меня под рукой, где синтезировано мировоззрение и творчество русских философов XIX–XX веков, включая и философов русского зарубежья. Это книга строгого, глубокого учёного, окрашенная чувством любви к философскому наследию России, которое составляют идеи и концепции выбранных автором представителей русской философии, судьбы которых сложились в условиях драматической истории их Отечества.

Здесь представлено духовное наследие мыслителей Московской духовной академии (Ф. А. Голубинского, В. Д. Кудрявцева-Платонова, А. И. Введенского), рассмотрен вклад в отечественную культуру А. С. Хомякова, Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, творчество философов Серебряного века и русского зарубежья Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Л. Франка. В книге отражены взгляды В. В. Розанова, кн. С. М. Волконского, А. А. Богданова, И. И. Лапшина, Е. В. Спекторского, П. А. Сорокина. Глубину и полноту каждой из 16 глав хотелось бы раскрыть, но в данном очерке остановлюсь лишь на некоторых аспектах.

Каждая страница «Русской философии...» Сергея Владимировича Корнилова – результат глубокой мыслительной деятельности, вспахивание и засеивание поля любознательности. От этого ум читателя отзывается и побуждается к мыслительному сотворчеству.

Любомудрие русских

Ничто не возникает из ничего, и творческая мысль, идея, концепция – это проявление гения, как историческая тайна, прорастающая из метафизики родового начала, одухотворённого Православием. Русский национальный философ находится в координатах духовно-нравственного поиска. Например,

Павел Флоренский говорил о наследии А. И. Введенского: «Величественный идеал духовного опознания всей действительности, творческое преображение и просветление мира, соборность, братство, любовь, спасение всем миром».

Опровергая упрёки либерально-руссофобских сил о том, что якобы русская философия следовала за «великими европейцами», автор книги прибегает к словам историка отечественной философской мысли архимандрита Гавриила, утверждавшего в 1840 году: «Любомудрие русских непоколебимо, живо и действенно, как основанное на изречениях ума Божественного и человеческого, на опыте русских философов и греческих мудрых иерархов» (Гавриил, архимандрит. История философии. Часть 6. Казань, 1840. С. 25).

На моральную установку в творческих истоках русского философствования указывал В. В. Зеньковский, отмечая, что отечественная философия «более всего занята темой о человеке, его судьбе и путях, о смысле и цели истории» (В. В. Зеньковский. История русской философии. М.: Академический проект. Раритет, 2001. С. 15).

Россию омывают океаны и моря живой воды духовности. В русской философии мы видим то «...закономерное, устойчивое, приоритетное, развиваемое с исключительной силой и последовательностью...» (С. В. Корнилов. Русская философия: идеи, имена, концепции. Калининград, 2023. С. 264), что позволило ей приобрести всемирно-исторический смысл и значение.

Духовное наследие мыслителей Московской духовной академии

Анализируя разработки Ф. А. Голубинского «К постижению бесконечного: верующий разум», С. В. Корнилов обращает внимание на то, что Голубинский призывал отличать философию как состояние духа в его стремлении к познанию от философии, как ведения, или знания.

А. И. Введенский в его «Философских константах» отмечает, что умы людей в большей степени занимают вопросы практические, они вовлечены в религиозные споры, социально-политические движения и перевороты, технические и экономические улучшения. Вот почему мысль «огрубела и материализовалась», развились «либертинаж и эпикурейство». И его слова звучат до сих пор с не меньшей актуальностью, чем тогда, в конце XIX века.

Выйти из ослабления воли, из хаоса противоборствующих течений помогут три шага. Первый – подняться над модными вопросами о политико-экономическом строе. Во-вторых, настоящий мыслитель должен выработать самостоятельный критический взгляд на борьбу идей и течений, чтобы сохранить самостоятельность от общих поработающих влияний мнимой «науки или философии». В-третьих, отмечая робость и принижение современной ему мысли, пользоваться творческой силой своего мышления, помнить, что в человеке есть великая, богоподобная сила. Для появления выдающихся философских результатов необходима соответствующая умственная атмосфера, в которой сосредоточение идёт на вопросах о жизни, о её смысле и ценности.

Русское мышление обнаруживает свою самобытность и оригинальность. Вопросы, поставленные мыслителями Московской духовной академии Ф. А. Голубинским, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым, А. И. Введенским, стимулировали интерес русских теоретиков к осознанию национального характера философии в работах В. Ф. Эрна, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, представителей русского зарубежья Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева. Несмотря на относительное незнание русского языка, всё же среди зарубежных авторов появился анализ особенностей русской философии в работах Ф. Коплстона, А. Валицкого.

Ученик А. И. Введенского П. А. Флоренский отмечал на чествовании своего учителя: «Если возможна русская философия, то только как философия православная, как философия веры православной, как драгоценная риза из золота – разума – и самоцветных камней – приобретений опыта – на святыне Православия».

Вопрос о братстве и о «вечной тюрьме»

Обращает на себя внимание глава 5-я из книги «Русская философия...» С. В. Корнилова, посвящённая проекту «Общего дела» Н. Ф. Фёдорова, предпосылкой к которой является концепция соборности А. С. Хомякова. Проект «Общего дела строится на учении о родстве, которое сформулировал в своей ведущей работе “Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного,

то есть немирного, состояния мира и о средствах восстановления родства. Записка от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим»». Работа поражает актуальностью в свете всех факторов, связанных с СВО. Речь идёт об отделении мысли от дела, знания должны быть поставлены на службу общему делу – преодолению небратского, неродственного состояния. Ум, отделённый от воли, превратился в разум бесчувственный. Фёдоров нейтральному слову человек предпочитает – сын человеческий, актуализируя русскую традицию благородства, гуманизма, сердечности, добра. Он развёртывает принципиальную критику критицизма, которую европейские учёные назвали чуть ли не венцом мышления, имея в виду Иммануила Канта. Фёдоров объяснил, что кёнигсбергский теоретик устроил «Страшный суд» над философией, отвергая всё, что не могло быть им критически обосновано. Несмотря на то что этот приговор признал весь интеллектуальный Запад, Фёдоров отнёс Канта к лжесудьям, так как он заточил человека в «вечную тюрьму», признавая раздвоение разума на теоретический и практический как неустраняемое и вечное. История показала, разве не на «Критиках...» Канта была построена идеология Первой и Второй мировых войн, а затем – и гибридной.

О мимолётном и вечном

Открытием для меня лично в книге С. В. Корнилова стала глава, посвящённая философским исследованиям князя С. М. Волконского о мимолётном и вечном.

«Америка – окно в будущее, но страшно смотреть в это окно: художник содрогнётся, философ покачает головой», – говорил князь С. М. Волконский. Будучи директором Императорских театров, он противопоставил засилию итальянской оперы русскую оперу. Александр Третий всегда вычёркивал Римского-Корсакова. В царской семье не пользовались любовью композиторы Бородин, Мусоргский. «А ведь Римский-Корсаков – это сама поющая русская земля», – с гордостью писал князь С. М. Волконский.

«Вселенная построена на числе» – так считали пифагорейцы. Волконский продолжил эту мысль, утверждая, что все живущие на земле, не могут освободиться, отрешиться от пространства и времени, а следовательно, от числа. Так мыслитель стал провидцем того, что сегодня называем цифровизацией и цифровым рабством. Он в прошлом столетии указывал на проблемы реальности как перехода от максимальной полноты существования к небытию, к ничто.

О космоглобалистике

На потребность философского оформления жизни на современной планете отвечает глава 16-я «От концепции “пределов роста” – к космоглобалистике». Ультраглобалисты, для которых понятие человек – это представитель «двуногих тварей миллионов», а слово человечество представляется неким излишеством на земле, которое следует сократить до 500 миллионов, так как оно достигло пределов роста экономики, истощив невозполнимые запасы природных ископаемых. Человечество оказалось «Перед бездной», – так назвал свою книгу Аурелио Печчеи, первый президент Римского клуба. Он отметил, что в результате бесконтрольной человеческой деятельности жестоко пострадала некогда щедрая и обильная биологическая жизнь планеты. Частично истреблены её лучшие почвы, а ценные сельскохозяйственные земли застраиваются и покрываются асфальтом и бетоном дорог. Уже полностью использованы многие наиболее доступные минеральные богатства, вызываемое человеком загрязнение можно теперь найти буквально повсюду, даже на полюсах и на дне океана.

Теперь последствия этого отражаются даже на климате и других физических параметрах планеты.

Деятельность человека разумного на планете оказалась более чем неразумной, так как уничтожает среду, в которой он только и может существовать.

Теория «пределов роста» была впервые представлена Римскому клубу группой исследователей (Джей Форрестер, Денис Медоуз и др.). Они не только проанализировали взаимодействие человека, окружающей среды и природных ресурсов, предупредив человечество о глобальной катастрофе, но в качестве выхода предложили переход к «нулевому росту», к прекращению развития производительных сил и ограничению рождаемости в целях сохранения экологической среды. Они предложили ценный методологический аспект: изучать не отдельные грани функционирования «мировой системы»,

а важнее понять, как «многие механизмы и силы, воздействуя друг на друга, вызывают те тотальные последствия, которые мы воспринимаем» (Дж. Форрестер. *Мировая динамика*. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 11). Важно подчеркнуть то, что перспективное направление в разработке проблем глобалистики связано с именами К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского. Автор книги ссылается на исследования А. Д. и Т. А. Урсул: «И у того и у другого учёного были работы, которые сейчас можно отнести и к глобальным, и космическим исследованиям. Независимое, но одновременное активное внимание двух гениальных учёных к глобальной и космической проблематике свидетельствует не просто об их опережающем взгляде на будущее человечества – возможностей и перспектив, путей (и средств) выживания и дальнейшего существования цивилизации в глобально-космическом мире» (А. Д. и Т. А. Урсул. *Становление глобально-космических исследований // Стратегические приоритеты*. 2018. № 2. С. 106–119).

С. В. Корнилов также отмечает, что предвидение космизации человечества содержится в проекте «общего дела» Н. Ф. Фёдорова, в трудах представителей русского космизма в целом (идея автотрофности человечества, открытие и использование космических ритмов, необходимость проективного мышления, задача «регуляции природы»).

Закономерным стало появление и развитие космоглобалистики как особого рода раздела в структуре общей глобалистики. Весомый вклад в её развитие внёс А. Д. Урсул, представивший концептуальное обоснование дальнейшего развития глобалистики, включающего негэнтропийное направление движения человечества (движение к упорядочиванию, к организации системы), опережающего образования и другие плодотворные идеи).

О цельном знании

Таким образом, русское любомудрие на протяжении веков рационализму Запада противопоставило идею о живознании, или цельном знании, в котором объект и субъект не разделены и не противопоставлены. Вхождение частной истины в целостное познание обосновал Вл. Соловьёв. Его идеи стали частью духовной традиции, нашедшей оригинальное и самостоятельное продолжение в трудах В. Ф. Эрна, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, С. Л. Франка и др.

В ценностных установках русских мыслителей, – пишет С. В. Корнилов, – нашли наиболее полное выражение духовные основания нашей культуры. Устремлённость к добру, высшим нравственным ценностям была соединена русскими мыслителями с принципом свободы («Добро есть правда» – Н. А. Бердяев). Русские философы бескомпромиссно отстаивали свои позиции, обличая зло и неправду. Они смогли увидеть перспективу общественно-нравственного движения и определить его цели, поставив задачу обретения истинного, а не формального братства всех людей, чем сформировали всемирно-исторический смысл существования человечества.

Корнилов Сергей Владимирович (1952, Москва), российский учёный. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова (1974). Доктор философских наук (1990), профессор (1992). С 1978 года в КГУ / РГУ / БФУ им. И. Канта: ассистент, доцент, зав. кафедрой философии, затем философии и культурологии (1995–2005), профессор кафедры философии и культурологии, затем философии (с 2005). Почётный работник высшего профессионального образования РФ (2005). Специалист в области русской философии. Соч.: *Древнерусское паломничество*. Калининград, 1995; *Философская школа Московской духовной академии*. Калининград, 2006; *Категориальные структуры символизма П. А. Флоренского // Социум и религия*. Ставрополь, 2011. Вып. 3; *Русский космизм и ценности современной культуры // Философия и ценности современной культуры*. Мн., 2013; *Русская философия и её значение для духовной идентичности*

современной России // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Краснодар, 2014.

Берега прочтения

Василий Киляков

Василий Киляков – окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Новый мир», «День и ночь», «Литературная учёба», «Подъём» и др. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

ДОСТОЙНЫЙ ПУТЬ ПОЭТА

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН: ОТ «РЕКИ» – К «УПРЯМОЙ РЕЧИ»

В феврале 2022 года за книгу «Упрямая речь» А. Г. Нестругин был удостоен премии СП России в номинации «Лучшая книга года». Награждение состоялось в Москве, в Малом зале ЦДЛ. И это ещё одна премия в череде премий поэту, прозаику, эссеисту вслед за премиями Э. Володина, С. Есенина, премии А. Платонова...

Открыл его книгу стихотворений «Упрямая речь: новые стихотворения» (Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2021. – 192 с.), вспомнил нашу переписку в течение одиннадцати лет и особенно – книгу «Река», с которой начиналось наше знакомство...

Сокрыты сегодня поэты настоящие, поэты глубинки, часто – далёкие от столиц. Не крикуны, а тонкие, отзывчивые на нужды народа, почвенные проникновенные поэты. Не очень-то участлива к ним столица сегодня, многие ли знают их имена? Открывал книги с добрыми словами посвящения и долго не мог оторваться от негромкой, звучной, свежей, сердечной лирики:

Подступит ночь: темно и грустно!
Сижу, прикрыв глаза рукой,
И мне заснеженное русло
Последней видится строкой,

Чуть проступающей, где важен
Не смысл какой-нибудь иной,
А то, как резкий почерк сглажен
Прощаньем с горечью земной.

...Вроде бы отошли, «отзолотились» и «отсеребрились» два века неповторимой великой русской литературы. И отчётливо видно сегодня, как в протёртом оконном стекле понимается, что стихи Нестругина – глоток свежего воздуха. Ведь и впрямь: и модерн, и мейнстрим, и «андеграунд» (что значит в переводе с английского «подполье, подвал») – и темны, и душно тесны. Кто же скрывается в подвале? Единственно нечисть, хвороба всяческая... И вот опять слышу, в который раз объявили о «смерти классической русской литературы», что было и прежде: «Иван Иваныч умер», но теперь не от избытка писателей, как при СССР, а от недостатка талантливых... И «сонм» «писателей» нынешних раскидывает-рассеивает через Интернет серые стишата, отвратные поделки в прозе скабрёзного содержания. Так плевелы-сорняки трудноотличимы от зёрен ржи, пшеницы и других культур. Внешне, на первый взгляд, весьма схожи, но в плевеле содержится ядовитое вещество, и, попадая в хлеб, это подобие злаков превращает каравай непригодным для еды. И вот казалось (по крайней мере, с девяностых годов), что поэзии тихой, негромкой, песенной, пронимающей до самого сердца горячей строфой – такой поэзии уже нет и вряд ли будет.

И вот – Нестругин:

СВЕТАЕТ

То думы долгие, то страх, Что время тает...	Ну, ладно, жизнь не задалась – Большое дело!
Друг растолкал меня впотьмах: – Гляди, светает!	Подумаешь – замкнулся круг, Затихли речи...
– Ты что, с похмелья обалдел? Всю ночь не спавши!..	Но есть река, и рядом друг Сутулит плечи.
Но всё же тёр глаза, глядел, – Друг, он постарше,	И кто бы там ни говорил, Что всё, темнеет, –
И как бы кто кого ни злил, Нам жаль друг дружку...	Он жив, и чай он заварил, Как он умеет.
А он вчерашний чай разлил По чёрным кружкам.	И мы стоим плечо к плечу, Где вниз – крутая
И каждый лист ронял слезу, Словам мешая...	Тропа, и я сказать хочу, Что – да, светает.
А под обрывом, там, внизу – Река большая	Но не нашарю по темнóу В груди глагола.
Плескалась, празднично лилась, Дышала белым...	А чай тот – крепкий, на тернóу – Сжимает горло...

Не знаю, кто лучше Нестругина в наши времена сказал о бренности человеческого бытия именно так заповедно, так тонко. Двое на голой земле, у реки. Друзья, которых связывает крепко испытанное прошлое. Та духовная общность, что христианство два тысячелетия называет «любовью во Христе». А подтекст: «И каждый лист ронял слезу, словам мешая...» И понятно, что дело не в листе, угодившем в кружку, причина глубже. Это как раз тот случай, когда за двумя словами стоит мир человеческих отношений. И не только от чая «сжимает горло».

У автора свой собственный лексикон, присущий только ему и никому другому, это в литературном цеху обозначают всяко: и «литературный приём», и «мастерство»... Но слово не возникнет и не распухнет в цвет, если оно не прочувствовано. Помнится, А. И. Солженицын пошёл простым дюжинным путём: вдруг создал и выпустил «Словарь-расширитель» русского языка. Хорошо, что на этом только остановился, не пошёл дальше. Не выпустил произвольный «словарь метафор», «словарь аллитераций», «синонимов» со стихийными приставками, суффиксами самыми нелепыми и прочее. Потому что такие словари и слова-калеки вызывают лишь жалость, слово нельзя «вытащить» из памяти, намеренно покалечить его, сложить вроде математической формулы; нельзя сочинить произвольно лексему-отсебятину. Слово образуется и ложится – или не ложится, и чувствовать форму и прелесть звука слова способен только настоящий, испытанный, «завязтый», как говорят, поэт, природный или самородный, пишущий давно и *в радость* читателю. Иначе говоря, «не всякое лыко в строку». В этом и даровитость, в этом таинство и премудрость: найти слово потаённое, самое сокровенное – не из словаря вытащить и приспособить, а в душе своей отыскать тот отзвук, тот, что едва слышишь-чувствуешь... И так ясно, читая Нестругина, видишь, что никогда не соорудить по лекалам «словарей-расширителей» такой лирики.

Словари *интересных* людей так и останутся лежать пудовыми колодами, которые невозможно прочесть с их версификациями подразумеваемых предлогов, глагольных и отглагольных форм, а читая хорошую, честную, трудную книгу мастера, поражаешься вдруг: как много ещё не написано именно тончайшего, как много предстоит написать не сложносоставными придумками, а сердцем. И тогда тем более удивляешься тому обстоятельству, этакой «моде»: придумывать, фокусничать вместо того, чтобы открывать такие простые и понятные строки, которые берут за живое, не отпускают, напоминают о себе совсем неожиданно, тайно и через годы даже.

...Что же это за «мода», что это за напасть, и не только у нас, у русских, у «россиянцев» (как любили повторять, обходя запретную тогда *русскость*, особенно в высоких и самых высоких кабинетах), что за недуг это: как в давние трудные, переломные для России годы – снова в «дыр бул щыл» ударились или «о, закрой свои бледные ноги» полюбили, ведь «фиолетовые руки // на эмалеевой стене // полусонно чертят звуки»?.. Потому что причина одна и та же (с разницей временной в век):

настоящее ёмкое русское слово стараются «забить», замарать или покрыть неким слоем канифоли или левкаса, чтобы закрасить, зарисовать, замалярить самый даже лик – Божественный лик, сам неповторимый русский слог, неизменный в подлинности своей... (Сколько примеров с некоей Горалик, с М. Малиновской; с какой целью замарывание читателя – в том числе и юного – даже не просто бесталанностью, а и матерщиной, и собирание премий при этом позоре?) Откуда этот морок-наваждение, затемнение общего смысла и образа русской поэзии? Нынешние «пачкуны», декораторы малюют по образам шедевров, написанным до них (от одного из «корифеев» из сегодняшних пиитов: «Ночь, улица, // фонарь, аптека. // Практически не видно // ни одного человека»). Две строки классика, две строки свои, и готова «котлета». Так в чём же дело, время ли пасквилям, украденным памфлетам и «андеграундам» сегодня? Но странно: громадные деньги улетают на подобных стихоплётов в поощрение, а настоящий поэт, Нестругин, выпустивший 11 книг стихотворений, получает всего-то третью по счёту премию за более чем полувековой труд.

Вот поэзия:

Как глядит этот свет равнодушно и стыло,
 На глухой шепоток боль мою обменяв...
 Надо жить, надо жить – на зубах, через силу,
 До кровавых корней ногти все обломав...
 Пусть не мне, пусть не мне полыхают сирени –
 Там, в разрыве небес, на обрыве крутом...
 Надо жить, надо жить – и вставать на колени,
 Редкий воздух хватая запёкшимся ртом...
 Незатейливый дар, непомерная плата –
 Только как я просить стану что-то взамен?
 Надо жить, надо жить – тяжело, виновато,
 Обречённо почти поднимаясь с колен...

Надо жить, надо жить – умирая, старея,
 Заплутавшей дороги не видя почти.
 И дойти, и дойти – до небес, до сирени,
 Ну а может, – всего лишь до края пути...
 Надо жить, надо жить –
 каждой бьющейся жилкой,
 Каждым нервом, уставшим кричать в темноте.
 И опять рисовать три заветных снежинки
 Вместо точки – на самом последнем листе...

...Когда-то И. А. Бунин, трепетно относившийся к слову, признался в «Дневниках», что нет ничего труднее, чем зарабатывать чтением своих произведений. Смотрю на сегодняшних «пиитов» и «композиторов» – и приходит в голову только одно: а сегодня нет ничего легче, чем зарабатывать со сцены. Это как у Л. Н. Толстого замечено в «Дневниках» позднего времени: «“Хороший ли поэт NN?” – “Да что же, кормится...”» «Кормится» – вот критерий. Не пора ли разделить поэзию и тех, кто «кормится», ведь так должно произойти когда-то? Когда и кто скажет вслух, что ни Газманов, ни Шнур, ни Рубальская, ни Быков-Зильбельтруд, ни Борис Гребенщиков – «и близко» не поэты ни на йоту, тем более не песенники. Но вот не стыдно же и Макаревичу называться поэтом. Не стыдно, написав дюжину псевдоглубокомысленных, а на деле – пустыньских песенок, причём более тридцати лет назад, до сих пор «кормиться» от этого «навара», вещать благоглупости... А песни А. Г. Нестругина многие ли слышали? А они есть, живут, и какие песни!

Ну-ка, откроем Александра Гавриловича, тот же сборник «Река», – там тоже размышления поэта о подменном и о настоящем.

Шумят балы. Гуляют нувориши.
 Их дамы щеголяют нагишом.
 А я смотрю, как выбелило крыши
 В моём родном райцентре небольшом,

И хлынул тополиный лист – отвесно,
 И потому так улицы строги;
 И возле глаз, глядеть привыкших честно,
 К утру проступят тёмные круги.

Кажется, многие ли сегодня ищут настоящее прочесть, многие ли ищут освежить душу чтением поэзии? И дело не только в том, чтобы получать наслаждение, – необходимо научиться читать, воспитать вкус собственный читательский и даже и волю к чтению. Чтение – труд, и немалый. К труду, особенно в пору начальную, необходимо привыкнуть. Хороший читатель – тот, кто «сформировался», оформился как личность, а это само по себе – весьма непростое дело.

Есть ли она на сегодняшний день, честная-то литература, от которой, по Нестругину, *ветер в карманах и чёрные круги возле глаз*? Не выродилась ли? Вопрос этот не казался бы мне, наверно, нынче

таким острым, злободневным, если б ещё не та первая, подаренная мне «тихая» книга с проникновенными строками – книга стихотворений «Река» Александра Нестругина, присланная мне автором с добрыми словами, написанными на светлой первой странице. И если бы не боевитая, оглушительно социальная его «Упрямая речь», недавно получившая престижную премию СПР...

Помню, как на кафедре Литинститута открыл и вслух читал сборник «Река»... Я возвращался вновь и вновь к тем или иным нестругинским строкам, и всё же в радости моей горчинка была: написание таких книг и издание их *за счёт самого поэта* (и это позор всем тем, кто надзирает за культурой!), издание «за свои» вовсе не от изобилия средств – дело подлинно подвижническое.

Яснее ясного и то, что прошлые века русской литературы – неповторимые, величавые – не могут не просиять в грядущее. Прошлое с нами, но прислушаемся к современнику, несомненно возмужавшему на высокой поэзии.

Настоящее, творческое всегда требует усилий, душевной и сердечной работы:

«Не забуду тебя, не забуду!» –	Как вода, переполнив запруду,
Лоб горячий разлукой студя.	Малой каплей возвысь над ней.
Как вода, ударяясь в запруду,	«Позабуду тебя, позабуду,
Оглушённо на круг уходя...	Изменившую мне – прокляну!»
«Даже если тебя позабуду,	Как поток, уносящий запруду,
Всё равно до скончания дней...»	Но оставшийся всё же в плену...

И слово поэта в плену не озябнет, прорвёт плотину, найдёт заводь сердечную, заскрипят-заработают уключины. В том-то и тайна поэзии: простыми словами выразить невыразимое.

Конечно, несправедливо было бы сказать, что уж совсем-таки нет сегодня хорошей литературы, она есть, и книга «Река» – тому доказательство. Но доступна ли она широкому читателю, ценителю? Нет, недоступна. Интерес к слову перекрыт, пресечён, потребность в книге резко и намеренно снижена. И сделано так именно неестественным усилием. Пятьсот, много – тысяча экземпляров за счёт автора – вот и всё, на что можно рассчитывать: таковы последствия этого «подсечного земледелия» в области культуры пост-ельцинской эпохи. А без широкой и должной «информационной поддержки», без огласки чуда поэзии как будто и нет вовсе. И обманно убеждают толпу, что нет будто бы чуда, даже и смысла нет в чуде-слова. Ложь!..

Зачем нисхождение огня на Пасху, если об этом никто не узнает... Нам неведомы Божьи замыслы, но это чудо – в укрепление нашей веры, веры немощных. Без огласки, рекламы хорошо написанная книга подобна ярко зажжённому камину или печи, которые светят и греют лишь в каморке писателя. Увы, имена лучших современных поэтов – не просто литераторов – редко доходят до нас, горят огни лишь в их одиноких кельях, в далёких уголках нашей земли. Много ли сегодня этих келий с пылающим камельком-талантом – Бог весть. Откроются ли они когда-то, воссияют ли для нас?

АВВАКУМ

Дожили: вожди сошлись – в соборе...	Грешен, страстен, я с тобой причастен
Глянь в глаза им, что и здесь пусты,	К вере той, где каждый миг болит,
Аввакум – святой огонь во взоре,	Где с амвона говорит не злато,
Грозные, разящие персты!	Не отступник, пьян и криворот.
Век свинцов, а тёмный путь ненастен –	И уже страшить не может плата –
Мимо новых храмов и молитв...	Та, что только смертное берёт.

Дата написания этого стихотворения: 1998–2009 годы. Стояли или не стояли с толстыми дорогими свечами в Кафедральном соборе «верховные чиновники», а люди простые гибли от голода, холода и разрухи, они и свидетельствовать будут, когда минет сей век, тот, что «свинцов», и путь пресечётся «ненастен».

Да ведь и читателей, ценителей поэзии – тоже меньше и меньше. Кто оценит экономию, бережливость, филигранность чувств и мыслей, для единственной строки потраченные дни, и недели, и месяцы... Кто знает этот труд, а трудяг-поэтов настоящих, нынешних поимённо? Очень и очень немногие.

Так что же случилось со всеми нами, что с нами случилось? Даже в голодные и холодные годы послереволюционные и послевоенные, в годы напряжённых пятилеток и в самое военное время поэты России (и не только России) всегда были не только востребованы, а и любимы, даже обожаемы, – властителями дум были поэты. Есенина или Маяковского знали едва ли не так, как ныне не известен ни один разбогатевший, распиаренный холуй. Да и тот же малопонятный, но слушаемый Велимир Хлебников, хоть и был-то всего лишь «Президентом Земшара» и им и остался навсегда, а и в нём видели поэта, не просто чудака. И слушать приходили, хоть и «буржуйки» в московских квартирах топили последним: паркетом и венскими стульями зимой. Ну, а как разделить Блока или Ахматову и революционный смерч? Пили чай морковный, ели ржавую селёдку, но какие писали стихи! Игорь Северянин и сегодня не забыт, а тогда он и вовсе слыл «Королём поэтов»...

«Наелись колбасы. Помойки завалены барахлом, но стали ли мы лучше, человечней?» – помню, так говорил мне старик, еле двигавший ногами, инсультник, перебирая книги, выброшенные связками на мусорку; он сберегал их, укрывал от мокрого осеннего снега-дождя.

Время не создаёт ни людей, ни характеры. Люди создают своё время и самих себя.

Из книги «Река» Нестругина:

Эти новые реалии,
Где главой всему – барыш,
Будто тесные сандалии:
И пошёл бы, да – шалишь!

Нет, на торг спешить не стану я
(Точно скажут: ну и жмот!)...
Я донашиваю старое –
То, что совести не жмёт.

А вот в 2010 году написано стихотворение, – и послушайте, какая вера в народ, какое пронзительное чувство сопереживания за обворованных, ограбленных и одураченных, обведённых вокруг пальца сограждан. Что-то родное, послевоенное, слышится в стихотворении, когда в образе девушки, стоящей над обрывом, – Родина наша... Вот оно:

Кого ты ждёшь? Ушла утайкою
К обрыву, где простор и стынь.
А он – с потёртою фуфайкою,
Мазутом пахнувшей: «Накинь...»
Ночь за собой уводит ерики,
И шлях, таясь, уходит с ней –
Туда, где бьётся жизнь в истерике
Синюшных вспыхивающих огней,
Где «племя ино» ждёт с подарками
И одаряет люд хмельной
То дорогими иномарками,
То даже родиной иной...
Кричит тебе: «Деревня тёмная,
Да кинь ты свой кизячный край!

Вот – вся в огнях – дорога торная,
Иди, обновки выбирай!»
Кого ты ждёшь? Созвездья грудятся,
Подходят с трёх родных сторон.
И змий ползёт... И всадник чудится...
И знобко душеньке. А он...
Ну, поманил бы речью яркою,
Так нет, катает желваки.
...Но ватник, что пропах соляркою,
Не он ли снял с себя: «Накинь...»
И слово – трудное, угластое –
Одно решит судьбу твою.
Он, твой народ, не слишком ласковый,
Но с ним не страшно на краю...

Ну где, в какой «Большой книге», в каком «Нацбесте» или «Букере», среди каких «номинантов» найдёшь строки такой силы и прозрения:

ОТЧИЙ СВЕТ

Хлеб земной наш – не горсточка зёрен,
Отчий свет – не один лишь порог...
Здесь дожди. Здесь легли чернозёмы
Поперёк окаянных дорог!
Здесь та Русь, что вминали, стирали –
И орали, что нет её тут.

Здесь из колеи судьбу тракторами,
Тракторами, родимую, рвут!
И царей всех по матушке кроют,
Трос последний порвав... А потом
Все ухабы лопатами сруют
Да и стронут судьбину – хребтом.

Где же поэты, равные Нестругину, на слуху ли они? Знаю Д. Мизгулина, Е. Семичева, Д. Кан... В. Кирюшин, Г. Ёмкин, Евгений Юшин, Н. Зиновьев, Н. Дмитриев (уже ушедший)... Татьяна Глушкова (также ушедшая, так и не оценённая по достоинству при жизни, не услышанная), Светлана Сырнева... А как ушёл поэт Мельников Николай? Да что говорить! Не дают их услышать, не говорят о них, не показывают. А вы послушайте...

Здесь мы вроде кому-то известны,
Нас, бывает, в лицо узнают.
Но не нами написаны песни,
Что в далёких столицах поют.
То ли мы не талантливы, то ли
Потерялись, смирились, спились...

Но знобящие песни застолий
Не под нашим пером родились.
Что же нам-то, что нам остаётся?
Просто жить, оставаясь людьми.
Не всегда в этой жизни поётся,
Не всегда в ней поётся, пойми...

Слова горькие и правдивые, казалось бы, но ведь что-то исправить ещё возможно? Необходимо даже выправлять. Пошлость, приблизительность, малокультурие, мелкотемье – не терпят, не выносят честного соперничества оттого уже, что заведомо ясно даже и им самим: они, столичные-то, несомненно проиграют. Вот отчего такая экспансия их, вот откуда ненависть теней – к свету и чистой солнечной глубине: нетопыри боятся света.

Но заморочили же народ, успели. Как? Когда? Да и поэты талантливые скромны, не крикливы, не кичливы. Они вынашивают слово. Они живут словом и со словом. А честная и подлинная работа всегда трудна, многосложна. Потому и одиноки творцы, разобщены, в обществе молчаливы. Редко-редко удаётся перемолвиться им друг с другом – и то уже удача, и то – глоток живого воздуха!

Лишат тебя чинов, наград, щедрот –
Не возропщи: и это Божья милость.
И Родина неслышно подойдёт,
Что всё тебя как будто сторонилась.
Ну, сторонилась – это ты решил...
Когда тебя к вершинам возносила –
Под гул турбин, под тихий шёпот шин, –
Ты думал: о, Божественная сила!
А Родина – она тебя ждала:
Из дней чужих, как с дальних побережий.

И сон твой бередила, и была,
Забытая почти, твоей бережей.
И ведала, что ты не тать, не вор,
Как ни лияй – не свой картавой стае,
И потому смахнут тебя, как сор,
Со Спасской башни ввечеру взлетая.
И будешь ты искать огня, жилья
Не за морем – за ближнею излукой.
...И станет рядом Родина твоя –
Перед людьми одна тебе порукой...

Сколько горечи, правды и надежды слышится, не так ли?

Поэты в России, конечно, есть. И они так же прозорливы душой и честны строкой («я сердцем никогда не лгу», как признавался С. А. Есенин). Но поэзия – это особая статья. Поэту нужен «со-творец», слушатель не просто воспитанный, а состоявшийся, утверждаю и напоминаю – нужен вызревший человек, с привитым вкусом, с чувством художественного слова. Диалог интересный и честный возможен только с равным. Но кто же сегодня воспитывает читательский вкус, кого заботит этот «пустяк»? Поэзия оказалась в таком упадке именно потому, что она наиболее чувствительна. Так и всегда, при переезде с места на место более всего берегут дорогой хрупкий хрусталь. Мы, переезжая из века в век, не сберегли самого дорогого. Кроме того, поэту нужен вовсе не случайный попутчик, а чуткий друг. (Ещё в большей мере чем художнику – зритель, ценитель.)

И поэзия первой реагирует на присутствие (или отсутствие) добра и любви. Поэзия – как, быть может, никакое другое искусство – нуждается в сподвижнике. И какой же резонанс наступает, если читателей – восприимчивиков нового слова, их, друзей-слушателей внимательных, неподдельных, – не один-два, а много? Тогда – горение, это восхитительное пиршество единомыслия!.. Так, к общей радости, и случилось в ЦДЛ в Москве на награждении А. Г. Нестругина премией «Лучшая книга 2021 года СПР».

...Итак, одно из главных условий в мире поэзии: необходим воспитанный, подлинный, понимающий слушатель. Обывателю, обычному потребителю сегодня «не нужна культура», и он убеждён и даже отстаивает это своё «право»: не читать классики, не читать современной поэзии. Таким образом, намеренно создана агрессивная среда пребывания, где поэты, к величайшему сожалению, «не нужны

теперь». Ясно, что и «Год литературы» с мёртвой точки не сдвинул ни на йоту той громады-инерции, не порушил этой горы тупого невежества и самодовольства. А ведь поэзия передвигала горы. С «Василием Тёркиным», с «Если дорог тебе твой дом...» побеждали, и, конечно, с «Катюшей».

Сегодня тысячи крикунов объявили себя «золотыми голосами России», «императрицами»: «Гуляй, шальная императрица! И вся Россия берёт с тебя пример» (ну что можно представить себе пошлее пляшущей на позорище «императрицы» эстрады?..). А поэты настоящие, нравственно чуткие? Они же мешают хорошему пищеварению. Они волнуют, отнимают сон и самоуверенность. Прочитал хорошего поэта – и вот ты уже усомнился в своём глаголемом атеизме. Прочитал и задумался о Родине, о любви к матери, к девушке... Ведь подлинно есть и иной мир, и иная поэзия, и боль, и счастье от строфы – это его, этого *иного мира* голос! Это от поэтов, от их стихотворений вдруг возникает необъяснимое мимолётное ощущение счастья. Или неуют и тревога. Они, эти настоящие поэты, теперь (вот беда!) пишут, скорее, для себя самих, для своей души и совести, чем для «заштатников» и для бездумной молодёжи, гоняющей чертей в компьютерных играх, ржущей на «ютубах» над «приколами». Этому-то потребителю, этому-то охотнику хоть как-нибудь повеселиться, хоть от чего-нибудь получить кайф, ему поэт не нужен. И поэту такой читатель – тоже. Лучше греться одному, своим огнём, от себя, чем разогревать ледяное дно Арктики, – неблагоприятное это дело...

И это при том, что России всегда была дорога поэзия – как, пожалуй, никакой другой стране в мире. Россия – она живёт (и до сих пор) от сердца:

ПРОЩАЛЬНОЕ

Памяти Алексея Решетова и Николая Дмитриева

Тихо прошли мимо толп драчунов и кутил,
Будто Господь им заздравную чару не налил.
Вышли поэты – всё белым песочком светил –
К плёсу ночному, где донником жёлтым
расплескана налунь...
Молча стоят. Но слова, что Россией больны,
Что не давали скользить в это время пустое, –
Не изречённые – долго и горько слышны

В зябком, раскинувшем сонные реки
за край мироздания русском просторе.
Что им сказать? Что всё тянутся, тянутся к ним
Вётлы Тарусы и говор на камском причале?
...Тихо стоят, как вечерний нетающий дым,
Не укоряя за выпренность скомканной,
сбивчивой речи и не отвечая.
Рядом стоят...

«Просто нельзя же нам так оскотинеть, ведь мы же люди», – как говаривал В. М. Шукшин. Страшно молвить, но приходится: ведь и безграмотность, полная безграмотность стала тоже явлением совсем не редким. В армию теперь приходят (по признанию майора-военкома) неграмотные солдаты из деревень – нет в сёлах школ. Развалили, сократили.

А вот сами столичные жители наши «заевропеились». Оно и правда (на первый взгляд), только в городе теперь человек в состоянии наесться «от пуза», приодеться. Глубинка живёт сегодня едва ли не труднее и не страшнее, чем четверть века назад. Наелись – да, но стали ли от того лучше? И вот уже и среди «грамотных» пошлый видеоряд решает всё.

А вот – А. Г. Нестругин, вслушайтесь: здесь всё об ином, о другом измерении бытия, не о миллионах. Дело вообще-то не в набивании безразмерного кармана. Не бедность – само отсутствие стремления к наживе, воздержание разумное разве не приближает нас к Богу? (Самое большое богатство, по русской пословице, – это не хотеть никакого богатства.)

Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась:
В груди, как у мыска,
Течение теснилось.
И всё, как наяву,
Как наяву, бывало:
К тому мыску листву
И луны прибывало...
Восторг... И боль. И злость.
Заката угасанье.

И незнакомых лоз
Знобящие касанья.
Смыкала льды тоска.
Даль полыньёй дымилась...
Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась!
Смеялся. И тужил.
Шептал теченью: «Вытай!»
И тем теченьем жил,
Как крутояр подмытый...

Как мало было надо для счастья в детстве: река и берег сплошь в стрижиных норах. И какое мелькание их перед дождём, какое счастье просто созерцать быстрокрылых птиц!.. Небо и птицы... («И ласточка *долго* летала», – скажет в книге «Упрямая речь» Нестругин, и тотчас дивисься, как точно это сказано!)

Русский чаще всего живёт не для себя, а для ближнего. Настоящий *русский для неба живёт*. Этому нас учат отцы и деды, бабушки и матери.

Русские поэты, если они сегодня и пишут, по большей части вынуждены писать «в стол», «для себя» – и всё же пишут (с осознанием, что не для себя, а для ближнего). И в этом тоже их альтруизм, и это бесспорно. Только встреча читателя-друга с поэтом сегодня отдалается во времени. Иногда случайны эти встречи, наперекор всему, как моя встреча с Нестругиным (хотя, по утверждению мудрых святых русских старцев, ничего случайного нет на этой земле). Почему-то им, поэтам нашей глубинки, не только не вредит творчество «в стол», а даже и растит их, и возвращает, и укрепляет их нравственно и духовно, как солдата растит затишье перед атакой. У русского человека есть умение ждать своего часа. Когда ты готов к атаке, к испытаниям и к смерти даже, то право на голос должно быть незыблемо. Память об этом – необходимое условие роста. И стихи зрелые нужны нам, читателям, гораздо более, чем самим пишущим:

Никого теперь не докричишься –	А покуда нужно больно сжаться
Эту стужу поменять на ту...	И прижаться к тёмным временам.
Сердце, сердце, ты зачем стучишься	Это ветру можно обижаться,
В подступающую темноту?	Ставшим мутью вётрам, а не нам.
Нету, нету, никого там нету,	Нам-то что? Мы стужею не веем –
Тучи вместо дорогих теней.	Держим тучи, русский воздух пьём.
Затихай, родное... Утром к свету	Мы любое время отогреем
Постучимся, утро – мудреней.	Нашей горькой Родины – вдвоём...

Поэт, если он настоящий поэт, ставит голос «на высокую октаву», он выполняет задачи высшего порядка. Он определяет для себя пороги невидимые, путешествует в мирах иных, незримых и, к сожалению, мало доступных для нынешнего европеизированного и американизированного потребителя. Когда же, когда, наконец, состоится встреча нынешних русских поэтов с русским читателем? Когда поэт будет услышан? Вот вопрос вопросов.

Боренье крыш и крон:	Здесь всем идти одной
Теснит, берёт в кольцо	Тропой из белых плит.
Американский клён	Зной жизни, жар степей –
Усохшее сельцо.	Неси... лишь крышку сдвинь –
И предпоследний двор	И, проливая, пей
В ольховник клёном вжат,	Надежды русской стынь.
Как будто снова – мор,	Всё это трёп пустой –
Как будто снова – глад.	О смерти наших мест...
Всё так, но боль моя	А этот – общий – стол?
Теснит мою тоску.	А – православный крест?
Пески... Но колея	А городской народ,
Пробита по песку!	Что рад свернуть в сельцо?
Родник, он всем родной,	...А клён к зиме взойдёт
Хоть и ольхою скрыт.	На крайнее крыльцо...

Достойный путь Александра Нестругина от книги «Река» до его поэтической «Упрямой речи» (а между ними одиннадцать сборников стихотворений) – если не подвиг, то поступок, значительный до самоотвержения. Во все времена именно этот критерий, по сути, – единственное отличие истинного поэта от подёнщика, а в наше время – тем более. Это восхождение вверх по течению реки жизни. И восхождение это – длиной более чем в тридцать лет – против *бурого* «прогрессистского» течения, вверх. По глубине, по отмелям и стремнинам. Сквозь шлюзы и ожидания. Сборник стихотворений «Река» как бы связал незримо, прочно два берега, дал переправу и перспективу надёжную и верную:

до «У-прямой речи» (так выделил сам автор слово на обложке сборника – здесь и «упрямство», и «прямая» – глаза в глаза – беседа). Традиции русского мироощущения, традиции стихосложения продолжены и развиты в книге с тем тонким и чутким отношением к слову, с которым надо не только родиться, но которое воспитывается и страданиями, и через быт, через отношения с людьми.

Книги эти связали с днём сегодняшним прошлую жизнь. Каждый из нас увидит здесь свои смысловые акценты, дорогие ему. Увидит и ощутит «общее чувствилище» литературного бытия. Так и я сам словно оттолкнулся от волны своей памяти, пошёл по реке – от полных прилавков книжных в бытность нашу обитателями советской эпохи, от выступлений (совсем будто бы недавних) в электро-стальском ДК Ю. Кузнецова и Н. Старшинова. От кинозалов и рабочих площадок для любителей поэзии, на которые приезжали и Е. Исаев, и Н. Тряпкин, до множества литобъединений в городах и посёлках... (Где сегодня всё?..) И – до друзей моих по литобъединению, Литинституту – тех ребят, которые только начинали жить творчеством. Он, Нестругин, «связал» «Рекой» своей, как узлом, чаяния и мечты тогдашние с сегодняшним днём самым «упрямым» узлом. Некая перемена, кажется, настигает «изнутри» при чтении строк, от которых, словами героя В. М. Шукшина, «мурашки по коже». Он сплёл *переправу* рифмами и чувством, соединил «тот берег» и этот – берега жизни.

Сегодняшнее время, как видится, «беременно» и плодотворно вынашивает ренессанс – новое восхождение *русского искусства*. Нужна и всего-то только «повивальная бабка», чтобы и наше время – и оно тоже – очнулось, стяхнуло обморок идейки сытой лишь и пустой жизни.

Необходимо понимать, что как бы ни были трудны даже кажущиеся и безысходными времена, но помощь придёт. И подмога имеет наши исконные национальные черты, и помощь эта не будет желчно-мстительна, но справедлива будет. Надо научиться нам всем именно у наших поэтов смотреть вдаль, на утреннюю и вечернюю зарю над рекой, на небо, на звёзды, на купола храмов среди белоснежных облаков, на возрождаемые церкви, помнить о стержне, о стойкости характера – нашей ни на чью другую не похожей национальной черте. Это спасёт (и не только это, конечно...), и лишь такая «огранка» души обещает нам и понимание, и внимание ближнего. Такое созерцание мира Божьего необходимо и естественно.

У Нестругина нет прямых взываний к Богу, но Его присутствие ощущаешь очень часто, едва ли не в каждом стихотворении. «*Река*» *времён* – книга А. Г. Нестругина – тихими и задушевными строками забирает и уводит далеко вверх – против общего обывательского течения: так на лодке на утренней или на вечерней заре трудно идут, и долго не отпускает мускульное напряжение гребца. И вот я читаю, пью этот воздух, эту изморось и росу, пью эту свежесть, с наслаждением вдыхаю до самого дна лёгких. Вот послушайте:

«Обрыв донской – моя столица!» –	Где меркнет что-то человечье
Итог. И – сумерек печать...	Так, что – позёмка по губам.
И можно слепо веселиться,	А тот озноб ничем не лечат
А можно – пристально молчать.	И на погляд не выдают.
Вбирать с обрыва ширь заречья,	Ведь жизнь одна... И недалече
Где свет мой жил и погибал,	Снега, как ангелы, поют...

Из нашего «железного», ржавого и клипового века излучина «Реки» Нестругина уводит к светлым родникам. А ведь у всех у нас в истоках река. Город и деревня – их всегда основывали, начинали у реки, искони. Потом уносила уже вдаль эта река, кого куда: по миру ли, за границы ли. Некоторых даже и в моря, а то и в космос. Унесла *река* и меня течением, волной прибила к тому недалёкому, но теперь уже «почти былинному» краю жизни, воспоминаний, когда Россия была шестой частью Земли, великим СССР; в тот век – глубоководный, в котором многим из нас довелось становиться на ноги и взростеть, служить в армии, работать в цеху, у печи и у станка (и всем хватало и дел, и места) – в тот век атома и оболганного теперь уже «соцреализма», когда жилось, а не существовалось, *жилось!* – и всем...

И вот в то время, в 1988 году, вышла в издательстве «Молодая гвардия» первая книга стихотворений Александра Нестругина «Два голоса». Книгу тотчас заметили, приняли, на неё обратили внимание. Она многое обещала и предвещала. Но... грянул 1989 год со всеми вытекающими из него событиями, с теми последствиями, которые и сегодня, при одном воспоминании, пронзают до дрожи, до содрогания... Стало как будто не до поэзии, опустелись руки. Нестругин создавал поэзию всегда –

даже и в те поистине сумасшедшие, суматошные времена. Для нас. Никогда не шёл на компромисс или на поводу у времени. И вот я читаю стихотворения, вижу, как держал и держит он удар времени, не позволяя опуститься и нам вместе с ним до отчаяния. И даже в некоторой кажущейся шероховатости, когда она встречается, строки воспринимаются ещё живее и органичнее, как листок ольхи, угодивший в котелок на костерке для ухи, как песочек из родника, к которому приник от жажды. Всё зримое, живое, дорогое, нашенское... Всё ощутимо, всё можно и потрогать, и вдохнуть, и понять-познать прикосновением.

Прав Александр Нестругин (кстати, он замечательный публицист, прозаик), когда пишет, что нынче на смену боли и страсти, заключённым в поэтической строке, всё чаще приходит слоган – примитивный, прилизанный хлыщ в стильном прикиде. «Он фантом, у него нет души, но многих ли это смущает?» – размышляет Александр Гаврилович, припоминая в этой связи известную строчку того самого раскрученного современного стихотворца – гулкую и вроде бы значительную, тысячи раз цитированную, бездумно разобранную пишущим людям на заголовки в сотнях вариаций (строчку *пишта-прогрессиста*, сказавшего о себе, что он «больше, чем поэт», не ссылаясь на Ираклия Андроникова, верифицируя чужие слова). «Повторяем, – замечает Нестругин-публицист, – даже не пытаюсь вдуматься: поэт – больше, чем поэт... да возможно ли? Ведь поэт – настоящий, Божьей милостью – это Вселенная; разве может быть она больше или меньше чего-то, тем паче – самой себя? А выше, “больше” неё только Творец. Уж не Ему ли пытается уподобить себя (именно себя, чего уж тут лукавить) тот стихотворец – да, одарённый, но уж слишком заласканный властью, привыкший постоянно тереться о её штанину носитель “гордого духа гражданства”? А мы и обрадовались: ну, как точно сказано! На самом деле сказано не точно, а всего лишь броско. Вполне в духе жанра, который условно можно назвать эстрадно-шумовым. Не из него ли вышли все эти сегодняшние пустоватые реалити-шоу, вырос этот навязчивый слоган, пытающийся вытеснить живую человеческую речь?»

И как же хорошо (отрадно) вдумчивому читателю после всех этих невесёлых, утомительно-примитивных, чужеродных эскапад на нынешней поэтической арене вернуться к поэзии! Вдохнуть весеннюю свежесть его Вселенной, его «Реки» жизни, его «Упрямой речи»:

Родина, это тобою забыто:	Как тут живут – без решёток, без кода,
Брошенки-избы ласкает паук.	С тусклою лампочкой в пару свечей?
Но ведь окошко одно не забыто,	Сердцем упавшим стукнет щеколда...
И занавеска качнулась на стук...	Сможешь ответить Отчизне: ты чей?

«Ты чей?» – звук упавшей щеколды запертого надолго родного дома. Эту интонацию не найдёшь, если не переболел долгим и больным расставанием с родным домом, с домом отца, деда. Это основа поэзии, её корневая система: «Любовь к родному пепелищу, // любовь к отеческим гробам». А. Г. Нестругин и беды, печали, и радости делит со своей землёй, со своими земляками. Ему есть о чём напомнить: о насущном.

Остаться самим собой и тем спасти себя от ошибок – не значит ли сохранить душу? «Что пользы тебе, если ты приобретёшь весь мир, а душе своей повредишь»... Большие поэты остаются в литературе не только вечными раздумьями, акцентами, созвучными пульсу, ритмам сердец, самыми неподражаемыми, тонкими созвучиями, которые нельзя подделать; теми хрустальными мотивами, тем «голосом», которым никто до них молвить не мог, но и тем ещё (и это главное), что болели общей болью с народом, жили его, народа, чаяниями. И с ним делили и горе и радость. Таков весь Нестругин.

Опадает листва...	Стая ласточек быстрых,
И становится слышно,	В плохое не веря,
Как трубят,	Как на санках,
Как трубят на душе журавли!	Катается на сквознях...
Сняли шапки с голов	Но просёлки уже
И на видное вышли	Проступили – как вены
Все деревья	На усталых
Тревожной	Осенних
Родимой земли.	Крестьянских руках.

В самые сложные времена, в перестроечные, когда и хлеб не на что было купить, а крупу выдавали по два кило в одни руки, да и то по карточкам, Нестругин издаёт книги: в Воронеже – «Русское имя», издательство В. Кисляка. Заметим, что это было время, когда и назваться своим русским именем – нужно было отважиться, сколько было уколов и наветов на тех, кто «не повёлся» на «либерально-демократическую» болтовню. «Я русский» – это звучало в ту пору как вызов властям. «Патриотизм», «патриот» было не существительным, а определением, к тому же ещё и ругательным. Назваться русским, а не «россиянцем», было равноценно поступку с полным пониманием последствий. В стихотворении «Встреча», посвящённом поэту с поломанной судьбой Г. Я. Луткову, потерявшему в лагерях более пяти лет жизни, Нестругин напоминает нам о чувстве собственного достоинства, о призвании и самой сути бытия человеческого:

Устали ответы, затихли вопросы, В костре головешки, как речка, дымились. А в банке, где сок был, осенние осы Тонули, карабкались, плакали, бились... И что ему вспомнилось в эту минуту? Суровые годы? Жестокость людская?	Склонился... И подал им тоненький прутик, Как будто бы осы те – ценность какая. А после глядел сквозь кусты чернотала – И что он там видел, где не было света? И мне в ту минуту понятнее стало, Как жить, чтобы стать настоящим поэтом...
---	---

...Далее следует сборник «Свои снега», изданный в Воронеже (издательство Е. А. Болховитинова, 1999 год). Перепутье, канун 2000-го, «миллениума». Апогей невежества и безысходности. Кто-то ждёт конца света, кто-то ушёл в клерки, в банки, в офисы, в прислуги – куда угодно, лишь бы сытно... Что может быть мерзостней Смердякова, дорвавшегося до власти, до денег? Союз писателей разорён, фонды разворованы... Продаются здания, детсады, ясли, библиотеки, букинистические магазины, ставшие вдруг «нерентабельными», оформляются под офисы коммерсантам, под дома для утех – им же...

Неустроенность быта едва ли не достигла своего «фортиссимо», а в Воронеже у Нестругина выходит в издательстве «Новый взгляд» новая книга стихов «Ещё цветёт кипрей». Как видим, даже издательство натягивает на себя, примеряет новую, не по росту обнову: «Новый взгляд» («новое мышление» неизвестное). Какой «новый»? Разве не *всё уже было* под этим вечным небом, под тем же солнцем и той же луной? Всё, да не всё, как видим... Надо ли повторять, что сборники стихотворений выходят небольшими тиражами, крохотными по сравнению с теми, которыми издавала «Молодая гвардия» в оболганные времена... Издаёт автор книгу на свои средства без сетований и скулежа, даже с гордостью. И времена понемногу начинают выпрямляться, расцветают алым, как кипрей на пепелище, выправляются... Судьба сама выводит на торный путь – и вот уже, обратим внимание, Центр духовного возрождения Чернозёмного края выпускает новую книгу А. Г. Нестругина – «Лирика». Это уже близкое к нам сегодняшним время – 2007 год.

Если мы прочтём *лирику* из книги его тех лет, мы увидим, что это ещё та лирика, которая пробиралась до самого сердца словом, чувством... Подлинный свой, ни на кого не похожий взгляд и голос. Стихотворения Нестругина разнятся и по интонации, и по настроению, и по форме, объёму, ритму. И лишь смысл, суть, нравственные устои – незыблемы. Нестругин-поэт – весь нерв.

Вот его «Открытый билет». Этот сборник стихотворений вышел в издательстве ООО «Пресса ИПФ» в 2011 году. Издан сборник внушительно, академически выверенно, точно, без опечаток, присущих преждему безвременью, когда издавали многих «на скорую руку», по *либерально-демократическому* принципу. И озаглавлен сборник по названию одного стихотворения, несущего основную смысловую нагрузку: «Открытый билет». Билет жизни, билет только в одну сторону. Никакого «второго сеанса» не будет. Это заметил ещё В. М. Шукшин в одном из рассказов. Но вот и А. Г. Нестругин – об этом, и о смерти, и о бессмертии; о жизни, о неповторимой усладе и терновой горечи бытия говорит, так говорит нам, что ни с кем не спутаешь:

ПЛАЧ О ПОЭТЕ

Как он глядел непохмелённо; Как, выпив, дик бывал и груб; Как улыбался опалённо, Очнувшись, – уголками губ...	Как он писал – тут знают мало; Сходились солнце и луна, И там, меж них, душа стояла, Земным огнём опалена.
--	---

* * *

Как дни круты, сердца жестоки!	Уже мы нового не скажем.
Но тонкий свет у края мглы	Но все обрывы, прах и дым
Покуда держат эти строки –	Сведём в одно, судьбою свяжем
Одни обрывы да узлы.	И станем с нитью той – одним.

Да и я, я сам разве не чувствую этой суровой правды поэтического слова? Но, «униженный» «до смиренной прозы» своими писаниями, всё же могу растолковать, как толмач, то, что я слышу, что чувствую за этими строками. Это поэтическое высокое бытие.

Были ли у него «промежуточные» публикации в периодике? Конечно, были. Они как верстовые столбы на пути-тракте, и много их: в антологиях, в журнале «Подъём», который был и остаётся одним из самых значительных отечественных литературных журналов. Издавался и в Москве в «Роман-журнале XXI век», в Самаре, в Оренбурге, в литературном альманахе «Гостиный Двор»... Но вот держу в руках книгу «Река» 2012 года, изданную в Центре духовного возрождения Чернозёмного края: избранные стихотворения. Держу и жалею, что тираж не тот, мал до обидного – не по этой книге, не по её возможностям.

Смотрю на сборник цветом в малахитовый камень. На обложке – золото вечерней зари над рекой, ожившей из-под льда. Берега ещё в снегу. Эти стихотворения и были с нами, и есть. Они поддержали многих в годину безнадежную, в пору безденежья и безработицы, уныния и безверия. Некоторые из них, из этих строф, я читал в журнале «Молодая гвардия», иные – в «Нашем современнике», иные – в «Подъёме», других журналах, и всегда приходило благодарное чувство узнавания товарища, близкого по духу человека, всегда хотелось прикоснуться к его строкам приветно.

Мысль сокровенна, а слово – соборно.	Помню: его половина другая –
Слово живёт то равнинно, то горно.	Губы ожёгшая влага тугая,
Помню: одна из его половин –	Знобкая влага ключа-родника;
Камень, что держит стремнины лавин.	Губы всё ищут, изнемогая, –
	Камень вслепую находит рука...

И это истинно так: жизнь подобна восхождению по скале, восхождению «через не могу», под зноем и дождём, с пересохшими губами, когда рука ищет и не находит опоры, камня. Миг – и ты в стремнине. Так что же было с нами все эти годы? «Разберёмся во всём, что видели, // Что случилось, что случилось в стране», – тот, которому на роду было написано стать великим русским поэтом, поведал нам, что *случилось в нашей обители* «по чужой и по нашей вине». Так что же, собственно, было? А было увлечение нашей «постперестроечной» литературы пустой игрой в «подкидных дураков», когда третьестепенные писания пусть и прославленных в прошлом литераторов выдавались за истину в первой инстанции. И было увлечение повальное «подмётными письмами» подписантов, выставление иронистов и пагубистов (от «пагуба» – навет, надмение) как гениев. Были нападки друг на друга в общем и в частном порядке... Кто-то унывал, но не участвовал, не веря, что в силе противостоять этой стихии беспардонной низости, а кто-то не хотел участвовать ни в этом дележе с визгом и рваной шерстью (по пословице), ни в дразгах с мезью и наветами друг на друга, ни в борьбе за правду, даже за «полуправду». Кто-то гордо, а кто-то подавленно молчал. Но вот некоторые, и они лучшие, все эти годы творчески и напряжённо работали.

...Верность традициям и изумительное чувство слова никогда не подводят А. Г. Нестругина. Таким образом, он никогда и вскользь не попадал в тень осины, дерева иудина, – дерева с трепещущей даже и в безветрие листвой, на котором остался болтаться обрывок верёвки первого несогласного протестующего, самого первого из известных нам революционеров... Тень той осинки и сегодня велика. У нашего же поэта, в его *упрямой речи* основа – вяз, осокорь. Коренастый русский вяз с вековой, а то и более чем вековой корневой основой, с укоренённостью в отечественной истории, в родной почве, с памятью о традициях и заветах предков. И этим, главным, он деятельно противостоит бесовщине:

Ночь. Одиночество. Всплески сазаньи:	Выйду к обрывам – сухими слезами
Сколько здесь кровной, забытой родни!	Плачут, от радости плачут они!

И открываются, горько и сразу –	Разве его я не помню, не знаю?
Вовсе не смыслы мира сего:	Разве я сердцем его не пойму –
Нету нужней одинокому вязу,	Так не хотевшего – к тёмному краю,
Чтобы по-братски я обнял его.	Так подошедшего близко к нему...

Есть у Тургенева «Стихотворения в прозе», где он, мастер больших романов, во вступительном слове к читателю предупреждает, что эти «стихотворения в прозе» «нельзя читать сподряд», а только так: по одному в день: «прочёл, подумал»... Автор предполагал, что прочитавший до конца одно-два в день стихотворения будет помнить строфы, ходить с ними, в думах об этом стихотворении вынашивать, додумывать, и строки «дозреют» в душе читателя. Вот так же и советовал бы и я читать Александра Нестругина, и сам так перечитываю...

Над волчьей водою качаются ивы устало,
 Но дальше небо ещё с темнотой не слилось.
 И в редких просветах простора щемящего мало,
 А было бы много – к чему бы так сердце рвалось...

К Богу. Сердце русского рвётся к Богу во все века. Читая, слышишь этот зов... Шорох сухого камыша. Распростёртое небо. Стукнувшая щеколда – и вечный вопрос при встрече с жителем деревни: «Ты чей?» – всё тот же больной вопрос.

Год лежала на моём столе книга «Река», и я возвращался к ней часто. Вынашивал впечатление. Обжигала эта ключевая свежесть образов, от которой радуешься, как в детстве, – той забытой, казалось бы, радостью первооткрывателя с наивным незамутнённым взором.

Снова вспомнилось: «Не поминай имени Бога твоего всеу» (в суете, походя), – сказано нам. И у Нестругина случайных упоминаний не найдёшь (редчайшее и единственное: «Боже правый»). А между тем через память смертную, едва ли не важнейшую христианскую добродетель, на тончайшей разделительной грани между жизнью и смертью строится многое в его творчестве. И здесь – то же ощущение, подобное тому, когда, войдя в церковь, в трепете сияния свечей и в тишине перед вот-вот начинающейся вечерней службой вдруг остро почувствуешь: тут Бог.

Главное свойство *русского* стихотворения, традиции – неподдельная искренность стиха. Вот отчего так близки русскому сердцу Рубцов и Есенин, Фатьянов и Твардовский... У Нестругина – изгиб реки, плавни, ерики... души излучина... Говорят, «жизнь прожить – не поле перейти»; у Нестругина жить – переплывать Дон, да не раз и не два переплыть, а многократно. А как эти стихотворения собирались, как они зрели, росли и писались, в какой бытийной тяжести – не всякий знает.

Краткая официальная справка о поэте: «Александр Гаврилович Нестругин родился 1 января 1954 года в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Поэт, член Союза писателей России (с 1993 года), лауреат премии Воронежского комсомола имени В. Кубанёва (1988), премии «Имперская культура» имени Э. Володина (2008), лауреат XIX Международного литературного конкурса имени А. Платонова «Умное сердце» (2012). Он окончил юридический факультет Воронежского государственного университета (1976). Работал в селе Петропавловка Петропавловского района: следователь прокуратуры, адвокат, заведующий юридической консультацией, судья, председатель районного суда. Печатается с 1975 года. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Дон», «Простор», «Русское эхо», «Гостинный Двор», «Сура», «Огни Кузбасса», «Роман-журнал XXI век», «Москва» и других. Автор ряда книг стихов, опубликованных в 1980–2020-е годы. Член редколлегии журнала «Подъём». Живёт в селе Петропавловка».

...Иногда думается: сколько повидал он на своём веку, да не просто видел, а и «разгребал» за людьми «завалы» не самых благовидных поступков, дел и делишек... А ведь и времена-то какие были с 1990-х (да отчасти и сегодня)! Уверен, что и нападок, и предложенных ему «компромиссов» было немало. И грозили, конечно, и пугали... Но он выдюжил и, что самое главное, – не разочаровался в нашем брате-человеке. Я спрашиваю себя: а мог бы я вынашивать стихотворные строки, работая адвокатом, судьёй, выезжая на места преступлений, убийств? Спасать себя и других творчеством – это одно говорит уже о недюжинном присутствии духа.

Я учусь спокойному отчаянью...
Хрипый голос пересилит дрожь
И сомнёт всё слабое, случайное
Неслучайным резким словом: «Врёшь!»
«Врёшь!» – всему глухому, не любившему,
Бывшему, как враг, исподтишка,
Ухмыльнувшемуся другу бывшему,
Что списал тебя как слабака.

«Врёшь!» – как взрыв, ударивший отрывисто,
И на миг рванувший из-под ног
Этот русский, этот берег ивистый...
Я поднялся, удержался, смог!
Горькая, угрюмая, печальная,
Ты со мной, судьбина, не хитри!
Потому что русское отчаянье –
Как пружина, сжатая внутри...

1995

Да, это бой. Канонада слышна и по сию пору. И мы помним этот год...

...Немота во тьме перед зарёй на реке, восхищение миром Божиим, звёзды, упавшие в реку... А за строками – какая внутренняя работа! И надо прожить с этим чувством восхищения богоданным миром и смирения перед Богом, с пружиной сопротивления тёмным силам, тучей обложившим Россию, при сознании всей низости, и бренности, и «обыкновенности» несовершенств «человеческой натурь», с чем так часто сталкиваешься (за пределами поэзии – едва ли не ежедневно). Вот где, на стыке разных общественных и индивидуальных интересов, на переломе вер и времён, – сокровенный и негромкий, но пронзительно трогательный голос многое повидавшего и многое про нас, людей, знающего человека – такого, чего, быть может, и не знать бы ему лучше... Но сказать метко и умело – этого мало: надо уметь ещё увидеть и об увиденном ёмко, метафорически молвить, нужно уметь «затронуть струны». И это при том, что совсем иные обстоятельства подступают, наступают на живую душу...

Уголовные дела,
Протоколы да повестки.
И стихи – так неуместно –
В нижнем ящике стола...
Обыватель изумлён:
«Это на такой-то службе?!
Как же можно? Тут ведь нужно...
Шутка ли сказать... А он...»
И шуршит, шуршит, как мышшь...
И начальство недовольно:
«Вольно Вы или невольно,
Но роняете престиж!»
Да, роняю. Да, грешу.
Давит воздух кабинета!

А в потёртой папке этой –
Ветер... Можно, подышу?
Можно, из ведра напысь,
Нос нечаянно макая?
«Холоднющая какая!» –
Охну. Рукавом утрусь.
Дождь ли в липах прошумит,
Чиркнет жёлтый лист о крышу –
И зачем всё сердце слышит?
Откликается. Щемит...
Уголовных дел стопа.
Фотоплёнки. Слепки. Тряпки.
И – стихи в потёртой папке...
Блажь. А может быть, – судьба...

Несомненно, судьба. То, что называется: на роду написано быть поэтом. А ведь это стихотворение 1977 года! А «грешит» пишущий тем, что остаётся человеком, личностью.

У Нестругина нет шалопайства, рифмованного бытописательства, пошлых деталей с недопитой водкой на столе, разрухой в сердцах и в головах, с борьбой на кроватях и в кроватях, – словом, нет того, что называют в определённых околелитературных кругах *поэзией*. Голос его чист и высок. И предметы высоки и светлы. Достоинно видеть – значит достойно мыслить. Нет самолюбования через предмет. Поэзия – дело высокое: «О, если б прорасти глазами, // как эти листья, в глубину!» – говорил великий русский поэт.

А вот как о противостоянии в литературе, о разных её полюсах, о поднятой на щит мелкотемной «поэзии своих для своих» ещё более определённо и жёстко говорит замечательный критик и аналитик В. Д. Лютый, когда называет список литературных имён, которые неотделимы от русской жизни и русской доли. Он сравнивает для контраста их с когортой сытенных и устроенных бытописателей, «бытопиитов»: «Изобилие тем и интонаций, проникновенная и точная речь, честное и самоотверженное сердце, готовность любить всё родное и дорогое до смертного часа – в какой национальной литературе мира можно найти столько вдохновения и эмоций? Однако сборники этих и многих других прекрасных авторов отсутствуют в магазинах областных городов, их приходится “вылавливать”

в московских книжных лавках и редакциях. Страницы бумажных литературных газет крайне редко публикуют стихи. <...> Искусственная удалённость лучших русских поэтов от читателя позволяет иным аналитикам от литературы говорить с придыханием о чём-то совершенно ином и достаточно мелком: о Вере Павловой, Сергее Гандлевском, Дмитрие Быкове, Льве Рубинштейне, Вере Полозковой и им подобным, – чем дальше перечисление, тем мельче фигуры. В результате современная поэзия низводится до уровня лирического планктона – вездесущего и трудно уловимого взглядом читателя, уже знакомого с подлинными художественными достижениями. А некто в звании критика сокрушённо вздохнёт об упадке “российской” лирики.

Необходимо терпение и внимание, желание понять, а не только оценить книгу, которая перелистывается тобой. И тогда уныние не покажется тебе главным в сегодняшней жизни и творчестве, а главное достоинство мастерства увидится в его незаметном присутствии в строке, а совсем не в демонстративном кликушестве очередного сноба, затосковавшего в башне из слоновой кости».

Лучше и точнее не скажешь. Ибо и впрямь: кого нам выставляют за поэтов? Или мы сами не в состоянии отличить чистое золото от сплава, от рандоли, и бутылочное стекло – от алмаза? Несомненно, что время переменится, да и меняется уже. И тогда сборники лучших русских поэтов не по тысяче экземпляров появятся в свет, а по десять, сто тысяч, как это бывало прежде. Верю, что вкус любителя слова не навек испорчен. Будут радовать читателя сегодняшние поэты из Воронежа и Оренбурга, Рязани и Челябинска, Екатеринбурга, Владивостока, а «лирический планктон», как и уродливые гельмановские обрубки красных деревянных чурбанов с головами дынькой, не посмеют выдавать за подлинное искусство, как и дрянь «винзаводскую» или кощунство «сахароцентровское», а поганые «биеннале» перестанут нам морочить голову, и организаторы этих сборищ ответят за ту разруху в сердцах и в головах, которую учиняют и по сей день ещё.

... Вот читаешь нестругинские строфы и кажется: ну что же здесь особого – река да звёзды, ветла... Отчего же от этих строк дрожь пробирает? Вот уж и впрямь: «Огромна власть у слов, // поставленных где нужно». И удивительно, что книга, в которую автором столько вложено душевных сил, столько своего, неповторимого, – книга такого высокого напряжения давно могла быть отмечена серьёзной премией. Конечно, автор работал не для премий и похвал, а потому, что дышалось так, так и писалось, и это понятно по-человечески. Эта книга «Упрямая речь» – итог труда полувекового, знак исключительной преданности литературе.

Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут
Душе, в которой столько мрака,
И звёздочка дрожит одна –
По звуку твоему, по знаку
Водой Небес вознесена.

Только так. И никак иначе. И тут ни прибавить, ни убавить.

Берега прочтения

Валентин Баюканский

Валентин Баюканский – прозаик, публицист. Родился в 1959 году в городе Липецке. Член Союза российских писателей. Действительный член Международной академии русской словесности и Петровской академии наук и искусств. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Интервью», Международной академической литературной премии им. Л. Н. Толстого, областной премии им. Е. И. Замятина и премии А. Т. Березнева, Международного литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн» в номинации «Публицистика». Награждён медалью «За заслуги перед Липецкой областью» и медалью «Максим Богданович».

ИМЕТЬ ДУХОВНЫЕ ОЧИ И ЧИСТУЮ СОВЕСТЬ

О Михаиле Позднякове, его прозе и поэзии

С поэтическим творчеством известного белорусского литератора, переводчика и языковеда Михаила Павловича Позднякова я познакомился в 2021 году, когда мы с Тamarой Ковальчук, членом Союза писателей Беларуси, готовили совместное издание сборника «Две сестры: Россия – Беларусь».

Белорусскую сторону представляли 15 прозаиков и поэтов, в их числе Михаил Поздняков, председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси, с подборкой своих стихов. Моё внимание привлёк широкий диапазон представленных поэтом тем. Поздняков вдохновенно писал о дружбе наших братских народов, с уважением вспоминал о ветеранах Великой Отечественной войны, восторгался белорусской природой.

Однако здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Оказывается, с поэзией Михаила Павловича я мог познакомиться ещё в 2017 году!

После визита членов «Воинского содружества» в Калининградскую область Лидия Владимировна Довыденко опубликовала материал в журнале «Берега», в котором я рассказывал о нашей совместной с ней общественно значимой акции «Общая память – общая гордость. Липецк – Калининград». Мы с коллегами в ту поездку посетили города Гурьевск, Балтийск и Калининград, – почтили память героев-липчан, погибших здесь в годы Великой Отечественной войны, а также встретились с калининградскими литераторами. Хочу заметить, что поводом для поездки послужил удивительнейший факт: наши земляки Степан Гурьев, Сергей Гусев и Степан Нестеров, воевавшие в Восточной Пруссии, были удостоены звания Героя Советского Союза, и в их честь назвали три города в Калининградской области.

Так вот, пересматривая недавно номер этого журнала, я обратил внимание на подборку стихов белорусского поэта¹, которые были помещены сразу же после моего материала. Поэтом оказался Михаил Поздняков, которого я в 2017 году ещё не знал. Прочитав стихи, понял, как много я потерял! Разве можно оставаться равнодушным, читая, например, эти строки:

И когда полпланеты
Облететь ты успел,
Просто вспомни, что где-то
Отчий сад опустел.

Или вот такие:

¹ В переводе Анатолия Аврутина.

Парю по-над пашней, летаю
 Меж юных рябин и берёз.
 О, как ты прекрасен, мой краю!
 До песни... До муки... До слёз...

Заочное знакомство с автором продолжилось, когда Тамара Ковальчук привезла мне в 2022 году книгу прозы Михаила Позднякова «И нет ничего дороже» с его автографом и дружеским пожеланием продолжить творческое сотрудничество. Прочитав книгу, я не только познакомился с прозаическим творчеством автора, но и в очередной раз убедился в жизненных и духовных приоритетах Позднякова – человека-гражданина, патриота своей Родины. Особенно это чувствуется после прочтения очерков и рассказов «И нет ничего дороже», «Тропинками детства», «Родной деревне поклонюсь», «Мои земляки», «Материнская надежда», «Это делает меня счастливым».

Михаил Поздняков знакомит читателей с родителями, родственниками, с большой теплотой вспоминает родную деревню Забродье и Быховский район, где родился и провёл юные годы. С чувством глубокого уважения говорит он о родителях, которые помогли ему в становлении характера, заложили основы мировоззрения. Честность, упорство в достижении цели, жажда познаний, вера в добро, уважение к труду, любовь к отчужденному дому, Родине – эти духовные ценности от отца и матери с детства впитал впечатлительный и любознательный Миша. «Работать в детстве приходилось много и тяжело»; «учился старательно, с большим желанием и ответственно»; «с ранних лет притягивала, радовала интересная книга, уносила меня в мир волшебства и постижения таинственного и огромного мира», – вспоминает писатель.

Рассказывая о детстве, Михаил Поздняков удивляется, что до сих пор помнит, как тонула корова и как её спасали односельчане. Изумляется необыкновенным, почти волшебным звучанием родника, названным отцом «Королева Крыница», его вкусной, целебной водой. Даже по прошествии времени испытывает чувство жалости к лисице и зайцу, подстреленным отцом на охоте. В произведениях Михаила Позднякова много интересных деталей, цепко схваченных в детстве и сохранённых памятью наблюдательного подростка.

Вспоминая Забродье, Михаил Поздняков пишет в рассказе «Родной деревне поклонюсь»: «О ней – мои самые яркие и чувственные воспоминания. Сюда, где бы я ни был, тянет меня дорога. Здесь и сегодня – неиссякаемый родник сил, энергии, вдохновения, света, доброты, искренности, красоты, без которых невозможно жить по-настоящему».

А как колоритно, словно живописец, автор описывает свою деревню:

Она напоминала удивительный оазис на небольшом пригорке, завораживая каждого, кто попал в неё, настоящим зелёным райским видом. Весной в палисадниках здесь душистыми облаками разливалась черёмуха, струилась многоцветными фонтанами сирень, а сады, казалось, до самого неба дышали густым душистым ароматом, охватывая деревушку торжественной белизной. Летом под окнами нежно пестрели и вдохновенно пылали цветы: георгины, пионы, ромашки, ноготки, цинния, календула... Звенел, словно журчал, сладковатый воздух, гудели пчёлы, натягивая тысячи живых струн от ульев к высоким медовым липам и обратно. А вокруг села колосилась, покачиваясь изумрудными волнами, рожь, синел голубоглазый лён, лопушилась картошка, цвела редкая гостя поля – гречиха. А за огородами влекли своими неповторимыми коврами шелковистые луга, и звала целебной водой и пьянящими запахами таволги и валерианы речка Грёза».

Читая эти строки, будто воочию видишь перед собой необыкновенные красоты, от которых захватывает дух, а ведь это, по существу, всего-навсего описание сельского пейзажа, который Михаилу Позднякову знаком с детства.

Родную природу нужно не только любить, но и беречь её, а для этого необходимо быть рачительным хозяином, думать о будущем земли. Так, Поздняков замечает: «Святым, первейшим делом для моих земляков была ежечасная забота о хлебе, ежедневный труд на земле – и дома, и в колхозе. Причём к колхозному относились с полной ответственностью, заботились как о своём собственном. Трудились красиво, радостно, много и настойчиво. Понимали: землю обижать нельзя, земля кормит, благодарно отвечает старательным и чистосердечным, и её любовь и щедрость необходимо оправдывать». Истинное трудолюбие и любовь к отчужденному дому воспитывается в первую очередь родителями, а уж затем школой и обществом. Мало говорить правильные слова, нужно иметь духовные очи и чистую совесть. К сожалению, не каждому это дано, но нужно к этому стремиться.

Поздняков пишет: «Сколько же разрушено, утрачено обществом, чиновниками, политиками из того, что являет собой сильные скрепы духовности, что объединяет, крепит, возвышает народ, что является настоящими и извечными нашими духовными ценностями, нашей славянской гордостью и силой... И как хорошо, что в последние годы от самой высокой власти исходит понимание и поддержка всего стоящего, отличительного и главного в нашем народе».

Пробуждать любовь к Родине, уважать человека труда и служить народу – жизненное кредо писателя Позднякова, которое он отражает в своих произведениях и осуществляет на деле. Такие размышления возникли у меня после прочтения подаренной книги.

К моей радости, наше знакомство продолжилось и в 2023 году, теперь уже в очном порядке, когда меня пригласили в Беларусь участвовать в жюри международного литературно-музыкального конкурса «Созвездие». Там уже я лицом к лицу встретился с этим человеком. Узнав, что его книга мне понравилась, а описание родной деревни произвело такое яркое впечатление, что захотелось увидеть её своими глазами, Поздняков с чувством пообещал: «Если ещё раз приедете в Беларусь, обязательно побываете, я вас туда отвезу».

Через несколько месяцев после посещения Беларуси мы принимали уже у себя, в Липецкой области, белорусскую делегацию, которую возглавлял Михаил Поздняков. Коллеги привезли совместный сборник «Достояние», посвящённый 195-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Мы вместе провели презентацию этой книги в местах, которые были связаны с великим писателем. Я ещё ближе познакомился с Михаилом Павловичем, который произвёл на меня впечатление человека слова и дела. К тому же он оказался демократичным руководителем и весьма деликатным человеком. Говорил просто и по существу, находя запоминающиеся слова. Мечтал побывать на месте последнего приюта Льва Толстого, но никогда не думал, что его желание осуществится.

Попав в Астапово, нынешний посёлок городского типа Лев Толстой, Поздняков жадно впитывал ту атмосферу почитания и уважения великого писателя и философа-гуманиста, в которой левтолстовцы воспитываются с раннего детства.

Местная жительница в разговоре с Поздняковым заметила:

– Мы стали известны всему миру, и нам нужно знать произведения Льва Николаевича Толстого.

Её мнение поддержал и глава района Эдуард Брагин:

– Писатель – мировая известность, но, несмотря на то что он давно уже ушёл из жизни, творчество его до сих пор будоражит умы миллионов людей по всему миру.

Выступая перед левтолстовцами, Михаил Павлович сказал:

– Большое счастье побывать здесь, на благословенной земле, ведь она стала последней на земном пути великого классика, и это не просто так. Здесь бережно сохраняется память о нём, а значит, продолжается его существование.

Но мне больше всего запомнились слова белорусского литератора, обращённые к нам, его коллегам:

– Теперь наше творчество – всех, кто принял участие в сборнике «Достояние», – находится под звездой Льва Николаевича. Это великая ответственность!

Вернувшись в Беларусь, Поздняков поделился со мной впечатлениями от поездки: «Дорогой Валентин Анатольевич, сердечно приветствую! Спасибо за чудесный праздник! Ибо пребывание на гостеприимной липецкой земле иначе и не назвать. Славно, что наш сборник работает и будет работать на нашу общность!

Сейчас весь в делах, в работе. Поездка к Вам вспоминается раем».

Рассказ о Михаиле Позднякове и его творчестве хочу закончить отрывком одного из его стихотворений.

Целуйте руки милых матерей,
Пропахшие работою и солнцем,
С душой, открытою до донца,
Целуйте руки милых матерей.

Не забывайте, время щедро льётся.
Не только на закате дней
Целуйте руки милых матерей,
Пропахшие работою и солнцем.

Рад, что на моём пути встречаются интересные люди. Безусловно, к таким относится и Михаил Павлович Поздняков, человек творческий, мудрый, бескорыстно дарящий свою любовь окружающим его людям.

Доцент д-р Никола Р. Казански. Болгарская академия наук.

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЫРУБОВ (1843–1913) ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ ГЕНИЙ

В этом году в Издательском Доме «Языки славянских культур» выходит книга «Русский философ-позитивист Григорий Николаевич Вырубов в европейском контексте. Воспоминания». Составители – Н. Д. Лобанов-Ростовский, Е. С. Фёдорова. Научный редактор – Е. С. Фёдорова. Автор статьи, болгарский учёный Никола Казанский, поделился с нами мыслями об этой забытой ныне в России личности.

Григорий Вырубов – это наш Эмиль Литтре.

Россия и Европа

Итак, в своём многотомном исследовании «Империя царей» (1881–1889), переведённом на все европейские языки, авторитетный французский историк Анри Леруа-Больё (*Henri Leroy-Beaulieu*, 1842–1912) утверждает, что Россия – это вполне европейская страна. Она стала неотъемлемой частью Европы в результате реформаторской политики царя-освободителя Александра Второго. Вместе с Э. М. де Вогюэ (*Eugène-Melchior vicomte de Vogüé*, 1848–1910), автором «Русского романа» (*Le Roman russe*, 1886), он ввёл в обиход такие понятия, как «русская душа» и «русский мистицизм». Для Франции русская цивилизация приобретала особый смысл в качестве антитезы растущего влияния Германии.

После Крымской войны Россия, впервые в своей истории, от ввозившей культуру и науку извне, превратилась в страну – экспортёр культуры и науки. Франция открыла для себя Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и Чехова, а также Римского-Корсакова, Бородину, Мусоргского и Чайковского. Более полутора миллионов французов вложило свои сбережения в российские государственные ценные бумаги...

Франция

Привлекательность Франции для русских учёных определялась универсальностью и космополитичностью страны. Здесь были востребованы и находили широкие возможности для развития и совершенствования любые умственные способности, а также могли быть удовлетворены различные культурные запросы. Для занятий наукой существовала разнообразная инфраструктура, а после 1870 года Париж стал перекрёстком путей формирования европейской науки.

Русские пользовались особой благосклонностью со времени наметившегося в последней трети XIX века политического сближения и заключения русско-французского военно-политического союза.

Русских исследователей в Париже в XIX веке было сравнительно мало, но среди них блистают звёзды первой величины – биолог И. И. Мечников (лауреат Нобелевской премии), химик В. Ф. Лугинин, зоолог А. А. Коротнев, этнограф и востоковед Н. В. Ханьков, географы М. И. Венюков и П. А. Чихачёв, психиатр А. А. Любимов и другие.

Вырубов

Но многие деятели русского научного зарубежья XIX века оказались вне поля зрения русской общественности. К таким фигурам можно отнести в первую очередь **минералог, кристаллограф и философа-позитивиста Григория Николаевича Вырубова**, первого в европейской истории учёного, возглавившего отделения истории науки.

Он принадлежал к тем русским интеллектуалам, потомкам старейших русских дворянских родов, которых признавали единственной настоящей аристократией – аристократией ума и духа. Все они составляли элитную часть русской интеллигенции, воспитанную на дворянской культуре. Для них не надо было искать культуру, они сами являлись ею.

Вырубов получил домашнее образование в семье, жившей большей частью за границей. В 1862 году окончил курс в Императорском Александровском лицее, где на него произвёл глубокое впечатление талантливый преподаватель французской словесности Помье, ученик Огюста Конта (*Auguste Comte*, 1798–1857). В 1864 году окончил Московский университет, получил степень кандидата естественных наук, после чего навсегда уехал за границу, возвращаясь в Россию лишь на короткое время. В первое время пребывания за границей занимался медициной в Берлине и Париже, много путешествовал, как в Европе, так и по Востоку.

Позитивная философия

Первый номер журнала «*Philosophie positive*» появился 1 июля 1867 года под редакцией Литтре и Вырубова. Журнал издавался до 1884 года и послужил родоначальником множества печатных органов в сфере научной философии. В 1873 году журнал Литтре и Вырубова получил почётный диплом на Всемирной выставке в Вене.

За свои научные работы Вырубов получил право защищать в Сорбонне докторскую диссертацию (1886), не имея степени *licencié* – право, которое даётся очень редко. В 1889 году натурализовался во Франции (с разрешения русского правительства) и состоял членом множества парижских учёных обществ. В 1891 году стал президентом парижского минералогического общества, а после 1903 года занял кафедру истории науки в Коллеж де Франс (*Le Collège de France*, первое название *Collège royal*), став наследником известного П. Лафита (*Pierre Laffitte*, 1823–1903).

Размах научной деятельности Григория Николаевича Вырубова захватывает дух!

Вслед за О. Контом он пытался преодолеть материализм и идеализм, объявляя их проявлениями «метафизики»; активно выступал против материализма. Высшей целью философии считал фиксацию, изучение и описание эмпирических фактов, синтез выводов специальных наук. Не признавая гносеологию частью философии, растворял её в совокупности конкретных методов исследования. Он оценивал материализм как доктрину поверхностную, неглубокую, произвольную...

Философские, публицистические и критические сочинения Вырубова почти все написаны на французском языке. Вот некоторые из них: «Очевидное и вероятное, абсолютное и относительное» (*Le certain et le probable, l'absolu et le relatif*), «Философия материалистическая и философия позитивистская» (*La philosophie matérialiste et la philosophie positive*), «Метафизическая концепция универсальной жизни» (*La conception métaphysique de la vie universelle*); «Социология и ее метод» (*La sociologie et sa méthode*), «О классификации в социологии» (*De la classification de la sociologie*); «Политика качественная и политика количественная» (*La politique qualitative et la politique quantitative*); «Русский коммунизм» (*Le communisme russe*); «Восточный вопрос и Берлинский трактат» (*La question d'Orient et le traité de Berlin*); «Что такое геология?» (*Qu'est-ce que la géologie?*).

Он является автором известной книги «Практический курс кристаллографии» (*Manuel pratique de cristallographie*, 1889) и более 50 мемуаров, напечатанных в различных специальных журналах, которые относятся к области кристаллографической химии и очень ценятся специалистами.

Современники справедливо замечали, что без организационных усилий Вырубова во Франции едва ли сложился бы крупный центр позитивизма, какой представляли журнал «Позитивная философия» (1867–1884) и близкий к нему кружок единомышленников. Страницы русского научно-популярного журнала «Знание» были открыты для французских авторов-позитивистов как сотрудников вырубовского журнала «Позитивная философия».

Вырубов был душеприказчиком А. И. Герцена и в 1875–1879 годах издал его полное собрание сочинений.

Он сотрудничал со многими русскими и иностранными газетами. Его фельетоны появлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, а корреспонденции из Парижа в газете «Порядок».

Г. Н. Вырубов был воспитан в традициях европейской культуры, хорошо её знал, умело пользовался её понятиями и языком, и это определяло всечеловечную принадлежность его творчества. Он поражал своих западных коллег широкой образованностью, хорошим знанием западноевропейских

языков и научной литературы. Virtuозное владение французским языком Вырубова отмечали его коллеги-французы, и прежде всего его друг – знаменитый «властитель и законодатель» французского языка Эмиль Литтре (*Émile Littré*, 1801–1881).

Вырубов – западноевропейский учёный

Сохраняя приверженность национальной культуре и распространяя её влияние на представителей близкого западного окружения, Г. Н. Вырубов переступал порог национальной замкнутости и сделал это самым естественным образом. Он был женат на француженке и его связывала многолетняя дружба с выдающимся лингвистом, лексикографом и философом Э. Литтре.

Г. Н. Вырубов больше соответствовал западноевропейскому типу учёного с принятой здесь строгой рациональностью, логичностью мысли, определёнными нормами поведения. Но в нём давали себя знать такие черты характера, как порывистость и яркость темперамента. Жену Вырубова, француженку, изумляли бесконечные, длившиеся иногда далеко за полночь споры в их семейном доме. Определённый «кодекс чести» мгновенно срабатывал, когда надо было встать на защиту признанных Вырубовым ценностей – достоинства и благополучия одного человека или целого народа. Оказать услугу друзьям, помочь нуждающимся и слабым были для них столь же естественной потребностью, как и увлечённость научным творчеством.

Герцен отмечал в своих соотечественниках такую чисто русскую черту, как соответствие серьёзного умственного развития – высокой нравственности.

Ярким примером характера Г. Н. Вырубова является его участие в защите Парижа во время германского нашествия 1870–1871 годов в качестве добровольца национальной гвардии, главным образом в походных лазаретах Красного креста. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) он отправился на Кавказ, где ему было поручено устройство походных лазаретов в Эриванском отряде, при котором он постоянно состоял.

Сам Г. Н. Вырубов был занят поисками для своей родины альтернативного пути развития, отличного от застойности откровенного консерватизма и от крайностей экстремизма. Он признавал необходимость в следовании России проложенному Западной Европой пути и считал утопичной идею построения более совершенного общества с помощью сельской общины, так как видел изъяны этого социального института – закабаление личности системой круговой поруки и малую эффективность такого способа хозяйствования из-за отсутствия в России слоя земледельцев-собственников, заинтересованных в результатах труда. Как настоящий консервативный либерал, он безоговорочно поддерживал право частной собственности на землю и неограниченные возможности её приобретения. Вырубов выстраивал модель будущего развития России и надеялся, что Россия будет эволюировать в русле мировой цивилизации, что ей не миновать капиталистической фазы развития со свободой экономической деятельности, преобладанием экономических методов хозяйствования над административными. Он был сторонником эволюционного пути и считал, что история развивается по своим органическим законам, а то, что навязано извне, что чуждо исторической природе данного общества, нежизнеспособно.

Вырубов писал, что идея диктатуры пролетариата игнорирует интересы преобладающей массы населения – крестьян. Он остро критиковал выросшие на почве западноевропейского социалистического движения и имеющие с ним мало общего русские экстремистские течения – нигилизм, анархизм и большевизм.

Григорий Николаевич как русский учёный, в деле сближения России и Франции, намного опередил даже самых искусных дипломатов...

Он чувствовал себя посланцем русского народа и культуры на Западе.

Русские Вырубов, М. М. Ковалевский (нотариус на Нобелевскую премию мира, 1851–1916) и Е. В. де Роберти (Евгений Валентинович Де-Роберти де Кастро де ла Серда, 1843, с. Казацкое, Подольская губерния – 1915) были в числе организаторов и деятельных участников Общества социологии в Париже. На международных и национальных научных конгрессах Вырубов, Мечников и другие русские учёные знакомили зарубежных коллег с работами русских географов, антропологов, биологов, правоведов, социологов, психологов, историков, этнографов и статистиков.

Эта стезя-колея была успешно продолжена русскими учёными-белоземцами после их апокалиптического исхода из Отечества в 1921 году.

Берега Польши

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПОЛОНИИ ПОЛЬСКИМ ВЛАСТЯМ

«ПОЛЬША НЕ ХОЧЕТ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ»

Мы, нижеподписавшиеся, представляя взгляды, разделяемые миллионами поляков в стране, отвергаем нарратив о том, что война Польши и «коллективного Запада» с Россией является чем-то неизбежным или даже необходимым и желательным с точки зрения польских национальных интересов. Мы призываем польские власти прекратить вредную провоенную агитацию, которая служит иностранным интересам и основана на ошибочных, часто манипулируемых предпосылках.

Мы предостерегаем власти в Варшаве от эскалации действий, которые могут вскоре привести к реальному военному конфликту с Россией, ядерной державой. Настало время предотвратить такое развитие событий. Мы не сможем предотвратить трагические последствия для Польши начавшегося военного конфликта с Россией.

Мнение о том, что война с Россией неизбежна, является ложным и иррациональным мнением. Провоенный нарратив, повторяемый до тошноты польскими политиками и официальными СМИ, к сожалению, служит нам искажённой, пропагандистской и крайне политизированной оценкой реальности, вырванной из глобального контекста, которая не только не служит польским национальным интересам, но фактически угрожает им.

Сегодня Украина – опустошённая, обезлюдившая страна, стоящая на грани как военного поражения, так и финансового банкротства, страна, к которой крупные корпорации и инвестиционные фонды относятся как к лаборатории «новой нормальности» (зелёной, цифровой, неолиберальной). Военное вмешательство Польши на Украине может вскоре повлечь за собой аналогичные или худшие последствия. Польская интервенция на Украину будет означать эскалацию конфликта и превращение Польши в логичную цель прямых военных атак со стороны России. Готовность представителей правительства отправлять поляков на смерть на Украине вопреки национальным интересам Польши неприемлема. Противоречивые или уклончивые заявления польских властей относительно их истинных намерений вызывают понятную тревогу среди миллионов поляков.

Мы предупреждаем, что настоящей целью этой войны является не только ослабление России, но также ослабление и в конечном итоге ликвидация суверенных национальных государств Европы, особенно государств Восточной Европы, которые после войны на своих территориях будут вынуждены, как в результате разрушения инфраструктуры и личных потерь во время войны, так и в результате экономически вынужденной эмиграции миллионов людей, к многоплановой политической капитуляции, равносильной окончательной ликвидации их национального суверенитета в рамках глобалистских, федеральных структур Европейского союза.

Эскалация конфликта, с точки зрения реальных польских национальных интересов, не только крайне иррациональна, но и потенциально самоубийственна. Она приведёт Польшу к национальной катастрофе. Польша должна быть активным участником и соавтором мирных процессов, направленных на скорейшее прекращение конфликта, а не его движущей силой. Мы призываем польские власти отказаться от крайне нереалистичных и антипольских теорий, которые постулируют войну с Россией и обещают нам ее стратегический провал. Мы ожидаем трезвых, а не эмоциональных оценок реальности и текущего состояния войны. Мы призываем к действиям, направленным на прекращение конфликта на Украине посредством переговоров и создания условий для всеобъемлющей и прочной нормализации внутриевропейских отношений с учётом потребностей безопасности всех заинтересованных сторон.

Действия польских властей до сих пор заставляют нас задаться вопросом, являются ли они только результатом их крайней политической некомпетентности или, возможно, сознательного предательства польских национальных интересов.

*Эдвард Войцех Йесман, президент
Польско-американской стратегической инициативы (PASI)
и Польско-американского конгресса Южной Калифорнии*

Берега Германии

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уже традиция, исторически за последние двести лет сложилось, что в какую бы часть мира наши соотечественники ни уехали, там обязательно появятся литературные журналы на русском языке. Есть такие на всех континентах в десятках стран. Как наши оказываются за рубежом – причины всегда индивидуальны, по-моему, политические убеждения – в последнюю очередь.

В чуждой культурной среде русские, как правило, пытаются сохранить свою идентичность. А что может объединить наших людей с разным социальным статусом и материальным достатком? – Русский язык, – великий, могучий, правдивый и свободный, – по определению И. С. Тургенева. А вершина национального языка – художественная литература. Возможно, именно она – русская литература – и является главным скрепом, объединяющим всех нас.

К концу 90-х прошлого века около двух миллионов выходцев из России поселились в Германии. Переехали на берега Рейна и Ольга Олгерт, и Александр Барсуков, ныне – главные редакторы и издатели германских русскоязычных журналов, имеющих уже солидную многолетнюю историю. И что примечательно, примерно три четверти публикуемых журналами авторов живут не в Германии, а в России. И сам в них с рассказами и очерками печатался, стихи и прозу моих друзей присылал для публикаций. Критериями отбора здесь является художественная значимость произведений, а не место проживания авторов. Русская литература – мир, не знающий границ. И ещё, за все годы издания на страницах журналов «Европейская словесность» Ольги Олгерт и «Эдита» Александра Барсукова ни один автор ни разу дурно не отозвался о Родине – России. И в этом журналы на Рейне близки по духу нашему калининградскому журналу «Берега» Лидии Довыденко. Ей-богу, вот бы кого представить к награждению медалью А. С. Пушкина!

А ведь главные редакторы германских русских журналов и сами талантливые яркие писатели, публикуются в литературных альманахах, авторы книг. Предлагаю читателям познакомиться с их творчеством.

Александр Герасимов,
член редакционного совета журнала «Берега»,
редколлегии журнала «Эдита».
г. Калининград

Ольга Олгерт

Ольга Олгерт – главный редактор литературного журнала «Европейская словесность». Родилась в г. Целинограде (сейчас – г. Астана). Родина моих родителей – Сибирь. С 1998-го живу в г. Кёльне, Германия.

МОЙ ГОЛОС ИЗ СИБИРИ

Моя биография начинается с этих строк:

*Мой голос – из Сибири. Берега
Души моей – очерчены тайгою,
Мой почерк – Енисейского покроя,
И жизнь его не в силах разгадать.*

Публикации в журналах «Сибирские огни», «Дети Ра», «Литературная Вена» (Австрия), «Второй Петербург», «Эдита» (Германия), «Волга – XXI век», «Нива» (Казахстан), «Под небом единым» (Финляндия) и других, в альманахе «Светочъ», антологиях «Земляки», «Четвёртое измерение», «Форма огня». Автор книг: «Игры на облаках», «На южном побережье января», «От третьего лица», «За створками рябиновых кулис», «Нити небесных терций», «Поэт по имени Париж», «Выше, чем

время». Лауреат международного берлинского литературного конкурса в номинации поэзия (2010).
Автор музыки к песням на свои стихи.

Меняю словесные зимние гири
На солнце Байкала, на осень Сибири,
Где белки разносят по веткам орешки,
Где воздух прозрачен и небо безгрешно,
И клевер, мигая сиреневым глазом,
Любовь вспоминая, напишет рассказы,
О волнах, что просятся в синее небо,
И осень встречают весёлые нерпы,
И омуль, плывущий рассвету навстречу,
Расскажет о нежном, высоком и вечном,
Где мы, забывая былые невзгоды,
Напишем Ольхону осеннюю оду,
Окрасятся в юность прибрежные скалы,
И вновь Ангара улыбнётся Байкалу.

* * *

Душа – это остров, где чайки с утра поют,
А к вечеру слышится пенье слепых акул,
Мы – все Робинзоны в квартирном своём раю,
Где голос сомнений под музыку волн уснул,
И ты в шалаше – хочешь солнце погасит свет
Над миром тоски,
Хочешь – сбудется новый шторм,
Плыви, Робинзон! – Музыкант ли, пловец, поэт,
Услышь на мгновенье сквозь шёпот закрытых
штор,

Как море гудит, а над ним – обаянье гроз,
И млечные тропы, и крики пиратских шхун,
А ты всё решаешь кроссворды упавших звёзд,
А ты не стареешь,
И голос твой свеж и юн,
И надо бы к людям – планету от бед спасти,
Где крылья примерит святая твоя мечта,
Душа – это остров, а ты – Робинзон, лети!
Но только сначала на суше учись летать.

* * *

Куда мне до Ольхона? – Он влюблён
В простые рифмы осени,
Созвучно Байкальским снам,
Что видит он, Ольхон,
Когда на небе осени лишь тучи?
В какую даль заглядывать ему,
Какой сосне разгадывать секреты,
Когда глаза, смотрящие во тьму,
Листают ночь, где музыка, и лето,
И клевер спорит с ветром и луной,
Которая сгорает вполнакала,
Когда душа идёт на водопой –
Припасть к устам священного Байкала.

* * *

А завтра Ангара поспорит с Леной,
И будет ветер слов взлетать по венам
Моей цветной, бушующей вселенной,
Где Март одет в сомнения весны,
Где, небо разливая по бокалам,
Взойдёт туман над солнечным Байкалом,
Где я молитвы Севера узнала,
И тайны баргузинской тишины,
Где реки спорить с вечностью не смеют,
А я опять плыву по Енисею,
И голос мой становится нежнее,
Когда Сибирь мне руку подаёт,
И кормит с рук доверчиво и нежно,
И сыплются кедровые орешки
В ладонь мою,
И день плывёт, безгрешен,
И льётся талый сок сибирских вод. . .

* * *

А я иду кормить синиц,
И дождь не в силах помешать мне
Смотреть в дыму осеннем свадьбы
Неувядающих зарниц
Над синим лесом, чья листва
Под снегом кажется горячей,
И ты читаешь – в настоящем –
И будущем – её слова.
Чьи песни в небе – без границ –
Над зимним днём земной разрухи...
Повсюду – войны, страхи, слухи...
А я иду кормить синиц...

* * *

В городе детства опять по прогнозу – дождь,
Ветер, играя с листвой, заплетает косы
Мне или ночи,
И ты сквозь туман идёшь,
В городе детства опять торжествует осень,
Где к стадиону «Энергия» – первый снег –
С неба спускается, наши слова подслушав,
Там, где земля начинает привычный бег,
И узнаёт нас летящий над степью век,
И – обнимаются юные дни и души.

* * *

Идеального мира нет,
Хоть сейчас выключай свет
Над волной в океане бед,

Где рождаются строки бездны,
 Но плывут, огибая ночь,
 Шапки снега – с земных высот,
 Где, ослепший от боли крот,
 Вновь воюет с кротом небесным.
 И растут до утра слова
 Доброты, что хранит листва,
 И качается сон-трава
 Над рекой, что всегда – крылата,
 И роняет стихи камыш
 На ладони небесных крыш,
 Где целует волной Иртыш
 Невесомую ткань заката.

* * *

В мире непроданных истин
 В бездну распахнута дверь...
 Каждое слово – как выстрел,
 Каждое слово, поверь!
 В мире чужих откровений,
 Думаешь – жизнь или смерть,
 Метишься гневом в гиену –
 Лебеда можешь задеть.
 Может, узнаешь, как встретит
 Жизнь – в параллельных мирах...
 Стань милосердной, чем ветер...
 Будь осторожен в словах!
 Небо, перо и бумага... –
 Жив полуостров любви!
 Каждое Слово – во благо,
 Вот и моё –
 Лови!

* * *

А вдруг нахлынет радость бытия,
 И станет жизнь за окнами слышнее,
 Чем зимняя Вселенная твоя
 Предсказанной эпохи Водолея,
 И станет разговорчивей камыш
 Озёрный, зимней ночью расцветая,
 И станет звонче танец наших лыж
 В предгорьях седовласого Алтая,
 Где стайки нарисованных минут
 Уснут в тепле январского заката,
 И небо нарисует наш маршрут
 От радости – к печали, и обратно.

* * *

Морок – он всюду, но ты про него забудь,
 В зимних ли песнях, полётах земной души,
 В небе Медведица снова укажет путь
 К счастью ли, горю,

но всё-таки поспеши
 Бросить монетки в озёра своей мечты,
 Чтобы вернуться – однажды, в морозный день,
 Знаешь, карманы у Грусти всегда пусты,
 Ты ей колечко на палец, шутя, надень,
 Вдруг улыбнётся? –
 И снимет свою вуаль,
 Площадь Сан-Марко запомнит её черты,
 Жаль расставаться с прошедшим, конечно, жаль!
 Видишь, как в небе сгорают его мосты?
 Старится время, и ссорятся поезда
 С ветром и облаком в мире земных обид,
 Морок отступит, ты только спроси, когда...
 Сердце танцует,
 И даже – когда – болит...

* * *

Здравствуй, попутчик
 Из осени – в зимний лес,
 Снова разбудишь потерянный свой уют,
 Видишь, на ветках всё тот же декабрьский блеск,
 Звёзды под снегом – ты слышишь, они поют!
 Что-де ты плачешь,
 Пытаясь шагнуть в рассвет,
 С облака листьев, чьи ноты тоской пьянят...
 Ради тебя даже солнце меняет цвет
 Зимнего неба над памятью бытия.

* * *

Сиянье молчаливых городов
 Не спрячется под маской безразличья,
 Где все сонеты снега – про любовь,
 И гнев ветров прощеньем обезличен,
 Плывёт метель, и ты за ней спеши,
 За солнечным, поющим берегом...
 Зима – как возрождение души,
 Декабрь – как сон рождественского неба.

* * *

Ты ловишь тени призраков из прошлого,
 И верится – что ищешь, то – обрящешь,
 Твоё сознание снегом припорошено, –
 Задумайся о ближних в настоящем!
 Не скупость чувств – в душе твоей смеркается,
 А рядом – жив сосед твой во Вселенной,
 И свет разносят вороны ли, аисты –
 Услышь в прохожем каждое мгновенье! –
 Подай же руку – смелую и тёплую,
 И Слово подари ему сквозь полночь.
 И светом поменяйся с южным тополем,
 Что помнит эхо слов, конечно, помнит...

Берега Германии

Александр Барсуков

Родился на Сахалине, рос на Кубани, выросл в Петербурге. С 1994 года живу в Гельзенкирхене, в 2000-м возглавил здесь вновь созданные ЛИТО и издательство EditaGelsen. За прошедшие более 20 лет издательство выпустило свыше тысячи наименований книг, а в его периодике (журналы «Эдита», «Мастерская», «Без цензуры», альманах «Век XXI» и др.) напечаталось около тысячи русскоязычных авторов со всего мира, в первую очередь из России и стран постсоветского пространства.

Главный редактор издательства EditaGelsen и литературного альманаха «ЭДИТА», г. Гельзенкирхен, Германия. Начиная с текущего года большеформатный журнал «Эдита» преобразован в одноимённый альманах такого же объёма (18 авт. листов), выходящий по мере накопления авторского материала с интервалом примерно в две недели. Доля российских авторов в нём составляет 95–97 %. Записывать свои впечатления от поездок по Союзу впервые начал в 1986-м, публиковался в периодике России, включая «Литературную газету», в Германии, США и Канаде. Автор пяти книг прозы, трёх книг публицистики, а также ряда краеведческих и исторических изданий на немецком языке. Предлагаю читателям литературно-публицистического журнала «Берега» социально-сатирическую повесть «Мойма по-тевтонски».

МОЙМА ПО-ТЕВТОНСКИ, ИЛИ ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ

Опубликована в сокращённом варианте

1. Мойма

Ученица сидела напротив меня за столом в кухне, немного распаренная по летнему времени, с малиновыми пятнами на щеках, выдающими будущую склонность к гипертонии, и отпивала по глоточку из принесённой с собой из машины пластиковой бутылки с минералкой.

Крупная, как теvтонская кобылка, ученица в неполные сорок была вся в своём женском соку и излучала напористость и благополучие. Даже диковатое имя Гудрун шло ей отменно, имя, которое я в рассказах немногим знакомым-приятелям раз от разу переименовывал то в «Гудвин», то в «гудрон», вызывая у них справедливые упрёки в злословии. «Она же деньги платит! – сердились знакомые. – А ты ее “гудроном”... Нельзя так...» – «Вот именно», – думал я про себя, а сам тоже сердился – непонятно почему и на что.

Ничего утешительного или внятного в Интернете про это имя я не нашёл: «гунт» означало битву, борьбу, а «рун» – тайну; соединять их можно было как угодно. Да и «гунт» не вполне «гуд», как ни старайся притянуть их друг к другу за уши. «Опять мутят британские учёные», – решил я, помню, тогда и навсегда оставил попытки разобраться с гудрунской этимологией.

От рано умершего отца ученице достался немалый кусок земли. Мать, как коротко упомянула Гудрун, была нездорова, недееспособна насчёт головы, и в наследственном дележе поэтому не участвовала, а на отцовских гектарах издавна, уже поколений десять, выращивали коней местной породы – «эмшерскую толстоголовую», если переводить буквально. На деле голова у этих лошадок просто крупная, а не толстая, они очень выносливы и хорошо приручаются – притом даже, что кое-где до сих пор встречаются в диком виде, как в своё время мустанги. Окрас у эмшеров пегий с чёрной мордой и чёрными гривой и ногами, похоже на кошек-сиамцев – ну, только в образе лошади. По реестру пород «толстоголовых» называют теперь «дюльменский конь», охраняемый вид, так что Гудрун нашла себе золотую жилу, и кобылкой я зову её, скорее, поэтому...

Ни детей, ни кого-то любимого бог Гудрун не дал, всё это у неё не сложилось, да и говорили мы с ней о личном всего-то минут пять или десять; открывать душу здесь не принято, лезть в неё тоже – по словам хозяйки поместья выходило, что всё своё время она проводит в конюшнях, или на пастбище, или в манеже для выездки лошадей, вырываясь с усадьбы разве что за продуктами, за чем-нибудь вкусеньким, или вот ко мне – на кухню, на занятия русским. «Ну и ещё иногда в секс-шоп», – добавила она тогда с невинной ухмылкой имбецила и уставилась на что-то в окно. С моего второго этажа видны крыша соседской одноэтажной дворовой постройки, несколько трёх- и четырёх-этажных домиков в отдалении да с полдюжины неизменных здесь тополей и ясеней – ничего такого, на чём стоило бы задержать взгляд.

– Продолжим... – сказал я, чтобы вывести её из раздумий о сексшоповских игрушках.

Теоретических разговоров про «великий и могучий» я с немцами не завожу. Великими, по местным понятиям, могут быть только сами немцы – этого здесь никто не скрывает. А во-вторых – ну что говорить? – у них начиная с самого Гёте в стихах сплошь глагольные рифмы, вроде «гевэзен-генэзен» – то, что у нас справедливо полагается признаком низкой языковой культуры. Русский для местных – это речь варваров, несмотря на Толстого и Достоевского, весьма ими ценимых, и о величии нашего варварского наречия говорить можно разве что с русистами в соседнем университете, да и те оказываются многим недовольны и, чуть только разговор становится интимнее, принимают жаловаться на «неправильности» русской грамматики и выговора. На должностях, требующих знания русского, здесь сидят поэтому русские по крови филологини, вышедшие замуж за немцев. Всех это вполне устраивает: неродной немецкий не позволяет дамам слишком вдаваться в детали и местным не приходится перегружать богатством русских языковых нюансов свои упорядоченные узкоколейные мозги.

Зато вот у немцев выговор... Недавно заметил, что не разбираю в отечественных сериалах половины слов, какая-то каша у всех во рту: или торопятся, или ещё что-то... У немцев не так. Покажешь учащейся в книжке «молоко» – и она его в точности так и прочитает: мо-лэ-ко, с мягким немецким «ль». Постепенно и сам приучаешься говорить чётко и вдумчиво.

Ну или ещё... собака, рыба и вилка, к примеру, у них мужского рода: «собака пошёл гулять с хозяином», «рыба опустился на дно аквариума» – то есть учить это реально чокнешься, вынос мозга. Или же есть некие особые города – не все, слава Природе, – у которых надо проглатывать гласную букву в конце, если строишь от них прилагательное: по-немецки правильно «мюнхнский» вместо «мюнхенский». То же с Базелем и Цюрихом: Zürcher вместо Züricher – «цюрхский». «Немецкий язык сложный, да?» – щурятся местные, ожидая похвалы своим достоинствам. «Ничего, пойдёт...» – отвечаю я на это грубо.

– Так-так... – проговорил я ободряюще, когда Гудрун закончила пересказывать мне содержание предыдущего урока. – А теперь читаем... И будем разбирать построфно, что мы поняли из текста, а что нет...

«Построфно» я сказал по-немецки, то есть «штрофенвайзе», Гудрун тут же поняла задание и раскрыла учебную книжку на закладке.

– «Ты, тсарэвитш, – начала она, слегка нахмурившись от усердия, – ...мой спаситель, моймагутший избавитель. Не тужи, тшто за меня... – Она подняла глаза, ожидая реакции. – Ест не будешь ты три дня».

– Стоп-стоп... – забеспокоился я. – Что это там ещё за Мойма?

– Вас фюр¹ Мойма?

– Шлойма...

– Ваас-с? – воззрилась на меня ученица и потянулась к бутылочке с минералкой.

Еврейские примочки у нас тут в большом ходу, поскольку русских в Германии совсем немного: сперва немцы принимали евреев как беженцев от госантисемитизма, а потом российских немцев – типа воссоединения народа, – и русские шли к ним прицепом, как мужья или жёны. У этнических немцев из Казахстана и Сибири они теперь тянутся к немецкому, чтобы не отставать от родственников, а в еврейских семьях ходят за компанию в синагогу на «весёлый праздник Пурим» уплетать там за обе щеки винегрет с селёдкой и гоменташа, или «уши Амана», визиря Артаксеркса, у которого, как известно из источников, было больше трёхсот наложниц и около двухсот детей. Приплода от трёх сотен красавиц вышло, на мой взгляд, как-то немного, но дело тут, вероятно, в фертильности – так я это понимаю.

– Стол белый! – решаю я переключить доминанту. – Повторяем...

¹ Что за Мойма?

– Стол бьелы... – повторяет Гудрун.
– Лампа белая, – не унимаюсь я. – Следим за окончаниями!.. Молоко белое!
– Я устала... Ихь бин мюдэ...
– Хорошо, – соглашаюсь я... и прибавляю вполголоса, скорее на автопилоте, по давней гусарской привычке: – Тогда эротический массаж?..

Гудрун не понимает тихую беглую речь, но тут же настораживается:

– Вас-с¹?

– Ист никс. Зэльбстгешпрэхе. Руэн зи зихь аус²...

Хозяйка поместья учит русский, чтобы держать под контролем своего работника, казахстанского немца-переселенца, который не только ходит за лошадьми на ферме, но и сопровождает патронессу в её деловых поездках. Она уже дважды была в Астане и за реально хорошие деньги продала там с полсотни своих лошадей на племя, существенно укрепив этим бюджет предприятия.

– Я знаю, что это некрасиво... – рассказала она, когда я на первом занятии расспрашивал её о мотивации, – но мне кажется, что Вальдемар переводит не всё... Или как-то искажает.

– Такое возможно... – согласился я. – По разным причинам.

– Я не сказала ему, что начала заниматься. Я просто хочу знать...

Про себя я потёр руки: потребуется не меньше трёх лет занятий раз в неделю, как это происходит у нас, чтобы научиться понимать полунамёки вполголоса, которыми, очевидно, обменивается при шефине с казахскими деловыми партнёрами её Вальдемар. Ученица с сильной мотивацией – это всегда хорошо, это верный заработок...

– Вы много общаетесь с Вальдемаром? – спросил я тогда Гудрун максимально бесцветным голосом.

– Меньше, чем мне хотелось бы, – без обиняков отвечала она. – Вова женат и у него трое детей, прелестные малышки. На ферме я практически одна.

Я ещё раз внимательно оглядел свою ученицу. Пожить на природе, среди лошадок – возможно, это был бы неплохой вариант провести лето... Но нет... она совершенно не в моём вкусе, да и занятия наши следует держать в тайне от Вальдемара, что, живи я на ранчо, едва ли будет возможно.

Вообще я заметил, что в контактах с людьми ищут эстетическое – какую-то особую линию скулы или бедра, как у Люськи, и если этого нет, то мне неинтересно. Ну вот статуи в Летнем саду, мифические дамы, Киприда, Цирцея и кто там ещё... – спору нет, в их линиях тоже присутствует грация, стереотипные «вечные ценности»... – но меня они никак не вставляют, не «секси», как это говорится – с моей, понятное дело, точки зрения.

Так же и с Гудрун. Она, наверно, хорошая, и самобытная, и мужественная... на удивление вкусно пахнет, несмотря на свои специфические занятия, и гимназию она, если не врёт, окончила очень неплохо... – могла бы потом поучиться три годика и стать директором филиала какого-нибудь дискаунта, типа «Плюса» или «Лидла», но нет: бьётся с «толстоголовыми», да ещё и навязывает их казахским партнёрам. Но всё это не вызывает у меня ни грамма симпатии. Помню, Маша, моя «бывшая», продержавшаяся целых два года, однажды, уже ближе к концу, наконец сформулировала, что у нас с ней происходит... «Ты создаёшь ощущение... – задумчиво произнесла она, – ...ощущение, что ты есть... А на самом деле тебя нет. Ты не здесь, не со мной. Ты всегда где-то в своём мире».

Это метко. Бывает, что пошевеливаемые ветерком листья за окном интереснее ненужного разговора утром за кухонным столом...

Но и другое бывает: восхищение, замиранье сердца, Begeisterung, как говорят немцы, то есть воодушевление, или лучше – «одухотворение». Для этого достаточно порой изящной линии скулы.

И вот, кстати, Люська с её бёдрами... Наши ежевечерние беседы по телефону продолжались, наверно, два десятилетия – вот как держат бёдра!.. Дамы менялись, Люська оставалась на месте... как Монблан, только изящнее. «И тут я стала валиться в обморок, – рассказывала она о каком-то эпизоде на автобусной остановке. – ...Ты знаешь... как настоящая леди... как-то сперва набок». Это был высокий стиль, мои сменявшие друг друга дамы были совершенно схожи в одном: в своей неугасимой ненависти к Люське, к самому факту её существования.

А потом она всё испортила: вдруг отчего-то разоткровенничалась и разболтала, что ездила ко мне тогда не из горячей привязанности, а чтобы отомстить погуливающему от неё мужу. «Ну... и из при-

¹ Что?

² Пустяки. Сам с собой. Отдыхайте...

вязанности тоже, конечно», – тут же поправилась она. Но настроение у меня упало, я тут же нахамил ей что-то, и мы повесили трубки – как оказалось, надолго.

О чём это говорит? О том, что контакт держался многие годы моей толерантностью, моим интересом к её бедрам, доступа к которым, кстати, после её второго замужества у меня практически не было. И как только она проявила себя низким, лапидарным прагматиком, показала, так сказать, своё истинное лицо, – так тут же всё и кончилось, и бёдра оказались не очень-то и нужны. Вот такая сложная штука жизнь...

Трения, конечно, у нас возникали и ранее – как же без этого? Люська, помню, от домоседства сделалась вдруг знатоком кино, артхауса – писала за деньги рецензии на сайт какого-то знакомого, и финансовая компонента вселяла в неё уверенность в собственных силах. В это же время Поляков внезапно напечатал в «Литературной газете» один мой ерундовый рассказик, я возомнил себя писателем, сделался резок в суждениях и как-то при случае не удержался с оценкой Люськиных киноподвигов.

– Послала бы ссылочку... – попросил я ядовито. – Взгляну хоть, что ты такое там пишешь.

– Нет уж! – не согласилась Люська. – Знаем мы твой поганый язык: тут же раскритикуешь всё и испортишь мне жизнь. Платят деньги – и ладно...

– Он просто хочет тебя трахнуть, – предположил я. – А сам на деле мамин сын и мечтает прилепиться к тебе как к мамочке.

– А ты?.. – захлебнулась Люська. – Сколько можно топить про мои бёдра?! Что ты нашёл в них такого?! Это, между прочим, просто мои ноги, а не что-нибудь там... И вообще... – Она перевела дух: – Почему ты всегда говоришь «голокоост» вместо «холокоост»?

Люська, надо сказать, не только круглая еврейка, но и упорная сионистка, в теории, конечно, на Ближнем Востоке ей было бы слишком жарко. Кумир у неё Троцкий, о нём она действительно знает всё, как поэт Цветаева об «Орлёнке» Ростана.

– Пока «голография» относится к нормам языка, холокоост будет у меня голокоостом, – возразил я тогда грубо. – В лексике должен царить порядок. И единообразиие...

– Чушь какая! – пролаяла в ответ Люська. – И не вздумай что-нибудь написать про меня в своих хрониках... Тоже мне, легендарный сказитель... Закореней Чукотский... или где ты там родился?

– На Сахалине, милочка... – лучезарно улыбаясь, возразил я. – Это за три звезды от Чукотки – как и вашей Москве до Питера...

Я действительно родился на Сахалине, в Питер меня привезли младенцем.

Люська, понятно, тут же повесила трубку.

У местных «русских» у всех русское телевидение. Мне странно поэтому, откуда в речи у наших возникают эти диковатые обороты, вроде «она пользуется жидкое мыло», «его попустило» или «у неё искривлён позвонок». В здешней еврейской общине рулят попеременно то Одесса, то Днепропетровск, то Житомир – может, оттуда и этот маргинальный словарь. Москва и Питер держатся здесь особняком, жидкое мыло не «пользуют», близко к себе не подпускают, да и селились они из лагеря любой ценой всё по крупным городам: Гамбург, Кёльн, Дюссельдорф, Берлин наконец, этот нищий и хамоватый человеческий муравейник с амбициями мегаполиса и тремя с половиной миллионами населения, что после Москвы и даже Питера реально смешно – курам на смех, и те не смеются. Теперь, после трёх пятилеток Меркель, кто-то из бывших жителей столиц, возможно, и жалеет, что не попросился тогда в какую-нибудь деревушку, настолько задрали всех новые меркельские переселенцы, – но поздно: устраиваться тут, на чужбине, непросто, и если ты двадцать лет живёшь в Кёльне, то перебраться на равные кондиции в тот же Гамбург практически невозможно, придётся всё начинать почти что с нуля.

Без телевизора тут можно чокнуться, особенно в выходные и праздники, когда всех местных как будто начисто вырубает из жизни. Сейчас у меня уже другая квартира, с лифтом, в многоэтажке, и окна мои смотрят на длинный шестизэтажный дом, больше сотни окон напротив. Я здесь уже третий год – и ни разу не видел в окнах ничего интересного; в девять-десять вечера свет в доме напротив гаснет – и воцаряется тишина: ни пьяных, ни распахнутых настёж чужих жизней, ни даже транспорта: бюргеры отдыхают, *stilles Glück, trautes Heim* – «тихое счастье надёжного дома» по-местному. Или, если одним словом: *Freudlosigkeit*, «безрадостность», главное жизненное ощущение немца – по выражению Хайнца Штрукка, нервного и острого здешнего писателя, большие романы которого я который год пытаюсь продвинуть на российский книжный рынок. Ни он сам, ни здешний его издатель, конечно, не против – но вот Россия... Кому охота узнать, что немцам живётся плохо – реально скучно и плохо, несмотря на все уверения прессы в обратном?

А может быть, дело в особой погоде. Философ Ницше, как известно, потратил полжизни, чтобы найти себе сносное место жительства вне пределов Германии. Тут и вправду бывают такие фазы безвременья, когда либо неделями льёт без конца нудный несильный дождик, либо же жарит солнце, воздух буквально душит озоном, а граждане, как один, имеют на лицах выражение растерянности и непокоя. Автоводители сталкиваются друг с другом на перекрёстках без малейшего повода и нужды и, дожидаясь полиции, тоже стоят потом у своих помятых машин с потерянными и отсутствующими лицами. Что-то тут не так, на этих тевтонских просторах: сайт биопогоды чуть ли не ежедневно пророчит катаклизмы астматикам, ревматикам и сердечникам, не говоря уже о людях с лабильной психикой, и даже магнитные бури случаются в Бундесе по особому графику, не известному главным магнитологам на планете, сидящим в Боулдере, штат Колорадо. Впрочем, в этом Германия схожа с Россией – там, я заметил, магнитосфера тоже бывает неспокойна локально, как бы тайком ото всего остального мира...

Если под окнами что-то и случается – то непременно ужасное... Вот в прошлом году прямо на проезжей дороге между домами зарезали цыгана: их тут полно – правительство ввозит их из Болгарии и Румынии, вежливо называет «рома» и «синти», а затем интегрирует. Зарезанный цыган долго и страшно орал, лежа на асфальте, пока не умер или не вырубился. А этим летом уже в сумерках покатившейся под уклон во двор машиной придавило к решётчатому забору старушку, и она тоже вопила долго, тоненьким голосом, без конца повторяя: «Ich will hier raus! Ich will hier raus!..»¹. Не самый, по моему, адекватный текст, когда полторы тонны дурного веса расплющивают тебе о позвоночник твои печень и селезёнку. «Hilfe! Hilfe!» – громко и жалобно вторил ей горе-водитель – и отлучившийся-то от машины всего на секунду: открыть ворота во двор – но не затянувший как следует ручной тормоз... и теперь... – теперь, очевидно, тюрьма. Почему он не влез в машину обратно и просто не сдал назад – не знаю в деталях. Было темно, и старушку долго спасали прямо на земле у злополучной машины – видимо, её здорово придавило, раз спасатели не решались поднять пострадавшую и перенести её в стоящую в двух шагах «скорую». Вообще с возрастом я замечаю, что как-то устал от впечатлений. «Чего вот сидишь? – говорят мне некоторые добродоты. – Поехал бы хоть на Канары...» – «С чего б это вдруг?» – удивляюсь я. «Интересно...» – не сдаются они.

А мне не интересно... вот совершенно не интересно...

Гудрун читает дальше, я вполуха слушаю. Она начинающая, поэтому я больше помалкиваю: назойливые поправки только раздражают ученика, рушат его мотивацию. Пусть пока набирает лексику – я в это время думаю о своём.

2. В туманном прошлом

Когда моя жена умерла, мы оба были ещё подростками, нам едва стукнуло по восемнадцать. Мы познакомились в первом классе и, мне кажется, так и продержали друг друга за руки все десять лет школы.

Наши родители почти безвылазно пропадали по службе в Дамаске, отцы в войсках, матери – медсёстрами... а мы с ней ночевали то у меня, то у неё, и наши воспитанные бабушки по очереди делали вид, что ничего не замечают. Мы, конечно, предохранялись, а когда обоим исполнилось по восемнадцать, подали заявление в ЗАГС.

Через две недели нас расписали. Ни родителям, ни бабушкам мы не сказали ни слова, так что внешне ничего как бы не изменилось: Ксения ходила на подготовительный в университет, а я уже сдал экзамены в один особенный вуз, который здесь не следует упоминать – в перестройку он со скандалом и треском закрылся, да и поучиться в нём мне почти не удалось, поскольку... поскольку у Ксении вдруг оторвался незнамо откуда взявшийся тромб и она умерла прямо в метро, на эскалаторе – и хорошо что на подъёме: на спуске возле упавшей девушки наверняка возникла бы давка и наша вздорная публика с перепугу её, пожалуй, бы затоптала...

Не буду рассказывать, где я тогда достал денег – ничего хорошего... Но в Питере оставаться больше не было никакой возможности: Ксения тут и там мерещилась мне на вечерних улицах, в полумраке подворотен, и я чувствовал, что нахожусь на грани психоза, как это, наверное, называется.

Самым трудным было выбраться из тайника, из всего этого переплетения труб и кабелей между крышей вагона и потолком купе, где мне пришлось провести почти двое суток. Происходило это,

¹ Буквально: «Я желаю отсюда выбраться».

понятно, уже в Бундесе, и мне следовало поторапливаться, поскольку железнодорожная полиция тут тоже не спит: она бодрствует и, по крайней мере, *pro forma* досматривает вагоны в депо. Кстати, туристская виза в Германию у меня вообще-то была, но я почему-то решил тогда исчезнуть из старой жизни, а в новой появиться... ну, когда захочу. Психозу ведь не прикажешь – тогда мне казалось, что я действую логично, и это вселяло уверенность.

Вообще, что касается тромбов... у нас тут была одна дама из Жмеринки, весьма симпатичная – и вдруг у неё сделался рак крови. Дама приехала в Германию одиночкой, с сыном, долго и много им занималась, работала как проклятая, они быстро получили гражданство, сын вырос, окончил школу и пошёл служить в Бундесвер – каким-то солдатиком, не знаю подробностей, – а у дамы как раз в это время случился рак.

Из армии не возьмёшь отпуск, если тебе его не дают, тем более что три дня побывки ему всё-таки разрешили, и дама, которая от болезни горела как в огне, выписала себе по гостевой папу из Жмеринки, своего бывшего мужа, тоже весьма симпатичного дядьку, когда-то подло её оставившего вместе с младенцем – и он возил теперь даму и на химию, и на облучение, и на переливания крови... – пока у неё от всего этого не стали образовываться тромбы и наконец не отнялась левая нога. «Ага... – сказали врачи. – Ну... тут медицина бессильна. Отправляйтесь теперь домой и, так сказать, ждите гостью с косой. И попросите себе в социальной службе сопровождение – конец будет весьма мучительным».

Сопровождение у дамы уже было – то есть этот самый её бывший муж, весьма симпатичный – и они вместе стали ожидать отхода поезда, как это говорится: муж готовил даме вкусняшки, кормил с ложечки, мыл в каком-то особом корытце и лишь изредка позволял себе звончек на родину, в Житомир, где его ждала-поджидала разлучница, дама, по слухам, ещё более симпатичная, чем наша, и к тому же почти на три года моложе, что, безусловно, не шутка в сравнительном рейтинге. На время звонка муж запирался от нашей дамы в уборной, и она почти ничего не слышала, разве что некие интонации, что-то вроде курлыканыя.

Когда у дамы отнялась к тому же ещё и рука вместе с половиной лица, наша страдалница решила, что время отправления настало. Она попросила бывшего милого развести ей добрую порцию жидкого шоколада и растворить в нём все имеющиеся в доме таблетки, включая маркумар и клопидогрель, назначенный разжижать кровь и в больших дозах действующий подобно крысиному яду.

Поскольку сохранившей подвижность половиной лица дама при этом непрерывно и безутешно рыдала, бывший муж из Жмеринки не смог отказать ей в услуге и сделал всё, как она просила. Кто же знал, что окажется в письме, которое она днём раньше попросила его бросить в почтовый ящик, сказав, что там внутри её завещание и прочие деловые распоряжения перед уходом...

Письмо было адресовано адвокату, и в нём действительно было завещание, но ещё в нём сообщалось о намерении бывшего мужа поскорее уморить её посредством отравления лекарствами и о жестоком его с ней обращении, о насилии, об отобранном якобы телефоне и прочем в таком же духе.

Адвокат, распечатав письмо, тут же позвонил в полицию. Те заявили не днём, а в половине пятого утра, как это здесь принято, чтобы застать злодея с поличным, и обнаружили нашу даму в постели уже довольно холодной. Мужа её скрутили и скоренько припаяли ему двенадцать лет, квалифицировав историю как убийство по неосторожности с отягчающими обстоятельствами – на допросах обвиняемый клялся, что действовал строго по указаниям бывшей супруги. Но вскоре из Жмеринки им пришёл ответ на запрос о прошлых отношениях супругов, и отягчающие заменили смягчающими, предположив мотивом к письму банальную месть. Так что сидеть теперь нашему герою осталось всего четыре с половиной года, и новая пассия в Жмеринке его, возможно, дождётся... Вот такая история с тромбами...

Недолгое время, помню, ко мне на мастер-класс по языку ходили две жившие в соседнем городке итальянки с Сардинии – Лючия и Сандра. Обе окончили у себя на острове филологический, обе с полгода обретались потом на стажировке в Москве, так что русский их был довольно неплох... хотя порой и случались курьёзы.

...Мы возвращались тогда вместе с турфестиваля, проходившего в уютном местечке Эш-сюр-Сюр в Люксембурге, кассетник в машине крутил «Любэ» – и вот парой часов позднее, когда я высаживал их возле их дома, Сандра спросила меня:

– Послушай... пока не забыла... а что такое... таразвонка?..

Все мы тогда хорошо и по-доброму посмеялись: таразвонкой оказался фрагмент расторгуевской фразы «играй, гитара звонкая» – как и «мойма» у моей теперешней Гудрун.

А в общем, жизнь трудна – особенно если ты филолог или лингвист. Сандра теперь со своим белым русским какой-то большой босс по сбыту косметики, живёт и работает в Дюссельдорфе... и мне кажется, что у нас с ней что-то такое было тогда... но... мы оба не помним – ни я, ни она, я специально её расспрашивал. А Лючия погибла: свернула себе шею – это в буквальном смысле, – неудачно сверзилась с третьего этажа, лезла по балконным перилам взглянуть в окошко любимому, жившему в соседнем подъезде: не изменяет ли он ей с ещё какой-нибудь соседкой. Хотя всей правды, наверное, никто и не знает. У нас ведь здесь врут все и каждый. Может, с Лючией всё было не так или не совсем так. Человек в эмиграции оторван от родной почвы и одинок: мамы и бабушки, если их удалось привезти с собой, неосведомлены и беспомощны, друзья-приятели все сплошь новые, ничем таким жизненным не проверенные – и вот человек без конца озирается: типа, ладится ли у него на чужбине, не обошли ли проклятые конкуренты-соотечественники. И как результат этого постоянного сравнения своих достижений с чужими – зависть, тревога, злословие и ложь. Непокойно взрослому человеку за границей. Зато дети, здесь родившиеся или же привезённые малолетними, – те осваиваются хорошо. Действительность тут несложная, примитивная, да к тому же повсюду психологи, всякие консультанты, и если владеешь немецким с молодых ногтей – то выжить, в общем, несложно: звёзд с неба скорее всего не будет, но, если стараться и не умничать, жизнь в конце концов получится сытая и спокойная.

Парковка у нас тут за домом, а прямо перед подъездом – остановка автобуса: на нашей стороне и на противоположной. Улица неширокая и полупустая, старушки с лиловыми буклями и «перманентом» охотно переговариваются через проезжую часть со знакомыми.

– Айнен шёнен таг!¹ – почти не повышая голоса восклицает одна из них на моей стороне, обращаясь к приятельнице, стоящей на остановке напротив, и задорно машет ей ручкой.

– Не дождётесь... – вполголоса ворчу я и иду дальше.

3. Жертва азота

– И вообще ты латентный гомик! – выкрикивает мне в трубку в сильном подпитии Юлечка, известная московская сценаристка. – Ты почему на мне тогда не женился?.. Мудак...

– А вот и не вообще, – отвечаю я с достоинством. – А вот и не латентный. А жениться я даже не собирался, тебе это спьяну приоблазнилось...

Она сопит в трубку.

– Насчёт мудака не возражаю: гениталии мне не безразличны... – но только как самоценный объект. В отрыве, так сказать, от целого.

– Гомик! Гомик! Долбоёб! – не желает сдаваться Юлечка.

– А вот и не гомик, ясно? – возражаю я.

– Нет, гомик...

– Заткнись уже...

Юлечкины сценарии получают дипломы на всяких киношных конкурсах... но вот фильмы по ним никто снимать не решается: Юлечка «пишет маткой», как сказал про неё один маститый критик, и это, вероятно, не очень по вкусу разным кинокомиссиям и худсоветам – или как там они теперь называются.

Народ в Москве вообще хамоватый, а у Юлечки, помимо пьянства, ещё и связь с инкубом, который кроет её ночами, во сне, многие долгие годы. Инкуба Юлечка подцепила в юности, когда дышала с другими подростками «веселящим газом» в какой-то сторожке при больнице, где хранились баллоны с записью азота, оставшейся после наркоза при операциях.

– Да это же просто эн-два-о-два, – вспомнил я химию, когда она рассказала об этом впервые. – Откуда там возьмётся инкуб?..

– Ты не понимаешь... – не согласилась она. – Он дерёт меня каждую ночь. Ну... если я сплю одна.

...Все руки у Гудрун до плеч в шрамах – от укусов и копыт лошадей. Что-то она делает некошерное со своими подопечными – раз они так бесятся. Пара шрамов огромные, грубо сросшиеся – они от таких ран, которые следует шить, а не заматывать тряпкой. Но шить на себе Гудрун ещё, вероятно, не научилась, а живёт она на ранчо и вправду совсем одна – вот и бьётся как рыба об лёд со своими профессиональными травмами.

¹ «Прекрасного дня».

Повседневное мужество у немцев в крови – наверное, это наследие ещё с кайзеровских времён, с прусской муштры. Юрген, мой давнишний немецкий знакомый, жильё которого внизу, во дворике, оно видно из окон кухни, однажды удачно купил приличную «бэху» из-под долго болевшего и наконец преставившегося старца, – тут Юргену пососедействовал знакомый нотариус. Машина была с иголки, но шесть или семь лет отстояла у старика в гараже без движения, да и вообще ей было лет под двадцать, но зато сущий смех на спидометре – дед на ней практически не ездил.

И вот началось: у «бэхи» от старости стало ломаться буквально всё. Апогеем для Юргена стала ржавчина в бензобаке, которая набивалась куда не надо и мешала моему приятелю проехать зараза больше трёх-пяти километров, после чего бензопровод надо было продуть специально возимым в машине для этого велосипедным насосом с трубочкой.

Эти сражения со старой калошей я наблюдал у себя из окон не менее полугода. Нетевтонец уже давно бы сдался и продал машину на лом мусульманским посредникам... – но не ариец Юрген. Впрочем, наше мутное время и тут вносит свои неудобоприятные коррективы: чувствительность Юргена, например, к комариным укусам переходит все грани мыслимого, – а ведь он отслужил по контракту долгие девять лет радистом на Балтике, и не на круизном лайнере, а на военном «морском охотнике» – совсем небольшом кораблике, которому в шторм в открытом море, конечно, здорово достаётся. «Они погубят меня...» – ноет Юрген, слоняясь внизу по двору, и назойливо демонстрирует каждому встречному свои комариные волдыри. Или его, например, бесит, когда я летом к шортам и сандалиям надеваю свои обычные чёрные хлопчатобумажные носки.

– У вас в России, что... – выпрыгивает из себя Юрген, – не знают коротких носков для открытой обуви?! Ведь это же дико!!!

«Совсем плохо дело...» – думаю я и сочувственно улыбаюсь: это и вправду непросто – объяснить наивному немцу понятие «похер»... «Тебе очень к лицу этот имидж бомжа», – заметила по поводу носков москвичка Люська, – но от её снобизма я, собственно, ничего другого и не ожидал.

А к бытовому мужеству нам и самим, в общем, не привыкать – на то у нас есть родная глубинка: Челябинск, Пермь... Тамбов, наконец. Да и от обеих столиц стоит отъехать едва ли полсотни вёрст, и глубинка уже начинается... Галюня, славная подруга, служила анестезиологом в питерской областной детской больнице, прямо напротив легендарных «Крестов», и какое-то время регулярно вылетала по «скорой», то есть на вертолёт, на тяжёлые случаи в область: то подростку оттяпало ногу на лесопилке, то младенцу откусил по плечо руку дворовый пес – ну и всё прочее, что ещё обычно происходит в деревне.

Домой Галя приезжала выжатая, а иногда даже звонила и просила жалобно забрать её из больницы, поскольку опасалась в транспорте просто сползти без сил на пол. Потом мы по-приятельски полночи пили, как с голодного края, в промежутках вступали в связь, а потом Галя сутки спала: дежурства у неё были раз через три, и сразу двадцать четыре часа, что, конечно, на пользу тяжёлым больным – динамику заболевания врач может наблюдать целые сутки, чем-то таким их по ходу дела подлечивать и потом передавать пациента сменщику уже почти здоровым.

Это, собственно, к теме «шить», если вышло непонятно. У Гали всех до одного шили, всем доливали крови из консервов – в общем, в питерской областной был порядок, не то что на ферме у местной Гудрун...

Последние пару месяцев перед моим отъездом к тевтонам мы с Галей жили вместе – я нанимал небольшую квартиру в конце Кировской ветки, и Галя отлёживалась там после своих «суток», встречая меня салатиками и дочиста вымытым телом.

– Ааалик... – ныла она, тащась позади меня, когда мы в утро её смены двигались гуськом сквозь тьму и пронизывающий морозный ветер по заметённой за ночь снегом тропке к стоящей на охраняемой стоянке машине. – Алик, подожди... я не успеваю...

– Не обязательно всем подходить к машине одновременно... – с утренним могильным юмором отвечал я, что и вправду имело некоторый смысл: за ночь то примерзали к проёмам двери, то от холода подсаживался аккумулятор и надо было ждать кого-нибудь из соседей-автовладельцев, чтоб перекинуть от него стартовый кабель – во всех этих случаях Галя была скорее обузой, чем подспорьем, она отчаянно мёрзла на ветру в своём модном пальтишке, стучала зубами и с запотевшими на морозе очками имела такой жалкий вид, что настроение портилось окончательно. Потом, в сорок с небольшим хвостиком, она умерла прямо на ночном дежурстве – брякнулась в коридоре на пол с обширным инфарктом, и её уже не спасли, несмотря на все их реанимационные навороты, эти брилляторы и дефибрилляторы. Вот что значит холестерин...

Маргарита Водько (11-й кл.)

«...НАМ ПРОСТО ДОСТАЛСЯ ДРУГОЙ ПУТЬ...»

Яркие лучи только что взошедшего солнца яркими полосками ложились на бетонную стелу, где большими буквами красовалась надпись «Донецк». Город потихоньку начинает просыпаться: громче щебет птиц, гул транспорта. На улицах куда больше людей, спешащих по своим делам. Как говорится, война войной, а жизнь берёт своё! Начинается обычный будничный день, но обычный только до поры до времени. Внезапно воздух разрывается от резкого звука: гремит взрыв – и люди падают на землю в надежде спастись, прикрывая голову руками. Минута-вторая, и кажется, будто время остановилось, но разрыв нового снаряда сотрясает только воцарившуюся тишину. Осколки разбитых окон, куски асфальта, снесённые осколками ветки деревьев укрыли улицу, а воздух заполнен удушливым запахом гари и крови. Медленно оседающее облако обнажает страшную картину: куски рекламных плакатов, кирпичей, осколков от разорвавшегося снаряда и стекающая по асфальту алая жидкость, наполняющая животным ужасом зевак и журналистов, приехавших рассказать о новых жертвах очередного обстрела. Над убитым, упав на колени, рыдает мать. Её колени изрезаны осколками стёкол, покрывающих всё вокруг. Крик матери, в котором звучит безысходность вперемешку с болью от потери, эхом отдаётся в сознании каждого свидетеля происходящего – это голос раненой души. Обняла сына так, что, кажется, нет такой силы, которая сможет оторвать её от этого родного, но уже бездыханного тела, а горячие слёзы продолжали литься из её глаз. Это слёзы, которые омывают улицы города Донецка каждый день.

К сожалению, именно так выглядят обычные будни в моём родном Донецке. Иногда я задумываюсь: какой была бы моя жизнь, если бы не началась война? Как сложились бы судьбы тех людей, чьи имена мы находим сейчас в списках погибших? А можно было бы избежать войны? Но всегда ловлю себя на мысли, что война всё равно бы настигла нас. Мир так сильно погряз в грехе, что только страх перед смертью может вернуть его обратно на путь истины. Злоба и ненависть, поселившиеся в людях, вылились в страшное, кровавое бедствие, которое, как цунами, требует каждый день новых жертв. Эта тёмная волна для нас не видна, но мы отчётливо каждый день наблюдаем её последствия.

Мой родной город, сильный и терпеливый, защищают от сил зла такие же, как и он сам, могучие, волевые люди. Все в Донецке знают своих героев и чтут память погибших. Своими делами, поступками и подвигами они достойны права навеки остаться в народной памяти! Это люди, отдавшие свои жизни за Родину, не жалели своих жизней, не знали боли и страха и имели характер крепче стали. Одной из таких ярких личностей и был Александр Владимирович Захарченко.

Ещё в мирное время, уже теперь в далёкие довоенные годы, молодой человек Александр Захарченко после окончания школы, как многие юноши, мечтал о новых свершениях, намечал цели и ставил перед собой задачи. Будущее гостеприимно распахивало двери. Но недаром Александр родился и вырос в шахтёрском крае – крае высоких терриконов и горящих сердец. Его выбор профессии был очевиден – он становится шахтёром. Для нашего края эта профессия всегда была почётной и уважаемой. Однако работа шахтёра сложная и опасная. Она только для смелых, трудолюбивых и физически выносливых мужчин. Спускаясь на глубину многих сотен метров, работая

иногда по три смены в суровых условиях, эти люди не ропшут – они просто делают свою работу. Именно она сформировала стальной характер Александра Владимировича.

Спустя годы, когда в беде оказался не только родной город Александра и его жители, но и весь Русский мир, этот человек не мог оставаться в стороне и быть простым наблюдателем, он с головой окунулся в круговорот событий и возглавил ополчение, выступив против государственного переворота на Украине.

На тот момент он ещё не имел опыта управления огромным количеством людей, но, безусловно, обладал харизмой и волевым характером. Недаром этот характер ковался в недрах земли. Люди Донецка, прочувствовав его внутреннюю силу, поверив ему, избрали Александра Захарченко первым Главой молодой Республики. Колоссальная ответственность, нечеловеческая нагрузка, круглосуточная работа, которая полностью поглотила Александра, казалось бы, не оставляла времени для сантиментов. Всё нужно было делать одновременно: вникать в тонкости государственного управления, военного дела, хозяйственные и юридические аспекты, участвовать в общественных мероприятиях. Однако, оставаясь в душе всё тем же простым парнем, он не любил публичных выступлений. Живое общение с жителями, боевыми товарищами и друзьями с глазу на глаз было для него всего дороже. Но когда он говорил – это было умно, проникновенно и мудро. Он был как наставник, как друг, брат и отец – всем сразу. Он всегда прямо отстаивал свою позицию, и эта позиция была эхом народных мыслей, народных надежд. Дипломатическому общению и уловкам этого человека никто не обучал, и поэтому, когда недалеко от донецкого аэропорта состоялась встреча представителей Донецкой Народной Республики, вооружённых сил Украины и ОБСЕ, на которой стороны попытались прийти к соглашению о прекращении огня, понимая, что результативный диалог с убийцами мирных граждан невозможен, Александр Захарченко, глядя в глаза украинскому офицеру, очень эмоционально и точно заявил: «Это моя земля! Мои люди! И я уничтожу любого, кто придёт с войной к моим людям!.. Моё предложение – сложите оружие и уйдите. Вы воюете не с теми...»

Боль и горе утраты каждой семьи, каждого жителя он переживал как личную утрату. Ему было дело до всего: начиная от боевой обстановки на линии соприкосновения, которую он ни на минуту не оставлял без своего внимания, и заканчивая ценами в магазинах и на рынках, наличием на их полках достаточного количества товаров, чистых и ухоженных дорог и даже маленьких улочек на окраинах посёлков родной Республики. «Живи свободным, поступай по совести, относись ко всему справедливо», – так говорил Александр Владимирович, так жил и так работал. Он действительно был для нас, жителей Донецка, родным человеком. Дети обращались к нему просто «дядя Саша», сослуживцы – «Батя», а прохожие здоровались с ним, как со своим старым и добрым знакомым.

Однако 31 августа 2018 года Александр Захарченко был убит в центре Донецка. Я помню этот роковой день, перевернувший очередную страницу в жизни Республики. Раздался оглушительный взрыв, звук которого сменила глубокая тишина. Через полчаса все новостные источники кричали о смерти первого Главы Донецкой Народной Республики. Это событие ошеломило всех. Мы потеряли не только прекрасного лидера и героя нашей Родины, но и светлого, искреннего человека, способного страдать, ошибаться, но верить в однажды выбранный путь.

Казалось, что попрощаться с Александром Владимировичем Захарченко и проводить его в последний путь собралось целое море людей. Жители Донбасса, сослуживцы и просто люди, которые его знали, приносили цветы к спонтанно образовавшемуся на месте трагедии памятнику. В нашей памяти навсегда остался добрый и открытый человек, настоящий герой Донецкой Народной Республики – Александр Захарченко, а в сердцах – просто Батя и дядя Саша. Его слова и сейчас продолжают звучать в наших душах: «...Нам просто достался другой путь. Он ведёт к исторической справедливости через войну».

И вот сейчас день за днём, час за часом мы продолжаем находиться в круговороте страшных событий: свист и грохот прилетающих снарядов, разрывающий изнутри неопишуемый страх... И люди, которые вновь, несмотря ни на что, продолжают жить, работать и надеяться, что наконец-то настанет мир, покой и радость на века. Я верю, что Донбасс, который знают как шахтерский край, а его столицу – Донецк – как город роз, вскоре возродится вновь. Из горя, слёз, пепла пожарами войны, разрушенных строений и судеб восстанут сияющие под солнечным светом купола церквей и храмов, а в душе людей воцарится мир и благоденствие.

Бережок

Лучшие работы участников Международного детско-юношеского литературного конкурса имени И. С. Шмелёва «Лето Господне»

Даниил Поничев (9-й кл.)

ОТЕЦ НИКОДИМ

*Нет больше той любви,
еще кто положит душу свою за други своя.*

Ин. 15:13

Луч солнца, только что коснувшийся стен монастыря, затронул пристройки, прошёлся по куполу собора, осенил лужайку напротив домика наместника и в конце концов был принесён к фасаду братского корпуса. Свет проник в зашторенную келью, где тот пронёсся по полу, столу и оказался на измятой подушке, лежащей на железной кровати. Из-под одеяла послышался звук, напоминающий скрип старой двери, то открывающейся, то закрывающейся гуляющим ветром. Нехотя, но понимая, что надо, медленно поднялся и сел на край своего ложа худощавый мужчина лет сорока, с завязанными в косу волосами, слегка приоткрытыми глазами и в длинной белой рубашке. Это был иеромонах Никодим. Встав и совершив крестное знамение, батюшка, слегка пошатываясь, подошёл к окну, распахнул шторы и, потягиваясь, взглянул на часы, висевшие на монастырской башенке рядом с надвратной церковью, прищурившись и разобрав на них ещё половину шестого, отец Никодим не торопясь умылся, прочитал утреннее правило, облачился в подрясник, рясу и мантию, надел наперстный крест и, зевая, пошёл вдоль длинного, покрытого красным узорчатым ковром коридора. Выйдя из братского корпуса, батюшка второпях нацепил себе на голову клобук и, завернувшись в мантию, зашагал по монастырской площади, слегка подтупив голову. Дойдя до храма, отец Никодим открыл тугую дубовую дверь, перекрестился и, незаметно проследовав до солеи, скрылся, закрыв за собой диаконские врата.

– С праздником, отец родной! – с радушием, любовью, точно готовясь обнять, улыбаясь, произнёс отец Иоанн, иеродиакон преклонных лет, встретивший отца Никодима, который только что вошёл в алтарь.

– И вас, – сильно вздохнув, подходя к престолу, проговорил иеромонах.

Диакон, будучи человеком общительным, не намеревался закончить диалог одним лишь приветствием, а как минимум ещё и побеседовать на весьма волнующие его темы: об атмосферном давлении, не дававшем покоя бедному отцу Иоанну уже неделю, об испачканной рясе, которую ему никак не могут отдать ризнице, о самой верхней ноте, которую диакон не может взять уже четвертую литургию на ектенью, о вредной бабушке-свечнице, на которую отец Иоанн постоянно сетует, и о многом другом.

Пока диакон в своём помышлении составлял список подходящей тематики для разговора, он и не заметил, как отец Никодим внезапно скрылся где-то в ризнице, соединённой с алтарём.

«Облачается, видимо», – подумал отец Иоанн и, вздохнув, пошёл закладывать Евангелие на Литургию.

Но диакон был не прав. Вернее, прав, но не совсем: отец Никодим действительно облачался, уже надев подрясник, епитрахиль и поручи, батюшка сидел на старой табуретке и... плакал. Маленькие слёзы текли по его бледным щекам, ручейком шли к подбородку и падали на колени, покрытые белой ризой, оставляя после себя большие тёмные пятна. Для батюшки день и вправду начинался непросто.

«Как страшно и неизведанно», – крутилось в голове у отца Никодима.

Предметом его страха стало распоряжение священноначалия о распределении его полковым священником в один из отрядов на Донбассе. Об этом пока знал только он и отец наместник, отдавший судьбоносный лист бумаги ещё прошлым вечером.

Всё-таки найдя в себе силы и закончив облачаться, батюшка пошёл служить Литургию. В этот день было всё для него по-особенному: хор пел какими-то новыми, чуждыми голосами, отец Иоанн чётко и ясно читал Евангелие и ектеньи, сами люди были в этот день необычными, в храме не было ни одного печального лица, все чуть ли не светились от счастья и радости присутствия именно на этой Литургии. Отец Никодим хотел было тоже улыбнуться, но не смог. Овладевший им страх не давал поддаться ни одной эмоции. Отслужив обедню, батюшка, уже разоблачившись, посмотрел с тоской на свою фелонь и так же незаметно, как и вошёл в Божий дом, стал удаляться. Единственное, что его радовало сегодня, это Причастие, которое он принял в себя в сей таинственный и непонятный день.

Только выйдя из храма, отец Никодим сразу направился в сторону настоятельского домика, где его уже дождался игумен обители – отец Филарет. Шагая по мостовой, батюшка, будучи человеком расчётливым, заранее подумывал о том, что может в его адрес сказать наместник: слова укрепления, пожелание ревностно исполнять свой пастырский долг, может быть, он процитирует для него слова какого-нибудь подвижника, что бы то ни было, отец Никодим не так сильно за это пережевывал, как за предстоящие события.

Когда батюшка вошёл в наместнические покои, перед ним сию же минуту предстала величественная фигура отца Филарета, которая представляла из себя длиннородого мужчину, одетого в узорчатую на вороте рясу синеватого оттенка, пятидесяти лет отроду, не слишком полного, но и не совсем стройного, с весьма отличительными чертами лица: большими, грустными глазами, частыми морщинами на лбу и слегка заострённым носом.

Отец Никодим подошёл к игумену и, поклонившись, встал перед ним, чтобы начать напутственную беседу. Но наместник смотрел ему в лицо и молчал, так же как и следовавший его примеру отец Никодим. В настоятельском доме воцарилась гробовая тишина, только стук маятника напольных часов был слышен в просторном зале. Наконец, прервав эти минуты безмолвия, отец Филарет отошёл в свой кабинет и, немного прошуршав бумагой и постучав дверями своих шкафчиков, вышел с коробкой, в которую был бережно положен образ преподобного Сергия Радонежского.

– Есть на Руси древняя традиция: благословлять на всякое благое дело. Пусть преподобный Сергей благословит тебя и поможет укрепить твой дух в этом непростом деле.

Отец Никодим был вне себя от радости и прилива каких-то удивительных сил, будто сам преподобный Сергей стоял рядом с ним и благословлял его в предстоящем служении.

Подарив икону, отец Филарет произнёс:

– Помни, «вера твоя спасёт тебя».

Преисполненный ещё большей радости, батюшка вышел из настоятельских покоев. Чувство обеспокоенности, страх сошли на нет. Но на фоне всего этого отец Никодим понимал, какая это большая ответственность быть полковым священником.

Пролетели два дня, и батюшка, попрощавшись с родной обителью, поехал на Донбасс.

Отцу Никодиму была предоставлена возможность ехать в одном поезде с отрядом, который ему и предстояло окормлять. Сидя в одном вагоне с уже почти своими духовными детьми и читая Блаженного Августина, батюшка начал присматриваться к солдатам. Сильные, смелые, не падающие духом молодые ребята весело общались, рассказывали анекдоты, спрашивали друг у друга, кто из какого региона, – будто совершенно забыли, что они уходят туда, откуда можно не вернуться. Некоторых, особо выделяющихся своими эмоциями или поведением, отец Никодим успел хорошо запомнить. Среди таких был высокий, спортивного телосложения, с татуированной шеей молодой солдат по имени Андрей. Неприличные шутки и бранная ругань уже характеризовали его как человека, с которым батюшке придётся хорошо поработать. Но в противовес такому «школьному хулигану» всегда найдётся смиренный, воспитанный, с хорошей речью интеллигент, каким был Серёжа. Серёжа представлял из себя среднего роста, с длинной шеей молодого человека, хорошо начитанного, тоже весёлого и, на удивление, православного.

Неприятный толчок и медленное снижение скорости поезда означали, что прибытие будет с минуты на минуту. Отец Никодим начал, по своему обыкновению, не торопясь, вставать, собираться

и проходить к выходу. В дверях его случайно встретили двое молодых ребят в военной форме, которые с ним поздоровались и даже взяли благословение. С ещё большим настроением и приподнятым моральным духом батюшка проследовал вдоль вагона.

Спускаясь на перрон, к отцу Никодиму была обращена весьма неожиданная речь, слыша которую и даже немного растерявшись, он чуть не поскользнулся на подоле собственной рясы:

– О, поп! Только приехал, а уже отпевать кого-то собрался!

Оглянувшись назад, батюшка увидел ехидно улыбающегося Андрея. С сильным чувством разочарования батюшка вздохнул, взял в правую руку измазанный в грязи подол рясы, вздохнул и прошептал:

– Началось...

Догнавшие его Серёжа и ещё человек пять солдат почти хором извинились перед отцом Никодимом за Андрея, пытались оправдать его, что только внешне он кажется таким неприветливым и грубым, на самом же деле Андрей никогда не оставит в беде. Предложив помощь и не дожидаясь ответа батюшки, солдаты забрали из его рук двадцатикилограммовый чемодан с утварью и облачением, огромную сумку с вещами и зашагали вдоль мокрой, разбитой танками дороги.

Первый день после приезда на передовую у батюшки выдался тяжёлый. Небольшой каменный домик, отведённый для военного храма, нужно было благоустроить. Вдобавок ко всему, отец Никодим должен был не забывать поддерживать ежедневное общение с вверенной ему паствой. Проводя каждый вечер беседы на темы мужества, самопожертвования, осознания чувства долга перед своей Родиной, батюшка сочетал это разговорами на темы библейских сюжетов, что, разумеется, давало повод подколоть отца Никодима Андрею. Иеромонаху ничего не оставалось, кроме как учиться смиряться. Долго терпел он насмешки Андрея, которым не было конца и края.

Вся последующая неделя проходила в подобном ритме: утром молитва и, если военное положение позволит, даже литургия, в течение дня исповеди, продолжительные личные беседы, а по вечерам совместные разговоры. Отец Никодим не раз думал пожаловаться командиру отряда на выходки надоедливого Андрея, но батюшка всё же старался смиряться, ведь это его какое-никакое духовное чадо, за которое он несёт ответственность.

Вот прошли две недели, отец Никодим уже привык к вечно пасмурному небу, постоянным звукам далёкой перестрелки, снарядам, разрывающимся где-то в лесной глуши, лицу Андрея, ехидно смотрящего на батюшку при любой встрече. Дни, проходящие в таком настроении, бежали очень быстро, отец Никодим был уверен, что такая уравновешенность будет постоянной, но он был не прав.

Где-то около пяти утра, когда отряду оставалось спать не более полутора часов, а батюшке и во все час, всех разбудил оглушительный взрыв такой силы, что окна в хибарке отца Никодима были выбиты, а со стен упали иконы.

«Вот она – война!» – закрутилось в голове у проснувшегося с испуга батюшки.

Встав на колени перед кроватью и помолившись, отец Никодим быстро надел форму, бронежилет, сверху епитрахиль и крест, схватил тревный чемоданчик и побежал на помощь своему войску. Только выйдя из своего домика, батюшка увидел свой отряд, идущий в сторону надвигающегося противника.

– Отец Никодим! Слава богу, нашёл вас, пол-отряда просят исповедаться. Враг опять наступление начал, тяжёлую технику повёл, – задыхаясь, проговорил лейтенант, догнавший батюшку.

Сильные порывы ветра шли навстречу отцу Никодиму, его мысли и чувства кипели, сердце рывалось от переживаний.

– Есть! Танк подбили! – послышалось в глубине леса.

Пробравшись через протоптанные чащи, батюшка пришёл к цели своего маршрута. Представшая перед ним страшная картина – пылающий вдали пожар, клубы дыма, поднимающиеся в вышину пасмурного неба, медленно надвигающаяся кучка людей и тонны огромной военной техники, пересекающие гектар степи, разделявший врага и своих, – наводила на отца Никодима небывалые ощущения самого настоящего ужаса, войны, которую он никогда не видел вживую. Вспомнив о благословении преподобного, отец Никодим побежал к своему отряду, где его встретил Серёжа:

– Быстрее! Быстрее, отец Никодим! Вас ждут!

Пройдя ещё вглубь леса, батюшка заметил прикрытые еловыми ветками несколько десятков оборонительной техники, рядом с которой стоял весь отряд. Отважно выполняя приказы и точно стреляя по противнику, каждый из солдат был сильным и мужественным.

Увидев отца Никодима, каждый, кто мог оставить на одну минуту с разрешения командира свой пост, подползал к батюшке и, упав в ноги, как умел, молился Богу, чтобы Тот его спас и сохранил. Прочитав разрешительную молитву над двумя десятками молодых бойцов, батюшка не покидал место сражения, непрестанно взывая к Богу. С крестом в руке отец Никодим сидел на коленях за кипящей военной работой и, как мог, укреплял их своей молитвой.

– Последний подбили! Последний есть! – раздался радостный голос командира, смотревшего в бинокль. Обрадованный батюшка поднялся с колен и уже хотел подойти к отряду, но вот она – смерть.

Последний снаряд отлетел от сразу взорвавшегося вражеского танка, перелетел через верхушки передних деревьев и упал в метре от отца Никодима. Закрутившийся и зашипевший, как кипящий чайник, снаряд будто был уготован именно батюшке. Смотря на то, как он летел к нему, отец Никодим видел перед собой все самые яркие моменты своей жизни: как пошёл в школу, как сдавал экзамены в семинарию, постриг, диаконская и священническая хиротонии. Самые страшные секунды жизни отца Никодима длились безумно долго.

– Отец! – вырвалось из толпы бойцов.

Батюшка увидел молодого солдата, кинувшегося на него и прикрывшего собой от разрывающегося снаряда. Последнее, что услышал отец Никодим, это жуткой силы взрыв и душераздирающий стон своего спасителя. Придя в себя, батюшка увидел над собой командира, солдат с бледными лицами и лежащее рядом с собой обезображенное тело в военной форме.

– Кто он? – испуская поток слёз, произнёс отец Никодим.

Отодвинув аккуратно положенный на лицо белый платок с красными пятнами, батюшка увидел лицо хорошо известного ему Андрея, которое сияло лучами благодати и надежды. Немного опустив взгляд, отец Никодим увидел на окровавленной, растерзанной груди своего спасителя маленький деревянный крестик на стёртой чёрной верёвочке, на оборотной стороне которого было написано: «Сим победиши»...

Прошло четыре месяца, отец Никодим вернулся в родной сердцу монастырь. Он и по сей день еженедельно ездит с благословения отца Филарета на кладбище за городом, где вместе с отцом Иоанном служит панихиду по усопшему рабу Божию Андрею и по всем убиенным воинам, павшим в бою за русский народ.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.